

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА БОРИСА АКУНИНА
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

СЕРГЕЙ
СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ

Андрей
Кожухов

Сергей Михайлович Степняк- Кравчинский

Андрей Кожухов

(Библиотека проекта Бориса Акунина
«История Российского государства»)

Библиотека проекта «История Российского государства» – это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники мировой литературы, в которых отражена биография нашей страны от самых ее истоков.

С.М. Степняк-Кравчинский (1851–1895) был одним из самых неоднозначных людей в русском революционном движении, в русской литературе, в общественном движении XIX века. Он первым перевел роман Р. Джованьоли «Спартак» на русский язык еще в 1881 году, послужил прообразом главного героя знаменитого романа Э. Войнич «Овод», стал героем романа Э. Золя «Жерминаль», был участником убийства в 1878 году генерала Н.В. Мезенцева – шефа Отдельного корпуса жандармов.

Действие романа «Андрей Кожухов» – самого значительного произведения писателя, воссоздавшего на основе собственного опыта правдивую картину революционной борьбы, – относится к тому переломному историческому моменту, когда народники, не найдя от-

клика своей пропаганде в крестьянстве, в поисках новых способов революционной деятельности вступили на путь политического террора.

Содержание

#1	0007
Предисловие автора	0008
Часть первая Энтузиасты	0013
Глава I Наконец!	0013
Глава II В уединении	0041
Глава III На границе	0062
Глава IV Новые впечатления	0085
Глава V Два друга	0112
Глава VI Смешанная компания	0127
Глава VII Первое отличие Тани	0157
Глава VIII Размышления Репина	0171
Глава IX Новообращенная	0186
Глава X Стихи Жоржа	0211
Часть вторая Под огнём	0225
Глава I Снова Давид	0225
Глава II Конспиративная квартира	0239
Глава III В ожидании	0266
Глава IV Новый план	0289
Глава V Схватка	0313
Глава VI Приключения Василия	0332
Глава VII Зина у себя дома	0356
Глава VIII Неожиданное осложнение	0374
Глава IX За общей работой	0397
Глава X Кризис	0404
Глава XI Передышка	0422

Часть третья Всё для дела	0440
Глава I Заика	0440
Глава II В храме Фемиды	0450
Глава III Борьба с препятствиями	0464
Глава IV Поучительное зрелище	0489
Глава V Прощальное письмо	0516
Глава VI Великое решение	0537
Глава VII У себя дома	0557
Глава VIII Два поколения	0582
Глава IX Сон Андрея	0597
Глава X Прощание	0610
Глава XI Последняя прогулка по городу	0621

**Сергей Михайлович Степняк-
Кравчинский
Андрей Кожухов**

© В. Akunin, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023
Серийное оформление – Андрей Фerez
Дизайн переплета – Константин Парсада-
НЯН

* * *

Предисловие автора

Выступить сначала политическим писателем, а потом романистом представляет известные неудобства, как я мог в этом убедиться по собственному опыту. Это всё равно, что явиться в двух разных ролях в одной и той же пьесе: зрителю весьма будет трудно отрешиться от впечатления, полученного от первой роли, в то время как он будет смотреть исполнение второй.

Я могу только поблагодарить своих критиков, которые отнесли к моему роману как к художественному произведению с такой сердечностью, с такими снисходительными порицаниями и щедрыми, великодушными похвалами. Но почти все эти критики упорно желали видеть в моем романе нечто вроде политического памфлета в повествовательной форме. Они усмотрели в этом романе выражение теоретической и практической программы русских революционеров и, естественно, упрекали его в том, что он является исключительно отрицательным в теории и узконасильственным в практическом отно-

шении.

Да будет мне дозволено сказать несколько пояснительных слов для будущих моих читателей. Если они не знают, что такое русские революционеры как политическая партия, не знают их весьма скромных, рассудительных и практических требований, причин, вызвавших их появление, и прочее, то сведений обо всем этом им придётся искать в другом месте. Здесь же они увидят революционеров только как людей, а не как политических деятелей.

Будучи свидетелем и участником движения, поразившего даже врагов своею безграничною способностью к самопожертвованию, я желал представить в романическом освещении сердечную и душевную сущность этих восторженных друзей человечества, у которых преданность своему делу достигла степени высокого религиозного экстаза, не будучи сама по себе религией.

Общий интерес, представляемый этого рода изучением, отдалил меня от политических целей: моею единственною задачей было — верно изобразить известный тип современных людей, повторяющийся в наш благород-

ный век повсюду в сотнях разнообразных форм.

Если я выбрал действующих лиц своего романа из числа людей, принадлежащих к крайней террористической фракции русских революционеров, и перенёс его действие в эту среду, то только потому, что этот приём казался мне наиболее отвечающим моему художественному замыслу. Ведь только в вихре этой ужасной борьбы действующие лица романа могли во всей полноте проявить свои наиболее характерные особенности. Но я настолько же был далёк от превознесения терроризма, как и от его порицания. Я только показал его или, лучше сказать, дал ему показаться – таким, каков он есть на самом деле, предоставляя читателю самому произнести свой приговор.

Было замечено, что движение представлено здесь в гораздо более узких рамках, чем те, в каких оно проявлялось на самом деле. В этом отчасти виноват я сам. Находясь во время своей работы в извинительном заблуждении относительно известности общих стремлений партии, успевшей уже в течение по-

следних пятнадцати лет в значительной степени обратить на себя внимание публики, я отошёл в сторону от центральных действующих лиц этой борьбы, картина жизни которых могла бы послужить до некоторой степени картиною жизни всех их партий. Эти лица интересны сами по себе, и я надеюсь представить когда-нибудь некоторых из них своим читателям. Теперь же для меня представлялось более соблазнительным обрисовать более характерные, хотя и менее блестящие типы рядовых деятелей, с которыми читатель встретится, если пожелает проследить судьбу моего скромного героя.

Таким образом, мне пришлось помириться с последствиями своего выбора. Романист только устами своих действующих лиц может повествовать о том, что они говорят и делают и что чувствуют. Но, оставаясь в пределах одного небольшого и отдельного пункта на поле сражения, нельзя дать картины всего хода сражения.

Впрочем, сузив таким образом рамки своей картины, я получил возможность рельефнее выставить человеческие элементы в жиз-

ни революционера. Я не жалею об этом неизбежном сокращении, так как благодаря ему читатель мог ближе познакомиться с выведенными мною немногими лицами и лучше понять их.

С. Степняк

Часть первая Энтузиасты

Глава I Наконец!

Елена наскоро закончила свой скромный обед в маленьком женевском ресторане – излюбленном сборном пункте русских эмигрантов – и отказалась от кофе. Она обычно позволяла себе эту роскошь с тех пор, как ей посчастливилось раздобыть урок русского языка, но сегодня она торопилась. У неё в кармане лежало давно ожидаемое письмо из России, только что переданное ей старым седым часовщиком, который получал на своё имя всю ее заграничную корреспонденцию, и она горела нетерпением передать драгоценное послание своему другу Андрею. Хотя оно и относилось непосредственно к нему, но, наверное, содержало известия общего характера.

Перекинувшись несколькими словами с одним из товарищей по изгнанию, девушка

прошла между рядами столиков, за которыми сидели рабочие в блузах, и вышла на улицу. Было только половина восьмого; она уверена была, что застанет Андрея дома; он жил поблизости, и через пять минут она была у его двери; ее красивое, несколько холодное лицо слегка покраснелось от быстрой ходьбы.

Андрей был один и читал какую-то статистическую книгу, делая из нее выписки для своей еженедельной статьи в русской провинциальной газете. Он повернул голову и поднялся, протягивая руку гостье.

– Вот вам письмо, – сказала Елена, здороваясь с ним.

– А! – воскликнул он. – Наконец-то!

Это был молодой человек лет двадцати шести или семи, с серьёзным, добрым лицом и правильными чертами. Лоб его носил отпечаток ранних забот и глаза имели задумчивое выражение, но это не нарушало впечатления решимости и спокойствия, производимого его сильною, хорошо сложенною фигурою.

Лёгкий румянец покрыл его лоб в то время, как пальцы его тонкой мускулистой руки с нервной торопливостью распечатывали

конверт. Он развернул большой лист бумаги, покрытый далеко отстоявшими друг от друга строками, написанными мелким неровным почерком. Елена выказывала не менее нетерпения, чем он сам; она подошла к нему и положила руку на плечо, чтобы тоже заглянуть в письмо.

– Сядьте лучше, Лена, – сказал молодой человек. – Вы заслоняете свет вашими локонами.

Бедно обставленная комнатка плохо освещалась небольшой лампой под зелёным абажуром. Только ножки нескольких простых стульев и нижняя часть комода из красного дерева были освещены надлежащим образом. Жёлтые обои с развешанными на них дешёвой олеографией швейцарского генерала Дюфура, стереотипным пейзажем, фотографией умершего мужа хозяйки и ее собственным школьным дипломом, под стеклом и в золотой рамке, – все это погружено было в полумрак, очень выгодный для картин, но лишавший возможности читать.

Андрей подвинул еще один стул к круглому обеденному столу, покрытому книгами и

газетами, и повернул лампу так, чтобы она освещала часть стола, служившую ему пюпитром. Елена села подле него и придвинулась так близко, что волосы их соприкасались, но оба они были слишком поглощены чтением, чтобы обращать на это внимание. С чисто женским проворством Елена быстро пробежала страницу и первая высказала свое мнение.

– В письме ничего нет! – сказала она. – Всё это вздор! Нечего даже терять время на чтение.

Этот странный совет не возбудил, однако, удивления со стороны Андрея, и он спокойно ответил:

– Обождите минутку. Я узнаю почерк Жоржа, а он обыкновенно вставляет кое-что интересное. Во всяком случае, прочесть недолго: «Дорогой Андрей Анемподистович, спешу известить вас...» гм... гм... «ввиду сильных морозов...» гм... гм... «овцы и телята...» гм... гм... – бормотал Андрей, быстро пробегая строчки глазами. – А вот тут что-то о домашних делах. Давайте прочтём... «Что касается домашних дел, – Андрей читал тоном канцелярского чи-

новника, делающего рапорт, – извещаю вас, что сестра Катя вышла замуж за... она его встретила прошлой осенью в... Муж оказался человеком без принципов и чувства чести... хуже того... Она в отчаянии... Я бы никогда не думал, что она... Отец крайне огорчён... Седые волосы... Мы надеемся только, что всеоблегчающее время, утешитель страждущих...»

Патетическое излияние было прервано весёлым смехом Елены, или Лены, как ее называл ее друг.

– Сейчас видно, – сказала она, – что поэт писал.

Ничуть не обиженный такой неуместной весёлостью, Андрей продолжал читать, быстро бормоча сквозь зубы конец письма.

– Да, вы были правы, не стоило читать, – сказал он наконец, не обнаруживая, однако, никакой досады. Затем он обернулся, как бы ища чего-то.

– Вот, – сказала она, взявши с камина маленькую черную склянку, стоявшую рядом со спиртовой машинкой, на которой он готовил свой утренний чай.

Он тщательно расправил письмо и, обмак-

нув в склянку переданную ему Леной кисточку, несколько раз провёл по лежавшей перед ним странице.

Черные строчки, написанные обыкновенными чернилами, быстро исчезли, как бы растворившись в едкой жидкости; на мгновение бумага осталась совершенно белой. Потом на ней что-то ожило и задвигалось; из сокровенных ее недр появились как бы выброшенные из глубины, спеша и толпясь, одна за другой буквы, слова, фразы – здесь, там, повсюду. Это была беспорядочная ватага, напоминая разбуженных утренним сигналом солдат, когда они спешат оставить палатки и занять место в строю.

Наконец движение прекратилось; буквы остановились на своих местах; кое-где еще какое-нибудь запоздавшее слово или буква старались порвать застилавший их тонкий покров и незаметно проскальзывали на свои места, рядом с другими, более проворными товарищами; но в верхней части страницы все пришло в порядок. Вместо прежних фиктивных слов стояли густые строчки, написанные мелким почерком и готовые открыть на-

конец верно сохранённую тайну Андрею и Лене. Оба наклонились над столом, взволнованные долгим ожиданием.

– Я буду читать вам! – воскликнула Лена. И прежде, чем Андрей успел возразить или как-нибудь иначе защитить свою собственность, нетерпеливая девушка вырвала письмо и начала: – «Дорогой брат! Наши друзья поручили мне ответить на твое письмо и сказать, что мы всей душой сочувствуем плану твоего возвращения в Россию. Мы чувствовали потребность в твоём присутствии среди нас гораздо чаще, чем ты думаешь, но не решались вызывать, зная слишком хорошо, с какими это связано опасностями для тебя. Мы решили позвать тебя только в случае крайней необходимости – и вот теперь этот момент наступил. Ты знаешь, конечно, по газетам о наших недавних победах, но ты, вероятно, не знаешь, какой дорогой ценой они нам достались. Наша организация понесла тяжёлые потери; несколько наших лучших товарищей погибло; жандармы полагают, что они окончательно нас раздавили, но мы, конечно, выпутаемся. Теперь есть более, чем когда-либо, желаю-

щих присоединиться к нам, но все это народ неопытный. Мы не можем более обойтись без тебя. Приезжай, мы все тебя ждём – старые друзья, которые никогда тебя не забывали, и новые, не менее нас желающие приветствовать тебя. Приезжай как можно скорее!»

Лена остановилась. Она глубоко радовалась за Андрея, с которым была в большой дружбе. Поднявши голову, она взглянула на него глазами, полными симпатии, но увидела только его коротко остриженные черные волосы, жёсткие, как лошадиная грива. Он отодвинул свой стул и, перегнувшись через спинку, опёрся подбородком на руку и казался всецело поглощённым созерцанием неровностей елового пола. Лене некогда было задаваться вопросом: избегает ли он ее взгляда или просто боится света лампы; она продолжала читать дальше.

В письме говорилось довольно пространно о разных отвлечённых вопросах; в нём сообщалось о значительных переменах в практической программе и в ближайших целях партии.

«Всё это, – заключал автор письма, – может

быть, удивит и возмутит тебя в первую минуту, но я не сомневаюсь, что очень скоро ты, как практик, согласишься с нами...»

Тут Лене пришлось перевернуть страницу, и ее сразу остановила бессмысленная болтовня фиктивного письма; она на минуту забыла, что его нужно смыть для того, чтобы обнаружился настоящий текст. Первые слова, которые она нечаянно прочла, произвели на нее впечатление фарса, врывающегося в серьёзную драму.

Она взяла склянку и провела по остальным страницам; в несколько секунд они тоже преобразились наподобие первой, но вид их был несколько иной. Обыкновенное письмо прерывалось кое-где длинными зашифрованными местами, содержащими, очевидно, особенно важные известия. Шифр служил гарантией на тот случай, если полиция обнаружит особую подозрительность и, не довольствуясь чтением письма, употребит химические средства для исследования скрытого содержания.

Сначала зашифрованные места попадались только изредка, и группы сплочённых цифр

поднимались над ровными строками обычного писания, подобно кустарникам среди ровного поля; но мало-помалу эти кучки цифр густели всё более и более, пока, наконец, посередине третьей страницы они не превратились в целый лес, как в таблицах логарифмов, безо всяких знаков препинания.

– Вот вам, Андрей, приятное времяпрепровождение! – сказала Лена, указывая на количество шифра. – Я уверена, что Жорж нарочно для вас постарался!

– Хороша услуга, нечего сказать! – ответил молодой человек.

Он терпеть не мог заниматься разбором шифрованных писем и часто говорил, что это для него своего рода телесное наказание.

– Знаете, – продолжал он, – ведь нам придётся поработать часов шесть над этой прелестью.

– Вовсе уже не так много, лентяй вы этакий! Вдвоём мы соорудим это гораздо скорее.

– Я отвык от этой работы. Напишите мне, пожалуйста, ключ, чтобы освежить память.

Она сейчас же исполнила его просьбу, и, вооружившись каждый листом бумаги, они

терпеливо уселись за работу. Это была нелёгкая задача. Жорж пользовался двойным шифром, употреблявшимся организацией; первоначальные цифры письма нужно было при помощи ключа превратить в новый ряд цифр, а те, в свою очередь, превращались через посредство другого ключа уже прямо в слова. Это давало возможность употреблять много различных знаков для обозначения каждой отдельной буквы азбуки и делало шифр недоступным для самых проникательных полицейских экспертов. Но если в зашифрованном письме попадалась какая-нибудь ошибка, оно оставалось иногда загадкой даже для того, кому было адресовано.

Жорж, как подобает поэту, далеко не был образцом аккуратности и по временам доводил своих друзей до отчаяния; не было никакой возможности найти в иных частях письма что-либо, кроме нечленораздельных звуков, лишённых всякого намёка на человеческую речь. И, как нарочно, подобные трудности постоянно попадались, по-видимому, на самых интересных и важных местах. Если Жорж, работавший в эту минуту на далёкой

родине, не почувствовал сильного припадка икоты, то это было никак не по вине его друзей, не перестававших бранить его.

Без помощи Лены Андрей не раз пришёл бы в отчаяние. Но у девушки был большой навык в разборе шифров, и она имела талант угадывать недостающее. Когда Андрей терял терпение и предлагал отказаться от прочтения того или другого места, она брала оба листа в руки и по какому-то особенному вдохновению догадывалась, в чем состояла ошибка Жоржа. Более двух часов употребили они на чтение отдельных шифрованных мест. В них заключались подробности поездки Андрея в Россию, давались имена и адреса людей, к которым он должен был обратиться на границе и потом в Петербурге.

Андрей тщательно переписал все адреса на маленькую бумажку и положил ее в кошелек, с тем чтобы выучить на память до отъезда. Теперь им оставалось разобрать только один кусок письма, состоявший из сплошного шифра; тут речь шла, очевидно, о чем-то другом – вероятно, очень опасном и компрометирующем, так как Жорж не поленился зашиф-

ровать каждое слово.

Какую же роковую тайну скрывал этот непроницаемый лес цифр? Андрей вглядывался в знаки, пытаясь угадать их значение, но лес ревниво оберегал тайну, дразня немой монотонностью своих рядов, при всем капризном разнообразии цифр.

Отдохнувши несколько минут, они сели за работу, с удвоенной энергией разбирая одно за другим зашифрованные слова. Андрей выписывал букву за буквой добытые результаты; когда у него оказывалось достаточно слов для целой фразы, он прочитывал ее Лене. Но первые же разобранные слова так взволновали его, что он не был в состоянии ждать окончания фразы.

– Что-то случилось с Борисом, я в этом уверен! – воскликнул он. – Посмотрите сюда!

Лена быстро взглянула на лист, лежавший перед Андреем, и потом на свой собственный. Нечего было сомневаться: дело касалось Бориса, одного из самых способных и влиятельных членов их партии, и начало фразы не обещало ничего хорошего – оно было даже хуже, чем предполагал Андрей. Лена догадалась

о значении двух следующих букв, но не высказала своего предположения вслух и продолжала диктовать:

– Пять, три...

– Семь, девять... – вторил Андрей, ища в ключе соответствующей буквы.

– Скорее! – нетерпеливо сказала Лена. – Вы разве не видите, что это «а»?

Андрей записал злое «а».

Следующая буква оказалась «р», что было еще хуже...

Последовали третья, четвертая, пятая буквы, и последние сомнения исчезли. Не обмениваясь ни словом больше, они продолжали расшифровывать с лихорадочной торопливостью, и через несколько минут перед ними черным по белому возникла фраза: «Борис недавно арестован в Дубравнике».

Они взглянули друг на друга, совершенно растерянные. Аресты, подобно смерти, кажутся всегда нелепыми, невероятными, даже когда их можно было предвидеть.

– В Дубравнике! На кой черт ему вздумалось ехать в этот проклятый Дубравник?

– Посмотрим, что будет дальше, – сказала

Лена, – может быть, узнаем. Вероятно, есть какие-нибудь подробности об аресте.

Они опять принялись за свою томительно-медленную работу, разобрав минут в десять, которые показались им часом, следующую пару строчек. В них сообщалось, что Борис и еще двое из его товарищей были арестованы после отчаянного сопротивления. Этого краткого извещения было достаточно, чтобы увидеть всю безнадежность положения Бориса. Он – обречённый человек, какова бы ни была его роль в этой стычке. По новому закону всякое участие в подобных делах наказывалось смертью. Борис же не принадлежал к людям, способным стоять сложа руки, когда другие сражаются.

– Бедная Зина! – вздохнули оба.

Зина была жена Бориса.

После короткой паузы Лена опять взялась за ряд цифр, который скоро превратился в имя женщины, вызвавшей у них сочувственный вздох.

– Зина, Зина! Неужели?! – воскликнул Андрей.

Первой его мыслью было, что она тоже

арестована.

Через пять минут томительной неизвестности оказалось, что он ошибся.

«Зина, – говорилось дальше в письме, – поехала в Дубравник зондировать[1] почву и посмотреть, нельзя ли устроить побег Бориса».

– А, вот они что замышляют! Я так рад! – сказал Андрей. – Тем скорее надо мне ехать.

За сообщением об участии Бориса следовал список других жертв, попавшихся в руки полиции; говорилось также о предстоящих процессах и о том, что предвидятся суровые приговоры, судя по тайным сведениям, полученным от официальных лиц.

Грустные известия о заключённых товарищах передавались кратко, деловым тоном, как составляются репортажи об убитых и раненых после сражения.

Трагизм подпольной борьбы просачивался капля по капле. Не было возможности проглотить сразу горькую чашу; каждая особенно печальная весть вызывала у читающих невольные восклицания, но они спешили дальше, сдерживая чувства.

Чтение шло теперь гораздо быстрее. Шифр

Жоржа становился правильнее, разбирать его сделалось легче.

После печального перечня потерь и жертв перешли к более приятной теме; в кратких словах, но со свойственным ему энтузиазмом Жорж рассказывал о быстрых успехах движения вообще, указывая на широкое брожение умов, развивавшееся решительно всюду. Его слова действовали, как звук трубы, призывающей к новой битве от покрытого трупами поля сражения, или как вид залитого солнцем пейзажа по выходе из катакомб. Жизнь со всеми ее бурными волнениями эгоистично вступила в свои права, и, несмотря на тяжёлое впечатление от письма, они окончили чтение его бодрее, чем можно было ожидать.

– Да, я уверена, что скоро заварится каша! – воскликнула радостно Лена, хотя она была правоверной народницей и всё, на что намекал Жорж, шло вразрез с ее программой.

Она встала и принялась ходить взад и вперёд по комнате, чтобы расправить онемевшие члены. Затем взяла письмо, осторожно посушила его над лампой и зажгла спичку с очевидным намерением сжечь его.

– Подождите, – остановил ее Андрей быстрым движением.

– Почему? Разве вы не списали адресов?

– Списал, но мне хотелось бы сохранить письмо еще на время.

– Зачем? Чтобы оно попало в чужие руки? – резко ответила девушка.

Андрей возразил, что такого рода предосторожности излишни в Швейцарии, но Лене трудно было убедить. Как большая часть женщин, принимающих участие в конспирациях, она строго исполняла все правила.

– Но, быть может, вы согласитесь на компромисс, – сказала она смягчаясь.

Оторвав первую половину письма, касавшуюся Андрея, она тщательно зачеркнула в ней несколько зашифрованных мест.

– Ведь вы хотите эту часть, не правда ли? – спросила она.

– Хорошо, я согласен на сделку. Эта часть письма мне действительно всего интереснее, и я жертвую остальным, – сказал Андрей, в то время как Лена стала на колени перед каминном и принялась сжигать оставшиеся страницы письма и бумагу, на которой они разбира-

ли шифр. Успокоивши свою совесть, она села на прежнее место.

– Итак, вы уезжаете, Андрей! – задумчиво проговорила она.

Чувствовалась какая-то необычная теплота в звуке ее голоса и во взгляде ее честных и смелых голубых глаз, обращённых на товарища. Остающиеся не могут смотреть без волнения на человека, покидающего безопасное убежище, чтобы снова riskовать жизнью в стране царского произвола.

– Вы скоро едете? – спросила она.

– Да, – ответил Андрей. – Деньги и паспорт будут здесь, надеюсь, дня через три-четыре. Я успею собраться. Хотел бы я знать, открыто ли его имя? – прибавил он внезапно.

– Чьё имя? – спросила девушка, поднимая глаза.

– Как «чьё»? Бориса.

Тяжёлая утрата не переставала мучить Андрея, несмотря на его внешнее спокойствие и бодрость.

– Не думаю, чтобы они могли так скоро узнать, – ответила она. – Борис никогда прежде не бывал в Дубравнике. К тому же

Жорж упомянул бы о таком важном обстоятельстве.

– Дай бог, чтобы было бы по-вашему, – сказал Андрей. – Это бы значительно облегчило побег. Во всяком случае, я скоро узнаю обо всем.

Они стали говорить о делах. Лена, очевидно, была опытна в деле контрабандной переправы через русскую границу. Она дала несколько очень полезных советов Андрею, хотя тот и был старше ее на несколько лет.

– Когда вы попадёте в водоворот, не забывайте нас, – сказала она со вздохом. – Пишите иногда мне или Василию. Я тоже хочу вернуться. Устройте это, если возможно.

– С удовольствием. Да, кстати, где же это Василий? Почему вы не привели его с собой?

– Его не было в ресторане. Я послала ему записку, прося, зайти сюда. Вероятно, его не было дома. Он, наверное, в опере; сегодня дают «Роберта»[2], иначе он был бы давно здесь.

Лена опустила руку в карман и вынула старомодные тяжеловесные золотые часы. Она их очень любила, как подарок отца, генерала николаевских времён; часы были с ней

в Сибири, и она привезла их с собой в изгнание. Для измерения времени они служили лишь изредка, а гораздо чаще спокойно лежали у закладчиков, когда ей или ее товарищам нужны были деньги. Все они были так близки друг с другом, что понятие частной собственности само собою исчезало между ними. Тот факт, что часы находились в руках их законной владелицы, указывал на сравнительное процветание маленькой эмигрантской группы в настоящую минуту.

– Однако как поздно, – сказала Лена. – Уже первый час, надо торопиться домой, чтобы завтра успеть на урок.

– Мне тоже нужно рано встать, чтобы засесть за литературу, – сказал Андрей.

– Кстати, – заметила Лена, – вы должны передать кому-нибудь из наших свою работу, когда уедете.

– Непременно. Она как нельзя лучше подойдет Василию. С его скромными привычками он отлично проживёт на восемьдесят франков в месяц.

– Конечно, проживёт, – подхватила Лена с видимой досадой.

– Хватит даже на то, чтобы водить вас в концерты и оперу.

Лена покраснела, хотя давно должна была привыкнуть к подобного рода шуткам. Андрей вечно дразнил ее этим поклонником; но она легко краснела, как все блондинки.

– Василий, во всяком случае, человек с твёрдыми принципами, а не сибарит[3], как вы, – сказала она с улыбкой. – Но теперь прощайте, мне некогда ссориться с вами.

Он взял лампу, чтобы осветить ей на лестнице, и подождал у дверей, пока она перешла через улицу к своему дому. Потом он медленно воротился в свою одинокую комнату.

Спасённая страница письма соблазнительно лежала на столе. Лена угадала правду: прося у нее письмо, он хотел наедине насладиться дружескими словами своих далёких товарищей; но, догадавшись о его намерении, Лена испортила ему все удовольствие. Он положил письмо в карман, чтобы прочесть его на следующий день; теперь же решил пойти спать и отворил дверь алькова в глубине своей узкой и низенькой комнаты, которая бла-

годаря этому увеличению приняла вид пустой коробки из-под сигар или гроба.

Приготовив постель, он, однако, почувствовал, что напрасно трудился, так как был слишком взволнован, чтобы заснуть.

Три длинных, длинных года прошли с тех пор, как Андрей Кожухов, замешанный в первых попытках пропаганды среди крестьян, а потом и в дальнейшей борьбе, вынужден был, по настоянию друзей, поехать «проветриться». С тех пор он скитался по разным странам, тщетно ища работы для своего беспокойного ума. Еще в конце первого года добровольной ссылки им овладела такая тоска по родине, что он стал просить товарищей, центр которых был тогда в Петербурге, чтобы они позволили ему вернуться и занять место в их рядах. Ему отказали наотрез. Был момент затишья; полиции не за кем было охотиться; а так как она еще отлично помнила имя Кожухова, то его появление могло поднять всю шайку на ноги. Стеснённый во всех своих движениях, он был бы только в тягость товарищам, так как им пришлось бы заботиться о его безопасности. Он должен был понимать

это сам. Если его возвращение станет нужным, они сообщат ему. А пока ему следует сидеть смиренно и заняться революционной литературой или принять участие в заграничном социалистическом движении.

Андрей попробовал и то и другое, но успех не соответствовал усердию. Он пытался писать для нескольких русских изданий, печатавшихся за границей. Но природа лишила его всякого литературного таланта.

Он чувствовал в себе пламенную душу, полную энтузиазма, и далеко не был равнодушен к красоте и поэзии. Но настоящие слова для выражения чувств ему не давались, и то, что глубоко волновало его сердце, выходило на бумаге бесцветно и безлично. Статьи, которые он изредка писал в разные газеты, были бесполезны – и только. Еще меньшим успехом увенчались другие его попытки найти себе дело за границей. Через несколько месяцев язык не представлял уже для него никаких препятствий для сближения с иностранными социалистами, но служить двум господам сразу он не мог.

Вся его душа переполнена была русскими

заботами, русскими надеждами, русскими воспоминаниями. Он чувствовал себя случайным гостем на швейцарских митингах, и тоска по родине все сильнее и сильнее охватывала его. Он собирался снова писать друзьям, когда получилась живая весть от них в лице Елены Зубовой, помогавшей ему сегодня одолеть письмо. Только что убежавши из Сибири, она явилась в Петербург и предложила свои услуги организации; но ей посоветовали уехать на время за границу. Вместе с множеством поклонов она передала Андрею совет друзей сидеть смиренно и быть благоразумным. В данную минуту в них обоих не нуждались в России: приезд Лены служил тому наглядным доказательством.

Андрею оставалось только покориться. Время притупило острую тоску первой разлуки с родиной. Он понемногу свыкся с мелкими заботами и огорчениями эмигрантской жизни и стал ценить глубокое наслаждение беспрепятственного доступа ко всем сокровищам европейской мысли. Таким образом он провёл три года спокойного, безмятежного существования, оживляемого только лихора-

дочным ожиданием известий из России.

Ожидания его не были напрасны. После короткого перерыва слабо тлевшее революционное движение разгорелось с удвоенной силой. Андрей обрадовался новому предлогу для возвращения и написал друзьям с энергией и красноречием, так редко встречавшимися, к сожалению, в его более обработанных литературных произведениях. Теперь не было больше причин для отсрочки, и действительно, через несколько недель он получил ответ в письме Жоржа.

– Наконец-то! – повторял он, медленно меля шагами свою комнату и обдумывая предстоящую поездку.

В его голосе слышалась не радость, а странное спокойствие с оттенком меланхолии. Арест Бориса? Да, но это не всё. Мысль о возвращении на родину потеряла долю своей прелести. Его самого удивляло и даже огорчало это спокойное настроение; судя по своему былому страстному томлению по родине, он заранее предвкушал тот восторг, которым наполнит его душу призыв друзей.

Теперь, когда наконец желание его испол-

нилось, ему все показалось так просто и естественно, что он почти забыл о тысячах вёрст и многих опасностях, еще стоявших между ним и его целью. Однообразные впечатления эмигрантской жизни исчезли, он мысленно был опять в Петербурге, среди знакомой обстановки, как будто он только вчера с нею расстался. Он принялся хладнокровно обдумывать важные вопросы, содержащиеся в письме Жоржа, и рассердился на друга за предположение, что так легко переубедить его. Нет, до этого еще далеко! Он вполне одобрял последние террористические акты, но не соглашался с их объяснением. Стремление организации сосредоточить всю власть в руках исполнительного комитета ему очень не нравилось. Он решил прежде всего растолковать Жоржу всю опасность такой системы. Его мысль оживилась, он постепенно разгорячился под влиянием своего воображаемого спора и стал быстрее шагать по комнате.

Громкий стук внезапно прервал его монолог и вернул к сознанию действительности. Стучал нижний жилец, потерявший всякое терпение от бешеного шагания Андрея. С по-

мощью метлы он телеграфировал о своем неудовольствии беспокойному соседу верхнего этажа.

– А-а, – проговорил Андрей, – это господин Корнишон. Бедняге хочется спать, и ему нет решительно никакого дела до судеб русской революции!

Чтобы показать, что он извиняется, Андрей моментально остановился и не двигался с места, пока стук не прекратился. Спать ему не хотелось, и так как он знал, что не сможет усидеть смирно на одном месте, то решился воспользоваться прелестной весенней ночью и пойти прогуляться. Он затушил лампу, запер дверь и, по обыкновению, положил ключ под коврик перед дверью.

Глава II

В уединении

Хорошо зная дом, Андрей ощупью спустился по темной лестнице и вышел на свежий воздух. Ночь была ясная и тихая, полный месяц светил с небесного свода. Андрей направился вниз по своей узенькой улице и, повернувши налево, прошёл через маленький сквер, где возвышалось несколько гигантских вязов; предание гласит, что под ними любил отдыхать Жан-Жак Руссо[4]. Продолжая идти по тому же направлению, Андрей через несколько минут очутился на открытой площади против Ботанического сада, решётка которого чуть поблёскивала своими золочёными остриями на тёмном фоне экзотических растений. Мягкий ветерок навевал прохладу. Жадно вдыхая бодрящий ночной аромат, он чувствовал себя совершенно обновлённым. Им овладело особое чувство радости: он радовался окружающей природе, своему спокойствию духа, своему физическому здоровью и силе, придававшей особую эластичность его

членам. Ему хотелось двигаться, идти куда-нибудь... но куда?

Спящий город с его рядами доходных дворцов – роскошных отелей – тянулся по берегу Роны, налево от Андрея. Он любил этот мощный поток с его голубовато-зелёными или черными, как вороново крыло, пенящимися волнами, быстро несущимися между каменистых берегов. В жаркие солнечные дни он часами стоял, наблюдая волшебную игру света на подвижной мозаике речного дна, просвечивающего сквозь тёмные пучки водорослей.

Но чтобы попасть туда, нужно было пройти мимо всех этих дворцов – этих приютов прозаичной корыстолюбивой мелкоты, уснувшей после дневной сутолоки. В такую ночь они были ему невыносимы, и он направился в противоположную сторону, вдоль озера. Это любимое место прогулок женеvцев с их семьями было теперь совершенно пустынно. Ничьи шаги, ничей докучливый шум не нарушали величественного покоя ночи. Озеро было тихо, ровный ритмический плеск его волн убаюкивал Андрея, не прогоняя светлых видений, теснившихся в его взволнован-

НОМ МОЗГУ.

Открылась новая страница его жизни. Через несколько дней он будет за тысячи вёрст отсюда, на родине, в совершенно ином мире, среди совершенно иной обстановки. Сколько перемен с тех пор, как он оставил Петербург! Не более полдюжины его старых товарищей остались в организации. Только двое из них находились теперь в столице. Все остальные были новые люди, завербованные в его отсутствие.

Поладит ли он с ними, смогут ли они работать сообща без частых столкновений? Не беда! Он сильно верил в свое умение приспособляться к практическим условиям. В прежнее время он особенно любил попадать в совершенно незнакомые места, где все и всё было для него ново. Он чувствовал возрождение прежней страсти к борьбе и опасности и хладнокровную отвагу, свойственную тем, кого поражение делает еще непреклоннее и настойчивее.

Презрительная улыбка показалась у него на губах при мысли о полицейском хвостовстве, упомянутом в письме Жоржа. Глупцы!

Они думают, что всё идёт к концу, между тем как теперь только начинается настоящее дело! Он знал, по репутации, самых выдающихся из новых членов; с некоторыми из них он встречался еще на собраниях тайных студенческих обществ; с тех пор они сделались, вероятно, совсем молодцами. Какое счастье, что судьба соединила его с такими людьми! В последнее время Андрей мучился мыслью, что долгое пребывание за границей, может быть, порвало крепкие узы, связывавшие его с близкими людьми на родине. Теперь он чувствовал, что эти братские узы так же прочны, как и прежде. Глубокая симпатия, сказавшаяся в письме друзей, нашла горячий отклик в его сердце. Как можно было опасаться столкновений или недоразумений с людьми, которые так заботились о том, чтобы сберечь человека, лично совершенно чужого для большинства из них, между тем как сами они были под огнём?

Он ни на минуту не допускал мысли, что заслуживает таких забот. Хотя он едва достиг зрелости, но раннее вступление в жизнь и интенсивность пережитых ощущений дали

ему опытность человека, на десять лет старше его.

В двадцать семь лет он был положительным человеком, давно уже пережившим всякие иллюзии. Заботливость друзей не пробудила в нем тщеславия. Они в своём великодушии просто не ценили сами своих даров. Он принял их как хорошее предзнаменование, с благодарностью и с чистою, светлою радостью. Вот скала, на которой зиждется их церковь, и врата адавы не одолеют ее!

Он замедлил шаги и лишь только теперь заметил, что очутился далеко за городом. Луна садилась и смотрела ему прямо в лицо; дорога повернула вправо, постепенно поднимаясь в гору. Он заметил узкий проход между двумя каменными стенами, которыми в Швейцарии огораживают фруктовые сады и виноградники. Путь этот вёл, вероятно, в какое-нибудь пустынное место, так как вымощенная камнями дорога успела порости травой.

Андрей вошёл в этот тенистый проход и стал подниматься вверх; подъем становился все круче, по мере того как он шёл вперёд;

крыша какой-то постройки неожиданно покрыла дорогу своей тенью. Он поднял глаза и увидел волнистую черную линию черепиц, выделявшуюся на синеве неба. Стены ветхой постройки были испещрены узкими перекрёстками-прощелинами; это был, очевидно, хлев. Корова, занятая своей жвачкой, замычала, почуяв приближение чужого человека, но, когда он прошёл мимо, успокоилась и принялась за прежнее занятие. Немного дальше потянулись виноградники со своими толстыми лозами, свешенными со стен, а затем через сотню шагов дорога свернула, извиваясь широкой полосой между двумя длинными стенами, придававшими ей вид сухого акведука. Узкая каменная лестница, поднимавшаяся на холм, выделилась тенями своих зигзагов. Когда Андрей взобрался по ее ступенькам наверх, он увидел перед собой открытое пространство, заросшее орешником. Тропинка, соединявшая, вероятно, нижнюю дорогу с другою, шедшею выше, блестела, как струя воды на освещённом луной изумрудном лугу.

Андрей пустился по ней; его привлекала ивовая роща на вершине холма. Но вскоре до-

рожка исчезла в мягкой траве, застилавшей всё кругом. Всмотревшись пристально, Андрей заметил на некотором расстоянии другую дорогу, поднимавшуюся на небольшой зелёный холмик направо. Он взобрался на него и был очень поражён, очутившись около самой обыкновенной садовой скамьи с удобной спинкой; неприятно напоминала она о вторжении человека в этот чудный пустынный уголок. Скамейки нельзя было заметить издали: длинные ветви плакучей ивы, под которой она стояла, окутывали ее своей тенью.

Отодвинув гибкие ветви, Андрей проник под манящий зелёный свод и уселся. Подняв голову и взглянув перед собою, он вскочил с криком восторга и удивления. Перед его глазами расстилалось только одно озеро; но с этого места и именно в эту минуту оно приняло такой фантастический вид, что он едва узнал его. Он стоял на террасе в нескольких шагах от края обрыва, скрывавшего все пространство, отделявшее его от воды. Белое, широко раскинувшееся озеро было прямо под ногами, как будто бы волшебная сила подняла почву, на которой он стоял, – деревья, ска-

мью, все вокруг – и держала их в воздухе над громадным протяжением сверкающей воды, блестящей слишком ярко для обыкновенной воды. Целое море расплавленного серебра тянулось направо и налево, так далеко, как только глаз мог уследить, и все пространство наполнено было потоком света, отражённым гладкой поверхностью. Андрей подошёл ближе к краю площадки, чтобы лучше оглядеться вокруг, но иллюзия сразу исчезла. Верхушки домов и деревьев у его ног выступили из темноты, густые и мрачные, оттеняя сверкающий блеск воды. Далёкая набережная с маленькими скамейками и аккуратно подстриженными платанами; белые пристани, врезавшиеся в озеро, как лапы какого-то странного морского чудовища; освещённые газом мост и город; низкий швейцарский берег, исчезавший в туманной синеве, где берег и небо соединялись в одно целое; и сторожевые огни на горах, принимавшие вид неподвижных золотых звёзд на небе, – все это было очень красивой панорамой, но она лишилась прежнего волшебного вида. Андрей вернулся на то же место, не чувствуя больше досады

против людей, поставивших здесь скамейку. Он был очень чувствителен к красотах природы, хотя любил ее по-своему, припадками, эгоистично, как оно часто бывает с людьми, занятыми всецело поглощающим их делом.

Сегодня он в последний раз любовался этими красотами, прощался с ними, отправляясь на призыв долга. Сердце его переполнено было чувством глубокого спокойствия, какого он не испытывал уже много лет, и величаявая тишина громко вторила его сердцу. Ему казалось, что никогда он так полно, так чисто и возвышенно не наслаждался, как теперь.

А между тем мысли, продолжавшие бродить в его голове независимо от созерцания, далеко не гармонировали со спокойствием окружавшей его природы.

Есть какое-то особое удовольствие в мысли о страданиях, когда они уже не причиняют прямой боли и сделались воспоминанием прошлого.

Андрей думал о своей эмигрантской жизни, и воспоминания его со странной настойчивостью останавливались на самой тёмной стороне пережитого.

Он не делил со своими друзьями и товарищами горькой чаши, выпавшей на их долю, а между тем он чувствовал теперь, что все-таки ему достались самые горькие капли. Выброшенный из активной жизни, он должен был глядеть сложа руки – на что? Даже не на борьбу своих друзей, а на хладнокровное избиение лучших из них. Первая вспышка революционного движения была потушена с громадными потерями. Глубокий упадок духа охватил те слои общества, откуда пополнялся главный контингент революционеров. Разбросанные же остатки могучей армии, верные своему знамени, сражались до конца. Лишь весьма немногие оставляли родину, чтобы искать убежища за границей; остальные десятками и сотнями, мужчины и женщины, гораздо лучшие, чем он, погибали на посту.

Но почему же он оставался в живых?

Как много раз, изнемогая от страданий, задавал он себе этот вопрос?

Ужасное видение воскресло внезапно в его памяти. Ночь. Тускло освещённая камера в одной из тюрем на юге России. Обитатель ее –

молодой студент – лежит на тюфяке из соломы. Его руки и ноги туго связаны верёвками, голова и тело носят следы тяжёлых побоев. Его только что избили тюремщики за непокорность. Невыносимо страдая от зверского оскорбления, он замышляет единственное доступное ему мщение – ужасное самоубийство. Огонь будет его орудием. Среди глухой ночи он с усилием приподнимается с постели, схватывает губами горячее стекло лампы; оно обжигает ему рот, но он отвинчивает зубами горелку и выливает керосин на свой тюфяк. Когда солома пропиталась керосином, он бросает на нее горящий фитиль и ложится сам на пылающую постель. Не издавая ни стоны, он лежит, в то время как пламя лижет и жжёт его тело... Когда сторожа, привлечённые запахом дыма, врываются в камеру, они находят заключённого полусожжённым, умирающим.

Это не был кошмар, а так оно было в действительности. Целыми месяцами ужасное видение преследовало Андрея и теперь предстало перед ним так же ясно, как будто он видел его накануне.

И в то время, когда эти ужасы происходи-

ли там, на родине, что же он делал? Он остался в возмутительной безопасности, читая умные книжки, наслаждаясь красотами природы и произведениями искусства. И его совесть – строгий, неумолимый инквизитор – настойчиво шептала ему на ухо: «Да разве в самом деле одни только настояния друзей удерживают тебя здесь? Разве тебе так сильно хочется полезть опять в петлю или обменять женевскую комнатку на тёмный царский каземат?»

При его неестественном образе жизни что, кроме пустых слов, могло быть ответом на эти мучительные вопросы? Не всегда удавалось ему успокоить ими своего страшного судью; он знал тоску сомнений и муки самообвинений. Бывали минуты, когда весь его прежний революционный пыл казался ему лишь юношеским увлечением и любовью к сильным ощущениям, когда он считал жизнь свою загубленной и себя самого – глиняным чурбаном, который хочет сделаться плитой в мраморном храме, карликом в панцире великана; он чувствовал себя в эти минуты разбитым, уничтоженным, глубоко несчастным.

Андрей окончательно утратил власть над своими мыслями. Он вызвал эти воспоминания, как Фауст – подвластных ему духов, для времяпрепровождения, как своего рода интеллектуальную забаву. Но они одолели его и держали теперь в страшных тисках, совершенно покорив себе. Ни следа удовольствия не было в его опущенной голове или в нервном движении руки, когда он проводил ею по лбу, как бы прогоняя нахлынувшие воспоминания.

Но теперь всё это погрузится в небытие и забвение, исчезнет, как безобразные ночные видения перед рассветом. В эту торжественную минуту, накануне перехода через роковой порог, который ему, наверное, не придётся переступить в другой раз, он мог вполне определить свои силы. Он почувствовал, что длинные годы томительного бездействия не оставили следа на его душе; она оставалась в бездействии, как меч в ножнах. Теперь меч вынут из ножен, и Андрей рассматривает его строгим, пытливым взором. На нем нет ржавчины; он чист, отточен, готов для боя, как всегда.

Устремлённый вперёд взор Андрея засветился боевой отвагой. Он встал со скамейки, его тянуло идти дальше. Ничто не удерживало его здесь больше. Красоты природы утратили всякую притягательную силу. Машинально он пошёл обратно по прежней дороге при сером свете занимавшегося дня. Лицо его было бледно, но спокойно и несколько мрачно, в то время как все трепетало в его порывисто дышавшей груди. Широко раскрытыми глазами он вглядывался в темноту, но едва ли видел что-нибудь; если бы острые шипы какого-нибудь кустарника въелись в его тело, он и этого бы не заметил. Охваченный сильным волнением, он почти не сознавал действительности.

Такое чувство не было ему совершенно ново. Он иногда знал нечто подобное, но никогда еще – с такой всепоглощающей силой. Он испытывал восторг и вместе с тем непонятную грусть, как будто душа его была полна рыданиями, а сердце исходило слезами; но самые рыдания были мелодичны, а слезы радостны.

Из этой бури ощущений – как крик орла,

парящего в вечно спокойных небесах, высоко над сферой облаков и бурь, – выросло в его душе торжествующее, упоительное сознание титанической силы человека, которого ничто не может заставить ни на волос уклониться от пути – ни опасность, ни страдания, ни что бы то ни было в мире! Он знал теперь, что будет хорошим солдатом в легионе сражающихся за благо родины, потому что эта сила дает человеку власть над сердцами других; она делает его рвение заразительным; она вливает в его слово – простую вибрацию воздуха – такую мощь, которая способна перевёртывать, пересоздавать человеческие души.

Роцца, которую он миновал, осталась далеко позади, и он давно уже шёл по открытой дороге; прежде ему никогда еще не случалось попадать в эту часть города. Ржаное поле привлекло его внимание; оно было очень невелико – всего в несколько квадратных сажень – и выглядело среди громадных зелёных пастбищ как дамский носовой платок, оброненный на ковре в гостиной; но глаз иностранца, привыкший видеть в Швейцарии только горы и виноградники, невольно при-

влечён был неожиданным видом поля.

Андрею нетрудно было сообразить, что дорога, по которой он шел, приведёт обратно на его квартиру; но ему не хотелось возвращаться домой так рано. Ему нужно было отрезвиться, прежде чем показаться среди людей, и он решил отправиться в маленький лесок на берегу Арвы, из которого видна была южная часть города. Он направился туда, шагая как можно скорее, чтобы утомиться; но его сильные молодые мышцы, крепкие и упругие как сталь, могли выдержать какое угодно напряжение. В эту ночь душевное возбуждение удвоило и закалило против усталости его физические силы. Зато длинная прогулка освежила его голову. Он окончательно пришёл в себя, взобравшись на вершину La Vatie, и чувства его спокойно потекли по обычному руслу, как река, вошедшая в берега после наводнения.

Месяц тем временем закатился. Оставалось еще часа два до восхода солнца, но приближение утра уже чувствовалось во всем. Воздух становился резче, мрак ночи рассеивался, свежий ветер дул с гор. На западной ча-

сти горизонта быстро поднимались громадные массы тяжёлых свинцовых облаков и стояли наготове, как рабочие, перед тем как взяться за дневной труд. Звезды утасли на потускневшем небе. Млечный Путь, потухая на одном конце, имел вид разбитой арки гигантского моста. Весь восток подёрнуло нежным, прозрачным цветом, представлявшим нечто среднее между бледно-жёлтым, зелёным и жемчужно-белым, неопишуемой нежности и чистоты. Звезды застенчиво удалились вглубь, уступая место новому, ослепительному явлению. Только одна оставалась во всей своей красе, сияя на волшебном-прекрасном фоне, искрясь и мерцая, как глаз, вспыхивающий и потухающий под дрожащими ресницами. Это Венера, звезда поэтов. Но разве она не была в то же время и его звездой, звездой его России, лежащей там, по направлению восходящего солнца, и готовящейся восстать от вековой ночи к светлому, радостному утру?

Андрей направился домой. Давно пора было кончить прогулку. Он достаточно освежился, и незачем было терять время. Завтра ему нужно рано встать. Лена, наверное, зайдёт по-

сле урока. Ему предстоит еще много работы, чтобы подготовиться к немедленному отъезду.

Он надвинул шапку на лоб и сбежал с холма. Дорога шла зигзагами между кустарников, покрывавших тёмный заросший спуск. Вскоре леса исчезли, и, глядя с верхушки отлогой дороги, Андрей увидел совершенно обнажённый спуск. Он был очень крут, но почва была мягкая и глинистая. Как хорошо было бы спуститься, как камень, перепрыгивая с кочки на кочку, и остановиться сразу у подошвы! Какой-то демон-искуситель подговаривал его попробовать. Он приблизился к краю и собрался сделать первый небольшой прыжок. Но быстро промелькнувшая мысль заставила его отказаться от довольно опасной забавы. Что, если он вывихнет себе ногу? Что станет с его поездкой? Нет, теперь ему не следует рисковать. Он отступил назад и пошёл осторожно по проложенной дорожке.

Переходя через Арву, он миновал ряд домов в одном из предместий и попал на большую площадь, место учения рекрутов и народных празднеств. Самый город начинался

дальше. Звуки занимавшегося дня слышались уже там и сям. Среди улицы прогуливалась лошадь в хомуте, но без повозки, как это часто бывает в Швейцарии; нигде не видно было ее хозяина. Животное выступало с такой забавной уверенностью и сознательностью, что Андрей похлопал его по шее и спросил, как ему скорее всего дойти до дому.

Лошадь равнодушно прошла мимо, не уклонившись ни на шаг, с видом самодовольного, солидного господина, идущего по своим делам. «Ну да, – подумал Андрей, идя дальше, – разве французская лошадь может понимать по-русски? Мне следовало обратиться к ней на ее родном языке». Он чувствовал себя бодрым и весёлым, как после холодной ванны, и готов был забавляться пустяками.

Через двадцать минут он был на противоположном конце города и взбирался по своей лестнице. Подойдя к двери, он был удивлён, заметив слабый свет, видневшийся из-под нее, и найдя ее незапертой. Ему помнилось, что, уходя, он потушил лампу и запер дверь. Загадка, впрочем, скоро объяснилась. Войдя в комнату, он увидел при слабом освещении

человека, лежавшего на его кровати. Лампа стояла у изголовья. Андрей поднял ее и осветил спящего.

– А, Васька! – сказал он, узнав прежде всего розоватые панталоны своего друга – единственный в своём роде экземпляр, купленный Васькой, или, иначе, Василием Вербицким, по ошибке в какой-то темной лавке, – потом его старое пальто и наконец его добродушное загорелое лицо, наполовину закрытое густыми каштановыми волосами.

Василий получил записку Лены поздно вечером и тотчас же пошёл расспросить о письме. Не застав Андрея, он решил ждать его возвращения и заснул в ожидании. На полу около кровати лежала книга, с помощью которой он пытался скоротать время.

Не желая будить приятеля, Андрей оглянулся вокруг, чтобы устроиться где-нибудь самому на ночь. Ему оставалось только импровизировать походную кровать. Он разостлал на полу большой лист неразрезанной газеты. Зимнее пальто пригодились вместо тюфяка, а неизбежный студенческий плед – как одеяло. Но где достать подушку? Василий лежал на

двух небольших шерстяных валиках, которыми хозяйка снабдила своего жильца вместо подушек. Андрей справедливо рассудил, что гостю его достаточно одного валика. Он без церемоний засунул руку под голову приятеля и вытащил другой. Потрясенный среди сна Василий сначала пробормотал какие-то непонятные звуки эгоистического протеста. Но он, очевидно, согласился тотчас же, что был неправ, потому что промычал что-то в примирительном тоне, не открывая, однако, глаз, и, опустивши голову на оставшийся валик, не двигался больше.

Андрей разделся, положил около себя часы, чтобы встать вовремя, и, как только голова его коснулась подушки, моментально заснул сном праведника.

Глава III

На границе

Самуил Зюсер, по прозвищу Рыжий Шмуль, глава контрабандистов и шинкарь в Ишках, деревне на литовской границе, служивал своим покупателям с обычным проворством. Его быстрый глаз никогда не упускал минуты, когда кому-нибудь хотелось пить, и его опытная рука никогда не налиwała в стакан одной каплей пива больше, чем нужно было, чтобы стакан казался полным и был по возможности ненаполненным. Но его мысли были в эту минуту далеко: они следили за курьерским поездом из Петербурга, проходившим последние мили до границы.

Он утром получил телеграмму от Давида Стерна, студента-еврея, который присоединился к «гоям» (христианам), бунтующим против начальства, и теперь для них «держит границу». На заранее условленном языке Давид извещал, что приедет вечерним поездом вместе с тремя спутниками, которых нужно будет переправить за русские пределы.

Три человека, по десяти рублей с каждого, – недурной заработок. Но Рыжий Шмуль рассчитывал получить больше за свои хлопоты. Теперь было время рекрутского набора, и особые предосторожности были приняты на границе, чтобы мешать молодым сынам Израиля бежать от военной службы. Честный контрабандист имел право рассчитывать на прибавку в подобное время. Но нужно действовать осторожно с таким скрягой, как Давид. Человек он, конечно, хороший, ума палата, настоящая еврейская голова, которая везде сделала бы честь своей нации. Он, вероятно, был генералом или чем-то в этом роде у «гоев»[5]; молодец хоть куда и знает, где раки зимуют. Он, наверное, пойдет в гору, и честному контрабандисту можно на него положиться. Он умеет держать язык за зубами и никогда не обманет, но зато торгуется за каждый грош, как цыган на конной ярмарке.

Рыжий Шмуль имел много случаев изучить своего странного клиента. Каждые три-четыре месяца молодой человек появлялся на границе, приводя с собой партии «гоев», которым нужно было уезжать из России или въез-

жать в нее. Кроме того, приходилось ввозить контрабандой книги – очень выгодное занятие, так как книги лучше оплачиваются, чем табак или шёлк. Давид имел много связей с разными людьми на границе, но Рыжий Шмуль пользовался его наибольшим доверием.

Что все это значило, кто были эти странные люди, приятели Давида, чего они добивались – этого Рыжий Шмуль не мог решить. Подстрекаемый еврейским любопытством, он пробовал прочесть некоторые из революционных брошюр, проходивших через его руки. Но при своём недостаточном знании русского языка он мало понял и потерял охоту к дальнейшим расследованиям. Раз такой умный человек, как Давид, принимает в этом участие, значит, дело выгодное: иначе как бы мог он платить так аккуратно и так хорошо? Так как ввоз этих книг был запрещён, подобно ввозу многих других товаров, то тут шла, очевидно, контрабанда высшего сорта, нужная для господ, а зачем именно – этого Шмуль не понимал. Да и на что ему знать, раз хорошо платят? У него достаточно своих дел.

Свист локомотива дал знать о приближении петербургского поезда.

«Вот они», – подумал Шмуль, подавая с заискивающей улыбкой рюмку коньяку полицейскому чиновнику.

Шинок Шмуля стоял довольно далеко от вокзала. Большинство проезжих заходило погреться и закусить в более близкие и удобные заведения, но кое-кто попадал и к нему. Он стал готовиться к приёму гостей: вытер два деревенских дубовых стола, стоявших по обе стороны комнаты, осмотрел приготовленную батарею бутылок, наполнил несколько рюмок, стоявших на стойке, и стал за прилавок.

Шинок начал наполняться народом. Несколько арендаторов из окрестных деревень вошли в комнату, громко обсуждая новости, слышанные на ярмарке. Два жандарма, только что сменённые с караула на станции, зашли выпить рюмку водки и уселись на почётное место. Несколько постоянных посетителей пришли и ушли, а Давида все еще не было. Прошло около часа со времени прихода поезда, а он не показывался.

Шмуль слишком мало знал об опасностях,

угрожающих революционерам, чтобы тревожиться. Он решил, что Давида, верно, где-нибудь задержали и что он приедет завтра, в пятницу, то есть накануне шабаша. Так как в этот день работа кончалась рано, то предприимчивый шинкарь начал уже помышлять о том, как бы ему воспользоваться неаккуратностью Давида, но, обернувшись направо, он вдруг увидел его самого. Давид спокойно сидел за столом около жандармов и так же мало обращал внимания на них, как и они на него. Да и в самом деле, какое подозрение мог возбудить этот бедно одетый молодой еврей, бесцельно глядящий в пространство с терпеливым видом скромного потребителя, который не торопится покидать тёплую, уютную комнату и приятную компанию?

Это был коренастый человек низкого роста, лет двадцати пяти или около того, с приятным правильным лицом еврейского типа и большими тёмно-карими глазами, глядевшими грустно и приветливо.

Шмуль снабдил его кружкой пива, когда дошла до него очередь, и не обращал больше никакого внимания на нового посетителя.

Молодой человек заплатил за свое пиво и, выпив его не торопясь, вышел так же спокойно, как и вошёл.

Очутившись на улице, Давид повернул за угол и вошёл в кухню через черный ход. При тусклом свете сальной свечки он не заметил, как наткнулся на что-то мягкое и белое – молодую проворную козу, которая быстро вскочила с пола и пробежала мимо его ног, поднимая густое облако пыли. Курица, сидевшая на шесте, испугалась со сна, потеряла равновесие и с громким кудахтаньем спрыгнула и спряталась в противоположном углу комнаты.

Молодой человек быстро прошёл через кухню, где его появление наделало столько суматохи, и очутился в тёмном коридоре. Он зажёл восковую спичку и поднялся по деревянной лестнице в маленькую грязную комнату, где Рыжий Шмуль имел обыкновение обделывать самые важные из своих дел.

Его хозяин был уже там. Оставив жену за прилавком вместо себя, он поспешил к своему гостю, как только тот вышел из шинка.

– Как поживаете, ребё[6] Шмуль? – спросил

Давид на еврейском жаргоне. – Вы не ждали меня так скоро?

– Я совсем не ждал вас, пан Давид, то есть не сегодня. Я полагал, что вы приедете завтра.

– У меня тут были кое-какие дела, – сказал молодой человек, усаживаясь в кресло, покрытое засаленной материей неопределённого цвета.

Тощий и длинный Шмуль приютился на высоком деревянном стуле, у которого не доставало одной ножки.

– Ваши спутники с вами? – спросил я.

– Да.

– Все трое?

– Все трое. Двое мужчин и одна дама. Я оставил их у Фомы. Нам нужно быть по ту сторону завтра утром. Вы все приготовили, надеюсь?

– Да, все устроено. Они будут на той стороне в восемь часов. Но...

Шмуль нерешительно замолчал и стал почесывать левую сторону носа, вопросительно поглядывая на Давида.

– В чем дело? – спросил тот, взглянув на него.

– Видите ли, времена плохие теперь, да и солдаты стали жадны. Мне очень, очень трудно было уговорить их, – сказал Шмуль, поднимая глаза к потолку, – и мне пришлось заплатить им больше, чем...

– Если это правда, Шмуль, то вы совершенно напрасно это сделали – небрежным тоном заметил Давид.

– Почему напрасно? Разве мне не следовало угодить вам?

– Не в том дело. Нужно держаться установленных цен. Это – торговое правило. Чем больше вы дадите, тем больше с вас будут требовать. Помните это, друг мой, и держитесь своих цен. Это – правило.

– Вам хорошо говорить, пан Давид! – обидчиво сказал контрабандист, разыгрывая роль угнетённой невинности. – Но как же мне было не уступить? Ведь они господа, а не я.

– Умный человек должен уметь убедить их, – невозмутимо ответил Давид. – Представьте себе, – прибавил он с весёлым выражением больших глаз, – что вы попросили бы у меня прибавки к условленной цене. Я не говорю, что вы это сделали бы, но предположим

это на минуту. Я бы только ответил вам, что рыба ищет, где глубже, а покупатель – где дешевле. В делах нужно соблюдать выгоду. Граница велика, а солдат много. Если человек не держится условленной цены, зачем вам держаться человека? Не правда ли? – Давид добродушно улыбнулся и стал набивать свою короткую деревянную трубку. Он, конечно, сейчас догадался, к чему Шмуль ведёт разговор, и твёрдо решил не уступать. Расчётливость в трате революционных денег он считал священным долгом для члена партии. Но он не имел обыкновения обходиться сурово с людьми, если не было для этого необходимости. – А как поживает ваша семья? Я забыл спросить раньше. Все здоровы, надеюсь?

– Здоровы, благодарю вас, – угрюмо отвечал Шмуль, замышляя более решительную атаку на Давида: ему вовсе не хотелось упустить такого удобного случая.

– Что нового в деревне? – продолжал Давид, беззаботно покуривая трубку.

– Да, есть, – ответил контрабандист кислым тоном и принялся рассказывать о том, какие строгости пошли теперь на границе.

– Вы знаете, что Ицка вернулся? – спросил Давид, выпуская изо рта облако дыма.

У Шмуля упало сердце. Ицка, или Исаак Перлгланц, был очень ловкий контрабандист, пользовавшийся хорошей репутацией среди своих собратьев. Давид иногда вёл дела с Ицкой, и Шмуль опасался, что тот хочет его вытеснить.

– Разве? – отозвался он слабым голосом. – Я этого не знал.

Он взглянул испытующим взором на своего собеседника. Но Давид сидел совершенно невозмутимо.

– Мне Фома сказал. Вот всё, что я знаю, – отвечал он.

«Всё пропало, – подумал Шмуль. – Он знает обо всем, и его невозможно обойти».

– У ваших друзей много багажа? – спросил Шмуль деловым тоном, как будто между ними никогда не было ни тени недоразумений.

– Несколько узлов. Ваш мальчик может снести все.

– Так я его пошлю завтра к Фоме. Деньги на той стороне?

– Да, но помните, что от них вы не должны

брать ничего. Только маленькую записку, что они благополучно переправились.

Шмуль грустно кивнул в ответ. Это было тоже одной из его претензий к молодому человеку. Давид был очень строг, даже жесток в этом отношении: Шмуль слишком хорошо это знал.

Обиженный контрабандист тряхнул длинными пейсами и торопливо осведомился о погоде в Петербурге, чтобы изменить неприятное направление своих мыслей. Но его дурное расположение духа сменилось приятным ожиданием, когда Давид спросил его, будет ли он здесь через месяц.

– Я отправляюсь за границу, – объяснил молодой человек, – и мне нужно будет переправить сюда много вещей.

Шмуль почмокал губами. Это было вознаграждением за испытанное им поражение. Он не стал предлагать вопросов. Давид этого не любил и никому не сообщал больше, чем сам считал нужным.

– Вы не забудете меня, надеюсь? – сказал Шмуль.

– Конечно, нет. Только вы должны быть на

месте. Я вам напишу заранее, чтобы вы могли приехать.

После этого они стали толковать о накладных, о провозе и тому подобном, и Шмуль не выказывал уже никаких знаков протеста. Они расстались по-приятельски, и контрабандист остался с двойственным чувством эстетического наслаждения деловитостью Давида и досады на крушение своих планов. «Ловкий молодец, что и говорить! Только праотец Яков мог бы обойти его, – рассуждал он, запирая ставни и двери в шинок. – Но всё же ему следовало бы быть помягче с одним из своих соплеменников, у которого семья на шее, и помочь ему заработать честный грош».

Он с грустью вспомнил о золотом времени, лет шесть-семь тому назад, когда переправа за границу оплачивалась в двадцать пять и даже пятьдесят рублей с человека; бывали простакки, которые платили по сто. Давид свёл цену до мизерных десяти рублей, без всяких прибавок. Правда, что с тех пор, как Давид взялся за дело, в десять раз больше гоев приезжает и уезжает из России. Это было некоторым утешением. Но Шмуль не мог не помеч-

тать о том, как хорошо было бы, если бы движение шло так же оживлённо, как теперь, а цены оставались бы прежние. Его глазам представился такой блестящий ряд цифр, что сердце его сначала затрепетало от радости, а потом заняло от тоски.

Тем временем Давид пришёл к дому Фомы, где его спутники расположились на ночь. Хозяин сам отворил ему дверь, и Давид осведомился о своих друзьях. Все обстояло благополучно. Они поужинали, как он распорядился, и теперь отправились спать; мужчины заняли переднюю комнату, а Марина, дочь хозяйна, отправилась с барышней наверх. Давид поблагодарил его и присоединился к приятелям. В подобных случаях он всегда предпочитал останавливаться у Фомы, хотя у него ничего не было, кроме простых нар для спанья. Но Фома был местным сотским[7], и его изба была вполне безопасным местом для ночлега.

Очутившись в комнате, Давид осмотрел всё кругом с тщательностью полицейского чиновника. Ставни были закрыты, чтобы прохожие не могли заглянуть внутрь. Весь багаж, в том числе его собственный холщовый

саквояж, был сложен в углу. Его спутники, утомлённые длинным путешествием, спали на нарах вдоль стен. Каждый из них имел соломенную подушку и импровизированное одеяло. Для него готова была такая же постель, как для других, но, несмотря на усталость, он проголодался и стал устраивать себе какое-то подобие ужина. Отрезав ломоть от лежавшего на столе большого хлеба, он вынул из саквояжа кусок сыра, бережно завернутого в бумагу, и, как бывалый солдат в походе, удовлетворился этой скромной едой.

Поднявшись первым, как только утреннее солнце стало пробиваться в комнату, он наскоро оделся и открыл ставни. Разбуженные его весёлым голосом спутники тоже торопились вставать.

Острогорский, старший из них, был человек средних лет, небольшого роста, сутуловатый и выглядел поблёкшим, болезненным учёным. Сосланный много лет тому назад за какой-то незначительный проступок в захолустный приволжский городок, он бежал теперь из места своего изгнания, намереваясь окончательно поселиться за границей.

Его спутник, Зацепин, молодой человек лет двадцати трех, бывший поручик пехотного полка, был так серьезно скомпрометирован, что организация послала его за границу «проветриться».

– Торопитесь, ребята, – тормошил их Давид. – Ведь вам предстоит сегодня великие подвиги, и времени терять не следует. Я пойду распорядиться насчёт завтрака.

Выйдя на двор, он увидел третьего члена компании, Анну Вулич, девятнадцатилетнюю девушку, замешанную в качестве сочувствующей в какие-то университетские беспорядки, не имевшие политического характера. Ей отказали в выдаче заграничного паспорта, и Давид охотно присоединил ее к ближайшей группе, отправлявшейся за границу. Он всегда рад был помочь перебраться через границу всякому, кто в этом нуждался.

Анна присматривала за самоваром, а Давид занялся завтраком, который вышел настолько обильным, насколько позволяла кладовая Фомы. Это было вопросом чести для Давида. Равнодушный к своему личному комфорту, он доходил иногда до смешного в забо-

тах о вверенных ему людях. Он не только заботился об их безопасности, но и о том, чтобы они были хорошо накормлены и довольны во всех отношениях.

Тем временем первые горячие лучи солнца светили уже в маленькие окна избы, освещая комнату и лица путешественников.

Давид сам заварил чай. У него всегда был большой запас в саквояже, потому что чай, покупаемый в небольшой лавке, нехорош и дорог. Скромный завтрак прошёл очень оживлённо. Все были возбуждены и веселы, как люди, полные любопытства и ожидания общей для всех опасности. Они не могли отделаться от представления, что переправа через границу царских владений дело серьёзное. Давид уверял их, что нет ничего проще. Сотни людей переходят границу тайком просто для того, чтобы не тратиться. Политические нелегальные, если только нет никаких особенностей в их внешности, могут переходить так же легко, как и все другие.

— А все-таки многие были арестованы, — сказала Анна Вулич, краснея.

Она немного волновалась, так как это бы-

ло ее первым рискованным шагом. Но она была очень самолюбива и боялась, что ее замечание покажется другим признаком трусости.

– Конечно, были, – сказал Давид с негодованием. – А по чьей вине, если не по их собственной? Можно утонуть в ведре воды, если засунуть в него голову.

Как истый сангвиник[8] по темпераменту, Давид был склонен к преувеличениям. По его словам выходило, что граница – самое удобное место для прогулок взад и вперед. Он серьезно сердился на увальней, портящих репутацию границы и дающих пищу глупым рассказам о ее опасностях.

Разговор о пограничных приключениях был прерван Острогорским, который первый обратил внимание на то, что контрабандист запоздал. Десять часов уже пробило, а его еще не было. Давид зашел в шинок, но Шмуля не оказалось дома. Что-нибудь да случилось. Острогорский, раздражительный по природе, стал волноваться.

– Неужели нам придется еще раз переночевать здесь? – спросил он с желчной улыбкой.

Давид спокойно объяснил, что этого опа-

саться нечего. Если контрабандист не явится к одиннадцати часам, он устроит дело иначе. Один Зацепин не ворчал и не приставал с вопросами. Он верил Давиду, как солдат полководцу, и по природе своей был чужд сомнений.

Когда Шмуль показался в дверях, Давид встретил его целым градом упрёков. Контрабандист стал извиняться: остановка вышла не по его вине; по случайности караульный, с которым он условился, не был назначен на утреннюю службу, и на него можно рассчитывать только вечером.

Дело осложнялось. В этот день была пятница; через несколько часов начинался шабаш, и тогда самая заманчивая награда не заставит еврея-контрабандиста нарушить субботний отдых. Давид был взбешён.

– Не сердитесь, пан Давид, – успокаивал контрабандист, – вам не придётся пережидать субботы. У меня есть два паспорта для господ, а моя дочь встретит нас по пути к переправе и передаст своей барышне. Мы можем отправиться тотчас же.

Давид объяснил по-русски, что случилось,

и передал паспорта двум мужчинам. Паспорта были не настоящие заграничные, а простые свидетельства, выдаваемые пограничным жителям, у которых есть дела по обе стороны границы и которым нужно постоянно ездить взад и вперед.

Оба путешественника развернули паспорта, чтобы прочесть имена, на которые им придётся отвечать в случае необходимости. Чтение документа произвело необычайное действие на Зацепина.

– Посмотрите, что за ерунду вы мне принесли! – крикнул он Шмулю. – Ведь это женский паспорт!

– Да, – ответил Шмуль, – так что же за беда?

Спутники Зацепина с любопытством и изумлением взяли у него бумагу, чтобы удостовериться в ее содержании. Не могло быть никакого сомнения. В паспорте было написано крупными буквами и несколько пожелтевшими чернилами: *«Сара Гальпер, вдова купца Соломона Гальпера, 40 лет от роду»*.

– Надо заменить паспорт, – сказал он контрабандисту. – Не могу же я сойти за вдову!

– Почему нет? С божьей помощью сможете, – сказал Шмуль, подняв руки, как крылья херувима, и мигая. Зацепин, который не имел такой веры в божий промысел, настаивал на своем; тогда Давид, которого потешала досада приятеля, вмешался наконец.

– Это не имеет никакого значения, – сказал он. – Вы сами в этом убедитесь.

Зацепин пожал плечами: как мог он сойти за вдову сорока лет, было выше его понимания; но раз Давид посвящён в эту тайну, значит, все обстояло благополучно.

Путешественники приготовились к отъезду. Они должны были ехать с пустыми руками, потому что на границе было правилом, что люди и товар должны переправляться отдельно: на товар, годный для продажи, пошлина больше, чем на обыкновенные человеческие создания, не имеющие рыночной цены. Острогорский, имевший с собой только небольшой чемодан с рукописями, не мог взять даже его. Давид должен был позаботиться обо всем. Он взялся доставить вещи другой дорогой и обещал присоединиться к ним на той стороне через короткое время.

У ворот они встретили сына Шмуля, который передал Вулич паспорт своей сестры.

– Теперь всё готово, – сказал Давид.

Они пожали друг другу руки и расстались.

Зацепин и контрабандист шли впереди.

Остальные двое следовали на некотором расстоянии, чтобы не обращать на себя внимания. Через двадцать минут они очутились у грязного маленького ручья, который и курица перебредёт в сухую погоду. Вдоль берегов тянулась плоская, голая равнина с глинистой почвой, проглядывавшей между жидкой травой. По обе стороны стояли кучки мужчин и женщин. Плоскодонный плот, похожий на старую стоптанную туфлю, плавал в жёлтой воде. Седой полицейский с красным суровым лицом стоял на носу плота с обнажённым тесаком.

Как только плот подошёл к берегу, и пассажиры высадились, наши путешественники по знаку своего провожатого вскочили на него, и за ними набилась дюжина мужчин и женщин до того, что они чуть не толкали друг друга в воду.

– Довольно! – закричал полицейский, от-

талкивая напирравшую толпу. И, обращаясь к уместившимся на плоту, сказал повелительным тоном: – Ваши паспорта!

Это была граница. По левую сторону грязного ручейка была Россия, по правую – Германия.

Все вынули паспорта, которые были собраны в кучку и переданы столпу порядка и закона. Подняв палец, он поспешно пересчитал число голов и потом число документов. Так как оба сходились, он передал их обратно ближайшему из пассажиров и крикнул: «Готово!»

Паромщик, у которого не было ни шеста, ни руля, оттолкнул своё судно от России и в следующую минуту ударился о Германию. Пассажиры Давида высадились на берег. Всё было кончено. Они были в Европе, вне власти царя.

– Как это всё просто! – воскликнула, улыбаясь, Вулич.

Они почувствовали большое облегчение и, громко разговаривая, направились в деревню, где должны были ждать Давида. Если бы они не были так заняты собой, то заметили

бы прилично одетого молодого человека с тёмными глазами и бледным лицом, который, проходя по улице, остановился, приятно поражённый звуками чистой русской речи.

Это был Андрей, прибывший уже пять дней тому назад на место, указанное в письме Жоржа. Ожидая с часу на час приезда Давида, который должен был его встретить здесь, он умирал со скуки. Он сразу догадался, что эти трое были из компании Давида. Ему хотелось заговорить с ними, но он удержался. «Вдруг они окажутся чужие. Осторожность никогда не мешает. Если они приятели Давида, то и сам Давид, вероятно, недалеко».

Глава IV

Новые впечатления

Вернувшись в гостиницу, Андрей позвал слугу и сказал ему ломаным немецким языком, что будет целый день дома на случай, если кто-нибудь спросит о нём.

Окна его комнаты выходили на большой зелёный сквер, к которому вело несколько улиц. Он стал наблюдать за прохожими и около одиннадцати часов заметил издали неуклюжую фигуру Давида, быстро шагавшего в тяжёлом сером пальто, которое он носил круглый год.

Андрей сбежал с лестницы; приятели встретились у входных дверей и крепко расцеловались.

– Признайся, ты, верно, здорово бранил меня за то, что я заставил тебя так долго ждать? – спросил Давид, ласково хлопая Андрея по плечу.

– Бранил, но не очень. Я боялся, не приключилось ли чего с тобой.

– Вот пустяки! Что может случиться со мной?

Я просто захлопотался, собирая небольшую партию для переправы через границу. Двух зайцев одним ударом. Оно и дешевле и скорее.

– Я, кажется, видел твою партию на переправе час тому назад.

– Возможно. Зацепин между ними; ты должен с ним познакомиться.

Они были уже в комнате Андрея. Давид снял пальто, бросил его на кресло и уселся.

– Ну, а теперь расскажи мне про наших, – сказал Андрей, становясь против него. – Как поживает Жорж и все другие? Что слышно о Борисе? Есть ли письма от Зины?

– Да, было одно письмо. Надежды пока очень мало, судя по ее намёкам. Да она сама скоро будет в Петербурге и расскажет тебе обо всем.

– Разве ты не едешь со мной в Петербург?

– Нет, – ответил Давид. – Я еду в Швейцарию и останусь там несколько времени. Ты слышал, что эквилибристы хотят издавать собственную подпольную газету в Петербурге?

– Эквилибристы! – воскликнул Андрей. –

Да неужели?

Эквилибристами называлось тайное общество, прозванное так в насмешку другими кружками за умеренность и отсутствие решительности. Между ними и партией «Земли и Воли»[9], к которой принадлежали Давид и Андрей, были довольно холодные отношения.

– На этот раз они в самом деле что-то затевают, – ответил Давид. Когда они узнали, что я еду в Швейцарию, то дали мне денег для покупки шрифта.

– Это недурно, – заметил Андрей. – Я меняю о них свое мнение.

– А я остаюсь при прежнем, – возразил Давид. – Посмотрим еще, что они сделают со своим шрифтом. Я не верю в них. – Он осмотрелся кругом, ища спички, чтобы разжечь трубку.

Андрей подал ему сигару.

– Так зачем же ты взялся исполнять их поручение? – спросил он.

– Это моя обязанность, – ответил Давид. – Моя служба состоит в том, чтобы очищать дороги от всяких преград и держать их свободными для желающих пользоваться. Удастся

ли затея эквилибристов или нет – не мое дело. Да и помимо того, – прибавил он, – возня-то небольшая. Это даст мне возможность пробыть несколько лишних дней с друзьями в Швейцарии – вот и всё.

– Я рад за них, во всяком случае. Ты писал о своём приезде?

– Нет, я этого никогда не делаю. Гораздо приятнее приехать неожиданно. Как они все поживают? Ты мне ничего не сказал о них.

– Да нечего говорить. Жизнь всё та же и такая же скучная, – ответил Андрей.

Давид с досадой ударил себя по колену.

– Что за нелепый народ наши революционеры! – воскликнул он. – Живут в свободной стране, среди большого социального движения и чувствуют себя как рыба на суше. Да неужели же свет клином сошёлся на одной России?

Со своим еврейским космополитизмом[10] он часто спорил на эту тему с товарищами.

– Ты прав, ругая нас, – возразил Андрей с готовностью самообличения, под которой так часто скрывается полуодобрение. – Мы наименее космополитическая нация, хотя мно-

гие и утверждают противное. Ты один между нами заслуживаешь имя гражданина мира.

– Это лестно, но не особенно приятно, – заметил Давид.

Андрей не продолжал спора и стал спрашивать о том, что петербуржцы думают относительно Бориса. Он принимал дело очень близко к сердцу. Борис был его лучшим другом, самым близким после Жоржа.

– Ничего нельзя решить до приезда Зины, – сказал Давид. – Но я боюсь, что вообще ничего не удастся сделать теперь.

– Ничего? Почему же?

– Нет сил, – ответил Давид вздыхая. – Мы теперь, некоторым образом, на мели сидим. Вот увидишь сам, когда приедешь.

Он стал высчитывать потери и финансовые затруднения партии.

Андрей слушал, шагая по комнате с опущенной головой. Дело обстояло хуже, чем он ожидал. Но мысль о безнадежности положения возмущала его и не укладывалась в голове. О том, что его самого когда-нибудь арестуют, он привык думать спокойно: такой уж обычный жребий бойцов. Но позволить

«этим подлецам» (как он называл всех этих представителей власти) заморить товарища без всякой попытки отнять у них добычу было бы слишком большим унижением.

– Какой вздор говорить о недостатке сил в нашей партии! – воскликнул он, остановившись против Давида. – Наши силы вокруг нас; если мы не можем найти помощников, то, значит, мы сами ничего не стоим.

– Выше головы не прыгнешь, – возразил Давид. – У нас нашлось бы несколько человек, способных организовать освобождение, но как быть без денег?

– Не беда, – сказал Андрей. – Самое лучшее средство пополнить кассу и возбудить в людях энергию – это затеять какое-нибудь живое дело.

– Иногда это удаётся, – ответил Давид. – Поговори с Зиной. Всем нам хочется попытаться что-либо сделать. – Он встал и начал прощаться. – Мне пора идти к моим путешественникам, – сказал он. – Да, как же устроить тебе свидание с Зацепиным? Хочешь пойти к нему или чтобы он сюда пришёл?

Андрей спросил, кто были другие, и пред-

ложил сейчас же отправиться в гостиницу. Он рад был познакомиться со всей компанией.

Когда Давид вошёл в комнату, где сидели его клиенты, он был встречен шумной овацией. Андрей был им представлен под первым вымышленным именем, которое попало Давиду на язык. Острогорский и Вулич были чужими для партии, и их не было надобности посвящать в тайну возвращения Андрея на родину. Зацепину же нетрудно было догадаться, кто перед ним. Компания распалась на две группы. Андрей и Зацепин продолжали сидеть за столом; Давид же отвёл двух других к окну в другой конец комнаты. Острогорский и молодая девушка всё ещё не могли удивиться простоте своего бегства.

– Даже жалко, что не пришлось испытать никакого сильного ощущения, – сказала Анна.

Острогорский тоже выразил свое удивление. Он был в говорливом настроении и рассказывал о слухах, доходивших до него из достоверных источников, что людей переносят

ли в полночь на спине, в мешках, что приходилось прятаться по нескольку дней в кладовых, прежде чем контрабандисты могли найти возможность переправы. Давид смеялся и заметил, что сомневается только насчёт мешков, а все остальное могло быть правдой. В прежние времена, когда контрабандисты могли делать все по-своему, они часто нарочно выкидывали такие штуки, чтобы пустить пыль в глаза своим клиентам и показать, что громадные деньги, которые им переплачивали, были честно заработаны.

Андрей тем временем спокойно разговаривал с Зацепиным, расспрашивая его о разных людях, с которыми он встречался, о городах, в которых жила. Их оставили наедине с обычной непринуждённостью, господствующей в революционной среде; это продолжалось, однако, лишь до тех пор, пока Зацепин не выразил громко своего мнения о какой-то группе радикалов, с которыми ему пришлось познакомиться в одном из провинциальных городов.

– Болтуны они, и только! Виляют между социализмом и политикой, – заявил он с обыч-

ной резкостью. – Хотят усесться на двух стульях, да только теперь это не годится.

Это замечание долетело до ушей Острогорского, который был страстным спорщиком. Медленными шагами маленький человек приближался к разговаривавшим, заложив руки за спину, и его исхудалое лицо казалось придавленным книзу большим тяжёлым носом. У него уже было дорогой несколько стычек с Зацепиным, но он жаждал еще сразиться. С лёгкой саркастической[11] улыбкой на тонких губах он попросил позволения предложить Зацепину вопрос: что именно не годится, по его мнению, для нынешнего времени – сидеть на двух стульях или оставаться социалистом?

Зацепин резко ответил, что сказал то, что хотел сказать, и что все, называющие себя революционерами и уклоняющиеся в то же время от участия в настоящем революционном деле, не более как болтуны, если не хуже!

С этим Острогорский был совершенно согласен, но у него было своё собственное определение настоящего дела. Прения заинтересовали Вулич, и она подвинулась к краю дивана.

на, поближе к спорящим. Сперва она слушала; потом вмешалась, и разговор сделался общим. Один Давид оставался на своём месте и лениво болтал ногами, сидя на подоконнике.

Начавшийся спор становился всё горячее и шумнее. И не удивительно, так как скоро стало очевидно, что из пяти присутствующих революционеров-социалистов каждый был в чем-нибудь не согласен со всеми остальными, и ни один не был склонен к уступкам. Зацепин был отъявленным террористом, отличавшимся простотой и прямолинейностью своих воззрений на все вопросы как практики, так и теории, а также счастливым отсутствием малейшего сомнения в чем бы то ни было. Анна Вулич тоже была террористкой в теории, конечно, – хотя не шла так далеко, как Зацепин, с которым она, кроме того, совершенно расходилась в вопросе о социалистической пропаганде среди рабочего класса. Острогорский и Давид – оба склонялись к эволюционному социализму, но резко расходились между собой по вопросам о социалистическом государстве в будущем и политической деятельности в настоящем. Что касается

Андрея, то он не мог вполне согласиться ни с одним из четырёх, но, пробывши так долго вне революционного течения, он не имел, казалось, определённой системы и немного колебался. Он возражал то одному из спорящих, то его противнику, а в следующую минуту оба набрасывались на него и кричали ему в оба уха различные возражения, доказывавшие его непоследовательность. Зацепина очень сердило такое поведение Андрея. Человек с таким прошлым должен бы иметь более здравые понятия и без пустых околичностей тотчас же пристать к настоящему делу.

Стоя спиной к потухшему камину и опираясь на него своей сильной правой рукой, Зацепин твёрдо отстаивал свою позицию. Он должен был защищаться против всех остальных, старавшихся внушить ему ту мысль, что вера в один террор слишком узка для социалиста.

– Ну, так я вам объявляю! – кричал он громовым голосом. – Я не социалист!

Он делал ударение на каждом слове, чтобы придать им больше силы.

– Именно! – воскликнул торжествующим

фальцетом Острогорский. – Следовательно, вы – буржуа, сторонник угнетения рабочего класса капиталистами. Quod erat demonstrandum![12]

Он отвернулся от своего противника и начал ходить взад и вперёд, напевая сквозь зубы какую-то арию, чтобы показать бесполезность дальнейшего разговора.

– Нет, я не буржуа! – выкрикивал ему вслед нимало не смущённый Зацепин. – Социализм – не для нашего времени, вот что я говорю. Мы должны бороться с деспотизмом и завоевать политическую свободу для России. Вот и все. А о социализме я забочусь как о выеденном яйце.

– Извините, Зацепин, – вмешался Андрей, – но это нелепо. Вся наша нравственная сила заключается в том, что мы социалисты. Отбросьте социализм, и наша сила пропадёт.

– А какое будете вы иметь право звать рабочих присоединиться к вам, если вы не социалисты?! – вскричала, вскакивая с места, Вулич.

– Толкуйте! – протянул Зацепин, презрительно махнув рукой. – Всё это метафизика. –

Метафизикой он называл всё то, что не заслуживало, по его мнению, ни минуты внимания. – Наша ближайшая задача, – продолжал он, покрывая своим громким голосом все остальные голоса, – побороть политический деспотизм, это необходимо для всех. Кто любит Россию, тот должен присоединиться к нам, а кто не присоединяется, тот изменник народному делу! – При этом он посмотрел в упор на Острогорского, чтобы не было никакого сомнения, к кому относились его слова.

– Что выиграет народ от буржуазной конституции, за которую вы боретесь?! – взвизгнул маленький человечек, набрасываясь на своего крупного противника с видом петуха, наскაკивающего на гончую собаку. – Вы забываете народ, потому что вы сами буржуа. Да, вот вы что такое!

– Посмотрите, господа, – сказал Давид, показывая на улицу, – вон пожарный насос. Не горячитесь, а то хозяин гостиницы обдаст нас холодной водой.

Никто не обратил на него ни малейшего внимания. Его шутка не произвела впечатления на спорящих, и он снова погрузился в

молчание.

Прения продолжались в том же роде, но, по мере того как спорящие уставали, они становились спокойнее. За это время все несколько раз меняли места. Теперь Зацепин стоял у стола рядом с Острогорским, который держал его за пуговицу сюртука.

– Дайте мне сказать два слова, чтобы убедить вас, Зацепин! – говорил он сладким, вкрадчивым голосом. – История Европы доказывает нам, что все большие революции... – И он продолжал пространно развивать свой тезис.

Зацепин слушал, весь выпрямившись, слегка наклонив голову и нахмутив лоб; судя по его физиономии, можно было с вероятностью заключить, что семя мудрости Острогорского падало на каменистую почву.

– Господа, – прервал Давид, взглянув на часы, – осталось меньше двух часов до вашего поезда. Пора подумать и о хлебе насущном. Давайте пообедаем. С этим, я надеюсь, все согласятся.

Он спустился вниз, а Острогорский вышел из дому, чтобы разменять русские деньги.

Андрей обрадовался возможности изложить свои взгляды, которые, казалось ему, будут приняты всеми, лишь бы их поняли, так как в его старательно выработанной перед отъездом программе было место для всего и для всех. Зацепин внимательно слушал.

– Это никуда не годится! – отрезал он наконец без малейшего колебания, энергично встряхнув головой.

– Почему же? – спросил Андрей.

Зацепин ответил не сразу. Он собирался с мыслями, приискивая слова, которые бы ясно их выразили. Его полемический жар остыл. Андрей был товарищ и намеревался действовать. С ним следовало говорить о сути дела, а не просто препираться. Он вдруг покраснел, и на лице его выразилось негодование.

– Вы предлагаете, чтобы мы шли рука об руку с либералами, сказал он, мрачно глядя на Андрея. – Но что, если они захотят, чтобы мы притихли? Разве мы согласимся? Клянусь, нет! Мы будем колоть, стрелять и взрывать, и пусть все трусы убираются к чёрту. – Он так ударил кулаком по столу, что чуть не покалечил его. – Нет, Андрей, – добавил он более спо-

КОЙНЫМ ТОНОМ, – ваш эклектизм[13] не годится.

– А вы что скажете? – спросил Андрей девушку.

– Я думаю, что мы должны рассчитывать только на себя и идти своей дорогой. Те, кому дороги наши цели, пойдут за нами, – ответила она, краснея от возбуждения.

В этом ответе не было ничего такого, чего бы он не слышал от сотни людей. Но серьёзный тон, которым эти слова были сказаны, обнаруживал более нежели простую искренность и поразил опытное ухо Андрея. До этой минуты он отдавался непосредственному удовольствию первой встречи с настоящими русскими и обращал мало внимания на робкую девушку, принимавшую слабое участие в разговоре. Теперь же в нем проснулся инстинкт вербовщика, и он внимательно всмотрелся в нее. Ее свежее молодое лицо глядело умно и серьёзно, а блестящие карие глаза были большей частью опущены. Ее маленькая энергичная фигурка была одета в простое черное платье – обычный костюм революционерок.

За обедом он стал спрашивать о ее за-

нятиях и планах и узнал, что она член тайного студенческого кружка для самообразования. Ему нетрудно было догадаться, что она руководила кружком. Она ехала в Швейцарию с целью окончить своё образование. Андрей советовал ей направиться в Женеву, где легко будет устроиться, и дал ей письмо к Лене.

Поезд отходил в четыре часа. Давид дал отъезжающим все нужные указания и много полезных советов. Но его материнская заботливость исчезла. Они уже не находились под его опекой, и вся его внимательность и предупредительность перенеслись теперь на Андрея. Они вдвоём направились в гостиницу, и решено было, что Давид переселится туда же. Они должны были провести в городе субботний день, и Давид сказал, что велит Шмулю быть готовым к утру в воскресенье.

– Не раньше? – спросил Андрей.

– Раньше нельзя, если иметь дело с евреями, – объяснил Давид. – Но по эту сторону живёт один человек; я могу его повидать, если хочешь.

Андрей попросил так и сделать, и Давид

вскоре явился с известием, что некий Шмидт (контрабандист-немец) может перевести их через границу в эту же ночь, если им угодно. Андрей с радостью согласился: ему хотелось как можно скорее попасть в Петербург. Давид тоже спешил, так как у него было много дела на руках. Ввиду этого тотчас же послали за Шмидтом, который не замедлил явиться.

Шмидт был толстый и круглый человек с добродушным и честным немецким лицом, одетый как фермер. Он вежливо поздоровался с Андреем и сделал несколько замечаний о погоде. Затем прямо перешел к делу и сказал, что всё готово.

К сожалению, оказалось, что у молодого человека было слишком много багажа. Революционер, приезжающий на родину, должен быть хорошо одет и иметь довольно много вещей в противоположность оставляющим отчизну. Давид протестовал против всяких задержек, чтобы не опоздать на поезд.

После этого последовали быстрые и короткие переговоры по-немецки между Давидом и Шмидтом, за которыми Андрей не мог уследить. Он понял, однако, что всё кончилось к

обоюдному удовольствию. Немец взвалил себе на плечи чемодан Андрея, и они направились все вместе к его дому.

Это был маленький двухэтажный домик с хорошеньким палисадником. Фрау Шмидт, степенная дама средних лет, в белом чепце, вышла к ним и предложила закусить.

– Где Ганс? – спросил Шмидт.

Ганс только что вернулся с вечерних занятий в школе и переодевался у себя в комнате.

На зов отца сошел в комнату краснощёкий белокурый мальчик лет двенадцати, не более, в широких панталонах и коротенькой узкой курточке, швы которой трескались под напором молодого развивающегося тела.

– Возьми шляпу и сведи этих господ к серому камню за берёзой, на том холмике. Понимаешь?

– Да, папа.

– Живо! – прибавил Шмидт вслед сыну.

– Хорошо, папа.

Шмидт пожелал гостям доброго пути, проводил их до калитки садика и повторил наставления сыну.

Ганс в них не нуждался. Он был серьёзный

мальчик, понимавший свое дело, и уже обещал сделать честь профессии, которая переходила в их роде от отца к сыну. Без лишних разговоров он повёл за собой путешественников, причём его круглое лицо светилось важностью и сознанием собственного достоинства.

Оба друга следовали за ним на некотором расстоянии. Они вышли из деревни и продолжали идти несколько времени вдоль ручейка, через который приятели Давида переправлялись незадолго перед тем. Потом ручей повернул направо, и им пришлось идти по открытому болотистому месту, где не было и следа проложенной дороги. Мальчик не выказывал, однако, ни малейшего колебания и продолжал идти ровными шагами, слегка балансируя короткими толстыми руками и ни разу не оборачивая головы.

Солнце уже село, и пурпурный отблеск неба придавал красоту даже унылому пейзажу Восточной Пруссии. Безграничная равнина расстилалась по всем направлениям, но Андрей подметил уже издали соломенные крыши русской деревни, представляющие

резкий контраст с просторными домиками, крытыми красною черепицею, на немецкой стороне. Не могло быть никакого сомнения. За этими кустами была Россия, печальная родина, так сильно манившая к себе Андрея. Через несколько минут он ступит на эту пропитанную слезами землю, для которой готов рискнуть жизнью.

– Я очень жалею, милый Давид, – обратился он к своему спутнику, – что нам так мало пришлось побыть вместе. Мне бы хотелось еще о многом поговорить с тобой.

– Я приблизительно через месяц вернусь в Петербург. Ты не уедешь до тех пор, надеюсь?

– Нет, я едва успею осмотреться за это время. Ведь многое изменилось там, вероятно. Но скажи, пожалуйста, многие из наших разделяют взгляды Зацепина?

– Нет, этого тебе бояться нечего. Он один из немногих чудаков этого рода. У остальных – другие фантазии, и Жорж – их пророк. Ты, конечно, читал его вещи?

– Читал.

– И тебе нравятся?

– Да, очень. Почему ты спрашиваешь?

– Я так и думал. А что касается меня, то, если бы мне предстоял выбор, я предпочёл бы Зацепина.

– Недалеко бы ты с ним ушёл, – заметил Андрей.

– Да. Он ничего не видит дальше злобы сегодняшнего дня, но он человек этого дня, и его дело то самое, что все мы делаем. Ясно, чего можно ждать от него, чего нельзя. Но ваш брат, русский, терпеть не может иметь дело с положительными, осязательными вещами, вам непременно нужна какая-нибудь фантастическая бессмыслица, чтобы морочить ею свою голову. Это у вас в крови, я полагаю.

– Не будь так строг к нам, – заметил Андрей, улыбаясь выходке своего приятеля. – Если даже вера Жоржа в Россию и в высокие добродетели наших крестьян и преувеличена, то что за беда? Разве ты не повторяешь того же самого относительно твоих излюбленных немецких рабочих вообще и берлинских в частности?

– Это совершенно иное дело, – сказал Давид. – Это не вера, а предвидение будущего, основанное на твёрдых фактических данных.

– Тех же щей, да пожиже влей, – сказал Андрей. – Нельзя не идеализировать того, к чему сильно привязан. Со всей твоей философией ты ничуть не благоразумнее нас. Все дело в том, что у нас различные пристрастия. Мы сильно привязаны к нашему народу, а ты нет.

Давид не сразу ответил. Слова Андрея затронули в нем больное место.

– Да, я не привязан к вашему народу, – сказал он наконец медленным, грустным голосом. – Да и как бы я мог привязаться к нему? Мы, евреи, любим свой народ, это всё, что у нас осталось на земле; по крайней мере, я люблю его глубоко и горячо. За что же мне любить ваших крестьян, когда они ненавидят мой народ и варварски поступают с ним? Завтра они, может быть, разгромят дом моего отца, честного рабочего, как они громили тысячи других работающих в поте лица евреев. Я могу жалеть ваших крестьян за их страдания, всё равно как бы жалел абиссинских или малайских рабов или вообще всякое угнетённое существо, но они не близки моему сердцу, и я не могу разделять ваших мечтаний и нелепого преклонения перед народом. Что же каса-

ется так называемого общества высших классов – что, кроме презрения, могут внушить эти поголовные тусовки? Нет, в вашей России нечем дорожить. Но я знаю революционеров и люблю их даже больше, чем мой собственный народ. Я присоединился к ним, люблю их, как братьев, и это единственная связь, соединяющая меня с вашей страной. Как только мы покончим с царским деспотизмом, я уеду навсегда и поселюсь где-нибудь в Германии.

– И ты полагаешь, – сказал Андрей нерешительным тоном, – что там будет лучше? Ты забываешь грубость немецкой толпы, да одной ли только толпы...

– Да, – ответил Давид с грустным выражением в больших красивых глазах. – Мы, евреи, чужие среди всех наций. Но все-таки немецкие рабочие цивилизованны и прогрессируют также в нравственном отношении, и Германия единственная страна, где мы чувствуем себя не совсем чужими. – Он опустил голову и замолчал.

Андрей был глубоко взволнован горем своего друга. Он приблизился к нему и тихонько

положил ему руку на плечо. Ему хотелось ободрить его. Он хотел сказать ему, что варварство русских крестьян происходит только от их невежества, что у них большой запас человечности и терпимости, чем у какой бы то ни было нации в мире, что, когда они будут хоть наполовину так образованны, как немцы, все средневековые предрассудки бесследно исчезнут у них.

Но Андрею помешало высказать всё это краснощёкий представитель конкурирующей расы, который в эту минуту подошёл к ним со словами:

– Спокойной ночи!

– А-а, Ганс! – сказал Давид. – Ты уже идешь домой?

– Да. Мама будет беспокоиться. Я должен спешить.

Давид вынул из жилетного кармана несколько зильбергрошей для мальчика и, потрепав его по розовой щеке, отпустил домой.

– А как же с границей? Нам придётся перебираться одним? – спросил Андрей.

– Граница? Мы уже перешли ее.

– Когда?

– Полчаса тому назад.

– Странно! Я никого не заметил, даже ни одного часового.

– Часовой, вероятно, зашёл за тот холмик или в какое-нибудь другое место, откуда ни он не мог бы нас видеть, ни мы его.

– Как это мило с его стороны, – сказал Андрей улыбаясь.

– Это обычный приём, – ответил Давид. – Никто не может быть в претензии на часового за то, что в известный момент отстоит в известном пункте своего района. А за пару грошей, если он только уверен, что его не выдают, он всегда готов постоять подольше там, где его попросят.

– А если бы мы опоздали, и он заметил бы нас, выйдя из своей засады?

– Он бы повернулся и побежал назад к прежнему месту, нет и все... Но нам нельзя терять времени. Пройдём прямо в деревню, чтоб нас не заметили жандармы: мы ведь уже в царских владениях.

В доме Фомы Андрей с радостью увидел свой чемодан, доставленный уже аккуратно-

ным немцем. Они пришли на станцию как раз за пять минут перед тем, как, пыхтя и грохоча, на нее вкатил заграничный поезд. Это был курьерский поезд, что тоже было с руки: с пассажирами курьерского поезда обходятся всегда с большим почтением, чем с простыми смертными, едущими в почтовых поездах.

Андрей выбрал купе, в котором был один только молодой человек, спавший в углу, укутавши пледом свою белокурую голову. Жандарм, ходивший туда-сюда по платформе, вежливо помог ему втащить чемодан. Андрей пожал еще раз руку Давиду, поезд тронулся, и Андрей почувствовал себя окончательно в России.

Глава V

Два друга

Быстро вперед мчится черная змея с раскатыми глазами, то извиваясь и распуская свой длинный, сияющий хвост, то влетая, как стрела, в темный туннель, пыхтя и завывая в своей борьбе с пространством. Но еще быстрее красноокой змеи несутся мысли путешественника, стремящегося навстречу своей судьбе.

После целого дня волнений Андрей очутился наедине с собою и задумался о предстоявшей ему роли в деле, ему хорошо знакомом много лет тому назад, но теперь для него совершенно новым. Утренняя встреча с русскими и несвязный, шумный спор оставили на нем след. Эти люди привезли с собой струю русского воздуха, и Андрей почувствовал в нем нечто новое, смутившее его. Он почувствовал, что к революционному движению примешалось какое-то побочное течение, несколько узкое и исключительное, но сильное и неудержимое. Станет ли он содействовать со-

юзу этого движения с более умеренными, но зато и более многочисленными элементами общества? Или же придётся поплыть по новому течению, чтобы не лишиться возможности действовать немедленно и энергично? Это выяснится только на месте.

У него вдруг заныло сердце при мысли о Борисе. Уму и рассудительности этого человека он доверял больше всего и всегда с полной готовностью следовал его советам. При одной мысли, что никогда больше не придётся говорить с ним, быть может, никогда больше не свидеться, самая поездка в Петербург, казалось, утратила всю свою привлекательность для Андрея. «Что, если и Жоржа арестовали тем временем?» – промелькнуло у него в голове. Возможно и это. Андрею в ту минуту казалось, что несчастья никогда не приходят в одиночку. Он настолько встревожился, что решил послать телеграмму Жоржу, давая ему знать на условном языке о своём приезде. Так он и сделал на первой же большой станции – и почувствовал облегчение, как будто бы телеграмма могла предотвратить опасность. Он был теперь совершенно уверен, что Жорж вы-

едет ему навстречу на вокзал, и охотно вступил в разговор со своим попутчиком – тем самым, которого он принял накануне ночью за молодого человека со светлыми вьющимися волосами.

К утру, когда путешественник проснулся и его можно было ближе разглядеть, оказалось, что это был старик лет шестидесяти, без всяких кудрей на совершенно лысой голове. Опасаясь сквозняков, он надел на ночь вязаный жёлтый колпак, который Андрей и принял впотьмах за волосы.

Скука длинного путешествия располагает к болтовне. Старик оказался словоохотливым. Он не мог просидеть двенадцать часов лицом к лицу с человеком, не расспросив его, женат ли он или холост, помещик ли, купец, или чиновник, или же занимается какой-нибудь из свободных профессий. Зато он с готовностью распространялся и о своих собственных делах. Они разговорились. Андрей выдал себя за коммерсанта. Его собеседник оказался столоначальником в Министерстве государственных имуществ и возвращался домой после зимы, проведённой за границей. От впечатле-

ний, вынесенных из чужих стран, они перешли к разговору о родине, и старик показался Андрею одним из самых недовольных русскими порядками людей. Он не уважал властей, видел одни только глупости в действиях и мерах правительства, начиная с освобождения крестьян. Он не верил в прочность существующих учреждений и не считал ее желательной, потому что все было плохо и нуждалось в изменении. Государственная служба плохо оплачивается, помещики разорены, крестьяне голодают и входят в неоплатные долги; всё идёт прахом.

То обстоятельство, что человек, которому он высказывал свои чувства и взгляды, был для него совершенно чужим, имени которого он не спрашивал и которому не назвал себя, ничуть не ослабляло экспансивности[14] старого господина. Но за станцию до Петербурга их tete-a-tete[15] был прерван двумя другими пассажирами, вошедшими в вагон. Старик счёл более разумным не компрометировать себя в их присутствии и сделался молчаливым и даже несколько грустным. Когда поезд вошёл под стеклянную крышу вокзала, он

принял суровый, официальный вид, как бы мысленно входя в канцелярию своего департамента.

Андрей высунулся из окна, ища глазами Жоржа. Платформа была запружена публикой – мужчинами, женщинами и детьми, пришедшими встречать родственников или друзей. Артельщики пробивали себе дорогу в толпе, крича и жестикулируя. Не видя Жоржа, Андрей решил, что тот ждёт его на улице.

С чемоданом в руках он медленно пробирался к выходу, когда сильный удар по плечу и хорошо знакомый голос заставили его повернуть голову. Это был Жорж. За три года он из юноши превратился во взрослого человека с белокурой бородой, покрывавшей его щеки и подбородок. Кроме того, он был одет с элегантностью, составлявшею полный контраст с его прежним, нигилистическим костюмом [16].

– Каким ты стал, однако, франтом, – сказал Андрей, целуя приятеля. – Я бы совсем не узнал тебя.

– Ничего не поделаешь! Мы теперь люди серьёзные и должны соблюдать приличия.

Есть у тебя багаж?

– Ничего, кроме этого, – ответил Андрей, показывая свой довольно тяжеловесный чемодан.

Они молча вышли из вокзала и наняли извозчика до квартиры Жоржа. Кое-как усевшись на узком сиденье, Андрей начал нетерпеливые расспросы:

– Что у вас слышно? Все ли здоровы?

– Все наши здоровы, – ответил Жорж.

Это, конечно, означало, что никто из них не был арестован в последнее время; расспросы о здоровье сами по себе были слишком маловажным сюжетом, чтобы им стоило интересоваться революционерам.

– Я, значит, приехал в хорошую погоду, – заметил Андрей.

– Не совсем, – уклончиво ответил Жорж, – но об этом после.

Он указал глазами на извозчика. Извозчицьи дрожки в Петербурге – не всегда подходящее место для обсуждения политических новостей.

Андрей кивнул в знак согласия и с восторгом стал всматриваться в знакомые улицы.

– Как приятно опять трястись на этих адских дрожках! – сказал он. – Ничего подобного нет за границей, уверяю тебя.

Он чувствовал себя совершенно счастливым при виде чудного города, с которым были связаны дорогие ему воспоминания, и радовался мысли, что он снова на своём месте. Сомнения, одолевавшие его дорогой, совсем рассеялись. Он почувствовал себя единицей в той самой таинственной организации, которая подкапывается под власть царя у самого его носа и скрывается чуть ли не в складках жандармских и полицейских шинелей. Вот они, эти царские мирмидоны[17], с саблями и револьверами за поясом, строго поглядывающие на проезжающих мимо них двух приятелей. Но Андрей хорошо знал, что они скорее арестуют половину обитателей столицы, чем увидят что-нибудь подозрительное в двух столь веселых и беззаботных молодых людях, как он с Жоржем. Комичность положения окончательно притупила сознание действительной опасности.

Жорж жил на Гагаринской улице, где зани-

маленькую квартиру в две комнаты с передней. В ней было достаточно места для двоих, и друзья решили провести вместе с неделю или больше, пока Андрей приищет себе подходящее помещение. У революционеров правило – не жить вместе, если того не требуют «деловые» соображения, иначе арест одного вёл бы совершенно напрасно к гибели другого.

Когда Андрей уничтожил все следы длительного путешествия, Жорж повёл его на «конспиративную квартиру», где всегда можно было застать двух-трех членов организации. Потом они зашли вместе на минутку к друзьям, жившим поблизости, а дела отложили до следующего дня.

Таким образом, им удалось вернуться домой рано. Они хотели подольше побеседовать наедине: им нужно было позондировать друг друга относительно многого. Андрею необходимо было расспросить, а Жоржу – рассказать о новых людях и новых условиях, среди которых приезжому придётся действовать. Они долго и серьёзно говорили, и Андрей то возражал, то слушал, стараясь воспользоваться све-

дениями своего друга.

– Довольно о политике на сегодня, – сказал он наконец, когда все задетые вопросы были подробно обсуждены за пять часов оживлённой беседы. – Расскажи мне теперь всё про себя самого.

Жорж ходил по комнате, заложивши руки за спину, всё еще размышляя о серьёзных вопросах.

– С чего начать? Ведь это длинная история, – сказал он.

– С самого начала. Я ведь ничего о тебе не знаю, кроме того, что напечатано тобой, а это, согласишься, очень мало.

– В таком случае, ты знаешь почти все, – ответил Жорж.

– Но разве ты не написал еще чего-нибудь, кроме напечатанного? Чего-нибудь в другом роде? – спросил Андрей.

Он намекал на стихи, которые Жорж писал в промежутках между более прозаичными и трудными обязанностями публициста революционной партии.

– Очень мало, – ответил Жорж, – почти ничего после того маленького сборника; ты его

знаешь. В последнее время я много работал в кружках молодёжи.

– Да? И какое ты вынес впечатление? Мне многие говорили за границей, что молодёжь становится очень практичной и филистерской[18].

– Вечные жалобы близоруких и малодушных людей! В большой книге жизни они ничего не видят, кроме запачканных полей! – с жаром ответил Жорж.

Он рассказал о своих собственных наблюдениях, которые привели его к совершенно другим, скорее чересчур радужным заключениям, и назвал для примера нескольких из своих молодых друзей.

– Ты должен с ними познакомиться, – сказал он. – Я не сомневаюсь, что ты согласишься со мной.

В немногих словах он охарактеризовал каждого из них, сделав это, однако, наскоро, как бы торопясь перейти к особенно интересному сюжету.

– Тут есть одна девушка, с ней мне очень хочется тебя познакомить, – продолжал он, подсаживаясь к Андрею на диван. – Ее зовут

Татьяна Григорьевна Репина, дочь известного адвоката и совершенно исключительная девушка.

– У тебя положительно талант, – заметил Андрей, – находить необыкновенные и исключительные натуры, особенно между девушками.

– Бывает и так, что невозможно ошибиться. Что касается Репиной, то она, несомненно, замечательная личность.

– Сколько ей лет? – спросил Андрей.

Это было слабым пунктом в панегирике [19] Жоржа, и он это знал.

– Ей девятнадцать лет, – ответил он с напускной небрежностью. – Но что же из этого?

– Она красива, я полагаю?

Жорж не ответил. Характерная поперечная складка появилась на его лбу, придавая ему выражение досады, доходящей до боли.

– Не сердись, – поспешил извиниться Андрей, взяв его за руку. – Я не хотел сказать ничего дурного. Ведь говорят же, что лицо – зеркало души, – прибавил он, не сумевши подавить в себе желание пошутить.

Жорж не умел сердиться, и первое друже-

ское слово успокоило его. Он живо повернулся, уселся с ногами на диван, чтобы смотреть прямо в лицо Андрею, и начал пространную и красноречивую речь о нравственных и умственных качествах Тани.

Больше всего его поражала в девушке способность к сильному энтузиазму, соединённая с хладнокровием и точностью практического деятеля. У нее были задатки вождя, и ее силу не уменьшают присущие ей женская подвижность и грация.

Все это Жорж доказывал с большим усердием и трогательной убеждённостью.

Андрей слушал его со скептической, но сочувствующей улыбкой. Он был уверен, что по крайней мере девять десятых того, что говорил Жорж, было плодом его богатого воображения. У Жоржа было очень нежное сердце, но ему недоставало средних нот в гамме симпатий. В сношениях с людьми он быстро доходил до высших степеней восторга или до полного равнодушия. Он часто ошибался в своих суждениях о людях, хотя и претендовал на знание людей. Он и в самом деле знал их по-своему, хотя на его мнения нельзя было

полагаться. Но Андрей, обладавший нормальной гаммой симпатий, любил своего друга больше всего именно за эту необузданность чувств. Он с радостью констатировал, что Жорж очень мало переменился.

– Да, – сказал он, смеясь, – познакомь меня непременно с твоей молодой приятельницей. Если одна десятая того, что ты говоришь о ней, правда, то она – цвет своего поколения. Где ты с ней выдаешься? На студенческих собраниях или в доме у отца?

– Мы аккуратно встречаемся на собраниях, но я и Зина бываем иногда у Репиных. Он не боится принимать у себя «нелегалов». Я думаю, что тебе лучше всего увидеться с Татьяной Григорьевной у нее на дому.

Андрей согласился с Жоржем. Ему хотелось также познакомиться с Репиным, и он выразил удовольствие, что такой туз на их стороне.

– В этом я не уверен, – сказал Жорж. – Я никак не могу точно определить его взглядов. Зина знает его лучше и очень высокого мнения о нем. Несомненно только, что Репин бывал нам очень полезен в затруднительных

случаях.

Жорж привёл несколько примеров весьма значительных денежных пожертвований со стороны Репина.

– Он, вероятно, очень богатый человек, – заметил Андрей.

– Да, он человек состоятельный, – ответил Жорж. – Но едва ли он один даёт все эти деньги. Таня богата сама по себе. У нее будет большое состояние, когда она достигнет совершеннолетия: какое-то наследство по матери, кажется, я хорошенько не помню. Конечно, – прибавил он мягким, мечтательным голосом, – она сама – гораздо большее приобретение для партии, чем все ее деньги!

Андрей быстро повернул голову к Жоржу, но не мог заглянуть ему в глаза. Они глядели в пространство, как бы созерцая что-то вдалеке.

Андрей произнёс многозначительное «гм!» и решил воспользоваться первым случаем, чтобы познакомиться с этой необыкновенной девушкой. Конечно, думал он, Жорж и она могут быть большими друзьями, и ничего больше. У такого энтузиаста, как Жорж, границы

дружбы особенно растяжимы. Но все-таки в тоне и в выражении лица, когда он говорил о девушке, сквозило что-то сильнее обыкновенной дружбы. Андрею захотелось видеть их вместе, чтобы решить кое-какие сомнения и даже опасения. Правда, он не вполне разделял мнения некоторых из своих товарищей, утверждавших, что революционер должен отказаться от любви, но все-таки он считал, что гораздо лучше держаться подальше от «этих глупостей». Если Жорж теперь попался, то не с чем его поздравить, тем более что его избранница – светская девушка и возвращается, очевидно, в совершенно другом обществе.

Глава VI

Смешанная компания

Репин ответил на вопрос своей дочери, что очень рад будет видеть Андрея у себя. Но прошло целых три недели, прежде чем Андрею удалось воспользоваться этим приглашением.

Зина тем временем вернулась из Дубравника с такими неблагоприятными вестями, что все, не исключая ее самой и Андрея, должны были согласиться, что на время, по крайней мере, всякую попытку освобождения Бориса надо оставить. Так как Зина хотела поговорить с Репиными – они живо интересовались этим делом, – то и предложила Андрею пойти к ним вместе. Таким образом, в квартире адвоката должна была собраться вечером целая компания «нелегалов».

Андрей жил теперь отдельно, на Песках, недалеко от Зины, так что им легко было отправиться вместе. Жорж поэтому был освобождён от обязанности сопровождать своего друга, что показалось ему совершенно доста-

точным предлогом, чтобы отправиться раньше других. Ровно в шесть часов, когда, он знал, семья Репиных только что кончила послеобеденный кофе, он уже нажимал пуговицу электрического звонка в их элегантной квартире на Конюшенной улице. Он едва успел спросить, дома ли господы, как раздались быстрые шаги в соседней комнате и сама Таня, улыбаясь, вышла, приветствуя его дружеским пожатием руки. Она была грациозной брюнеткой, с большими черными глазами под резко очерченными бровями и красивым, хотя несколько большим ртом. Ее живое оригинальное лицо было не то чтобы очень красивое, но очаровательное, когда она улыбалась.

– Только вы! – сказала она с шутливым разочарованием.

– Только я, Татьяна Григорьевна, – ответил Жорж, – но не приходите в отчаяние, остальные скоро явятся.

Она провела его в столовую, где они застали ее отца, человека лет пятидесяти пяти, высокого, с седой бородой, и молодого человека лет тридцати, в бархатной жакетке и с длин-

ными каштановыми волосами, с видом художника. Это был Николай Петрович Криво-луцкий, профессор одного из высших учебных заведений в Петербурге и большой друг Репина.

После обычных приветствий Криво-луцкий возобновил прерванный разговор о приближающемся столкновении между реакционной и либеральной партией императорского общества пчеловодства, секретарём которого он состоял.

Репин и он были, по-видимому, очень заинтересованы этим предметом, и Репин от души хохотал, слушая о проделках, на которые пускались реакционеры, чтобы обеспечить себе большинство при следующих выборах председателя.

Таня и Жорж из вежливости показали вид, что их тоже интересует этот разговор, но скоро начали говорить о своих собственных делах. Таня спросила, о чем была речь на последнем студенческом собрании, на которое она не попала. Жорж рассказал и, в свою очередь, осведомился, приготовила ли она свой реферат для следующего собрания.

– Да, я написала. Но вышло так плохо, что я, вероятно, вовсе не решусь читать. Жаль, что я не выбрала чего-нибудь полегче.

– Всякое начало трудно, – сказал Жорж. – Но, быть может, работа вышла лучше, чем вы думаете. Покажите ее мне.

– С удовольствием; но я уверена, что и вам она не понравится.

Она повела его в свою комнату, где на изящном письменном столике лежала аккуратно переписанная, тщательно сшитая тетрадка с широкими полями. Она передала ее молодому человеку. Жорж вынул карандаш из кармана и уселся читать с деловым видом человека, привыкшего к просмотру рукописей. Вытянувшись на стуле, немая как рыба, Таня с забавным напряжением не сводила глаз с Жоржа. Ей не хотелось, чтобы он счёл ее глупой, но ее первый опыт был так плох, что она ничего другого и ждать не могла.

Они были знакомы всего несколько месяцев, но уже очень подружились. Молодая девушка никогда не вела такой полной и многосторонней жизни, как со времени встречи с Жоржем. Когда, несколько лет тому назад, Зи-

на, только что убежавшая из тюрьмы, появилась у них в доме, она взволновала молодое воображение Тани, открыв ей совершенно новый мир. Но тогда она была совсем девочкой, и таинственный мир, в котором жила Зина, не то пугал, не то интересовал ее. Теперь она знала его лучше, и ей нравились приятели Зины. На одном из собраний она познакомилась с Жоржем, и он скоро занял главное место в ее умственной жизни.

Слушая его, девушка чувствовала прилив новых сил. Жорж не льстил ей и, конечно, не сказал ей ни одного комплимента. Никто из их поколения, так горячо защищавшего права женщин, не позволил бы себе этого, да и всякая девушка сочла бы комплименты за пошлость. Жорж не смущал ее разговорами о ней самой. Такие разговоры он берег для своих близких друзей, которым он прожужжал уши подробным анализом всех необыкновенных качеств открытой им девушки. Но он был так преисполнен ею, что это давало себя знать, о чем бы он ни говорил. Рассказывая Тане про Андрея и про радость их встречи, он не мог скрыть, что много раз беседовал о ней

со своим другом. Когда речь заходила о кружке, к которому они с Таней оба принадлежали, то, незаметно для него самого, вводились тонкие намёки на скрытые качества девушки и ее революционные таланты.

Хотя Таня протестовала и старалась не верить словам Жоржа, но не могла не радоваться и не чувствовать благодарности за то, что такой замечательный человек, как ее новый знакомый, такого высокого мнения о ней. Жорж представлялся ей в ореоле доблестного рыцаря, сражающегося за благородное дело и рискующего для него свободой и жизнью. Она не сомневалась, что установившиеся между ними отношения – чисто дружеского характера. При своей красоте и вдобавок богатстве Таня имела много поклонников, но ничего похожего на их поведение она не заметила в Жорже. Он обращался с нею как с товарищем, без всякого намёка на ухаживание. Иногда делал ей замечания и всегда говорил прямо в глаза, когда считал ее неправой. Оттого ей так приятно было в его обществе, и тем более она ценила его тонкие, сдержанные похвалы.

Она вздохнула с облегчением, когда Жорж, прочтя написанное, сказал ей, что реферат недурён. Несколькими отметками карандашом он указал, где следует сделать небольшие перестановки и сокращения.

Посреди их разговора вошли Зина и Андрей.

При виде Зины молодая девушка сейчас же забыла про свой реферат, про Жоржа и про все на свете в порыве страстного сочувствия горю своего несчастного друга. Она знала, как сильно Зина любила Бориса, и теперь видела ее в первый раз после ее неудачной поездки в Дубравник.

Вопросительно и испуганно взглянув на нее большими выразительными глазами, Таня бросилась к подруге и стала целовать ее с девичьей экспансивностью. Но красивое лицо молодой женщины оставалось спокойным и не обнаруживало никаких знаков волнения. Глядя в эту минуту на них обеих, можно было подумать, что Таня потеряла близкого человека и Зина пришла утешать ее. Глубокие серые глаза Зины встретили взволнованный и полный сострадания взгляд Тани со-

вершенно твёрдо. Ее изящный лоб, оттенённый волнистой линией волос, был безоблачен, радостная улыбка говорила, как ей приятно видеть Таню.

Таня почувствовала успокоение. Ей так хотелось успокоиться. Грусть и сожаление не вяжутся с оптимизмом юности.

– Григорий Александрович, надеюсь, дома? – спросила Зина.

– Да, папа разговаривает с Криволуцким. Мы сбежали сюда, чтобы не мешать им своей болтовнёй, – сказала Таня. – Теперь, когда нас так много, мы смело можем нагрянуть на них.

Жорж представил ей Андрея.

– Это мой товарищ, Татьяна Григорьевна. Прошу любить и жаловать, – сказал он.

– Непременно постараюсь, – ответила молодая девушка, протягивая Андрею руку с поразившей его грациозностью.

Оказалось, что Репин и Криволуцкий уединились в кабинете и сидели там в облаках дыма.

Андрей для удобства был представлен под именем Петрова, хотя, конечно, его настоя-

щее имя известно было и Репину и Криволюцкому, который нарочно пришёл, чтобы познакомиться с ним.

Пожилой адвокат радушно принял Андрея. Между старыми эмигрантами было несколько друзей юности Репина, и ему хотелось узнать, как им живётся на чужбине.

Андрей некоторых из них знал лично, а о других слышал от общих друзей. Русских эмигрантов за границей немного, и более старые из них, к числу которых принадлежали друзья Репина, были известны всем. Они много работали, каждый в своём направлении, разделённые бóльшей частью политическими несогласиями. Одни были бодры и здоровы, другие нет. Вот все, что можно было сообщить об их довольно однообразной жизни.

– Боюсь, что здесь жизнь не покажется вам слишком однообразной, – сказал хозяин. Добродушная улыбка показалась на его толстых губах и быстро исчезла, оставив серьёзное, вдумчивое выражение на резко очерченном умном лице старого адвоката.

Разговор сделался общим. Репин бывал в Швейцарии во времена Герцена и вспоминал

о приятных впечатлениях, которые вынес оттуда.

– Какой тяжёлый контраст для вас, – сказал он, – после долгой привычки к полной свободе вдруг очутиться в этой несчастной стране, где слова нельзя сказать, не рискуя попасть в лапы жандармам.

– Контраст, конечно, большой, – согласился Андрей. – Но я лично мало страдаю от него; мне, во всяком случае, приятнее жить здесь, чем там.

Репин недоверчиво покачал головой. Он был тронут, почти пристыжен при виде этого молодого человека, полного сил и энергии, приехавшего с другого конца Европы в этот ужасный город, полный шпионов и полиции, чтобы поплатиться жизнью за прекрасную мечту. Он посмотрел на него и его друзей и снова покачал головой.

– Не говорите этого, – сказал он. – Жить под вечными опасениями, не иметь ни минуты покоя и сознания безопасности в течение дня, просыпаться ночью при каждом необычном шорохе с мыслью, что вот-вот наступит ваш последний час, – это должно быть ужасно!

Репин произнёс свои слова таким убеждённым тоном, и грустная картина, нарисованная им, была так далека от действительности, что те, которых она касалась, разразились весёлым смехом.

– Простите, – извинился Андрей, – но вы рисуете это слишком сильными красками.

Репин ничуть не обиделся, а скорее заинтересовался, как наблюдатель человеческой природы. Неудержимый взрыв чистосердечного хохота был убедительнее всяких доказательств.

– Неужели вы хотите меня уверить, что опасности, окружающие вас на каждом шагу, вам нипочём? – спросил он, озираясь вокруг с изумлением.

Зина сидела в самом конце полукруга, образовавшегося около Репина, и он дольше всего остановил свой взгляд на ней, как будто общий вопрос касался главным образом ее.

– Слишком часто повторяются эти опасности, Григорий Александрович. Человек привыкает ко всему, к несчастью! – сказала она, и тень грусти промелькнула по ее лицу.

Непростительная оплошность, за которую

поплатился Борис, была главной причиной трагедии в Дубравнике. Но эта тень исчезла так же естественно, как и появилась, и ее серые глаза смотрели опять ясно и твёрдо.

Хотя сознание недавней и тяжёлой утраты не оставляло ее ни на минуту, но невозможно было предположить, чтобы ее внешнее спокойствие было только маской. Каждый звук ее голоса, каждая черта ее красивого лица дышали такой искренностью, что даже ее стоицизм[20] должен был быть естественным, а не напускным. Это было тоже результатом давно приобретённой привычки. В мире, в котором жила Зина, всегда из трех человек у одного, по крайней мере, сердце разрывалось на части вследствие таких несчастий. Жизнь сделалась бы невозможной, и их работа прекратилась бы окончательно, если бы они не владели своими нервами.

Зина не была в разговорчивом настроении в этот вечер, но она принимала участие в беседе с той же простотой и естественностью, с какой она исполняла обычные обязанности повседневной жизни. Она поддержала Андрея, когда он постарался дать хозяину более

правильное понятие о жизни нелегального, и смеялась, когда Жорж взялся доказывать, что в России только нелегальные и пользуются – иногда по крайней мере – полным покровительством законов.

– Возьмите себя, например, – обратился он к Репину. – Уверены ли вы, что сегодня же ночью полиция не заберётся к вам в дом? Вы прогнали проворовавшегося конторщика, и он может отомстить вам, обвинив вас в укрывательстве террористов; вы что-нибудь сказали против правительства, и об этом донесли в Третье отделение; вы много лет тому назад написали что-нибудь в том же роде приятелю, которого теперь арестовали и у которого нашли ваше письмо. Разве всего этого за вами не водилось?

Репин повинился в своих проступках.

– В таком случае с вашей стороны безрас-судно спать спокойно, – продолжал Жорж, – потому что вас могут арестовать сегодня же ночью, а завтра вы уже очутитесь на дороге в Архангельск или в другое, более отдалённое и неудобное место.

Адвокат с улыбкой ответил, что он надеет-

ся, что ничего подобного с ним не случится, но что, конечно, поручиться нельзя.

– А мы можем! – воскликнул Жорж с шутливым торжеством. – Все наши грехи смываются, когда мы бросаем в огонь наши старые паспорта и являемся с новыми. Если только паспорт хорош и держать ухо востро, то можно жить припеваючи. Я скоро буду праздновать четвертую годовщину моей нелегальной жизни.

– Ты, значит, прожил двойной срок за счёт кого-нибудь другого, – сказал Андрей. – Рассчитано, что нелегальные живут средним числом не больше двух лет.

– Можно три протянуть, если не лениться менять паспорта, – заметил Жорж больше для собственного назидания, потому что никто не расслышал его глубокомысленного замечания.

Позвали к чаю, и все поднялись и прошли в столовую.

– Зинаида Петровна, – сказал Репин, – мне нужно кое о чем спросить вас. Подождите минуту. Таня, – прибавил он, – пришли нам чаю сюда.

Он хотел узнать все подробности о положении дела ее мужа и спросить, не может ли он быть чем-нибудь полезен.

Зина догадывалась, о чем он думает. Ей нечего было сообщить Репину о своём деле — оно не двигалось с места, но ей хотелось потолковать с адвокатом наедине. Нужно было заняться делом сестёр Поливановых. Их согласны были выпустить на поруки после двух лет тюремного заключения, так как не было никаких доказательств их вины. Необходимо было тотчас же найти двух хороших поручителей, потому что девушки, как сообщали, очень слабого здоровья. Зина надеялась, что Репин возьмёт на себя ручательство за одну и постарается найти поручителя для другой. Кроме того, она хотела спросить его, нельзя ли разузнать у прокурора, что случилось с осужденными в последнем политическом процессе. Их отправили неизвестно куда.

Из столовой доносились весёлые голоса и смех молодёжи. Жорж заспорил с Криволицким о любимом предмете профессора, утверждавшего, что, пока вся масса русского крестьянства не превратится в пролетариат, под-

властный игу капиталистов, до тех пор нет надежды на рабочее движение в России.

Жорж вёл спор, а остальные двое слушали: Таня – с сосредоточенным вниманием новичка, стараясь вникнуть в глубокомысленные разглагольствования профессора; Андрей – с любопытством, наблюдая этот новый тип учёного доктринёрства[21]. От времени до времени он предлагал вопросы Криволицкому, предоставляя, однако, своему другу главную роль в споре. Жорж был блестящий полемист, и его замечательная память позволяла ему запоминать все подробности длинных речей своего оппонента. Андрей вставил несколько слов, но интерес к разговору быстро охладел у него; в нем не было этой распространённой среди русских страсти к спорам, в которую выливается их не находящая себе нормально-го выхода энергия.

Он обрадовался, когда Зина, окончившая конфиденциальный[22] разговор с адвокатом и, очевидно, довольная его результатами, появилась в дверях. Репин следовал за ней.

– Ну что, как обстоят дела? – спросил он споривших. – Порешили уже судьбы России

или что-нибудь осталось еще под сомнением?

Поперечная складка – признак неудовольствия – появилась на лбу у Жоржа, прежде чем он мог сдержать свою досаду. Он не любил этого шутливого тона. Андрей, напротив, был очень доволен и объяснил Репину, в какой тупик загнал Россию его учёный друг.

Явились новые гости – Орест Пудовиков, литератор, со своей женой – и дали иное направление разговору. Но Андрей не принял в нем участия. Он присоединился к Зине и Тане.

– Помогите мне удержать ее с нами еще немного, – обратилась к нему Таня.

Теперь, когда Зина собиралась уходить, девушке пришло в голову, что ее спокойствие было результатом самообладания, а не покорности судьбе. Она упрекала себя за бессердечное отношение к горю Зины и искала возможность загладить свою вину, хотя и не знала, как это сделать.

– Разве вам пора уходить, Зина? – спросил Андрей. – Ведь еще очень рано.

– Мне еще нужно зайти в Басков переулок.

– Вы можете сделать это завтра утром. По-

сидите еще немного, – упрасивала Таня, взявши Зину за талию и ласкаясь к ней с грацией котёнка.

Зина засмеялась коротким тихим смехом, придававшим ей большую прелесть. Как можно было остаться! Она должна была ровно в половине одиннадцатого встретиться в Басковом переулке с тюремным сторожем, который приносил письма от политических заключённых, находящихся в одном из казематов.

– Нет, голубушка, – сказала она, целуя оживлённое личико Тани, просительно поднятое к ней, – я не могу отложить этого на завтра, иначе я сама бы посидела еще с вами. Я зайду в субботу днём, – прибавила она, – а теперь я должна бежать.

Она ушла, улыбнувшись им еще раз на прощание в дверях. Казалось, что ее присутствие приподнимало на более высокий уровень все окружающее. Вид мужественно переносимого глубокого личного горя настраивает души на более возвышенный тон. Таня и Андрей почувствовали себя сближенными общим чувством симпатии к Зине.

– Вы давно знакомы с Зинаидой Петровой? – спросил Андрей.

– Я в первый раз встретилась с нею, когда она убежала из тюрьмы. Но только с тех пор, как она поселилась в Петербурге, я хорошо с ней познакомилась и поняла, какая это женщина! – восторженно сказала Таня.

– Мне нельзя будет так часто видаться с вами, Татьяна Григорьевна. Но я пришёл сюда с надеждой, что уйду, если возможно, вашим другом, – сказал Андрей, доверчиво глядя ей в глаза. – Вы не обидитесь моей самоуверенностью?

– Совершенно напротив, – ответила девушка серьёзно.

– Спасибо. Так давайте же, прежде всего, поговорим толком, – сказал Андрей. Он оглянулся вокруг и, найдя удобный уголок, предложил ей сесть в кресло, а сам поместился на стуле около нее. – Вы для меня далеко не чужая, – продолжал Андрей. – Могу сказать, что я был почти знаком с вами раньше, чем мы встретились. Жорж очень много говорил о вас, и очень красноречиво, уверяю вас.

Таня слегка покраснела, почувствовав до-

саду на себя, и рассердилась на Андрея. Ее доброе чувство к новому гостю исчезло сразу.

– Я вам отомщу за ваш комплимент, – сказала она, – потому что я слышала о вас, наверное, гораздо больше, чем вы обо мне, и от многих людей. Так что мои сведения разностороннее ваших.

– Тем лучше, – сказал Андрей, – это мне даст право требовать возмездия.

Девушку не могло смягчить такое хладнокровие собеседника. Она наморщила слегка свой чистый, гладкий лоб, на котором ни заботы, ни горе еще не наложили следов. Она привыкла встречать покорную почтительность у молодых людей и не собиралась делать исключения для человека, в сущности, совершенно чужого. Она пожалела, что с самого начала не поставила себя с ним на более официальную ногу.

– Вы недовольны собой, Татьяна Григорьевна, за свою доброту ко мне и думаете, что я злоупотребляю ею? – сказал Андрей, читая ее мысли у нее на лице. – Что ж, может быть, вы и правы, – продолжал он, не давая ей времени ответить. – Но вы должны быть снисхо-

дительно к нам. Жизнь революционера коротка, и возможность дружеской беседы редко выпадает на его долю. Нам простительно, если мы стараемся как можно полнее воспользоваться этими минутами, отбрасывая иногда условные формальности. Сегодня наши пути пересеклись на мгновение, и кто знает, встретятся ли они еще раз. Позвольте ли вы мне говорить откровенно, без всяких стеснений, как бы я говорил с товарищем?

Лёд был сломан. Под спокойным тоном странного гостя девушка почувствовала нечто глубоко симпатичное и грустное; оно тронуло ее отзывчивое сердце и растопило поверхностный слой ее светскости. Ей сделалось стыдно своей подозрительной сдержанности: с таким человеком она была совершенно неуместна.

– Да! – воскликнула она горячо, глядя ему в лицо. – Говорите, как хотите.

Андрей сам удивился, что ее согласие было ему так приятно. В девушке было что-то, о чем Жорж, вероятно, забыл упомянуть, но что особенно ему нравилось и привлекало его, независимо от той роли, которую она могла

играть в жизни его друга.

Он стал расспрашивать ее про ее теперешние занятия, политические взгляды, сомнения и планы будущего. Его вопросы волновали и тревожили ее, но были ей вместе с тем приятны, и она не пыталась противиться странному влиянию этого человека. После первой четверти часа она почувствовала себя легко с ним; они разговаривали, как давнишние близкие знакомые.

Жорж подошёл было к ним, не будучи в состоянии противиться притягательной силе Тани, но скоро оставил их опять наедине. Ему так хотелось, чтоб они подружились, что он готов был принести себя в жертву и дать им возможность поговорить толком. Он довольствовался тем, что глядел на девушку издали, быстро опуская глаза, когда встречал слегка насмешливые взгляды Андрея.

За четверть часа до двенадцати, когда начинаются особенно «беспокойные» часы, Андрей и Жорж ушли, и вся компания разошлась.

Таня ушла к себе в комнату, полная приятных впечатлений вечера. Она сняла элегант-

ное платье, слишком элегантно и дорогое для девушки с ее взглядами. Жорж несколько раз горячо упрекал ее за любовь к нарядам. Сидя перед большим туалетным зеркалом, она стала заплетать длинные чёрные волосы на ночь. В общем, она была очень довольна своим новым знакомством. Очевидно, желание такого человека, как Кожухов, сделаться ее другом льстило ее юному самолюбию.

– Как смешно он смотрел на меня, прося позволения обращаться со мной как с товарищем! – воскликнула она и громко рассмеялась, показывая в зеркале два блестящих ряда маленьких белых зубов и пару сверкающих чёрных глаз.

Но когда она стала припоминать подробности их необычайного разговора, ее чувства приняли другое направление. Кожухов был первый выдающийся революционер, с которым она встретилась. Жорж был, в сущности, крупнее его, но он был исключительной личностью, и к нему нельзя применять обычную мерку. Почему же Кожухов так заинтересовался ею? Лично для него она ничего не значила; но он был конспиратор и хотел убе-

даться, стоит ли привлекать ее в партию? Она была для него возможною полезностью, и он пришёл оценивать ее. Вот и всё! Эта мысль огорчила Таню и возбудила досаду на самое себя. Она не могла себе простить, что сама помогла его расследованиям. Он застал ее врасплох; в другой раз она проучит его. Образ Жоржа пробудил в ее сердце раскаяние и нежность. Она начала ценить его горячую привязанность и деликатную заботливость по сравнению с этим Кожуховым.

Едва закрылась дверь дома Репина за выходящими приятелями, как Жорж схватил Андрея под руку и взволнованным голосом спросил:

– Ну, скажи, как тебе понравилась Татьяна Григорьевна?

– Ничего, понравилась, – последовал спокойный ответ.

Жорж опустил руку друга и отвернулся с молчаливой досадой. И это было наградой за его самопожертвование в течение целого вечера! Он был разочарован и даже обижен. Ну можно ли быть таким увальнем? Досада Жор-

жа, однако, скоро улеглась, и он стал находить оправдания своему другу. Нельзя же требовать от человека, чтобы он изучил характер после часового разговора! Но так как сам Андрей, очевидно, не собирался беседовать о девушке, то Жорж, чтоб утешиться, взял эту задачу на себя. Ресурсы его были велики, и он мог внести приятное разнообразие в сюжет.

Андрей был очень хорошим слушателем, понимая с полуслова и возражая мало. Это обстоятельство было одной из первых причин их дружбы. Теперь он слушал Жоржа с обычной внимательностью, однако ни в чём не соглашался с ним.

– Сила характера! – прервал он Жоржа. – Я сомневаюсь, есть ли у нее характер, – конечно, в том смысле, как ты это понимаешь.

Жорж улыбнулся такой грубой ошибке своего друга.

– Я вижу, ты совсем не знаешь ее! – сказал он.

– Возможно, хотя мне кажется, что знаю, – ответил Андрей.

– Тебя, вероятно, обманула мягкость манер, свойственная ей как светской барышне.

– Ты считаешь ее светской барышней? Мне она показалась, напротив, очень простой и естественной – настоящая русская девушка, и больше ничего!

– Больше ничего! Значит, она тебе совсем не понравилась? А ты сказал, что понравилась.

Андрей засмеялся.

– Ты ошибаешься, мой друг, – сказал он весело. – И чтобы доказать тебе, что она мне в самом деле нравится, я теперь же заявляю тебе, что если она так же полюбит тебя, как ты ее, я без колебания даю вам отеческое благословение.

Андрей в первый раз так прямо заговорил с Жоржем о его сердечных делах. Ему нужно было видеть их с Таней вместе, чтобы убедиться кое в чем. Он знал, что часто «эти глупости», как он называл любовь вообще, могут раздуться в нечто серьёзное благодаря доброжелательному вмешательству и поощрению со стороны. Но теперь, после того как он видел их вместе, всякое сомнение исчезло и не к чему было воздерживаться от откровенного разговора.

Молодой философ не подозревал, что «глупость» пустила корни в его собственном сердце и что единственным средством для него уберечься от ее губительного яда было бы никогда больше не видеть тех чёрных сверкающих глаз, чистого лба и обворожительной улыбки.

Но так как некому было дать этот совет и в сердце его царило удивительное спокойствие, то Андрей и не собирался бежать от искушения. Он даже перестал думать о Тане, потому что в ту минуту его внимание отвлеклось в совершенно другую сторону.

В течение некоторого времени он слышал за собою неотступные подозрительные шаги. Они всегда раздавались на одинаковом расстоянии и были неровные, то слишком смелые, то слишком осторожные, как измена. По всей вероятности, за ними следом шёл шпион. Андрей ничего не сказал о своём подозрении Жоржу, опасаясь, что тот, как человек впечатлительный, повернёт сейчас же голову и испортит этим все дело. Взявши друга под руку, Андрей ускорил шаги, как бы в пылу оживлённого разговора. Человек, следовав-

ший за ними, зашагал быстрее. Андрей повторил опыт, пошёл медленнее, и результат оказался тот же. Несомненно, что за ними шел шпион, да вдобавок еще глупый. Андрей был уверен, что он пристал, когда они уже далеко отошли от дома Репиных. Это был, вероятно, бесцельно шатающийся шпион, привлечённый какими-нибудь подозрительными словами, сказанными слишком громко, когда они проходили мимо него. Дело было несерьёзное, но все-таки следовало отделаться от неприятеля, тем более что они приближались теперь к квартире Жоржа.

– За нами шпион, – тихо сказал Андрей своему спутнику. – Только не обращай на него внимания. Мы разойдёмся на углу Косого переулка, и я его беру на себя. До меня ведь дальше.

– Хорошо, – ответил Жорж, кивнув.

Они скоро дошли до угла. Жорж отправился своей дорогой, но Андрей, сделав несколько шагов, остановился закурить папиросу. Все сомнения исчезли, когда он увидел в лицо своего провожатого. Верзила, с большими красными руками, рыжими волосами и боро-

дой, носил на лице печать своей профессии и характерно напряженном и испуганном выражении, которое он тщетно старался скрыть под напускной непринуждённостью.

Шпиону пришлось выбирать, за кем идти, и он колебался в течение нескольких секунд. Андрей был старше и претендовал на то, что имеет более серьёзный и внушительный вид, чем Жорж. Он был уверен, что выбор остановится на нем. Так бы оно, по всей вероятности, и случилось, но спичка Андрея долго не зажигалась. Он простоял еще несколько секунд, и шпион, озадаченный выжиданием, круто повернул направо и решительно двинулся по улице вслед за Жоржем. Андрей предвидел эту возможность и немедленно последовал за ним. Иметь одного неприятеля впереди, а другого позади, на пустынной улице, неприятное положение. Самый ловкий шпион не выдержал бы более трех минут, и в самом деле, несчастный остановился сейчас же, как бы для того, чтобы прочесть театральную афишу. Андрей прошёл мимо него, спокойно куря папироску. Спустя несколько десятков шагов он опять услышал за собой шаги.

Этого он и ожидал. Так как он шёл гораздо медленнее, чем Жорж, с видом человека, высматривающего извозчика, то друг его был уже далеко и вскоре исчез за углом.

Теперь Андрей намеревался дать за собой следить несколько времени по пустынным улицам, потом взять извозчика там, где другого не было бы поблизости, и поехать в отдалённый конец города, оставив шпиона ни с чем. Но он был избавлен от лишнего расхода. Шаги его преследователя затихли и через некоторое время совсем замолкли. Убедившись, что его накрыли, шпион сам отказался от дальнейшего преследования. Догадка Андрея, что весь инцидент не имеет серьёзной подкладки, подтвердилась. А все-таки почём знать?

Вернувшись домой, он тщательно запер двери на засов, чтобы не быть застигнутым врасплох, и осмотрел заряженный револьвер и кинжал, которые всегда носил на поясе под сюртуком.

Глава VII

Первое отличие Тани

Случайное замечание Жоржа об опасностях, угрожающих сну Репина, оказалось худым предзнаменованием. Не успели два опасных гостя скрыться из виду, как нагрянула полиция.

Репин не был трусом, но он весь похолодел при виде ненавистных синих мундиров в своей квартире. Его первой мыслью было, что обоих молодых людей арестовали на улице и что обыск у него был лишь следствием их ареста. Но первые же слова жандармов успокоили его. Незванный визит был результатом смутных подозрений, об источнике которых он никак не мог догадаться. Совпадение же с приходом двух революционеров было, очевидно, случайное. Репин вздохнул свободно. За себя ему нечего было бояться.

Жандармы обыскали весь дом, но не нашли ничего компрометирующего. В три часа утра они удалились. Ввиду высокого общественного положения Репина он не был аре-

стован, и ему пришлось только отправиться в участок и отвечать там на глупые и наглые вопросы.

Его оставили в покое, но, не добившись ничего, полиция продолжала зорко следить за домом. Это могло бы иметь неприятные последствия для всех, если бы шпионы заметили посещения Зины или Жоржа. Необходимо было немедленно известить их о случившемся, а потому на следующее же утро Таня была командирована в революционный лагерь, чтобы предупредить друзей об опасности.

Она двинулась в путь с волнением молоденькой девушки, которой в первый раз поручают серьёзное дело. Так как за их домом следили, то было более чем вероятно, что каждого из его обитателей будут сопровождать при выходе на улицу. Она страшно боялась вместо предупреждения привести к друзьям шпиона. Как избежать зоркого ока полиции? Полная фантастически преувеличенных понятий всех непосвящённых о вездесущности и сверхъестественной ловкости полиции, она не знала, как убедиться, следят ли за нею или нет. Одевшись несколько иначе, чем обычно-

венно, она вышла на улицу в ту минуту, когда подозрительный человек, стоявший на углу, завернул в портерную[23]. Но кто знает? Может быть, у того окна, через дорогу, стоит другой шпион за занавеской и, заметив ее, даст знак своему товарищу, когда тот вернётся из портерной. Она быстро прошла улицу, чтобы убежать от призраков, созданных ее собственной фантазией, но они преследовали ее. Могла ли она быть уверенной, что эта почтенная старая дама, идущая по одному направлению с ней, не шпионка? Гарантии, конечно, не было никакой.

Дама повернула за угол и пошла по Невскому, ни разу даже не взглянув на девушку. Всё это прекрасно, но, быть может, это только хитрость, и предполагаемая шпионка дала знак кому-нибудь, и за Таней продолжают следить. Или же, если дама не шпионка, то, может быть, за нею следует на некотором расстоянии настоящий шпион, которого она не заметила.

Бедная девушка совсем растерялась, и у нее голова пошла кругом, когда вдруг она вспомнила, что одна из ее кузин живёт на Ли-

тейной, в доме, где есть проходной двор на Моховую улицу. Даже в разгар уличного движения мало кто пользуется этим проходом; в этот же утренний час в нем, наверное, никого нет. Если она пройдет через него, не имея за собой провожатого, тогда ей, несомненно, удалось спастись от страшных соглядатаев Третьего отделения. Средство оказалось такое простое, что она даже удивилась, как оно раньше не пришло ей в голову.

Таня взяла извозчика на Литейную и с радостью убедилась, что никто не поехал вслед за нею. Что же касается пешеходов, то она отважилась думать, что на них нечего обращать внимания. Она начала оправляться от своих суеверных опасений и стала обдумывать дальнейшие шаги. Первой ее мыслью было отправиться на квартиру Жоржа. Революционеры обыкновенно скрывают свои частные адреса по принципу, сообщая их только товарищам по делу, но Жорж сделал исключение для Тани. Она знала его адрес и была несколько раз в его берлоге; она могла найти его дом и добраться до квартиры, никого не спрашивая. Но застанет ли она Жоржа?

Она обещала извозчику на чай и через десять минут очутилась у желанных проходных ворот. В эту минуту проход не был совершенно пуст; две прачки как раз входили в него с громадной корзиной белья. Но Таня уже достаточно оправилась от своих страхов, чтобы не заподозрить этих женщин в сношениях с Третьим отделением. Остальную дорогу она прошла пешком.

На ее звонок дверь была отворена сейчас же. Жорж был дома. Он не мог удержаться от радостного восклицания при виде неожиданной гостьи.

– Какой добрый ветер пригнал вас к моему берегу, Татьяна Григорьевна?! Мои лучшие друзья собрались под моим кровом, и вас одной не доставало...

Его радостное словообилие не позволило Тане проронить слово, прежде чем он открыл дверь из передней в комнату, служившую одновременно кабинетом, гостиной и столовой. Там сидели Андрей и высокая, незнакомая Тане дама.

Это была Лена Зубова, только что вернувшаяся из Швейцарии.

Девушек познакомили друг с другом. Чтобы извиниться в том, что она помешала людям, всегда, как ей казалось, занятым важными делами, Таня сейчас же объяснила причину своего прихода.

Весть об обыске у Репина поразила всех. Но, услышав, что ничего не было найдено и что он не был арестован, они успокоились.

– Вас можно поздравить с первым политическим опытом, – сказал Андрей.

– Он мог оказаться последним для нас, – заметил Жорж. Он рассказал Лене, как близки они были вчера к тому, чтобы быть арестованными у Репина. – Если бы мы остались еще на несколько минут, нас, наверное, схватили бы.

– То же случилось бы, если бы полиция ускорила шаги и явилась немного раньше, – сказал Андрей. – Наше будущее записано в книге судеб, и избежать его невозможно, – прибавил он полушутя, полусерьёзно.

Жорж ответил, что человеку никогда не мешает самому помогать судьбе.

Оба они поблагодарили Таню, что она пришла предупредить их.

Лене первой пришло в голову спросить, как Тане удалось уйти из дома, за которым, наверное, следили.

– Уверены ли вы, что вас не проследили сюда? – спросила она.

Таня не могла сказать, но ей казалось, что нет.

Затем она откровенно рассказала про все свои сомнения и опасения и про маленькую хитрость, пущенную ею в ход, чтобы отрезать дорогу возможным преследователям.

Лена захлопала в ладоши.

– Да вы прекрасно исполнили свою роль, Татьяна Григорьевна, – сказала она. – Никто из нас лучше бы не сделал.

– Неужели? – спросила девушка, краснея. – Я этого не подозревала.

– Тем лучше, – сказал Жорж. – У вас, значит, врождённый талант к конспирациям.

Он был в восторге, что Таня дала это маленькое доказательство своего присутствия духа и находчивости, и ему было особенно приятно, что его друзья оценили ее поведение.

Исполнив своё поручение, Таня встала и

начала прощаться. Ее светский такт подсказал ей, что не следовало оставаться дольше.

Жорж посмотрел на нее с глубоким разочарованием. Уйти, не обменявшись с ним почти ни словом! Это было слишком жестоко с ее стороны. О внешней стороне событий прошлой ночи достаточно было рассказать другим; ему же самому хотелось еще расспросить дорогую девушку о ее внутренних ощущениях при первом столкновении с полицией. Но Таня стеснялась оставаться.

– У вас, наверное, какие-нибудь дела, – сказала она ему шёпотом. – Я не хочу мешать.

– О нет, останьтесь, пожалуйста, – настаивал Жорж. – У нас не деловое собрание. Вам нечего торопиться.

Андрей повторил уверение Жоржа и тоже стал ее упрашивать. Теперь дом ее отца небезопасен, и бог знает, когда они снова увидятся.

Андрей почти не разговаривал с Таней, предоставив ее попечению Жоржа, и, по-видимому, не обращал на нее внимания. Его, казалось, совершенно поглощал рассказ Лены об Анне Вулич, подтвердивший его первые

впечатления на границе. Но сознание присутствия Тани не оставляло его ни на минуту и наполняло тихой радостью все его существо, действуя подобно солнечному свету или красивому пейзажу, между тем как мысли отвлечены чем-нибудь совершенно иным.

Когда, получасом позже, Таня поднялась, говоря, что отец будет беспокоиться, и ушла, Андрею показалось, что в комнате сразу потемнело и чего-то недостаёт.

– Какое у нее милое лицо! – заметила Лена после ее ухода.

Андрей улыбнулся.

– Я не знаю. Спросите мнение Жоржа на сей счёт, – сказал он, указывая в сторону своего друга, вышедшего провожать гостью на лестницу. – Я в этом не судья.

Андрей скрытничал, на этот раз по крайней мере, потому что внутренне он был совершенно согласен с Леной. Сегодня лицо Тани было действительно прелестное. Но какое ему дело до этого?

Жорж вернулся, и они возобновили разговор, прерванный приходом Тани.

Около двенадцати часов к ним присоеди-

нились Зина и Василий Вербицкий, приехавший из Женевы вместе с Леной. Андрей исполнил данное им обещание и постарался об их скором возвращении.

Зина пришла сильно встревоженная, и даже на невозмутимом лице Василия видны были следы волнения.

– В чем дело? – спросил Жорж.

Зина показала им письмо из Дубравника, полное ужасающих подробностей об обращении с политическими заключёнными. Оно дошло до апогея в неслыханном до того факте: по приказанию прокурора молодая девушка, имя которой сообщалось, была раздета донага в присутствии тюремщиков и жандармов, прежде чем ее заперли в камеру, под тем предлогом, что тюремные правила требуют точного описания примет всякого заключённого.

Известие это было встречено гробовым молчанием. Веселье товарищеской беседы исчезло. Мрачный дух мщения носился над ними, и каждый из присутствовавших был поглощён одними и теми же злыми мыслями.

– Этого нельзя оставить безнаказанным!

– Нужно сделать показательную расправу! – воскликнули Лена и Жорж почти одновременно.

Андрей ничего не сказал, потому что считал лишним говорить о том, что было совершенно очевидно.

– Так именно и решили наши в Дубравнике, – сказала Зина. – Они только просят в своём письме послать им опытную женщину для конспиративной квартиры. Им еще нужен хладнокровный человек с твёрдой рукой.

– Я готов к их услугам, – поспешно сказал Андрей.

– Нет, – вмешался Василий своим медленным, ленивым голосом. – Я сказал Зине еще до прихода сюда, что поеду.

Зина подтвердила его слова, прибавив, что гораздо лучше ехать Василию. Вопрос о первенстве не играл, конечно, никакой роли, но Андрей завязал уже кое-какие деловые сношения в Петербурге и занялся настоящим делом; Василий же только что приехал и как нельзя более подходил для предстоящего дела в Дубравнике.

Ее голос оказался решающим.

– Хорошо, пусть будет так, – согласился Андрей. – Но, если вам понадобится кто-нибудь на подмогу, черкните мне слово.

Выбор женщины решался сам собою. Зина была уже раньше в Дубравнике, и все права и все необходимые качества были на ее стороне.

Таким образом, оба волонтера были выбраны. Вопрос должен был еще обсуждаться на ближайшем заседании комитета, который имел решающий голос. Но это было одной формальностью. Они знали заранее, что никаких возражений не последует.

– Кстати, – обратилась Зина к Лене, – не займёте ли вы мое место во время моего отсутствия?

Лена ответила, что была бы очень рада взяться сейчас же за какое-нибудь дело.

Зина стала посвящать ее в подробности, и в результате обнаружилась работа довольно внушительных размеров: пропаганда среди молодёжи, пропаганда между рабочими и тайная переписка с заключёнными в крепости.

– Не знаю, справлюсь ли я со всем этим, –

нерешительно сказала Лена, – особенно с перепиской: я совсем не знаю, как это ведётся.

Жорж обещал взять на себя эту обязанность и предложил ей свою помощь временно и в остальном деле.

– Вы скоро пустите корни повсюду, – сказал он весело. – Завтра мы зайдём к моему приятелю, молодому студенту, члену одного из кружков, через него вы познакомитесь с остальными. В другом кружке вы уже имеете знакомую.

– Кого?

– Татьяну Репину, которую вы только что видели.

– Это очень приятно, – сказала Лена.

– Таня была здесь? Что-нибудь случилось? – спросила Зина.

Известия из Дубравника заставили забыть незначительный инцидент обыска у Репина.

Зина, однако, была поражена им более, чем остальные.

– Репин знает о причине обыска?

– Нет, ему ничего не сказали, и ни он, ни мы не можем понять, откуда это стряслось, – ответил Жорж.

– А мне кажется, что я знаю, – сказала Зина.

– Неужели?

– Это в связи с арестами в Дубравнике. В письме оттуда есть отдалённый намёк, но я его не поняла сначала. Они упоминают об аресте адвоката Новаковского, кажется, хорошего знакомого Репина, и прибавляют, чтобы я предупредила «Пандékта[24] номер первый». Я никак не могла догадаться, к кому относится это прозвище. Теперь ясно, что они имели в виду Репина. Всегда так выходит при излишке усердия в конспирации.

– Но вы бы не успели его предупредить, если бы даже тотчас догадались, – сказал Андрей. – Приказание об обыске у Репина было дано, очевидно, по телеграфу. Кроме того, ему ничего дурного не сделали, и нам незачем особенно огорчаться.

– Правда. Но я боюсь, что дело на этом не кончится. Новаковский серьёзно замешан. Это может открыться каждую минуту, и у Репина еще раз сделают обыск, но уже с более значительными последствиями. Нужно предупредить его, чтобы он не убаюкивал себя

обманчивой безопасностью.

Так как неблагоразумно было бы идти в дом адвоката, то и решили, что кто-нибудь зайдёт к Криволицкому и передаст ему письмо для Репина.

Глава VIII

Размышления Репина

Зина и Вербицкий отправились в назначенное время в Дубравник, и через несколько дней получилось письмо об их благополучном прибытии. Еще через десять дней пришло другое письмо, с известием от Зины, что дело идёт на лад и что «счёты скоро будут сведены». Но эти счёты свести не удалось ни тогда, ни позже. Случилось так, что прокурор, по распоряжению которого учинено было гнусное издевательство, узнал о грозившем ему смертном приговоре. Охваченный паническим ужасом, он оставил город под предлогом внезапной болезни. Через месяц до революционеров дошло известие о его добровольной отставке.

Как ни были злы на него революционеры

в Дубравнике, им пришлось оставить его в покое. У террористов было ненарушимым правилом, что с той минуты, как официальное лицо добровольно сходит со сцены и перестаёт быть вредным, его ни в каком случае нельзя убивать из одной мести. Нескольким трусам удалось таким образом избежать назначенной им кары.

Группа людей, собравшаяся для мщения, не была, однако, распущена. Так как они уже были на месте, имели конспиративную квартиру, часовых и все остальное наготове, то было предложено предпринять более трудное дело: освободить трех революционеров: Бориса и его товарищей – Левшина и Клейна, сидевших в ожидании суда в дубравниковской тюрьме. Зина написала об этом петербуржцам, и они от души одобрили новый план, обещая помочь товарищам деньгами и, если нужно, людьми.

Андрей ждал каждый день, что его позовут в Дубравник, но не удивлялся, когда проходили недели за неделями, а он все еще оставался на старом месте. Было условлено, что Зина, заведовавшая приготовлениями, не будет

звать его до приближения момента решительного действия, а он знал по опыту, как трудно организовать такого рода попытки.

В Петербурге было пусто и скучно, как это обыкновенно бывает в летние месяцы. Палящий зной короткого лета гонит из душного, пропитанного миазмами города всех, кто только имеет возможность вздохнуть свежим воздухом. Рабочий и интеллигентный класс спешат в деревню: одни – для работы, другие – для отдыха, и этим ослабляется движение во всех отраслях общественной и интеллектуальной жизни в столице. Революция, как и все остальное, отдыхает во время жаркого сезона, и ее горючие элементы рассеиваются широко и далеко по всей стране.

В этом году, впрочем, лето было оживлённее обыкновенного, главным образом благодаря пропаганде между фабричными рабочими, которых в столице довольно много и летом и зимою. Андрей посвятил этому делу всю свою энергию, пока его услуг не требовалось ни для чего другого. В прежние годы он усердно занимался пропагандой между рабочими. У него было в этой среде много знако-

мых, и некоторые из них были еще в Петербурге; теперь они приветствовали его как старого приятеля. Недели в две Андрей вполне свыкся с людьми и с делом. Рабочие любили его за простоту и серьёзное отношение к занятиям и слушали с удовольствием его простые, понятные речи. Со своей стороны Андрей чувствовал себя хорошо среди рабочих и предпочитал пропаганду между ними всякой другой работе. В этом он представлял полную противоположность Жоржу, который находил более подходящую для себя сферу среди студентов и образованных людей, где его блестящие качества производили больше эффекта.

Было светлое, жаркое воскресенье в первой половине августа. Андрей возвращался с рабочего собрания на Выборгской стороне, находившейся в его ведении. Дойдя до Литейного моста, он взглянул на никелевые часы. Было ровно шесть, и он стал размышлять, перейти ли ему мост и вернуться к себе на квартиру или же сесть на конку, которая через час подвезёт его почти к самым дверям дачи Репина на Чёрной речке. День и час были самы-

ми подходящими для визита. Но все-таки он не сразу решился. Он навестил Репиных два раза на прошлой неделе, и несомненно было бы благоразумнее не показываться опять так скоро. Туча, собиравшаяся два месяца тому назад над головой Репина, теперь рассеялась. Новаковского выпустили, так как полиция в Дубравнике не напала, к счастью, на следы компрометирующих его связей. Репина больше не трогали, и дом его был настолько безопасен, насколько это возможно в России. Но посещения «нелегальных» составляют опасность сами по себе и не должны повторяться слишком часто.

Андрей решил быть благоразумным и пойти домой, хотя его комната представлялась ему в эту минуту пустой и мрачной. Он направился к мосту и даже перешёл через него, стараясь сосредоточиться на мысли о том, что он будет делать дома. Но все это было чистым лицемерием, так как он отлично знал, что домой не пойдёт. Когда, дойдя до противоположного конца моста, он увидел приближающуюся к нему дачную конку и на ней одно свободное место на задней площадке, около

кондуктора, он поспешил вскочить, сообразивши вполне правильно, что сегодня воскресенье и следующие конки могут быть битком набиты. «Не нужно быть чересчур осторожным; это портит характер, – уговаривал он самого себя. – В загородных местах полиция вообще небрежна, все делается спустя рукава и бояться совершенно нечего. Лишний приезд не имеет ровно никакого значения, особенно в воскресенье, когда всегда бывают гости из города».

Собрание, с которого Андрей только что возвращался, было очень удачное. На нем сообщили об образовании новой ветви на одной из очень больших фабрик по соседству; перспектива была самая блестящая, и он охотно смотрел на все глазами оптимиста.

Через открытое окно он мог видеть пассажиров, сидящих вплотную, как сельди в бочонке, с детьми на коленях. Большинство едущих было в праздничных платьях и с праздничным выражением на лицах. Приказчики, мелочные торговцы, мелкие чиновники, не имеющие средств жить летом на даче, пользовались хорошей погодой для прогулки. Ан-

дрей помнил, что по воскресеньям бывает музыка в парке. Тане нужно будет иметь провожатого, так как отец ее занимается по вечерам. Если Криволуцкий не вздумает помешать им, они проведут чудный вечер.

Со времени их первого знакомства, два месяца тому назад, не проходило недели без того, чтобы он не видел Тани – сначала случайно, а потом благодаря комбинациям, которые всегда как-то складывались в его пользу. С переездом же Репиных на Чёрную речку они видались еще чаще. Сравнительная свобода дачников от полиции допускала ослабление крайней осмотрительности, необходимой в городе. Большинство своих свободных вечеров Андрей проводил или у Репиных, или у Лены Зубовой, которая взяла на лето комнату по соседству; Таня была ее постоянной гостьей.

Он был настолько старше Тани благодаря своему жизненному опыту, что эта девятнадцатилетняя девушка казалась ему почти ребёнком. Но у них было много общего во вкусах, складе ума и в каком-то почти интуитивном взаимном понимании, придававшем ее

обществу особую прелесть в его глазах. Он не боялся, чтобы эта близость с очаровательной девушкой стала опасной для его душевного спокойствия. За Таню же нечего было беспокоиться – в нем самом не было ничего такого, что могло бы пленить ее воображение. Многие женщины «очень любили его», но всегда выходили замуж за кого-нибудь другого. Такова была его судьба, и он охотно мирился с нею. Женская любовь – большое, но очень опасное счастье; революционеру лучше обходиться без него.

Притом же Таню любил Жорж, который был для него больше чем братом, и вначале ему казалось, что она отвечает Жоржу взаимностью. Это исключало всякую возможность смотреть на нее иначе как на сестру. Через несколько времени он, правда, начал сомневаться относительно ее чувств к Жоржу. Но между ними уже установились братские, непринуждённые отношения, и они закреплялись всё более и более по мере сближения. Он с интересом наблюдал за ростом и развитием молодой души, с ее страстными порывами и робкими колебаниями, с ее надеждами

и тревогами.

Этому интересу, а не какому-нибудь другому, более сильному чувству приписывал он почти болезненное стремление видеть ее, грусть, находившую на него, когда что-нибудь лишало его этой радости, и постоянное направление мыслей все в одну и ту же сторону. Такое душевное настроение удивило, но не испугало Андрея, когда он недавно обратил на него внимание. И, странное дело, именно мысль о любви другого ослепляла его насчёт своей собственной любви. Его трезвое отношение к молодой девушке представляло такой контраст с экзальтированностью его друга, что казалось невозможным, чтобы они оба находились под влиянием одного и того же чувства.

Жорж реже бывал на Чёрной речке, чем Андрей. Он был очень занят газетным делом, так как большинство других сотрудников разъехались. Но Андрей надеялся встретиться с ним в это воскресенье, так как не видал его целую неделю.

Войдя в хорошенький домик Репина, построенный в русском стиле, Андрей застал ад-

воката одного. Тани не было дома. Репин сказал, что Лена зашла за нею, а Жорж ждал их в парке. Они пойдут гулять и вернутся, вероятно, только поздно вечером. Сильно разочарованный, Андрей собирался уже уходить, но хозяин задержал его:

– Отдохните немного и закурите сигару. Я теперь не работаю.

Перед ним лежала новая книжка журнала и нож из слоновой кости: читая, он разрезал листы.

– Откуда вы теперь и что слышно в ваших краях? – спросил Репин. – Не собираетесь ли взорвать нас? Вы, пожалуй, прилаживали уже фитиль?

– Ничего столь ужасного не предвидится, – ответил Андрей. – Я только что с нашего собрания рабочих.

– В самом деле? Разве вы занимаетесь пропагандой? – удивился Репин.

– Да, особенно в этом году.

Репин очень заинтересовался.

– И ваши усилия приносят какие-нибудь результаты? – спросил он недоверчиво.

– Конечно! – ответил Андрей. – Зачем же

иначе было бы работать?

– О, люди часто всего упорнее ведут самые безнадежные дела! – возразил Репин.

Дворянин по рождению, воспитанный в помещичьей дореформенной обстановке, Репин, как все люди его поколения, считал, что пропасть между интеллигенцией и народом непроходима. Как защитник по некоторым процессам, он знал нескольких человек из рабочих и крестьян, стоявших в братских отношениях с их товарищами из интеллигенции, и это поразило его как нечто совершенно новое. Но одна ласточка или даже полдюжины ласточек не делают весны. Он всё еще не доверял возможности слияния и рад был что-нибудь услышать об этом от человека, очевидно хорошо знакомого с вопросом. Он слушал Андрея с большим вниманием, кивая седой головой в знак одобрения.

– Да, это хорошее начало, – сказал он наконец, – и самая важная часть вашей работы, единственная, в сущности, которую я безусловно одобряю. Я вам очень благодарен за ваши сведения.

Они часто обсуждали вдвоём разные рево-

люционные и политические вопросы. Из всех приятелей его дочери, бывавших у них в доме, старый адвокат больше всех любил Андрея и охотнее всего беседовал с ним. Они, конечно, ни в чем не соглашались, но гораздо меньше расходились и лучше понимали друг друга, чем все остальные, так как положительность Андрея сглаживала значительную разницу лет между ними.

– Теперь мне пора идти, – сказал Андрей, поднимаясь. – Я пройду по парку, авось набреду на них. Во всяком случае, передайте мой привет Татьяне Григорьевне. – Он торопливо вышел.

Оставшись один, Репин раскрыл книгу, но не мог больше читать в этот вечер. Собственные мысли отвлекали его внимание от мыслей автора. Он задумался о своей дочери и о трагической дилемме[25], в которую его ставили ее очевидные симпатии к революционному делу.

Репин не был сторонником революции в том виде, как она велась у него на глазах. Человек более ранней эпохи, он был горячим последователем и активным сторонником

большого либерального движения шестидесятых годов, связанных с именем Герцена. Он оставался верен прежним традициям. Когда революционеры стали решительно бороться против политического деспотизма в России, он должен был признать в них борцов за его собственное дело. Будучи слишком стар, чтобы разделять их надежды или одобрять их крайние средства, он, однако, не считал возможным уклониться от всякой ответственности и обязательств в начавшейся борьбе. Он слишком близко видел ужас деспотизма, чтобы не признавать даже самый дикий вид возмущения естественным, простительным и даже нравственно оправданным. Он не питал ни злобы, ни отвращения к тем, кто не умел подавить страстей из-за политических соображений. Он даже чувствовал к ним некоторое уважение.

Одно важное обстоятельство, случившееся три года тому назад, придало положительную форму его неопределённым симпатиям. Репин был приглашён в защитники по одному из политических процессов, когда обвиняемые имели еще право выбирать себе адвока-

тов. Тогда он познакомился со своей клиенткой, Зиной Ломовой, блестящей двадцатилетней девушкой, и с некоторыми из ее товарищей. Его теоретические убеждения окрепли благодаря тёплым личным симпатиям, которые он почувствовал к этой благородной и отважной молодёжи. Когда через восемь месяцев после драконовского приговора, крайне несправедливого, по его мнению, Зине удалось бежать, и она неожиданно явилась к нему с визитом в Петербург, он встретил ее с распростёртыми объятиями и предложил ей свою помощь во всем, что ей понадобится. Зина прожила несколько дней у него на квартире и при помощи Репина возобновила сношения с теми из своих прежних товарищей, которые жили в столице в качестве нелегалов.

Через нее Репины познакомились, между прочим, с Борисом Маевским, за которого Зина вскоре вышла замуж. Дом адвоката был сборным пунктом петербургской интеллигенции, и революционеры не могли найти лучшего места, где за отсутствием свободной прессы можно было бы следить за настроени-

ем и взглядами публики, представляющей собою общественное мнение Петербурга.

Некоторые из революционеров подружались с его дочерью, на которую, очевидно, смотрели как на будущего члена партии.

Старый адвокат хорошо понимал, что их виды небезосновательны и что скоро наступит день, когда горячо любимая им дочь будет увлечена на дно пропасти, поглотившей уже так много жертв. Он не пожалел бы своей жизни, чтобы спасти ее; но как? Запретить ей видаться с революционерами и прервать всякие сношения с ними? Но заставить ее избегать этих людей было для него так же невозможно, как и самому отказать им в помощи из-за того, что он подвергается опасности. Да и к чему приведут запрещения и искусственные меры, когда зараза в воздухе? Многие родители пробовали этим путём уберечь своих детей, и чего же они добились? Дети порывали с ними всякие связи и уходили из дому раздражённые и озлобленные. Будь что будет, но дочь его никогда не увидит в нем врага. Он никогда не стеснял ее свободы, рассчитывая лишь своим нравственным влиянием удерживать ее.

жать ее от безрассудного и отчаянного шага. Он одно время льстил себя надеждой, что ему удастся удержать ее в границах и противодействовать внешним течениям. Но за последние дни он заметил в ней перемену, сильно его тревожившую. Он чувствовал, что ужасный момент, которого он так боялся, приближается, и теперь, сидя перед раскрытой книгой, он глубоко страдал, сознавая свою беспомощность.

Глава IX

Новообращенная

Андрей раздумал и решился идти прямо на квартиру Лены, вместо того чтобы разыскивать их всех в парке. «Они, наверно, вернутся домой ужинать, – сообразил он, – если уже не вернулись». Он был уверен, что застанет их, и ускорил шаги, чтобы не потерять ни одной минуты предстоявшего удовольствия.

Но в этот день все складывалось против него. Оказалось, что они еще не вернулись, и никто не мог ему объяснить, когда они будут дома. Все-таки он решился еще раз попытаться

счастья и остался дожидаться их прихода.

Лена занимала большую комнату в среднем этаже, скудно обставленную, но с хорошим видом из окна. Большая акация покрывала его своей тенью, и тонкие листья дерева едва шевелились в неподвижном воздухе.

Андрей открыл окно, и в комнату ворвался аромат сада и окружающих полей: дом стоял на окраине деревушки. За ним тянулась широкая равнина, покрытая кустарниками и пересечённая узкой дорожкой; она вела к группе небольших дач, живописно выделявшихся на светло-зелёном фоне небольшой берёзовой рощи. Белые ночи уже миновали, но вечерние сумерки были еще ясные и длинные. Андрей прождал не более четверти часа, как хлопнула входная дверь и он услышал на лестнице смех Жоржа, а затем голос, заставивший сильно забиться его сердце.

Таня с раскрасневшимся смуглым лицом и с венком из васильков в волосах была красивее обыкновенного. На ней было лёгкое платье из чесучи[26], драпировавшее мягкими складками ее стройную фигуру. На левой руке у нее висела соломенная шляпа с широки-

ми полями, которую она сняла, разгорячённая долгой прогулкой.

Андрей поднялся ей навстречу со счастливой улыбкой.

– Вы хорошо прогулялись, я вижу! – сказал он, глядя на ее покрасневшееся лицо.

– Да, – сказала она, бросаясь в кресло, – мы отлично прогулялись, и Жорж смешил нас все время своими рассказами. Как жаль, что вы не пришли раньше!

– Ради его рассказов? Но, может быть, я их уже слышал? Оно постоянно так случается со старыми товарищами, как мы с ним, если они вдвоём часто ходят в гости. – Он обратился к Жоржу: – Как поживаешь, дружище? Давно мы с тобой не виделись. Поди, в пароксизме[27] творчества?

– Я всё время корпел над бумагой, если ты это думаешь, – ответил Жорж.

– И теперь празднуешь увенчание здания?

– Да, я кончил работу на этот месяц и праздную временную передышку. Такое удовольствие поймёт только тот, кто сам испытал, что значит литературная каторга.

Таня прислушивалась к разговаривавшим,

лениво развалиясь в кресле и облокотившись на его ручку обоими локтями.

– Как вам не стыдно ворчать, Жорж? – сказала она. – Вы менее, чем кто-либо, имеете основание жаловаться на судьбу.

– Неужели?! – воскликнул молодой человек. – Я этого не подозревал. Скажите, пожалуйста, чем я так счастлив? Обещаюсь заранее употребить все усилия, чтобы согласиться с вами. Это будет большим утешением.

В эту минуту Лена открыла дверь и внесла поднос со стаканами; за нею следовала горничная с самоваром.

С помощью гостей стол был освобождён от разбросанных на нем книг и газет, скатерть постлана и всё приготовлено к чаю.

– Таня, голубушка, – сказала Лена, – распоряжайтесь, пожалуйста, чаем. В качестве хозяйки я должна занимать своих гостей приятными разговорами, что само по себе составляет тяжёлую обязанность.

Она села в кресло, оставленное Таней, и, закурив папироску, стала глядеть в окно, не обращая никакого внимания на своих гостей, которые, она решила, развлекутся гораздо

лучше, если их предоставить самим себе.

– Татьяна Григорьевна, я всё еще в приятном ожидании. Вы не ответили на мой вопрос, – сказал Жорж, когда кончилась возня с чаем.

– Какой вопрос? – спросила Лена.

– Почему я наисчастливейший из смертных? – объяснил Жорж.

– Разве? Я этого не знала, – заметила Лена.

– Вы искажаете мои слова, Жорж. Я просто сказала, что вам не следует жаловаться на судьбу.

– А почему, скажите на милость, именно я должен быть лишён этого утешения, к которому столь часто прибегают мои ближние?

– Почему? – протянула Таня тоном, означавшим, что он сам слишком хорошо знает почему. – Потому что, – быстро вставила она, вспомнив что-то, – вы сами мне сказали, что, когда на вас находит тоскливое настроение, вам стоит излить его в стихотворную форму, и на душе у вас становится легко и отрадно.

Таня засмеялась. Жорж, думала она, напрашивается на комплимент, напустив на себя непонятливость, и ей хотелось подразнить

его.

– Я не подозревал, что вы такая коварная, Татьяна Григорьевна, – сказал Жорж. – В другой раз буду осторожнее и представлю вам только казовую[28] сторону моего ремесла.

Он отлично помнил разговор, на который намекала Таня. Это было по поводу появления небольшого томика его стихов, наделавшего шуму в их среде. Тане очень понравились стихи, и у них произошёл разговор о художественных ощущениях и настроениях. Его слова, конечно, были переданы ею неточно, с намерением уязвить его. Но он и не думал поправлять Таню, он стеснялся говорить об этом сюжете.

Лена, курившая во время разговора, отложила теперь папироску в сторону. Она заинтересовалась нравственной стороной вопроса.

– Мне кажется, – сказала она, – люди, искренне преданные великому делу, должны равнодушно относиться к своей роли в нем – велика ли она, мала ли, блестящая или скромная. Стремление играть видную роль – то же тщеславие и эгоизм в другой форме.

Таня возразила, что она этим не хотела сказать, что нужно добиваться выдающейся роли, но что раз она выпала кому-нибудь на долю, то сознание такого положения должно бы доставлять удовольствие.

– Но разве вам не кажется, – сказал Андрей, поддерживая мысль Лены, – что можно слиться с делом, которому вы служите, что не останется ни места, ни желания, ни времени даже для разных соображений о своём собственном «я» или о той доле участия в общем деле, которая принадлежит тому или другому из товарищей?

– Нет, – подумав, ответила Таня, качая головой. – Я не достигла этого предела. Боюсь, никогда его и не достигну. Сознание моего ничтожества терзало бы меня, и я завидовала бы более одарённым, чем я. Какую гордость и восторг должен испытывать человек, сознающий, что внёс новую и ценную лепту в общее дело!

Она посмотрела на Жоржа. Это был взгляд, просивший о поддержке, потому что из всех присутствовавших он один не высказался против нее. Но Андрей, уловивший этот

взгляд, истолковал его иначе. Он было хотел настаивать на только что высказанном мнении, механически следуя доводам, сложившимся в его голове. Но он не мог произнести ни слова, подавленный сознанием, что если заговорит, то скажет неправду. Он чувствовал в эту минуту, что в глубине души также завидует тем, которые – неизвестно, по каким заслугам, – владеют сердцами людей. Сознание своей посредственности наполнило его сердце горечью, доселе неизведанной. Он замолчал, не будучи в состоянии бороться против этого ощущения.

Наступила короткая пауза в разговоре, на которую никто не обратил внимания, но ему она показалась мучительно длинной и тяжёлой.

– Посмотрите, Андрей, как красива эта группа белых домов в ярко-красном освещении заката, – сказала Лена со своего места у окна. – Это мне напоминает Alpenglüh[29] в швейцарских горах.

Андрей обрадовался перемене разговора и подошёл к окну.

– Да, очень красиво! – произнёс он, всмат-

риваясь в пейзаж с напряженным вниманием ученика, старающегося запомнить очертания карты, по которой его будут экзаменовывать.

Вид из окна был прекрасен: на голубом своде неба еле виднелись бледные очертания неполного месяца, как бы нарисованного едва заметной акварелью; белые домики, залитые красным отблеском, выступали на зелёном фоне рощи; заходившее солнце золотило края перистых облаков, стущаясь в ярко-багровый цвет на линии горизонта.

Но воспринимательные способности Андрея притупились, и он обернулся к сидевшим за чайным столом.

Таня уронила венок из васильков, и Жорж поднял его, упрашивая ее опять надеть его на голову, потому что он ей очень к лицу. Девушка засмеялась и покраснела, но исполнила его желание, и Андрей почувствовал сильную досаду на обоих за такое ребячество.

– Послушайте, Андрей, – прервала Лена его унылое раздумье, – у меня к вам просьба. – Она указала ему на стул и самым деловым тоном попросила его сесть. – Можете ли вы, –

продолжала она, – уделить мне один или два вечера в неделю?

– Для чего? – встрепенулся Андрей.

– Для пропаганды в кружках молодёжи. Вы будете нам очень полезны.

– Какая вам будет польза от меня? Вы знаете, я не гожусь для такой работы и буду играть на ваших собраниях самую печальную роль. Пригласите Жоржа: ему и книги в руки.

– Это правда, – охотно согласилась Лена, – и я уже к нему обращалась, но у него все вечера заняты.

Прямота и даже некоторая резкость во взаимных отношениях революционеров – явление самое обыкновенное, в особенности когда речь идёт о «делах». В словах Лены не было ничего такого, чего бы и он не сказал ей при подобных обстоятельствах, но сегодня он решительно был не в духе.

– Я, значит, понадобился вам на затычку? – сказал он обидчиво.

Лена сделала нетерпеливое движение.

– Не говорите глупостей, Андрей! Скажите прямо, есть у вас время или нет?

– Я очень занят моими рабочими, – отве-

чал Андрей угрюмо. – Но скажите, – прибавил он, стараясь принять более миролюбивый и в то же время более деловой тон. – Почему бы вам не продолжать дела без меня, как вы его вели до сих пор?

– Я бы сама этого хотела, – сказала Лена, – да только некоторые из членов нашего кружка попались в последних арестах; Миртов, между прочим.

– А! Понимаю! – воскликнул Андрей, меняя тон. – Так Миртов был одним из вашей группы?

Лена кивнула.

– Я никогда с ним не встречался, – сказал Андрей, – но только слышал о нем. Судя по тому, как он был арестован, он удивительно хороший человек. Знаете ли вы, что ждёт его?

– Пока ничего нельзя сказать, – отвечала Лена. – Всё зависит от каприза жандармов. Его случай – совершенно исключительный.

Повысив голос, она спросила Жоржа, который разговаривал с Таней, нет ли новых известий о Миртове из крепости.

– Мы получили от него несколько строчек, – отвечал Жорж. – Его положение гораздо

хуже, чем можно было ожидать. Полиция нашла у него статью в рукописи для подпольной печати и множество наших памфлетов и брошюр. Боюсь, он человек обречённый.

– Кто этот Миртов? – шёпотом спросила Таня.

– Очень скромный молодой человек, студент, – отвечал Жорж. – Он был арестован в прошлый понедельник по ошибке вместо Тараса. Вы, вероятно, знаете, кто такой Тарас?

– Еще бы! – кивнула Таня.

Тарас Костров был наиболее популярный и выдающийся из вожаков революции.

– Так вот этот самый Тарас, под именем Захария Волкова, помещика из Касимова, поселился в том же доме, где жил Миртов. Когда он отдал свой паспорт в прописку, полиция возымела некоторые сомнения в подлинности предполагаемого Захария Волкова. Приказали сделать обыск. Полицейские явились в понедельник ночью, но по ошибке позвонили к Миртову, который жил этажом ниже. Миртов еще не ложился и как раз писал свою злополучную статью. Он сам отворил двери, и, когда его спросили, он ли Захарий Волков,

он моментально догадался, в чём дело, и решил спасти Тараса, пожертвовав собой. Он ответил утвердительно; произведён был обыск, всё было захвачено, а его арестовали и отправили в крепость.

– И Тарас спасён? – спросила Таня в большом волнении.

– Да. Все жильцы узнали о ночном переполохе и об обыске у предполагаемого Волкова. Тарас, конечно, не стал дожидаться, чтобы полиция исправила свою ошибку.

– Ну, а Миртов? – спросила Таня. – Узнала ли полиция, кто он?

– Да, и даже очень скоро. Писем он не держал у себя. Но зато на одной из забранных книг жандармы открыли его имя, написанное целиком: Владимир Миртов. Они решили, что это один из его товарищей, одолживших ему книгу, и распорядились об обыске у Владимира Миртова. Само собою разумеется, когда пришли жандармы, то оказалось, что разыскиваемый человек арестован два дня тому назад по ошибке вместо другого, ускользнувшего тем временем из их рук.

– Что же они тогда сделали? – допытыва-

лась Таня.

– Что им оставалось делать? Они вымещали, как могли, свою злобу на том, кто был у них в руках. Им не удалось открыть, кто именно жил под именем Захария Волкова, но они догадались, что упустили крупную птицу. Да, Миртов знал, что его ожидало, и он не пожертвовал бы собой для первого встречного.

– Они были близкими друзьями?

– Кто?

– Да Миртов и Тарас?

– Нет, не особенно. Они были просто знакомые. Миртов даже недолюбливал Тараса за его диктаторские замашки. Его поступок не был вызван личными мотивами. В этом-то и состоит его величие! – закончил Жорж, и в голосе его задрожали ноты восторга и удивления.

Последовало торжественное молчание, лучше всяких слов выражавшее высокое настроение души. И Андрей, и Лена, и Жорж – все были под обаянием геройского поступка, исключительного даже в летописях революционной партии. Все на минуту прониклись

различными чувствами: сожалением о преждевременной утрате такого человека, преклонением перед его героизмом, гордостью членов партии, вербующих в свои ряды людей, готовых на величайшие жертвы для дела.

Но для Тани тут было нечто большее. Для нее это была одна из тех случайностей, которые, попадаясь на перепутье жизни, раз навсегда формируют нравственный облик человека. С тех пор как она познакомилась с Зиной, а потом с Жоржем, она искренне и горячо сочувствовала их делу. Но пропасть разделяет сочувствующего, готового сделать кое-что, иногда и очень много, для дела, и настоящего служителя идеи, идущего ради нее на всевозможные жертвы, просто потому что иначе он поступать не в силах. Таня не перешагнула еще этой пропасти. До сих пор она была на другой стороне, с другими людьми. Она, может быть, и осталась бы там, если бы накануне этого дня прекратила дальнейшее сношение с этим миром, где так много вращалась последнее время. Ее душа еще ни на одну минуту не извела тех глубоко потрясающих ощущений, после которых нет возврата

в трусливую, малодушную, бесплодную среду.

Событие или книга; живое слово или зара- зительный пример; печальная повесть насто- ящего или яркий просвет будущего – все мо- жет послужить поводом для рокового кризи- са. У иных он сопровождается сильным ду- шевным потрясением; у других глубочайшие источники сердца открываются как бы во сне, нежным прикосновением дружеской ру- ки. Так или иначе, но все отдавшиеся на жизнь и смерть служению великому делу должны пережить такой решающий момент, потому что целое море самых сильных впе- чатлений не может заменить его живитель- ной силы.

Такой кризис теперь наступил для Тани. Когда Жорж замолк, и она поняла всё, ее серд- це вдруг наполнилось острым, всепоглощаю- щим чувством жалости. Она как будто вырос- ла в эту минуту и из молодой девушки обра- тилась во взрослую женщину с вполне со- зревшими в ее девичьем сердце матерински- ми инстинктами, и этот юноша, которого она никогда не видела, стал ее собственным ре- бёнком, оторванным врагами от ее груди. Жи-

вая краска залила ее лоб; нечто быстрое, чего она не могла разобрать, но что не было, к ее удивлению, ни ненавистью, ни жаждою мщения, осветило ей, как молнией, глаза – и всё было кончено. Великое дело свершилось. Здесь, в этом загородном глухом уголке, в этой бедной комнате рассказ о благородном поступке нашёл отклик в молодой душе и навсегда привлёк ее к великому делу.

Когда девушка заговорила, она не произнесла ни торжественных клятв, ни других решительных заявлений. Она не могла сделать ничего подобного, если бы даже по природе своей не была чужда всего показного, всего сенсационного. Ни тогда, ни после, в течение предстоявших ей долгих лет геройских трудов и страданий, не могла она сказать, когда свершилось ее обращение. Она сама не понимала, что происходило в ту минуту в ее сердце, и внезапное чувство, охватившее ее, выразилось в несколько странной форме.

– Я не вижу ничего особенно великого в том, что сделал Миртов, – сказала она тихим, дрожащим голосом, как бы стыдясь своей смелости.

Жорж посмотрел на нее с изумлением.

– Между крупным деятелем и человеком, играющим второстепенную роль в деле, выбор ясен, – продолжала Таня, не поднимая глаз. – Миртов исполнил свой долг, вот и всё.

Лена одобрительно кивнула. Она была совершенно согласна с Таней.

Жорж смотрел на нее с восторженным удивлением. Ничего подобного он не рассчитывал услышать от нее, а уж он ли, как ему казалось, не знал ее!

– А вы, вы так же поступили бы на его месте? – спросил он взволнованным голосом.

– Если бы оказалась такой же догадливой, – да! – ответила Таня, не колеблясь и глядя ему прямо в лицо.

Она только что ответила на этот вопрос самой себе, что и вызвало ее первое неловкое замечание о поступке Миртова. Теперь же она только повторила свой ответ вслух, и, опершись на руку красивой головой, она снова погрузилась в думы, устремив мечтательный взгляд вперед.

Андрей, который не мог оторвать глаз от нее, нашёл, что она дьявольски хороша в эту

минуту, и ужас охватил его, как при приближении какого-то несчастья. Но почему же лицо его вдруг подёрнуло, как от внезапной боли? Причиной был этот несносный Жорж, который не мог забыть о своих комплиментах даже в такой неподходящий момент.

– Если нравственная сила имеет какую-нибудь цену, – начал Жорж взволнованным голосом, – то лучший, величайший из наших деятелей оказался бы самонадеянным глупцом, согласившись на такой обмен с вами.

Он был, однако, потрясён и говорил от души, и Андрей был несправедлив к своему другу, придавая словам такое легкомысленное объяснение. В эту минуту Жорж был не способен думать о девушке иначе, как о дорогом товарище. Он приветствовал пробуждение прекрасной души, и то, что он говорил, было, в сущности, правдой, но высказывался он, по своему обыкновению, в несколько преувеличенных выражениях.

Что касается Тани, то на нее слова Жоржа произвели отрезвляющее действие. Его преувеличения показались ей забавными, и она готовилась уже пошутить на его счёт. Но, по-

смотря в него в лицо, она внутренне попрекнула себя за свое намерение и даже почувствовала к нему нежность. Она крепко пожала ему руку.

– Какой вы добрый, Жорж! Но довольно об этом, – сказала она.

– Что с вами? – обратилась Лена в то же время к своему соседу. – Вы так побледнели.

– Неужели? – пробормотал Андрей. – Должно быть, это отражение зелёных деревьев.

Но то не было отражением зелёных деревьев – оно-то, скорее, скрывало мертвенную бледность его лица. В этот самый момент острое чувство ревности сорвало повязку с его глаз. Он увидел, как при свете молнии, что, собственно, он испытывал по отношению к Тане со дня их первой встречи. Да, он любил эту девушку, любил ее лицо, ее платье, любил самую землю, которой она касалась! И в то же время мучительное сознание, точно ножом, резнуло его по сердцу: если она полюбит кого-нибудь, то непременно этого медоточивого красnobая, который теперь был положительно ненавистен Андрею. Непреодолимая, бешеная ревность охватила его; ему сто-

ило больших усилий усидеть на стуле и не потерять самообладания. Он боялся, что выдаст себя, если останется дольше.

– Мне пора идти, – сказал он глухим голосом. Ему стало душно в комнате.

– Разве так поздно? – удивилась Таня. Взглянув на свои элегантные маленькие часики, она решила, что и ей нужно уходить. – Вы проводите меня, надеюсь? – обратилась она к Андрею и Жоржу.

Андрей молча поклонился. Конечно, он пойдёт ее провожать. Он хочет быть с ней и слышать ее беседы с Жоржем. В нём кипела жажда самоистязания, ему доставляло особое наслаждение вонзять все глубже и глубже острый нож в свою рану. Он ни за что на свете не отказался бы от этого мучительного наслаждения. Да он бы и не мог, если бы захотел. Он потерял свою независимость. Он больше не принадлежал самому себе. Чёрные глаза Тани увлекали его за собой. Он не мог уйти, пока она позволяла ему оставаться.

Жорж говорил всю дорогу с Таней, но Андрей почти не раскрывал рта.

Каждое слово Жоржа злило его. После за-

мечания Тани Жорж не возобновлял своих комплиментов, но они чувствовались в тоне, каким он говорил, в его взглядах и жестах, и всё это в высшей степени раздражало Андрея.

Они попрощались с Таней у ее дверей и направились домой. Так как было еще не очень поздно, а ночь была дивная, то Жорж предложил идти пешком. Андрей согласился. Ему было всё равно.

– Ну, разве я не был прав, когда говорил... – начал было Жорж, сводя разговор на обычную тему.

– Оставь, пожалуйста! – прервал Андрей. – Мне это надоело.

Он впал в прежнее угрюмое молчание, отвечая короткими, односложными звуками на вопросы Жоржа. Он был сердит, раздражён, несчастен. Сделанное им сегодня роковое открытие ставило его в новые отношения к Жоржу и причиняло ему острую боль. Поведение Жоржа представлялось ему крайне предосудительным. Андрей не верил в серьёзную привязанность его к Тане. Как мог он любить девушку, которую даже не дал себе труда понять? Всё это была его фантазия, пустой

фейерверк, порождённый богатым поэтическим воображением. Жорж сделал бы лучше, если бы поверял свои излияния перу и бумаге, чем вбивать их в голову молодой, неопытной девушке.

Всё это Андрей высказал бы своему другу еще вчера. Но теперь, когда он убедился, как он сам жестоко запутался, говорить в таком тоне было невозможно. Отныне ему оставалось напустить на себя личину двоедушия. Их отношения, до сих пор столь откровенные и прямые, сразу приобрели отпечаток неискренности. Это было для него тяжелее полного разрыва.

Наконец они должны были распрощаться.

– Я зайду к тебе завтра утром, – сказал Жорж. – Не уходи из дому, мне хочется прочесть тебе кое-что из моих новых вещей.

«Гимн в честь Тани, бьюсь об заклад», – подумал Андрей, но, совладав с собой, сказал:

– Разве ты не можешь послать прямо в типографию?

Это было уже слишком! Жорж почувствовал себя задетым за живое, и поперечные складки появились на его лбу под шляпой.

– Конечно, не могу или, вернее, не хочу, – сказал он полуобижённым, полуудивлённым тоном. – Я никогда не доверяю собственным суждениям о своих вещах.

– Ладно, значит, до завтра! – сказал Андрей.

Это касалось, некоторым образом, дела, и он счёл своей обязанностью исполнить просьбу товарища.

«Что это сегодня с Андреем? – подумал Жорж, направляясь домой. – Я никогда не видал его в таком состоянии».

Он, вероятно, догадался бы, в чем дело, если бы при своей тонкой наблюдательности связал в одно целое некоторые недомолвки и намёки; но сегодня его душа была слишком полна восторженных ощущений, чтобы дать ему погрузиться в холодный анализ. Слова Тани еще раздавались в его ушах; и лицо, и поза, в которой она их произнесла, стояли перед его глазами. Теперь он вполне понял, что скрывалось за этими словами, и он был ослеплён тем, что увидел. Ему стало стыдно за свою самонадеянность: он думал, что сам поведёт эту девушку к самопожертвованию

для великого дела... и он – ничто в сравнении с нею! Ему казалось, что только сегодня он узнал, что такое любовь к женщине. Он весь отдался этому новому чувству, погружаясь в упоительный мир снов, прекрасных, как юность, и пленительных, как действительность. А над ними царила черноокая девушка, задумчиво подперев рукой свою чудную голову.

Очаровательный образ улыбался ему и наполнял его сердце надеждой. И это нежное пожатие руки!.. Кто знает, если не теперь, то, быть может, со временем в ее сердце проснётся более глубокое чувство в ответ на его горячую привязанность? Зачем долее сдерживать себя и умалчивать о своей любви? Он достаточно долго колебался. Мог ли он сомневаться в себе теперь, когда вся душа его превратилась в один порыв любви и преклонения перед нею?

Он решил высказать ей всё при следующем свидании.

Глава X

Стихи Жоржа

На следующее утро Жорж был уже в комнате своего друга с пачкой рукописей в кармане. Досада и огорчение Андрея улеглись за ночь, проведённую без сна, и, несмотря на усталость, он казался довольно бодрым. Он встретил гостя ласково и даже с несколько преувеличенным радушием. Ничего не подозревавший Жорж приписал это желанию загладить вчерашнее.

Обдумывая ночью новое положение, в какое он был поставлен своим безумием, Андрей окончательно решил вопрос о своих отношениях к Жоржу. С такой тайной в груди он не мог оставаться с ним в прежней тесной дружбе, это было бы низостью, а между тем он скорее откусил бы себе язык, чем покаялся во всем Жоржу. Раз нельзя было сказать правду, единственное, что ему оставалось делать, – это прекратить интимность с Жоржем и отныне поддерживать лишь просто товарищеские отношения. Такое решение было в

высшей степени тяжело Андрею, но ничем нельзя было помочь делу, и пришлось на том помириться. Жорж был его единственным другом – как дружба понимается в том мире, где они вращались. Теперь у него этого друга не будет – вот и всё.

Андрей не часто отступал от раз принятого решения, но выполнить это последнее решение ему было очень тяжело. Его чувства не могли сразу привыкнуть к новым отношениям, предписанным всесильным авторитетом разума. Он вздохнул с облегчением, когда его друг вдруг вынул свою рукопись и приступил к чтению.

Жорж принёс с собою не политические статьи или памфлеты, которые, по его выражению, он писал «в поте лица своего», а плоды досугов. Это были стихи, частью лирические, частью небольшие поэмы, каждая на особенный сюжет, но так тесно связанные общей мыслью, что, взятые как целое, все стихотворения казались разрозненными строфами одной поэмы. В ней воспевалась заря русской революции – тот период, когда полная энтузиазма и веры привилегированная моло-

дѣжь потоком ринулась «в народ» проповедовать евангелие социализма, братства и всеобщего счастья.

Написанные в разные времена и в разных настроениях, стихи Жоржа были отрывочны и неровны. Юмор перемешивался с пафосом, короткие строфы следовали за длинными поэмами. Но эта неправильность и кажущееся отсутствие единства давали возможность автору отразить более полно все стороны доблестной эпохи, представляющей такой богатый материал для поэтической обработки.

Вначале шла группа коротеньких стихотворений с общим названием: «Под родительским кровом». Они изображали внутреннюю жизнь молодой отзывчивой души, страстно жаждущей правды и справедливости и тревожно ищущей выхода из унижительных компромиссов спокойной, богатой жизни среди голодающих миллионов. Следующий отдел, озаглавленный «Среди полей широких», был самый длинный и разнообразный. В него вошли воспоминания о тяжёлых трудах и чистых радостях первых пропагандистов. К трудностям их образа жизни как простых ра-

бочих автор относился легко: тон этого отдела был весёлый. История приключений пропагандистов, то трогательных, то комичных, переплеталась с описаниями деревенской жизни и природы.

Заключительная поэма была самая грустная, но в художественном отношении лучшая из всех. Это была лебединая песня молодого пропагандиста накануне его перехода из «временной могилы» – тюремной камеры – в вечную. Песня, написанная в минорном тоне, мягкая и нежная, как и время, отражённое ею. Художественное чутье Жоржа не позволило ему сделать героя выразителем взглядов и чувств автора. Он был настоящим человеком своего времени – одним из первых пропагандистов, еще не озлобленных долгими годами преследований. Забывая о зле, причинённом ему, он не жаловался и не сожалел о жизни, скошенной в пору расцвета. Он находил утешение в мысли, что если ему при жизни помешали работать для народа, то хоть смертью своей он сослужит ему службу. Правдивость и искренность Жоржа выступили во всей своей силе в поэме. Трогательный образ героя, сра-

жённому с такой безграничной жестокостью, действовал на душу гораздо сильнее, чем самое горячее воззвание к возмущению и мести.

Андрей слушал как очарованный, боясь проронить слово. Он находился под обаянием мелодичных стрóf Жоржа, которые укротили обуявшего его злого духа, и боялся нарушить магические чары.

Эти песни из недавнего прошлого были для него более чем художественными произведениями; они воскрешали перед ним его собственную жизнь. Он и Жорж были пропагандистами в своё время и, прежде чем сделаться террористами, сами пережили эти чувства. Молодой человек, умирающий в тюрьме, воплощал для них многих из дорогих и незабвенных товарищей, погибших таким же образом и за то же дело. Благородные и чистые чувства, вызванные волшебством поэзии, успокоили разгорячённый мозг Андрея и расположили его лучше к самому Жоржу. В нравственном облике обоих было слишком много общего.

Чтение продолжалось не более часа. Когда

Жорж кончил, Андрей искренне и горячо выразил своё одобрение. Ничего лучшего, по его мнению, Жорж до сих пор не написал. После нескольких критических замечаний и советов Андрей свободно и непринуждённо продолжал дружескую беседу. Жоржу не приходилось более объяснять себе поведение своего друга, потому что тот держался естественно и просто, как всегда.

Андрей, однако, отказался пойти прогуляться с Жоржем. Ему необходимо было наткать шифрованное письмо, а он еще не садился за работу.

Он долго стоял у окна на одном и том же месте, после ухода Жоржа все еще находясь под влиянием прослушанных стихов. В самом деле, они были очень хороши; талант Жоржа быстро развивался, и в нем были задатки настоящего поэта. Счастливец! На нем была печать избранников. И вдобавок он был человеком с сердцем; его произведения не могли быть плодом одного лишь воображения. Нужно было глубоко и интенсивно чувствовать все то, что он выражал в таких задушевных словах.

Автор отступил понемногу на второй план. Андрей стал думать о человеке, и его сердечная рана, закрывшаяся было на минуту, раскрылась снова. Но теперь поведение Жоржа уже не представлялось ему в таком свете, как накануне. Такой правдивый, искренний и честный человек не мог быть фатом[30]. Он был несправедлив к Жоржу. Но как объяснить его удивительное непонимание девушки? Его нелепые преувеличения? «Ну что ж, это в его натуре, и ничего с ним не поделаешь. Такова его манера относиться ко всему. И все-таки он искренне ее любит. Разве каждый не может любить по-своему? И она ответила ему взаимностью. Отчего же нет? Всякая молодая девушка предпочтёт поэтическую, восторженную любовь Жоржа неинтересному, прозаическому чувству, какое столь же неинтересный и прозаичный человек, как он, может предложить».

«Прочность, постоянство, положительность!» – с горечью повторял Андрей.

Если бы любовь была материей, из которой делают платье и обувь, то у него оказалось бы немало шансов на успех. Но женщи-

ны не с этой точки зрения смотрят на любовь, и они совершенно правы. И почему же чувство Жоржа должно непременно оказаться легкомысленным? Конечно, он не имел представления о настоящей Тани, поклоняясь вместо нее кумиру, облаченному в мишурные одежды собственного изделия. Но если он никогда и не откроет истинной Тани – что за беда? Если даже этот фантастический плащ с течением времени износится, он выкроит вместо него новый. Ему это нипочём, и обоим им такое занятие доставит лишь новое развлечение.

Андрей сидел теперь у стола. Опершись на него локтем, он уныло рассматривал голые стены, оклеенные дешёвыми обоями, и машинально старался найти линию, которая разделяла бы на две симметричные части безобразный зелёный квадрат узора. Он так и не нашёл ее и перевёл усталый взгляд на свой письменный стол.

Два месяца! Да, всего два месяца прошло со дня их первой встречи. Но он успел узнать ее, как будто был знаком с нею два года. Он стал читать в ее душе почти с первого их разгово-

ра. Теперь он знал ее лучше, чем она сама, и находил качества, которых она из скромности не согласилась бы признать, и недостатки, против которых она протестовала бы с негодованием. И ему трудно было бы решить, что ему милее в ней. Он любил ее такую, какою она была, и не мог себе представить лучшего существа, раз оно отличалось бы от Тани.

Он стал припоминать все подробности их короткого знакомства. Ничто не ускользнуло из его памяти: почти каждое слово, ею сказанное, и выражение ее лица вставали перед ним. Никакой надежды. Дружба! Молодые девушки охотно награждают этим чувством друзей любимого человека. Она уже любила Жоржа до их встречи. Он нарочно обманывал себя, сомневаясь в этом хоть на одну минуту. Но если бы она тогда и не любила, как могла бы она колебаться в выборе теперь?.. Да, всё, что есть лучшего в жизни, принадлежит этим баловням судьбы, потому что им и без того дано многое. «Что ж, пусть будет так, – сказал Андрей, и мрачный огонёк сверкнул в его глазах. – Цветы попадаются и на самых печаль-

ных жизненных путях. Пусть их срывают другие и мирно наслаждаются ими; мы же, скромные труженики, удовольствуемся одними терниями и плакаться не будем».

Он вздохнул и решительно уселся за работу. На несколько часов он переселился в мир чисел, нашёптывая» цифры, совещаясь с ключом, делая разные исчисления, работая с озлобленным прилежанием, не поднимая головы. Необходимо было доставить письмо заблаговременно на конспиративную квартиру, потому что человек, отправлявшийся в Дубравник, уезжал в тот же день.

На конспиративной квартире он застал Лену, которая исполняла там свое дежурство.

– Получили вести из Дубравника, касающиеся вас, – сказала Лена. Она вынула из ящичка письмо Зины, еще влажное от химического реактива. – Вот, а тут ваше имя, – сказала она, указывая на группу цифр на последней странице.

Андрей прочитал следующее: «Дело мое осложняется, и Андрей хорошо сделает, если приедет». Ничего более подходящего нельзя было придумать, и Андрей тотчас же решил

принять это приглашение.

– Что вы на это скажете? – спросила Лена сдержанно. – Поедете?

– Конечно! – ответил Андрей.

– Я так и думала. – Девушка нахмурилась.

Андрей знал, что Лена не одобряет его решения, и знал почему.

– Я должен ехать, – сказал он, как бы извиняясь. – Хотя Зина и не настаивает, но я знаю, что она не стала бы звать меня, если бы не серьёзная необходимость.

– И вы бросите пропаганду между рабочими, когда она у вас так хорошо шла, и всё остальное? – сердито продолжала Лена, не слушая его. – Всегда так случается с нашими революционерами из привилегированных. Они ждут первого предлога, чтобы броситься в террористическое предприятие.

Лена была «народница» по убеждениям, или, точнее, чистая «пропагандистка». Социалистическая пропаганда между крестьянами и рабочими была, по ее мнению, единственная форма деятельности, на которой революционеры должны сосредоточить свою энергию. Не следовало обращать внимания на

преследования правительства, которые только отвлекают от социализма в сторону политической борьбы. Она очень ценила Андрея как одного из лучших пропагандистов и сердилась за то, что он оставляет свою работу, быть может, навсегда. Ничего нет легче, как сломать себе шею в таком деле, какое затевалось в Дубравнике. Она горячо напала на него, упрекая в непоследовательности.

Андрей добродушно запротестовал:

– Я охотно продолжал бы свою работу здесь, – сказал он, – но с нашей стороны было бы постыдно не попытаться освободить товарищей.

– Нет ничего постыдного для партии, если она применяет свои силы наиболее производительно для дела, – возразила Лена.

– Так, по-вашему, Борис и его товарищи настолько бесполезны для дела, что их не стоит освобождать? – резко спросил Андрей.

– Они не хуже лучшего из членов нашей партии, – возразила Лена, – но нам всё время придётся слоняться около тюрем, если мы вздумаем освобождать всех, кто этого заслуживает.

– Самое лучшее, значит, оставить их гнить в тюрьме, не правда ли? – иронически заметил Андрей.

– Остающиеся в живых не имеют права рисковать собою, чтобы откапывать мертвецов. У них более важное дело на руках, – ответила Лена, нисколько не смутившись.

– Так что вы посоветовали бы рудокопам, когда их товарищи засыпаны обрушившейся шахтой, продолжать свою работу и не освобождать погребённых, потому что это связано с риском? – подсказал Андрей.

– Оставьте, ради бога, рудокопов в покое, потому что они ничего не доказывают! – воскликнула Лена. – Сравнение – не аргумент. Мы не верим в наше дело, в этом вся суть. Если бы мы верили в него, у нас хватило бы выдержки не отвлекаться в сторону.

– Нет, покорно благодарю, – презрительно усмехнулся Андрей, – не завидую такой телячьей выдержке и не претендую на нее.

Он очень рассердился на Лену за ее, как он называл, узкое доктринёрство. Лена тоже, в свою очередь, злилась. С самого утра, по прочтении письма Зины, она кипела негодовани-

ем при одной мысли, что Андрей бросит свое дело. Они чуть-чуть не поссорились, но в конце концов помирились.

– Зачем попусту тратить время на ссоры? – сказал Андрей. – Вы очень хорошо знаете, что я поеду в Дубравник, что бы вы ни говорили. Так как мне не удастся повидать вас до отъезда, то лучше нам попрощаться теперь.

Они расцеловались, хотя Лена все еще дулась на Андрея за его легкомыслие. Но он старался смягчить ее, уверяя, что скоро вернется. Через месяц или около того он явится с тремя освобождёнными товарищами, которых уговорит присоединиться к ее кружку.

Прежде чем оставить Петербург, Андрей привёл в порядок все свои дела, передав свой рабочий кружок опытному товарищу. Всё уладилось так быстро, что через два дня он уже ехал в Дубравник и чувствовал себя бодрее, чем когда-либо за последнее время.

Часть вторая

Под огнём

Глава I

Снова Давид

Никто из петербуржцев не знал адреса конспиративной квартиры в Дубравнике. Андрея поэтому направили к двум сёстрам, Марии и Екатерине Дудоровым; у них он мог узнать про Зину.

Не без затруднений добрался он до тёмного переулка, где они жили, и нашёл их мрачный, неоштукатуренный дом из красного кирпича.

На самом верху бесконечной каменной лестницы с провалившимися ступеньками Андрей остановился перед выкрашенной жёлтой краской дверью. Квартира, он догадывался, была тут, потому что выше уже помещались одни чердаки. На его звонок отворила дверь высокая, бедно одетая девушка с болезненным цветом лица; на вид ей можно было дать не то двадцать лет, не то и все тридцать.

– Что вам угодно? – холодно спросила она, не поднимая глаз на посетителя.

– Сестры Дудоровы здесь живут? – спросил Андрей.

– Войдите, – пригласила девушка.

Андрей вошёл в комнату, поразившую даже его привычный глаз нигилиста своею бедностью. За всю мебель, если бы ее продать, едва можно было выручить несколько рублей.

Комната была разделена на две половины ситцевой занавеской. Передняя часть, в которой очутился Андрей, служила гостиной, а за занавеской помещалась спальня.

– Что вам угодно? – повторила девушка тем же холодным тоном.

– Мне нужно видеть госпожу Дудорову, – сухо ответил Андрей.

– Меня или Машу? – уточнила девушка.

– А, значит, вы Катерина Дудорова? – сказал Андрей. – Я имею письмо к вам обеим от Лены Зубовой. Моя фамилия Кожухов.

Болезненное лицо девушки просияло.

– Как я рада! – воскликнула она. – Садитесь. Я сейчас позову сестру.

Она торопливо вышла, и Андрей сел у

непокрытого стола из простого дерева. Связки рукописей различных форматов и почерков были разбросаны по столу. В одном конце сложены были переписанные начисто листы.

Андрей знал от Лены, которой сестры Дудоровы приходились дальними родственницами, что им досталось от отца маленькое наследство. Но они отдали всё до последней копейки на общее дело. Теперь они, очевидно, зарабатывали себе хлеб перепиской и другого рода работой. На одном из стульев Андрей заметил богатое вышиванье – вещь, слишком роскошную и слишком бесполезную для личного употребления в этом более чем скромном жилище.

Через минуту вбежала Маша, извещённая сестрой о прибытии интересного гостя из Петербурга. Она была старшая, но выглядела моложе, благодаря оживлённому лицу со вздёрнутым носиком и блестящими карими глазами.

– Мы не ожидали вас так скоро, – сказала она. – Зина думала, что вы будете здесь дня через три. Вы, конечно, хотите сейчас же отправиться к ней?

– Да, если это вам удобно.

– О да! Я через минуту буду готова и провожу вас. Это недалеко.

Она скрылась за занавеской, и Андрей слышал, как она возилась с переодеванием.

Сёстрам очень хотелось оставить гостя у себя подольше. Им интересно было расспросить о петербургских новостях, но они не решились задерживать его.

– Как поживает Лена? – спросила младшая сестра, оставшаяся с Андреем.

Андрей в нескольких словах сообщил всё, что знал про нее.

– Послушайте, Кожухов, – раздался голос Маши из-за занавески, – у нас есть также адрес Давида. Я могу вас свести к нему, если хотите.

– Давид здесь?! – воскликнул Андрей, бросая обрадованный взгляд на занавеску. – Я этого и не подозревал. Выходите, однако, скорей из вашей засады и давайте разговаривать по-человечески.

– Сию секунду! – раздался голос Маши, всё еще из-за занавески. Маша вышла из своего убежища в другом платье. Во рту она держала

несколько шпилек. – Давид был на румынской границе, чтобы устроить через своих евреев перевозку книг, – сказала Маша, наклонив голову и закалывая шпильками косы. – Он остановился здесь по дороге... право, не знаю куда... Теперь я совсем готова, – прибавила она, надевая шляпку. – К кому же вас вести – к Зине или к Давиду?

Выбор был затруднителен.

– Пойдём к тому, кто ближе, – решил Андрей.

Оба жили недалеко, но Давид оказался ближайшим соседом.

– Вы надолго в Дубравник? – спросила Маша по дороге.

– Не знаю еще... Это зависит от обстоятельств... – уклончиво ответил Андрей. Он не знал, состоит ли девушка членом местной группы и посвящена ли она в дело, по которому он приехал. – А вы постоянно тут живёте? – поинтересовался он, чтобы переменить разговор.

– Нет, мы постоянно живём в деревне и скоро вернёмся туда. Здесь же мы поселились на время, чтобы подготовиться к экзамену на

учительниц: нам обещаны места в деревенской школе.

– Вам, вероятно, трудно готовиться к экзаменам и в то же время заниматься перепиской и вышиванием?

Маша улыбнулась.

– Приходилось гораздо труднее без работы, уверяю вас. Теперь нам отлично живётся, – продолжала она весёлым голосом, – и через несколько месяцев мы окончательно поселимся в деревне.

– Вы, я вижу, народница, как и Лена, – заметил Андрей.

– Да, конечно. А вы? Судя по словам Лены, мы и вас считали народником.

– О нет! Я не дохожу до таких крайностей.

Он стал убеждать свою спутницу, желая обратить ее на путь истины. У них завязался оживлённый спор, но без раздражения и запальчивости: принципиальные разногласия между террористами и народниками еще не приняли тогда острого характера. Правда, между ними происходили иногда перепалки, но вообще обе партии пока работали мирно, рука об руку, часто в одних и тех же кружках.

Давид оказался дома и в ту минуту, когда входили гости, играл с сыном хозяйки – чумазым мальчуганом с большими голубыми глазами и целым лесом белокурых кудрей, который при виде чужих стремглав выбежал из комнаты. Как и все евреи, Давид очень любил детей, хотя и был принципиально против семейной жизни. Он остановился в еврейской гостинице, где был совершенно как дома. Он всегда жил там, когда приезжал в Дубравник, и находился в самых лучших отношениях с хозяевами. Никому не приходило в голову требовать у него паспорт, и его знали просто под именем Давид.

Андрей и Давид очень обрадовались друг другу.

– Ты, брат, явился как раз вовремя. Приезжай ты одним днем позже, и нам не удалось бы свидеться. Я завтра же уезжаю, – сказал Давид.

Маша собралась уходить.

– Прощайте, – повернулась она к Андрею. – Надеюсь, вы не забудете дороги к нашему дому? – Исполнив свою миссию, она хотела уйти, чтобы не мешать им «конспирировать».

Давид остановил ее:

– Подождите минутку. Мне нужно узнать от вас, кто из ваших одесских друзей уцелел после недавних арестов и застану ли я кого-нибудь из них в живых?

– Разве ты едешь в Одессу? – удивился Андрей.

– Да, в Одессу.

– Но ведь ты был там всего три недели тому назад... Никогда еще не встречал я человека с такой страстью к разъездам, – прибавил Андрей, обращаясь к девушке.

– «Страсть к разъездам»!.. – воскликнул с негодованием Давид. – Я просто в бешенство прихожу, как подумаю, какую прорву денег я истратил в эти три недели, не говоря уже о потере времени. И все это по милости наших нелепых народников, к которым эта барышня чувствует такую нежность, – прибавил он, кивнув на Машу.

– Бедные народники! – вздохнула Маша. – За всё им приходится отдуваться.

– Нет, ты выслушай! – горячился Давид, схватив Андрея за рукав. – Я им твердил множество раз, что буду переправлять через гра-

ницу сколько угодно их литературы, что никаких тут нет лишних хлопот, а наоборот, эта расширяет наши пограничные дела. С их стороны требовалось только покрывать свою долю расходов и держать человека для приёма транспортов. Ну, этого обязательства они никогда не выполняли! – прибавил он, глядя с укоризной на Машу. – И я вынужден был сам доставлять их книжки в город. Тем не менее я продолжал работать для них, и все обстояло благополучно. Но вот, на грех, несколько недель тому назад им удалось завербовать в члены своей группы некоего Аврумку Блюма – круглого дурака, должен сознаться, хотя он и еврей. Ты, кажется, испытал это на себе?

Андрей кивнул, улыбаясь.

– Не знаю, потому ли, что народники нашли его достаточно умным для себя, или по другой причине, только раз завёлся у них собственный еврей, они вздумали открыть и собственную границу.

– Давид, Давид! – запротестовала Маша.

– Нет, давайте мне договорить; слово будет за вами потом. Отправляют Аврумку в Кишинёв, снабдив деньгами, и он устраивает пере-

возку книг, условившись заплатить... – тут Давид остановился, чтобы подготовить драматический эффект, – по восемнадцати рублей с пуда! – Он молча посмотрел на Андрея, потом на Машу, потом опять на Андрея.

Маша показалась ему достаточно потрясённой, но на Андрея его слова не произвели никакого воздействия, так как он не имел никакого понятия о ценах.

– Восемнадцать рублей с пуда! Ведь это неслыханное дело. Я никогда не плачу больше шести, – возмущался Давид. – Платить такие цены – чистый позор. Это портит границу. К контрабандистам потом приступа не будет. – Он горячился и сопровождал свою речь странной еврейской жестикуляцией, возвращавшейся к нему в минуты сильного возбуждения. – Само собой разумеется, – продолжал он более спокойным тоном, – я поднял шум, как только узнал об этом. Я снова взял перевозку на себя, и мне пришлось съездить на границу, чтобы привести всё в порядок.

– И ты всё уладил, конечно? – спросил Андрей.

– Да, но не знаю, надолго ли. Я не уверен,

что они не выкинут такой же штуки со мной еще раз, если найдут другого еврея, скажем, поумнее Аврумки.

– Как вам не стыдно, Давид! – вмешалась Маша. – Ведь я слышала об этой истории от одесситов.

– Ну и что же? По-вашему, не так?

– Конечно, нет! Ваша граница – немецкая: до нее очень далеко, и у них нет там никого из своих людей, тогда как румынская граница – совсем рядом, и в Каменце есть ветвь кружка. Отсюда же рукой подать до Каменца. Вот почему они послали Блюма попытать счастья. Никакого тут не было недостатка доверия к вам и ни малейшего желания хвастнуть собственной границей.

Давид сделал пренебрежительный жест рукой.

– Ладно, ладно! Старого воробья на мякине не проведёшь. Я-то знаю, в чем дело. Скажите лучше, где найти вашего Аврумку: мне нужно сообщить ему о результатах моей поездки.

Маша дала ему адрес.

– Теперь мне пора собираться. У меня свидание с Зиной.

Он вытащил свой неизменный холщовый саквояж и стал в нем рыться. Не находя, впрочем, того, что ему понадобилось, он начал понемногу выкладывать всё содержимое на диван. Рубашка, губка, щётка для волос, маленькая подушка, том немецкого романа, пара носков, несколько жестянок появлялись одно за другим. Оказалась полная экипировка человека, проводящего бóльшую часть своей жизни в вагоне.

– Мой саквояж имеет удивительную особенность: всё нужное в данную минуту всегда оказывается на самом дне, – произнёс Давид, когда наконец на диване появилась маленькая шкатулка швейцарской резной работы.

В ней хранились белые и чёрные нитки, целый ассортимент пуговиц, игольник, напёрсток и ножницы. Тогда Давид взял пальто и уселся портняжничать.

– Дайте, я вам зашью, – предложила Маша.

– Нет, я гораздо лучше сделаю. Женская работа непрочная, – отвечал Давид.

Чтобы не сидеть без дела, Андрей начал складывать вещи Давида обратно в саквояж. Между ними оказался маленький зелёный

мешочек, шести-семи вершков в длину. Когда Андрей взял его в руки, из него вывалился странный предмет. Сначала он подумал, что это детская игрушка, купленная Давидом для одного из своих любимцев: к миниатюрному пьедесталу был прикреплен маленький деревянный кубик, и от него шли два толстых ремня... Но в мешочке лежал кусок шерстяной материи, белой с черными полосами, и Андрей тотчас же узнал молитвенную принадлежность евреев. Он как-то раз ходил в еврейскую синагогу и теперь был уверен, что не ошибся в своей догадке. Деревянный кубик изображал алтарь, который евреи прикрепляют ко лбу во время чтения молитв, а полосатая шаль была священный талес, надеваемый на голову и плечи.

– Посмотрите, что у него тут такое! – обратился Андрей к Маше, показывая ей кубик и шаль.

Оба расхохотались. Им забавно было видеть эти вещи у Давида – атеиста, как и все они.

– Это мой паспорт в дороге, – спокойно заметил Давид, – и я никогда с ним не расста-

юсь. Волшебное средство, чтобы прогнать полицию и шпионов, когда им приходится в голову заподозрить меня, что я нигилист... – Он улыбнулся, откусывая нитку своими белыми зубами. – Теперь пойдём к Зине, – прибавил он. – Я готов предстать перед начальством.

Маша попросила кланяться Зине, а также и Анюте.

– Кто эта Анюта? – спросил Андрей, когда они остались вдвоём.

– Анна Вулич, твоя старая знакомая. Ты с ней встретился на границе, неужели забыл? Она говорит, что хорошо тебя помнит. В Швейцарии она не зажила и теперь исполняет роль горничной на конспиративной квартире.

– Ах, да! – кивнул Андрей. – Я очень хорошо ее помню. Только благоразумно ли с вашей стороны поручать молодой, неопытной девушке такую серьёзную обязанность?

– Сперва я то же думал, но она прекрасно выполняет свою роль. Выбор, впрочем, сделан Зиной, а она, знаешь, мастер узнавать людей и привязывать их к себе.

Глава II

Конспиративная квартира

Через несколько часов, в этот же день, состоялось нечто вроде военного совета в маленькой квартире Зины, в одном из предместий Дубравника. Только четверо присутствовали на нем: Зина, Вулич, Давид и Андрей.

Вулич принимала мало участия в разговоре. Опустившись в глубокое кресло, так что ее маленькие ножки болтались в воздухе, она внимательно слушала, переводя свои быстрые карие глаза от одного собеседника к другому.

Зина объясняла Андрею план побега и советовалась с ним.

– Вы только что приехали, со свежей головой: вы лучше можете судить, – говорила она.

Андрей долго и молча рассматривал план тюрьмы, наскоро сделанный для него Зиной.

– Ну скажите же что-нибудь, бога ради! – не вытерпела она. – Что вы сидите, точно громом поражены?

– Говоря по правде, – вымолвил наконец Андрей, – мне ваш план не нравится. Очень уж много совпадений. Такие проекты никогда не удаются. Всё это слишком сложно; малейшая проруха в чем-нибудь может погубить всё дело. Кроме того, и по сущности этот план несостоятелен. Вот вам мое мнение.

Всё предприятие держалось на помощи уголовных заключённых, с которыми политическим удалось войти в тайные сношения. Один – бывший разбойник, прозванный Беркутом, а другой – вор, по имени Куницын, вызвались содействовать побегу Бориса и его друзей. Их предложение было принято. Подкоп, через который предполагалось бежать, быстро подвигался вперёд и через неделю был бы готов. Его рыли Беркут и Куницын: их камера была в нижнем этаже, между тем как политические, за которыми надзор был гораздо строже, содержались в верхнем этаже тюрьмы.

Когда всё будет готово, в назначенный час, ночью, политические отмычкой откроют двери своих камер и сойдут вниз, к уголовным, а оттуда пройдут в подкоп.

Опасность заключалась не в том, что двое уголовных играли такую важную роль в предполагавшемся побеге. В этом не было ничего необыкновенного. Политические заключённые, содержащиеся в тюрьмах с уголовными, часто приобретают сильное и благотворное влияние на последних, пробуждая в них лучшие нравственные чувства и иногда вербуя между ними горячих друзей. Беркут и Куницын были преданы Борису душой и телом и не раз доказали, что им можно довериться. Но в их камере было еще пятнадцать арестантов, и они по необходимости были посвящены в тайну подкопа. Конечно, они не знали, что его роют для политических: Беркут и Куницын заявили, что сами собираются бежать, а арестантская братия хорошо умеет хранить свои тайны. Однако стоило кому-нибудь напиться контрабандной водки, и роковое слово могло сорваться в присутствии сторожей. Наконец, большую опасность представлял спуск с верхнего этажа по коридорам, охраняемым днём и ночью.

– Всё это крайне рискованно, – сказал Андрей в заключение. – Их, наверное, арестуют

во время странствований по этажам, если не раньше.

– Какой побег не связан с большим риском, Андрей? – возразила Зина. – Позвольте, я покажу вам, что эти странствования, как вы их называете, вовсе не так опасны. – Она взяла новый листок бумаги и набросала план внутренней тюрьмы, которую она знала до мельчайших подробностей.

Всего политических заключённых в ней содержалось в то время девять человек. Их камеры находились в двух смежных коридорах, расположенных под прямым углом в северо-западной части здания. Борис и его двое товарищей помещались, к счастью, в одном коридоре. После полуночного обхода Залесский, один из заключённых в смежном коридоре, привлечёт к своей двери надзирателя, приставленного специально к политическим, и вступит с ним в беседу. Он нарочно проделал это несколько раз, чтобы тот не заподозрил никакого умысла. Зина показала на плане, что, стоя у дверей Залесского, надзиратель не может видеть, что делается в другом коридоре. Двери и замки камеры будут тщательно

смазаны маслом, и беглецы выйдут без сапог. Когда они выйдут из своих камер, им придётся открыть отмычкой дверь на лестницу и спуститься в этаж к уголовным арестантам. На весь нижний этаж полагается один часовой, и он все время ходит кругом, так что им нужно будет уловить момент, когда он скроется из виду. Тогда они проберутся в камеру Беркута и Куницына, которые их будут ждать и укажут отверстие подкопа.

– А куда выходит подкоп? – спросил Андрей.

– Сюда, – ответила Зина, указывая место на первом плане, за внешней стеной тюрьмы.

– А часовой где?

– Здесь. – Она отметила точку на линии стены, очень близко от отверстия подкопа.

– Вот видите! – воскликнул Андрей. – Они выйдут под самым носом у часового. – Он попросил Давида и Вулич взглянуть на план, как бы призывая их в свидетели.

– Если бы вам поручили размещение часовых, то вы бы, конечно, расставили их так, чтобы устранить все препятствия, – сказала Зина, теряя терпение. – Но раз это не так, то

необходимо приспособиться к обстоятельствам и мириться с тем, чего нельзя изменить.

Зина умела так же хорошо схватывать подробности, как и Андрей, но разница была в их темпераментах. Андрей мог быть отважен до безумия в деле, которое принимал горячо к сердцу, но ему нужно было время, чтобы привести себя в такое состояние. Первое, что всегда бросалось ему в глаза, – это были препятствия. Зина, наоборот, воодушевлялась сразу и не остывала до конца. Когда они оба участвовали в каком-нибудь деле, то неизбежно ссорились.

– Что ж, попробуем счастья, – сказал Андрей. – Мы должны устроить как можно лучше. Что касается часового, то мне пришла в голову идея... Но прежде всего я должен сам осмотреть место. Скажите, какая будет моя роль?

Зина объяснила ему. За тюрьмой, недалеко от выхода, беглецов должна ожидать коляска, которая доставит их в безопасное место. Василий, умевший хорошо править и знавший прекрасно город, предназначался

кучером. Но было решено иметь еще одного надёжного человека на месте, чтобы помочь бегущим сесть в коляску и защитить их в случае нападения.

Андрей одобрительно кивнул.

– Это основательно, – произнёс он. – Мало ли что может случиться!

На следующий день Андрей должен был осмотреть местность вместе с Василием. Этим совещание кончилось.

– Где бы мне тебя повидать завтра? – спросил Давид Андрея перед уходом.

– Не имею понятия. Спроси Зину. Я в ее распоряжении.

– Приходите завтра утром к Рохальскому, – сказала Зина. – Мы все там соберёмся. Тогда же вы узнаете, как Андрей устроился с Василием. Они будут жить вместе.

Василий занимал маленькую комнату на постоялом дворе, где помещалась его лошадь. Он выдавал себя за кучера и слугу небогатого купца, который застрял на ярмарке в Ромнах и скоро должен приехать.

Андрею приходилось сыграть роль мнимого купца, и он должен был запастьись платьем,

соответствующим его паспорту и общественному положению: ему нужен был длинный кафтан, высокие сапоги, фуражка, жилет известного покроя и тому подобное. Василий тем временем мог известить содержателя постоянного двора о скором приезде своего хозяина.

Давиду поручено было немедленно сообщить Василию о приезде Андрея. Завтра у Рохальского они окончательно условятся насчёт следующего дня, когда Андрей водворится на постоялом дворе.

Сам Василий никогда не приходил к Зине на дом, и прямых сношений между обеими квартирами не полагалось. Убежище Василия было временное, так как полиции легко будет напасть на его след, едва только побег станет известным. Постоялый двор решено было покинуть вместе с лошадью и коляской в ту же ночь, как совершится побег, Василий же и Андрей должны были скрыться в другом месте. Что касается освобождённых, то они спрячутся в доме у Зины, где и будут сидеть безвыходно, пока полиция будет рыскать по городу, разыскивая их. Было, следовательно, весьма

важно, чтобы дом Зины не имел никаких сношений с постоянным двором и вообще оберегался от всего, что могло бы возбудить подозрение. Обе женщины жили почти в полном уединении. Все участвующие в затеваемом предприятии встречались на улицах или в городском саду, где обменивались краткими сообщениями; если же нужно было обсудить что-нибудь сообща, они назначали свидание у знакомых и друзей вроде Рохальского.

– Где же я буду ночевать? – спросил Андрей, когда Давид ушёл.

– На сегодня, пожалуй, оставайтесь здесь.

Андрей рад был бы случаю побывать подольше в обществе Зины, но счёл неблагоразумным оставаться – с деловой точки зрения. На следующее утро назначено было собрание у Рохальского, на котором он должен был присутствовать, и ему пришлось бы выходить из дому и возвращаться среди бела дня. Его могут заметить и заподозрить, что в доме кто-то скрывается.

– В таком случае я вас провожу сейчас же к Рохальскому, – сказала Зина. – Он с удовольствием приютит вас на ночь, и вы будете на-

лицо к завтрашнему собранию.

Рохальский был человек со средствами, ве- сёлого нрава, либерал и поддерживал друже- ские сношения с революционерами. Он жил широко, гостеприимно, никогда не имел столкновений с полицией, и дом его считался одним из самых безопасных в Дубравнике.

Приближаясь к новому большому дому на одной из тихих улиц аристократического квартала, Зина указала Андрею на ряд освещённых окон на третьем этаже.

– Мы застанем его дома. У него, очевидно, гости, – сказала она.

– Однако в Дубравнике рано собираются по вечерам, да и народ скуповатый у вас, – заметил Андрей. – Не видать ни одной кареты или извозчика у подъезда.

– Кто победнее, выбрался раньше и пешком, – ответила Зина.

Когда они подошли поближе, Андрей заметил в доме через улицу, в одном из окон первого этажа, двух пожилых дам, смотревших вверх, как бы на квартиру Рохальского. Обе, казалось, были очень заинтересованы происходившим в доме напротив. Подозрение

мелькнуло в голове Андрея.

– Подождите минутку, – сказал он Зине. – Чем нам идти вдвоём, пустите меня сперва на разведку. Мне кажется, тут что-то неладно.

– Полноте! Дом Рохальского совершенно безопасен, – отрезала Зина, направляясь к подъезду.

Входные двери были распахнуты настежь. В подъезде и на белой каменной лестнице виднелись следы ног, показавшиеся Андрею слишком большими и слишком многочисленными.

Когда Зина направилась к дверям, Андрей схватил ее под руку и насильно увёл ее в сторону.

– Очень может быть, что у Рохальского всё обстоит благополучно, – сказал он. – Вернее всего, что вы правы. Но что вам стоит подождать минуты две-три на улице, пока я удостоверюсь?

Странное упорство овладело им. Эти незначительные симптомы, схваченные больше внешними чувствами и слишком слабые, чтобы принять определённую форму в уме, вызвали в Андрее то, что суеверные лю-

ди называют предчувствием. Но Зина ничего подобного не почувствовала и настаивала на своём, приводя в доказательство, что вчера еще была у Рохальского.

– Пустяки! – прибавила она, выдёргивая руку.

– Если вы не пустите меня одного, я совсем не пойду, – решительно заявил Андрей.

Зина пожала плечами и взглянула ему в лицо, в конце концов сильно поражённая его настойчивостью.

– Если в самом деле ваши подозрения основательны, – сказала она, – то и вам не следует идти. Лучше погуляем туда-сюда по улице, авось всё выяснится.

Так поступить было бы всего благоразумнее. Но от людей нельзя ждать постоянного благоразумия. Пьяница, храбро миновавший один кабаk, сильно рискует при виде следующего. Человек, который может поздравить себя с первым осторожным шагом, чувствует большое искушение сделать второй шаг, совершенно безрассудный.

Андрей и Зина поменялись теперь ролями.

– Незачем выдумывать истории из-за тако-

го пустяка. Мы можем так провести целые часы на улице, не убедившись ни в чем. Подождите меня вот у этого угла; я вернусь через минуту.

Он вошёл в подъезд. Не было видно ни души. Мёртвая тишина царила во всем доме. Когда он поднялся до первого этажа, дверь одной из квартир, выходящих на площадку, тихонько отворилась. Сморщенное безбородое лицо не то старика, не то женщины – Андрей не мог разобрать – высунулось, быстро и внимательно взглянуло на него и моментально скрылось. Он слышал, как дверь заперли изнутри и задвинули засовы.

Странно! Андрей поднялся выше, ступая как можно осторожнее, но не обнаруживая в то же время нерешительности. Во что бы то ни стало необходимо было ввиду предстоящего завтра собрания удостовериться, безопасно ли у Рохальского.

Он быстро составил себе план действия. Он пройдёт мимо третьего этажа и поднимется до четвёртого; узнав, кто там живёт, спустится к квартире Рохальского и позвонит. Если ему отворит полиция, он назовёт фами-

лию верхних жильцов, как будто ошибся дверью. На всякий случай Андрей отстегнул чехол своего револьвера и выдвинул немного кинжал, висевший у него сбоку, чтобы иметь оружие под рукой.

Поднявшись до третьего этажа, где виднелась медная дощечка на дверях Рохальского, Андрей остановился на минутку. Он был в нерешимости: идти ли дальше или нет? Его план был хорош в теории, но так он рисковал отрезать себе отступление. Он сетовал на то, что не спросил про верхних жильцов у Зины, которая случайно могла знать их имя. Но шум быстро отодвигаемых засовов за дверьми и характерное бряцание шпор и сабель разрешили все сомнения. Полиция находилась в квартире Рохальского. Четверо жандармов стояли наготове в передней, с инструкцией арестовать всякого, кто явится.

Они слышали осторожные шаги Андрея и ждали только его звонка, чтобы, открыв двери, броситься на него. Но так как он медлил, то они побоялись, что он, пожалуй, уйдет, и решили выйти из своей засады.

Прежде чем они успели открыть двери, Ан-

дрей, однако, обогнул выступ лестницы и как мяч покатился вниз. Он не видел жандармов, но слышал их крики, топот ног и бряцание сабель, когда они бросились за ним. Началась бешеная погоня, в которой преследователи и преследуемый не видели, а только слышали друг друга. Но шансы были неравны между неуклюжими солдатами, с их длинными кавалерийскими саблями, и проворным молодым человеком, которому теперь очень пригодилась ловкость, приобретённая в горных экскурсиях. Перепрыгивая по шести-семи ступенек зараз, он опередил жандармов на целый этаж. Внезапная мысль осенила его при виде газового рожка. Он закрутил газ. На следующей площадке он сделал то же самое и быстрым движением опрокинул на лестницу длинную деревянную скамью, стоявшую у стены. На лестнице воцарилась темнота, и его преследователи замедлили погоню, в чем Андрей убедился по затихавшему шуму. Затем он услышал, к своему удовольствию, как кто-то споткнулся об его импровизированную баррикаду и тяжело упал с громкими ругательствами. Шум почти прекратился; жан-

дармы спускались с большой осторожностью, опасаясь новых приключений. Андрей потушил газ и в подъезде и, выйдя на улицу, захлопнул за собой входную дверь, оставив таким образом полицию в совершенной темноте.

Зина, дожидавшаяся шагов за сто от дома, не могла слышать шума на лестнице. Андрей вернулся, по ее мнению, слишком скоро.

Но когда он стал подходить, хотя и ускоренным, но ровным шагом, без всяких признаков возбуждения на лице, она двинулась к нему навстречу.

Андрей остановил ее жестом.

– Жандармы! – шепнул он, подходя к ней ближе.

Затем он самым любезным образом предложил ей руку и повёл ее по направлению к дому, где жил Рохальский. Так как жандармы могли каждую минуту выбежать оттуда, то лучше было встретиться с ними лицом, чем иметь их за спиной.

Зина не возражала. Она сразу догадалась, в чём состоит тактика Андрея, и ее одобрила.

Они не успели сделать десяток шагов, как

дверь с шумом распахнулась и оттуда выскочили четверо взъерошенных жандармов, причём один из них закрывал платком свой кровавленный нос. Они растерянно озирались по сторонам, и, не видя никого на улице, кроме медленно идущих им навстречу прилично одетых господина и даму, ринулись к ним.

– Ваше благородие, – быстро проговорил один из них, – не заметили ли вы бегущего человека?

– Из этой двери? – спросил Андрей, указывая на дверь Рохальского.

– Да, да!

– С рыжей бородой, в серой шляпе?

– Нет... всё равно! Куда он побежал?

– Сюда, – Андрей указал на улицу за собою. – Он только что пробежал мимо нас и, наверное, завернул в первую улицу направо. Вы еще его поймаете... только бегите пошибче.

Жандармы помчались и скоро исчезли из виду.

Зина и Андрей спокойно шли под руку. Завернув за угол, Зина наняла проезжавшего

извозчика и дала ему первый попавшийся адрес, желая как можно скорее выбраться из опасного места.

Инцидент кончился. Они были вне опасности.

– Неожиданный реприманд![31] – заметил Андрей, не желая распространяться при извозчике.

– Да, это вам в наказание за то, что вы не хотели остаться у нас! – сказала Зина.

– Наказание! Что вы говорите, Зина?! – воскликнул Андрей. – Это, скорее, награда за мое хорошее поведение. Подумайте только, что бы там случилось завтра, в десять часов, если бы я не пошёл сегодня?

– Ах, в самом деле! – спохватилась Зина. – Я и не подумала. За последнее время память у меня стала совсем куриная.

Конечно, полиция устроила засаду в квартире Рохальского, и их друзья непременно попались бы в ловушку. Зина привстала и, повысив голос, чтобы заглушить шум колёс, крикнула извозчику новый адрес. Они скоро остановились и сошли на углу какой-то улицы.

– Теперь расскажите подробно, что случилось, – приказала Зина, снова взяв Андрея под руку.

Андрей передал в нескольких словах приключившееся с ним, рассказал о своих первоначальных подозрениях и о том, как они подтвердились. Рассказал, как ему удалось бежать.

– Какое счастье, в самом деле, что мы пошли туда! – задумчиво сказала молодая женщина. – От каких пустяков, подумаешь, иногда зависит наша судьба! Необходимо послать Давида или кого-нибудь другого оповестить всех наших и предупредить об опасности. Мы около гостиницы Давида, узнаете?

– Нет.

– Мы подходим к ней с другой стороны.

Она отпустила его руку и вошла в тёмные ворота. Там она сняла свою элегантную шляпу и завязала ее в носовой платок. Она отдала Андрею зонтик, сняла перчатки и накинула на голову шаль на манер крестьянских девушек. Переодетая таким образом, с узелком в руках, она походила на молодую хорошенькую швею, идущую с работой к заказчику.

– Подождите меня тут. Я вернусь через четверть часа. Покажите мне ваши часы.

Она сравнила их со своими.

– В восемь часов без трёх я буду здесь, ни раньше, ни позже.

– Вы сохранили свои петербургские привычки? – с одобрением заметил Андрей.

– Да. Нет ничего несноснее неопределённого ожидания.

Она исчезла в темноте.

Андрей хорошенько запомнил дом и, выбрав самое прямое направление, пошёл по улице, поглядывая время от времени на часы. Когда прошло менее половины назначенного срока, он повернул назад, стараясь идти тем же ровным шагом. Он пришёл только минутой раньше.

Белое пятно появилось вдали; это был носовой платок в руках Зины. На ней опять была шляпка. Рядом двигалась тёмная мужская фигура: Давид шёл поздравить Андрея с избавлением от опасности.

– Вот в таких провинциальных городах нашему брату иногда приходится очень жутко, – смеялся Давид. – Хорошо, что ты на пер-

вых же порах обжѐг себе пальцы.

Зина повторила еще раз все свои поручения Давиду, и он тотчас же отправился исполнять их.

– Я начинаю бояться, – сказала она, когда они остались вдвоём. – Давид сообщил мне еще об одном совершенно неожиданном аресте: тоже человек с видным общественным положением. Нет, я не могу вас доверить таким господам. Вы остаётесь пока у меня.

– Хорошо. Идём.

– Да, но только нам лучше прийти домой после десяти часов, когда всё спит на нашей улице и никто нас не заметит.

Оставалось целых два часа, которые нужно было чем-нибудь наполнить. Андрей предложил погулять вдоль реки. Они будут беседовать и любоваться великолепной южной ночью.

– Нет, – не согласилась Зина. – Мы можем с бóльшей пользой провести время. Давайте пойдём к тюрьме, тогда вам завтра незачем будет ходить с Василием. Вам обязательно нужно осмотреть место в тёмное время, так как побег назначен ночью.

Они отправились прямо к тюрьме. Большое квадратное здание в два этажа выступило из-за высокой стены, отделявшей его от остального мира. Широкая унылая площадь без малейшего следа растительности окружала острог, примыкая одним углом к открытому полю.

Зина и Андрей обошли площадь по прилегающим улицам и очутились у начала той улицы, где предполагалось стоять карете. С этого пункта лучше всего можно было осмотреть всю позицию.

– Обратите внимание на общий вид, – сказала Зина. – Вам не нужно ни считать шаги, ни мерить расстояния. Всё это Василий проделал уже несколько раз. Он вам расскажет.

Место, выбранное для кареты Василия, было недурное, или, вернее сказать, наименее дурное. Оно было несколько далеко от устья подкопа, но зато окружающие дома укрывали этот пункт от возможных выстрелов со стороны тюрьмы. Улица была хорошая. Даже в эту сравнительно раннюю пору на ней никого не было. Андрей высказал свое мнение Зине.

– Слабый пункт вон там, – сказала она, указав

зывая на находящийся неподалёку кабак. – Здесь царствует мёртвая тишина в полночь, а в том несчастном кабаке засиживаются часто до двух часов ночи. В случае тревоги половые или глупые посетители могут выбежать и наделать хлопот.

– О, что касается этого, то вам нечего беспокоиться, – сказал Андрей. – Я беру на себя удержать их, а в случае надобности расправиться с ними, если они только вздумают вмешаться не в свое дело. Я бы даже посоветовал Василию стоять ближе к кабаку – оно выйдет натуральнее. Я же буду сторожить на углу и дам знак Василию отъехать в тот момент, когда наши выйдут из подкопа.

Они опять свернули на боковую улицу, вышли с другой стороны на площадь и прошли по ней в направлении, параллельном тюремной стене.

– Вот камеры политических, – сказала Зина, указывая ему на ряд окон в верхнем этаже, из которых некоторые оставались темными, другие же были слабо освещены изнутри.

– Можете вы мне указать окно Бориса? – спросил Андрей взволнованным голосом.

– Седьмое от угла; оно освещено. Он, вероятно, читает теперь. Левшин в пятой, а Клейн в третьей камере от угла. В их окнах темно, должно быть, спят. Однако неприлично так всматриваться в тюремные окна, – прибавила она, толкнув его руку. – Часовой вас заметил.

Андрей никак не ожидал, что очутится так близко к Борису сегодня же. Мысль, что его друг тут, за этим окном, что он мог бы услышать его голос, пожать ему руку, – эта мысль сильно взволновала Андрея. Безумное желание промелькнуло у него в голове: ему вдруг захотелось крикнуть имя Бориса в надежде, что тот его узнает.

Зине пришлось оттащить его за руку, чтобы заставить уйти.

Они шли молча. Когда тюремная площадь осталась далеко позади, Андрей спросил:

– Скажите, мог ли бы он нас увидеть из своего окна днём?

– Нет, – ответила Зина. – Окна прорезаны очень высоко в стене и закрашены белой краской, сквозь которую ничего не видно. Но я передам ему, что мы проходили мимо его окна сегодня вечером и видели свет в камере.

Ему будет приятно.

– Я тоже хочу написать ему, можно? – спросил Андрей.

– Конечно! Пишите сколько угодно. Я могу доставить ему решительно всё. Мы с ним теперь в деятельной переписке. Но уговорить его сторожей было очень трудно. Знаете ли, что меня два раза чуть-чуть не арестовали. Мне не везло, и я всё попадала на нестоящих людей.

На обратном пути они всё время говорили о Борисе. Дома Зина показала Андрею карточку своего маленького сына Бори, полученную несколько дней тому назад.

– Посмотрите, что за прелесть! – воскликнула она с материнской гордостью, держа перед Андреем и не выпуская из рук фотографию малютки с пухлыми ручками, круглыми удивлёнными глазками и раскрытым ротиком.

– Славный мальчуган! – сказал Андрей. – Не находите ли вы, что он очень похож на Бориса?

– Вылитый отец! – подтвердила Зина, очень довольная таким замечанием посто-

ронного. – И я надеюсь, что со временем он будет таким же хорошим революционером. Ему всего год и четыре месяца, но он уже содействовал революции по мере сил своих.

Зина рассказала, как она взяла с собой мальчика – ему было всего девять месяцев от роду – в Харьков, где ей приходилось быть хозяйкой конспиративной квартиры.

– Ничто не придаёт дому такого миролюбивого и невинного характера и ничто так не устраняет подозрений, как присутствие ребёнка, – прибавила она улыбаясь. – Мой Боря нам оказался очень полезен. Ну, скажите, кто из нас так рано вступал на революционное поприще? Надеюсь, что и позже, когда вырастет, он будет молодцом.

Андрей выразил надежду, что к тому времени Россия не будет нуждаться в революционерах.

– Ну, а что же с ним теперь? – поинтересовался он.

Тень пробежала по лицу молодой женщины.

– Я не могу держать его у себя, чтобы в случае моего ареста ему тоже не пришлось бы

испытать тюремного заключения. Для этого он слишком еще мал. Он у матери Бориса, в деревне. Его там очень любят, и мне часто пишут о нём. Надеюсь, что я увижу его, если удастся, после нашего предприятия.

Вулич давно ушла спать, а они всё еще разговаривали в гостиной, где Андрею была приготовлена постель. Зина расспрашивала его про Жоржа, Таню и Репина. Заметив некоторую странность в тоне его голоса, когда речь заходила о Тане, Зина спросила: в чём дело? Они были так дружны, что ее вопрос не показался ему нескромным, но Андрей избегал откровений. Он не мог говорить в лёгком тоне о своих чувствах, а толковать об этом серьёзно с Зиной в ее положении ему было стыдно.

Глава III

В ожидании

В течение следующей недели Андрей и Василий сделали все нужные приготовления и благополучно обосновались в своей гостинице. Они прожили там целый месяц, а дело побега не подвинулось ни на волос.

Через несколько дней после приезда Андрея в Дубравник случилось неприятное осложнение. В камеру, где содержались Беркут и Куницын, поместили еще одного арестанта, некоего Цуката, фальшивомонетчика, которого сразу заподозрили в шпионаже. Общим советом уголовных решено было прекратить подкоп до тех пор, пока им не удастся выжить подозрительного сожителя. В продолжение трех недель все они, дружными усилиями, старались сделать жизнь невыносимой непрошеному гостю. И действительно, несчастный Цукат взмолился начальству. Его перевели в другую камеру, и тогда только подземная работа возобновилась.

Такие задержки были в высшей степени

неприятны, истощая средства и пагубно влияя на общее настроение.

Главные участники в деле вынуждены были проводить всё это время в полном бездействии. Было бы безумием с их стороны присоединиться к местной агитации и пропаганде, которые в Дубравнике шли своим чередом, как и в других городах. Им необходимо было держаться в стороне от всего, что могло бы их компрометировать. Самое тщательное изучение их будущего поля действия и прилегающих улиц было сделано в несколько дней. И, покончив с этим, им пока ничего не оставалось, как сидеть сложа руки и выжидать.

Андрею в качестве купца нельзя было постоянно сидеть дома, не возбуждая подозрений. Кроме того, ему нужно было поддерживать отношения с Зиной, у которой сосредоточивались все необходимые сведения. Поэтому он каждое утро выходил «по делам» и отправлялся в городской сад или другое условленное накануне место, где в случае важных новостей его аккуратно в одиннадцать часов встречала Зина или чаще Вулич. Молодой девушке, очевидно, было приятно его общество,

и Зина охотно предоставляла Анне Вулич это маленькое развлечение.

Остальную часть дня Андрей проводил дома. Исполнив свои обязанности кучера и лакея, Василий присоединялся к нему. Нельзя сказать, чтоб им было очень весело. Несмотря на внешнее спокойствие, они были слишком взволнованы ожиданием предстоящего, чтобы находить удовольствие в занятиях или в чтении. Даже на романе им трудно было сосредоточиться. Иногда они пускались в длинные разговоры, обсуждая с разных точек зрения революционные задачи. Друзья и знакомые, текущая литература, Гамбетта и Бисмарк[32] – всё подвергалось обсуждению. Но оба не были охотники до разговоров и большую часть своего времени проводили молча, каждый сидя или лёжа в своём углу с папиросой в зубах.

Василий переносил этот образ жизни замечательно легко. Он присматривал за лошадью, смазывал сбрую и по целым часам глядел в окно, с невозмутимым спокойствием покуривая папироску, как будто всю жизнь ничем иным не занимался. Андрей старался

примириться с вынужденным бездействием – боец должен уметь выжидать. Выдержка в приготовлениях так же важна для успеха дела, как и храбрость и ловкость в его исполнении. Но Андрея страшно томило такое прозябание изо дня в день, особенно на первых порах после деятельной жизни в Петербурге. С течением времени он, конечно, стал привыкать к новым условиям, и острое чувство тоски притупилось. Но все-таки он со жгучим нетерпением ждал решительного дня, когда товарищи и он сам будут наконец свободны.

Солнце садилось. Оба друга были, по обыкновению, дома. Андрей лениво растянулся на кушетке, перед ним лежала раскрытая книга, которой он, однако, не читал; Василий сидел у окна и курил, как вдруг раздался стук в дверь. Он вскочил и побежал в переднюю, где ему полагалось пребывать. Нельзя же кучеру сидеть в одной комнате с хозяином! С проворностью, которой трудно было ожидать от такого неуклюжего субъекта, Василий схватил щётку, сунул левую руку в сапог и стал чистить его с усердием настоящего преданного слуги.

Но тревога оказалась напрасной. Вошла Анна Вулич. На этот раз комедия Василия была ни к чему. Бросив сапог и щётку, он последовал за девушкой в комнату.

Вулич приходила изредка в гостиницу, причём всегда спрашивала кучера Василия. В этом ничего не было удивительного. Она была одета как горничная, а Василий в качестве неженатого молодого человека мог иметь свой «предмет».

Не встретив никого при входе, Вулич поднялась на этаж и постучалась.

– Не хотите ли принять участие в пикнике под открытым небом? – спросила она. – Старшая Дудорова выдержала экзамен, и мы празднуем сегодня это событие. Соберутся несколько друзей, и будет, наверное, очень весело.

Андрей и Василий охотно приняли приглашение.

– Зина будет? – спросил Андрей.

– Нет-с, они не будут; но они позволили мне пойти, – сказала шутливо Вулич, поддельваясь под тон настоящей горничной.

Она направилась к кушетке, с которой

поднялся Андрей, подобрав платье, как при переходе через грязную улицу. Усевшись, она позаботилась, чтобы платье не касалось пола.

Комната, в которой жили оба друга, не отличалась образцовой чистотой. Стол, вытираемый локтями, сравнительно был чист; только на четырёх углах его виднелась пыль, перемешанная с хлебными крошками. Но на полу расстилался голубовато-серый слой пыли, как первый тонкий снежок. Куски белой, жёлтой и синей обёрточной бумаги были разбросаны в живописном беспорядке. Некоторые из них, впрочем, потеряли уже свой натуральный цвет от пыли: видно было, что уже не первый день они лежат всё на том же месте. Пёстрая мозаика пола дополнялась раскиданной там и сям яичной скорлупой, окурками папирос, сухими корками хлеба; и всё это хрустело под ногами, а сдвинутое с места, поднимало облака пыли.

Дело в том, что комнаты Андрея наняты были без прислуги и убирать их входило в обязанности Василия. Но Василий, хотя и бегал в лавочку, чистил сапоги Андрея и ставил самовар с похвальной аккуратностью, считал

подметание комнаты излишней тратой времени и энергии. Он никак не мог понять, почему пыль, по которой люди спокойно ходят на улице, так нетерпима на полу. Так как Андрей тоже не обращал на это внимания, то комнаты подметались приблизительно раз в месяц.

Пикник устраивался в небольшом лесу за версту от города. Нужно было отправиться туда пешком, а ужин предполагалось варить на открытом воздухе поздно вечером. Василий, как человек практический, сообразил, что им не худо бы сперва подкрепиться. У него всё оказалось под рукой, и он объявил, что состряпает закуску в одну минуту.

Оба друга редко ходили обедать в трактиры; оно было бы и дорого, и не совсем безопасно ввиду разношёрстных посетителей подобных мест. Поэтому они ели бóльшей частью у себя дома, импровизируя очень дешёвые обеды, безо всяких хлопот. Кусок ветчины, несколько яиц, сельди и неизбежный чай вполне отвечали их неприхотливым вкусам.

Василий открыл шкафчик, в котором хранились чайная посуда и всякая провизия. Там

оказались краюха хлеба, чай, сахар и немного молока. В обыкновенное время этого было бы достаточно, но ему хотелось отличиться перед гостьей. Он сбегал в лавочку и через несколько минут явился с большим куском сыра и завернутыми в бумагу горячими сосисками.

Самовар между тем уже кипел и бурлил. Василий поставил его на стол и заварил чай. Посуды у них было немного: две тарелки и две вилки на всех. Они достались Вулич как гостье, и Андрею как хозяину. Василий же в качестве кучера удовольствовался блюдцем и перочинным ножиком, привешенным к поясу на ремешке.

– Как хотите, а я не могу есть за таким столом. На нем хоть репу сей! – заявила Вулич, рисуя кончиком мизинца целые узоры на пыльной поверхности стола.

– Только-то! Сейчас вытру, – сказал Василий.

Он оглянулся кругом и увидел на стене розовые панталоны. Василий был очень бережлив и не любил расставаться со своими вещами, так что он всё привёз с собой из Швейцарии.

рии в надежде, что авось пригодится. Но так как Зина строго-настрого запретила ему показываться где бы то ни было в его необыкновенных розовых панталонах, привлекавших всеобщее внимание, то он и повесил их на стене, чтобы, как он выражался, придать «жилой вид» комнате. Однако желание доставить удовольствие гостю в ту минуту преодолело в нём бережливость. Схватив свои столь долго хранимые панталоны, он оторвал кусок и услужливо вытер им стол, прежде чем рассмеявшаяся девушка успела остановить его.

– Вы настоящий дикарь, Василий! – воскликнула она.

– Почему? – удивился он. – Шерстяной тряпкой лучше вытирать пыль, чем бумажной.

– Очень возможно. Но жаль, что вы не употребляете ни той, ни другой, и никогда, я вижу, не берёте метлу в руки, – сказала она, указывая на пол. – Вы бы постыдились держать в таком беспорядке комнату вашего хозяина.

Василий только пожал плечами.

– Что комната! Это пустяки, – вмешался Андрей. – Вы лучше расследуйте, не оконча-

тельно ли мы впадаем в варварство.

И он рассказал, как Василий, с тех пор как стал кучером, мыл лицо только по воскресеньям и приучился обходиться без полотенец, вытирая лицо о подушку, а руки оставляя сохнуть на воздухе.

– Лицо и руки скорее грубеют от этого, – объяснил Василий равнодушным тоном.

Он с невозмутимым спокойствием прихлёбывал свой чай, не обращая более никакого внимания на шутки своего друга, как будто речь шла не о нём.

После чая Василий и Вулич ушли, Андрей же оставался некоторое время дома. Неблагодарно было бы выйти втроём. Он нагнал их на площади недалеко от гостиницы.

Уже темнело, когда они подошли к дубовой роще на восточной окраине города. В лесу было пусто, так как день был будничным. Свежий вечерний ветерок донёс до них звуки приятного, хотя и не очень сильного баритона, певшего какую-то песню.

– Я знаю, чей это голос. Это Ватажко поёт! – воскликнула Вулич. Она схватила Андрея под руку и ускорила шаги. Дочь юга, она страстно

любила музыку и сама недурно пела.

Следуя по направлению голоса, они скоро вышли на небольшую зелёную лужайку на опушке леса, окруженную с трёх сторон густой стеной деревьев. С четвертой стороны тянулись кустарники, которые скрывали лужайку из виду, но не мешали любоваться окрестностями Дубравника и полями, расстилавшимися направо и налево.

Певец сидел под деревом. Он был товарищем Вулич по Женевскому университету и еще совсем молодой человек, казавшийся вдвое старше своих лет благодаря обильной растительности на щеках и подбородке.

Молодая женщина невысокого роста в тёмно-синем платье стояла возле него и слушала пение. Белокурые волосы, обрамлявшие короткими локонами ее милостивое личико, нежный и очень белый цвет кожи, светло-голубые глаза – всё вместе придавало ей вид не то херувима, не то барашка.

Она отрекомендовалась Войновой.

– Варя? Ах, простите за фамильярность! Варвара Алексеевна? – спросил Андрей.

– Да, Варвара Алексеевна, или Варя, что

мне больше нравится, – приветливо сказала молодая женщина.

Ее хорошо знали, эту Варю Войнову. И друзья ее были правы, называя ее матерью всех страждущих. Будучи женой доктора либеральных убеждений, она посвятила себя всецело заботам о политических заключённых, делая всё, чтобы облегчить их участь, как будто они были членами ее родной семьи.

– Хорошо, что я с вами обоими познакомилась, – сказала она с улыбкой Андрею и Василию, которого она тоже видела теперь в первый раз. – Когда ваша очередь придёт, я буду с большим усердием хлопотать о вас.

Они поблагодарили ее за обещание, но выразили надежду, что еще не так скоро попадут в число ее клиентов.

Сестры Дудоровы собирали в лесу хворост, чтобы разложить костёр. Привлечённые новыми голосами, они подошли в сопровождении молодого человека в серой блузе, со светлыми, как лён, волосами, с бесцветными глазами и носом-пуговкой на очень смешном лице. В объятиях у него была вязанка хвороста, которую он тут же бросил на траву.

– А-а, Бочаров! – вскричала Вулич. – Идите сюда, я вас познакомлю с друзьями!

Бочаров принадлежал к революционной организации в Дубравнике. Он был легальный, то есть жил под своим именем, с настоящим паспортом. Однако в последнее время у него пошли неприятности с полицией.

Все уселись на траву, и Андрей выразил удивление, что Бочаров так свободно разгуливает, между тем как, говорят, полиция очень следит за ним.

– Это правда, – сказал Бочаров серьёзным тоном. – Но я вошёл в соглашение с приставленным ко мне шпионом, и мы отлично уладились. Раз в неделю он является ко мне на квартиру, и я сообщаю ему названия мест, которые я якобы посещал, и он оставляет меня в покое.

Вулич заметила, что такая привилегия, должно быть, дорого ему стоит.

– О нет! – воскликнул Бочаров. – Стану я платить! Ни копейки не стоит. Я заставил его сдать себя безусловно. В один прекрасный день, недели две тому назад, когда мне страшно надоело иметь его постоянно за собою по пятам,

я с утра запасся куском хлеба и колбасой и стал ходить с места на место, не останавливаясь ни на минуту. Так я проходил весь день, до вечера, а он всё ходил за мною. Устал я, признаться, порядком, но ему досталось еще хуже того, так как он с утра ничего не ел, а я от времени до времени стращал его: «Погоди, – говорю, – негодяй, я тебя заставлю высунуть язык. Будешь ходить за мною до самой зари и не посмеешь отстать, потому что, предупреждаю тебя, я иду на свидание к важному революционеру». Он молча, нахмурившись, продолжал следовать за мною, пока наконец не выдержал и взмолился: «Послушайте, господин, ведь я тоже, – говорит, – человек, а не собака. Вы бы постыдились. У меня жена и дети, их кормить надо...» Кто бы мог предположить, что у этих мерзавцев есть жены и дети? Однако я смягчился и предложил ему компромисс, который он тотчас же принял; и вот я опять свободный человек.

Новый гость, прибывший позже других, присоединился к компании в эту минуту, извиняясь, что дела помешали ему прийти раньше. Его звали Миронов, и одно время он

был волостным[33] писарем в деревне. Сёстры Дудоровы и вообще все революционеры в Дубравнике были о нём очень высокого мнения как о человеке, близко стоявшем к народу. Так что он был некоторым образом героем дня.

Его, между прочим, нарочно пригласили, чтобы познакомить с Андреем и Василием, с которыми он тотчас же вступил в разговор с развязностью человека, сознающего себя знаменитостью и твёрдо убеждённого в том, что он для всякого представляет интерес.

– Миронов! Вот Войнова страстно желает познакомиться с вами! – вскричала, смеясь, старшая Дудорова.

– Вовсе нет! – протестовала Войнова.

– Да, да! Идите сюда!

Миронов улыбнулся Андрею в виде оправдания, как бы желая этим сказать: «Что прикажете делать! Я бы хотел остаться с вами, но... всякое положение имеет свои неудобства».

– Какой отвратительный человек! – шепнула Андрею Вулич. – Если бы я знала, что он тут будет, я бы не пришла.

– Чем? Что вы имеете против него? – спросил Андрей. – Говорят, он замечательный пропагандист среди крестьян.

– Это он сам говорит, а нам остаётся только верить. Как бы там ни было, но он мне противен.

Тем временем зажгли костёр, и чёрный железный котёл задымился над красным пламенем. Василий взялся варить гречневую кашу с салом.

Густые потёмки охватывали круг, освещённый пламенем костра. Небо низко нависло над лесом; только несколько звёзд пробивалось бледными лучами промеж ветвей высоких деревьев. Огни зажглись в городе, который, казалось, разросся и отошёл вдаль, принявши вид острова, отделённого от лужайки широким морем мрака.

Все уселись вокруг костра, молча поглядывая на закипавший котёл. Василий поправлял огонь и помешивал кашу длинной ложкой. По мере того как он двигался, тень его чудовищных размеров то расстилалась по лужайке, то подымалась по стволу какого-нибудь старого дерева, то разбивалась на части

и исчезала на неправильной стене торчащих ветвей, фантастически освещённых снизу. Разная мошкара с жужжанием носилась в воздухе, врываясь на секунду в полосу света и затем исчезая во мраке. Треск огня сильнее оттенял окружающую тишину.

– Как раз время, чтобы рассказывать страшные истории с привидениями, – сказала Вулич.

– Отчего же не для пения? – возразила Маша Дудорова. – Ватажко, Вулич, – продолжала она, – устройте хор.

Пробовали петь хором народные песни, но безуспешно. В сущности, только Ватажко и Вулич умели петь, а Бочаров нарочно фальшивил, чтобы посмешить компанию.

Вулич берегла свой голос и только подтягивала. Она знала, что ее очередь впереди, и именно сегодня ей хотелось показать себя.

Украинский элемент преобладал в компании, и все стали упрашивать Вулич, чтобы она спела настоящую малороссийскую песню.

Она согласилась.

– Что мне спеть? – обратилась она к Андрею, сидевшему рядом.

– То, что вам больше всего по душе, – отвечал он.

Вулич кивнула.

Она сняла верхнюю кофточку, чтобы ничто не мешало ей, и отошла немного в сторону. На минуту она задумалась, и лицо ее приняло серьёзное, почти суровое выражение; потом она запела. Ее полузакрытые глаза смотрели далеко вперёд, и казалось, она вся ушла в свою песню. Но она чувствовала, что взгляд Андрея устремлён на нее и что он изумлён и восхищён ею. Это возбуждало и одушевляло ее, придавая особую прелесть песне в ее собственных глазах. В песне воспевался молодой казак, который оставляет дом и возлюбленную и отправляется к неверным, чтобы освободить от цепей и рабства товарищей, томящихся в турецком плену.

Вулич не была профессиональной певицей, хотя могла бы спеть на сцене, если бы захотела. У нее был такой сильный голос, что в обыкновенной комнате он резал ухо своей силой. При хорошей обработке голоса она могла бы пойти далеко. Но никакая школа не научила бы ее петь народные песни лучше, чем

она их пела. Она родилась в самом сердце своей родины, среди широких полей, где сложились эти могучие, страстные мотивы, и пела их так, как только дети степей умеют петь. Ее голос звучал мягко и нежно под небесным сводом, в ночной тишине, разливаясь мелодичными волнами по спавшим кругом равнинам.

Ей не аплодировали и вообще ничем не выражали одобрения. Только Маша шепнула Бочарову, что она никогда еще не видела Вулич в таком ударе. Василий хмурился на огонь, подперев рукой щеку, кивая время от времени. Андрей отошёл, чтобы лучше слышать и быть одному.

Девушка не видела его, но она чувствовала, где он. Закончив песню, она тотчас же обернулась к нему, вся покрасневшись от артистического удовольствия и сознания своего успеха. Легкими шагами она подошла к нему и опустилась на траву, прежде чем он успел разостлать что-нибудь. Она была очень хороша в этот вечер в малороссийском костюме, который очень шёл ей.

— Иной с удовольствием отправился бы

драться с турками, – сказал Андрей, – только бы быть воспетым с таким чувством.

– Понравилась вам моя песня? Я так рада. Я пела ее для вас, – шепнула она. – И про вас. Я уверена, что вам удастся разбить цепи наших товарищей, как сделал казак в песне.

– Но это будет наполовину вашим делом, – сказал Андрей, – потому что вы в нём принимаете такое же участие, как и я.

– Нет, мы, женщины, не принимаем участия в казацких подвигах и не разделяем казацкой славы! – сказала она с сожалением. – Мы можем только подводить вам коней и подавать саблю и ружье... Но мы и не ропщем; довольно с нас и того, что нам выпало на долю, – прибавила она весело. Под влиянием какого-то внутреннего огня глаза ее блестели особенно ярко, щеки горели радостью и жизнью. Обыкновенно молчаливая, она в этот вечер была олицетворённое веселье, оживляя всех своей шаловливостью и резвостью.

Ужин прошёл очень весело, хотя и был очень плохой, так как Василий, всегда крайне заботливый без нужды, в этот раз забыл помешать кашу в самый критический момент,

и она пригорела. Немного погодя Вулич предложила прыгать через огонь, как это делают в петрówki[34] деревенские парни и девушки. Она прыгала с Андреем, Ватажко и снова с Андреем. Затем она спела малороссийскую любовную песню «Месяц» с такой трогательной задушевностью, что Василий чуть-чуть не расплакался. Когда же он стал умолять ее, чтобы она повторила то же самое, она разразилась весёлой удалой песенкой, полную живого украинского юмора, который по сравнению с лихой весёлостью великороссов – то же, что пение парящего в небе жаворонка в сравнении с криками морской чайки, заигрывающей с бурей.

Она наслаждалась своей властью над чувствами и настроением окружающих. Ей приятно было видеть, как лицо Василия внезапно просветлело, как он делал жест рукой, точно бросая что-то на землю, и как он подёргивал плечами, точно готов был вскочить и пуститься вприсядку. Но ее собственное сердце не разделяло веселья, возбуждаемого в других. Оно всё более и более сжималось от грусти, пока она пела весёлые песни. К концу си-

лы изменили ей; подступавшие рыдания сдавили грудь, и последняя весёлая нота оборвалась с болью. Она с трудом удержала накипевшие слёзы.

Она села поодаль, одна, и с той минуты ничто не могло бы заставить ее петь. За весь остальной вечер она почти ни слова более не выронила. Ей хотелось одного: чтобы все скорее разошлись и оставили ее одну.

Из всех присутствовавших одному Андрею эта оборвавшаяся нотка сказала нечто, или, вернее, всё. Он до некоторой степени был уже подготовлен к такому открытию. Молодая девушка и не старалась скрывать тайну своего сердца.

Сомнений быть не могло: она любила его. А он, что мог он предложить взамен этого величайшего из сокровищ женской души? Одну лишь благодарность и дружбу; но к чему они ей?

Он старался убедить себя, что его огорчило это открытие. Но он знал, что это неправда. Есть мужчины с исключительно тонкой нервной организацией, у которых несчастная любовь возбуждает чрезвычайную нежность и

симпатию к женщинам вообще. Но Андрей не принадлежал к их числу. Неудачная любовь к Тане сделала его мстительным по отношению к женщинам. И теперь первым его ощущением было злорадство. Он был отомщён за своё унижение. Мысль, что это не делает его ни на йоту счастливее, явилась позже. Теперь он чувствовал гордость и удовлетворение.

Им нужно было возвращаться в город вместе. У заставы компания разделилась. Василий и Андрей предложили проводить Вулич домой. Но она наотрез отказалась от их услуг: ей не нужно провожатых, и она легко доберётся до дому одна. Когда Андрей попробовал настаивать, она рассердилась.

Андрей и Василий отправились к себе в гостиницу. Здесь их ожидал сюрприз: на столе оказалось письмо, адресованное Андрею. От заспанного служителя они узнали, что в их отсутствие приходил мальчик из «конторы», куда Андрею полагалось отправляться каждое утро, и оставил записку. На клочке бумажки было неразборчиво и малограмотно нацарапано несколько слов, приглашавших Андрея явиться на другой день в «контору»

вместо одиннадцати в десять часов.

Записка могла быть только от Зины и несомненно означала, что что-то случилось. Без крайней необходимости Зина не стала бы нарушать установленного порядка свиданий.

Глава IV

Новый план

Зина и Андрей должны были встретиться в городском саду. За полчаса до назначенного времени он уже сидел на скамье в конце уединённой аллеи. Завидев сквозь деревья светло-коричневое платье Зины, он поднялся к ней навстречу.

– Что случилось? – спросил он.

Она не сразу отвечала. В эту минуту мимо них проходил господин, совершавший свою утреннюю прогулку. Некоторое время они шли молча. Лицо Зины было сурово и озабоченно; несомненно, что-то случилось, но что именно, Андрей не мог догадаться.

– Ну? – спросил он, когда никто не мог их услышать.

– Всё пропало, – ответила Зина, глядя ему

прямо в лицо. – Подкоп открыт.

– Открыт?! – воскликнул он.

– Вчера ночью. Сядем на скамейку, и я всё расскажу по порядку.

Они уселись на любимую скамью Зины. Она была скрыта от любопытных, и в то же время прохожих можно было видеть издали.

Зина вкратце изложила всё, что произошло. Куницын только спустился под пол, чтобы вырыть последние несколько футов земли, как в камере произошла свалка между его товарищами. Они играли в карты. Один из них сплутовал, а другой бросился на него с ножом и ранил в плечо.

Сторожа сбежали на шум.

Куницын едва успел прыгнуть к себе в койку, но не имел времени прикрыть отверстие подкопа. Один из сторожей споткнулся о край торчавшей доски, и затем, конечно, всё открылось.

Андрей внимательно глядел на Зину всё время, пока она говорила. Но едва ли он слышал ее слова. Одно он ясно сознавал – их план лопнул.

– Вот вам результаты всех этих проволо-

чек! – проговорил он укоризненно. Он был так охвачен досадой, что не почувствовал, как несправедливо и жестоко было его замечание.

– Могло быть и хуже, если бы мы не были осторожны, – спокойно отвечала Зина. – Если бы сторожа проведали о подкопе раньше, через Цуката, они устроили бы ловушку и все наши были бы схвачены. Теперь нам только остаётся начать всё сизнова.

– В третий раз, кажется? – сказал Андрей с раздражением.

– Нет, в пятый. Мы попробовали и бросили три разных плана, прежде чем остановились на этом.

– Что же мы теперь будем делать? Есть у вас что-нибудь? – спросил Андрей, стараясь быть спокойным.

– Может быть, что-нибудь и подвернётся. Нужно подумать... Борис посоветует... Скверно то, что деньги уплывают.

Наступила длинная пауза, и оба погрузились в свои мысли. Зина первая нарушила молчание:

– Мне сообщили, что прокурор получил

распоряжение ускорить процесс Бориса. – Она узнала это от жены одного из чиновников прокуратуры и поделилась новостью с Андреем, по своему обыкновению.

– Что из этого воспоследует? – осведомился Андрей.

– Ничего особенного. Им придётся подвергнуться новым допросам, вот и всё.

– А где производятся допросы: в тюрьме или их возят для этого в другое место? – встрепенулся Андрей.

– Их обыкновенно приводят под конвоем в здание суда, где заседает следственная комиссия.

– Что, если попытаться освободить их по дороге? – И Андрей повернулся лицом к Зине.

Она с удивлением взглянула на него.

– На улице, в большом городе? Среди бела дня? Да в своём ли вы уме?

– Я не предлагаю это как нечто окончательное. Мне только сейчас пришло в голову. Во всяком случае, не мешает подумать. Можете ли вы сказать мне, сколько приблизительно бывает конвойных?

– В последний раз их сопровождали четы-

ре жандарма.

– Только четыре! Это еще не так дурно.

Он начал отстаивать свой план более серьёзно, доказывая, что опасность нападения на полицию днём среди улицы вовсе не так велика, как это кажется с первого раза. Если попытка была бы сделана, то всё решилось бы в ту или другую сторону в течение минуты. Толпа не имела бы времени собраться. При первых же выстрелах прохожие разбежались, чтобы не попасть в беду. К тому же легко выбрать местом нападения более или менее глухую улицу. Тюрьма находится на окраине города, и прилегающие улицы почти пусты в самую оживлённую пору дня.

– Но вы забываете самое главное, – заметила Зина. – Против нас конвой. На четырех жандармов нужно иметь по крайней мере четырёх с нашей стороны, допуская даже, как вы говорите, что внезапность нападения будет преимуществом для нас. Да трое конвоируемых – вот уже семь человек. Два экипажа и два кучера необходимы, чтобы увезти всех. Подумайте только, что за путаница выйдет...

– И всё-таки, если постараться, можно до-

быть и денег, и людей на это, – сказал Андрей.

– Пожалуй. Но это будет настоящая битва, а не нападение врасплох, что вовсе не в наших интересах. Какой смысл имеет освобождать арестованных, если в обмен придётся заплатить освободителями?

Андрей произнёс многозначительное «да-а» и беспокойно задвигался на своём месте. Его план был слишком сложен, – против этого ничего нельзя было возразить. Он не настаивал на нём больше и стал внимательно рассматривать песок у себя под ногами. Он пытался мысленно упростить задачу; один экипаж и одного из нападающих можно отбросить... И все-таки дело было трудное.

– Что вы скажете на это? – спросила Зина, у которой внезапно мелькнула новая мысль. – Что, если вооружить арестованных?

– Превосходно! Но разве это возможно?

– Я думаю, что да. Наш надзиратель передаёт решительно всё: он раз доставил им связки пилочек и ключей; может быть, он передаст и револьверы. Во всяком случае, я наведу справки.

– Да, и как можно скорее. Это упростит де-

ло до чрезвычайности.

На следующее утро Зина, к великой радости Андрея, сообщила ему, что надзиратель находит предложение совершенно выполнимым.

В таком виде план упрощался и на следующем собрании был одобрен единогласно. Решено было, что, вооружив арестованных, можно обойтись двумя нападающими при двух экипажах. Василию поручено было купить еще одну лошадь и пролётку, а Зина должна была подыскать двух революционеров в Дубравнике – одного в качестве кучера, а другого для нападения. Новые обстоятельства заставили их поторопиться с приготовлениями, чтобы быть наготове для немедленного действия.

Зина узнала, что заключённых потребуют к допросу через две недели, если не раньше. Невозможно было за такой короткий срок приготовить всё необходимое для новой попытки. Но нельзя было, с другой стороны, упустить случай, который мог оказаться последним.

Во избежание трудностей Андрей предло-

жил не вербовать новых помощников. Имея сносную верховую лошадь, он брался расстроить конвой кавалерийским нападением, если конвоируемые присоединятся к атаке в тот же самый момент. Борис и его товарищи, все трое, были решительные люди. Они могли бы иметь на своей стороне преимущество двух, а быть может, и трех выстрелов. Если им удастся парализовать одного из конвойных – предположение не невозможное, численное превосходство будет на их стороне. Вчетвером они легко могут обратить в бегство конвой. Роль Василия оставалась та же. Ему только предстояло заpastись кучерским платьем и подновить экипаж, чтобы он имел приличный вид днём. Всем троим легко будет уместиться в одном экипаже, а Андрей на коне сумеет спастись и даже в случае надобности прикрыть Василия.

План был очень рискованный. Что ни говори, арестанты все-таки были арестанты. Один Андрей мог начать атаку. На Василия нечего было рассчитывать, так как его дело только увезти освобождённых. Но Андрей твёрдо верил в удачу, и ему удалось внушить

эту веру товарищам. Что больше всего говорило в пользу его предложения – это его простота и дешевизна. Долгие отсрочки истощили запас денег, добытых на побег. Зине, обладавшей талантом доставать деньги, удалось, правда, через Бочарова сделать заём в две тысячи рублей на три месяца у одного господина в Дубравнике, и петербургский кружок взялся уплатить долг. Но, кроме этой суммы, пока ничего не предвиделось.

Приходилось соблюдать строжайшую экономию. Теперь расходы сводились к покупке лошади и седла, а это было им под силу.

– Вы только не вздумайте покупать мне рысака, – говорил Андрей Зине, которая в качестве кассира охотно слушала такие речи. – На самом заурядном коне можно остановить преследователей, скачущих на извозчиках, – в случае, если таковые окажутся. А если подвернётся верховой – казак или кавалерийский солдат, – тогда, будь у меня рысак или нет, всё равно всё пропало.

Лихорадочная деятельность сменила томительно-сонливое выжидание. За несколько часов Василий и Андрей обошли всех барыш-

ников и напали на довольно хорошую степную кобылку. Продавец ручался, что она приучена к седлу. Они ушли и вернулись с подержанным седлом, купленным Василием. Испытавши лошадь и поторговавшись вдоволь, они наконец сошлись в цене и увели свое новое приобретение на постоянный двор.

Следующие несколько дней Андрей провёл на кобыле, изучая нрав своей лошади. Она оказалась очень горячая, быстрая и не очень пугливая. Последнее обстоятельство было первой важности, так как в предстоявшей схватке обмен выстрелами был неминуем. Ему стоило некоторого труда приучить своего Росинанта[35], как он в шутку называл кобылку, к звуку выстрелов. Когда, выехавши в поле, он в первый раз выпалил над ее ухом, она подскочила под ним как бешеная. Во второй и третий раз она вела себя лучше. После недельного упражнения оба – и всадник и лошадь – были готовы к действию. Выстрел между ушами вызывал в ней дрожь, и ничего более. Остальное время Андрей посвятил изучению предстоящего поля битвы и возможных путей отступления.

Зина тем временем была занята обучением часовых, сторожевых и вестовщиков. Их было восемь человек, и они должны были целым рядом искусных и деликатных маневров свести конвой и нападающих в данном месте и в данный момент. Время, когда заключённых потребуют к допросу, было известно лишь приблизительно. Выбор дня и часа зависел от прокурора. Поэтому необходимо было быть постоянно наготове, пока предполагалось, что заключённых потребуют на допрос.

Сигнал, по которому вся машина будет пущена в ход, должен был исходить из самой тюрьмы. Прежде чем сдать заключённых под охрану жандармов, их тщательно обыщут и переоденут в тюремной конторе. Как только им велено будет спуститься на улицу, Клейн положит кусок синей бумаги в угол своего окна, вставши для этого на стул.

В дни судебных заседаний каждое утро, с девяти часов до трёх пополудни, на это окно наведён был бинокль из одного из домов, расположенных против тюрьмы. Двое из участников предприятия наняли там комнату и по

очередь вели наблюдение. Когда один уставал, другой замещал его, чтобы ни на минуту не оставлять окна из виду. С появлением сигнала в окне Клейна один из них должен был бежать вниз, в трактир, где Ватажко в качестве вестовщика дожидался вместе с одним из часовых. На последнем лежала обязанность известить своих товарищей, сидевших в другом трактире, чтобы они заняли свои места, между тем как Ватажко, взяв извозчика, который был всегда наготове, должен был помчаться в гостиницу к Василию. Здесь же всё – люди, лошади и экипаж – было всегда готово к немедленному выезду.

Принимая во внимание время, необходимое для перемены платья, обыска и других формальностей, сопряжённых с передачей арестантов на руки конвою, Андрей и Василий успеют получить сигнал от Ватажко и добраться до места раньше, чем заключённые выйдут из тюрьмы.

От тюрьмы до здания суда было сорок минут ходьбы. Перейдя тюремную площадь – дело двух или трех минут, – конвоируемые арестанты вступят в переулок длиною с четверть

версты, ведущий в недавно открытую улицу немного к востоку от тюремного здания, – довольно широкую и не совсем застроенную. Два ряда недавно посаженных лип тянулись по обеим сторонам ее, но они не мешали свободному проезду экипажа и лошадей. На всем протяжении улицы не было ни одного полицейского поста, и только в конце ее, ближе к центру города, виднелось несколько лавок. Пройти эту улицу можно минут за двенадцать, и потому решено было напасть здесь. Избранное место нападения находилось в пяти минутах от угла переулка. Пять часовых должны были разместиться, не теряя друг друга из виду, по линии, ведущей от тюремной площади к новой улице, чтобы посредством условных знаков моментально доводить до сведения нападающих обо всем, что происходит на этом пути. Сами же нападающие должны были скрываться до решительного момента.

Лучше всего было сделать попытку на пути в суд. Но в случае неожиданного препятствия – по улице мог проходить в критическую минуту отряд солдат или полицейских,

похороны или свадебная процессия – нападение откладывается до возвращения конвоируемых обратно в тюрьму после допроса. В этом случае придётся произвести перемену фронта. Нападение совершится в том же пункте, как наиболее удобном на всем пути, но Андрей и Василий должны ждать в другом месте. Все участники предприятия – часовые и остальные – должны двинуться по направлению к суду, образуя новую линию, с тем чтобы следить за конвоем, которому может вздуматься изменить обратный путь, о чём Андрей извещается немедленно. Во избежание путаницы Зина должна присутствовать на месте и следить, чтобы всё было в порядке.

Осуществление этого дела было в высшей степени сложно и затруднительно. Всё должно было идти с правильностью часового механизма. Малейшая задержка или промедление могли погубить всё.

В воскресенье утром, когда всё было готово, они проделали настоящую репетицию, чтобы убедиться, что всё пойдёт как следует. Роль арестованных и конвоя исполняли Маша Дудорова и Бочаров, причём последний в

шутку повесил себе на левое плечо пучок верёвок в форме аксельбанта, чтобы больше походить на жандарма. В назначенное время оба торжественно двинулись от тюремной площади к зданию суда, а через час возвращались обратно, причём часовые при виде их подавали сигналы, а вестовщики и нападающие проделывали все необходимые движения, как будто нападение происходило на самом деле.

В общем, всё шло очень хорошо. Время и расстояние были точно рассчитаны. Все твёрдо знали свои роли. Несколько сигналов были заменены другими, так как они оказались недостаточно ясными на расстоянии. Словом, всё было наготове. Предполагалось, что заключённых потребуют к допросу на следующей неделе – в понедельник или в среду. Так как понедельник сошёл тихо, а по вторникам и четвергам следственная комиссия не заседала, то можно было рассчитывать почти наверняка на среду.

Василий поднялся утром рано, в шестом часу, и в сотый раз осмотрел каждый винт в экипаже, каждый гвоздь лошадиных подков,

каждую пряжку в упряжи. Всё было в замечательном порядке, вычищено и смазано как бы напоказ.

Он засыпал лишнюю порцию овса лошадям и с особенным старанием выскреб их щёткой. Затем он пошёл наверх, вымылся, причесался и почистил своё платье. Когда пробило восемь, он разбудил Андрея, который крепко спал, просидевши накануне до поздней ночи за работой.

Поставив самовар, Василий собрался идти на конюшню, чтобы запрягать лошадь. Дверь отворилась, и вошла Зина. Она держала в руках корзинку для провизии, а на голове у нее была серая шаль.

Конечно, она могла зайти с тем, чтобы поговорить что-нибудь: часто хорошие мысли приходят в голову в последнюю минуту. Так, по крайней мере, утешил себя Андрей, чтобы прогнать дурное предчувствие при ее появлении. Но когда она сняла платок, прикрывавший нижнюю часть лица, и Андрей увидал ее бледное, взволнованное лицо, сердце его упало.

– Новая беда?! – воскликнул он.

– Нет. Но вот прочтите, – сказала Зина, подавая ему телеграмму из Петербурга, которую он быстро пробежал глазами.

Телеграмма была от Тараса Кострова и заключала в себе самую обыкновенную коммерческую новость, но смысл ее был очень важен. Костров от имени комитета просил отложить их попытку на три дня. Очевидно, в Петербурге затевалось что-то очень важное в продолжение этих трёх дней, и попытка в Дубравнике могла помешать.

Андрей и Зина хорошо понимали возможность таких неприятных совпадений. Но они также знали – Андрей, во всяком случае, знал, – что при теперешнем положении дел уступить такому требованию значило рискнуть всем предприятием.

– Как тебе это понравится? – с саркастической улыбкой спросил Андрей, передавая Василию телеграмму.

В ответ Василий скомкал ее и бросил на стол, протяжно свистнув. «А я-то как хорошо смазал сегодня экипаж и почистил лошадей!» – мелькнуло у него в голове среди грустных размышлений о неудаче.

Андрей хотел во что бы то ни стало отделаться от этого нового препятствия.

– Слишком поздно откладывать наше дело, – сказал он.

– Вовсе нет, – ответила Зина. – Раз оно еще не начиналось, его можно отложить.

– Но ведь это значит отказаться от него совсем. Может быть, мы теряем наш последний шанс.

– Может быть, – сказала Зина.

– Ну, в таком случае я не думаю, чтобы они могли требовать от нас такой уступки. Если же они будут настаивать, то мы, со своей стороны, имеем полное право продолжать наше дело до конца, невзирая ни на что. Ведь всё было окончательно решено, подумайте! Мы работаем тут месяцами, собираемся завершить дело, и вот ради какого-то нового плана, быть может фантастического проекта, от нас требуют отказаться от дела, а ведь речь идёт о жизни трёх наших товарищей. Нет, это уже чересчур. Никогда ничего не удастся сделать партии, если она будет придерживаться такой тактики!

Зина вспыхнула, как будто эти слова были

для нее личным оскорблением.

– Не говорите глупостей, Андрей! – закричала она. – Они очень хорошо знают, как обстоит наше дело. Неужели вы думаете, что они не способны взвесить так же, как и мы здесь, что повлечёт за собою такая задержка? Если, несмотря на это, они послали телеграмму, значит, их дело важнее нашего. Да ведь вы сами знаете, что нам придётся уступить.

Таковы были ее слова. А взгляд ее больших серых глаз говорил в то же время: «Зачем вы мучаете меня понапрасну? Неужели вы думаете, что я менее вас заинтересована в этом деле? Или что я сама не задумывалась над этим много раз?»

Андрей нервно прикусил губу и больше не настаивал. Он подумал о заключённых.

– Предупредили ли их, – спросил он, – что сегодня ничего не будет?

– У меня не было времени, – отвечала Зина. – Телеграмма получилась вчера ночью, после моего свидания с надзирателем. Не видя никого на улице, они сами догадаются, что сегодня побег не состоится.

– Нет, так не годится. Они просто подума-

ют, что мы не успели выбраться, и будут ждать нападения на обратном пути. Их нужно сейчас же предупредить. Они могут устроить так, чтобы их вызвали еще раз на допрос.

– Это правда; но как предупредить их теперь?

– Отчего бы нам с вами не выйти к ним навстречу? Увидя нас обоих на улице, пешком, они поймут, что мы пришли их только повидать и что сегодня ничего нельзя сделать.

Зине очень понравилось это предложение. Только она боялась, чтобы конвойные, заметив лицо Андрея, не заподозрили его в следующий раз, когда увидят его в другом костюме и верхом.

– Ну их, все эти предосторожности! – воскликнул Андрей. – Они не вспомнят моего лица, как и сотни других, которые попадутся им по дороге.

Василий, по своему обыкновению, поддержал Андрея, и Зина уступила. Они тотчас же вышли.

Пройдя несколько сот шагов от гостиницы, они увидели извозчика, мчавшегося по направлению к ним. Волосатое лицо Ватажко

виднелось из-за спины кучера, которому он что-то объяснял.

– Эй, остановись! – закричал Андрей.

Ватажко соскочил с извозчика. Он мчался с известием, что в окне Клейна выставлен сигнал. Заключённых потребовали в суд. Все часовые были на своих местах.

– Вернитесь скорее и разошлите их по домам, – сказала Зина. – Сегодня ничего не будет, и не нужно, чтоб их видели на улице. – Заметив его озабоченное лицо, она прибавила: – Ничего особенного; просто отложено на три дня.

Ватажко поторопился исполнить новое поручение. Зина и Андрей отправились на улицу, где рассчитывали встретить Бориса с товарищами.

Было холодное осеннее утро, какое внезапный северный ветер приносит с собою в этот влажный, тёплый край. Накрапывал мелкий холодный дождик и колол лицо и руки своими косыми струями. По мере того как они подвигались вперёд, дождь усиливался, заставляя прохожих ускорять шаги и прятать свои продрогшие шеи в воротники пальто. Зина

открыла зонтик. У Андрея же зонтика не было, потому что он по своей временной профессии принадлежал к классу, где зонтик еще не в большом употреблении. Но дождь его несколько не беспокоил.

– Какая прекрасная погода! – проговорил он со вздохом, указывая на улицу.

Зина улыбнулась, кивнув утвердительно.

Погода была в самом деле очень подходящая для их предприятия, и обидно было упустить такой случай. Даже самые многолюдные центры были почти пусты.

Повернув в улицу, обсаженную липовыми деревьями, которую они могли видеть из конца в конец, они внезапно вздрогнули.

– Вот они! – произнесли оба одновременно вполголоса, не поворачивая головы.

Сквозь густую пелену дождя они увидели своих друзей, подвигавшихся к ним навстречу. Два жандарма шли впереди, два позади. Арестанты находились посередине. Вскоре их легко можно было различить, и они, в свою очередь, увидели своих друзей.

Из них троих один Борис выглядел здоровым и бодрым. Он шел посередине, и его гу-

стая русая борода развевалась на ветру. Лицо выражало радость неожиданной встречи, несколько не озабоченное тем, что может означать эта встреча. Левшин и Клейн были очень бледны, быть может от болезни, быть может от волнения.

Обе группы друзей постепенно приближались, сохраняя внешне полное равнодушие. Чем ближе они подходили, тем важнее было скрыть малейший признак того, что они интересуются друг другом. Но и те и другие, не глядя, видели и чувствовали взаимную близость.

Зина замедлила шаги. Они теперь приближались очень медленно, и все-таки расстояние между друзьями уменьшалось с поразительной быстротой. Чтобы продлить хоть на минуту жгучую радость и в то же время жгучую боль этого немого свидания, Зина подошла к крыльцу какого-то дома, как бы желая укрыться от дождя. Тут ей пришла в голову счастливая мысль, которую она тотчас же привела в исполнение.

Подняв ручку зонтика над своей головой, она взглянула на Бориса и начала стучать в

дверь с видом хозяйки дома, которая знает, что ее ждут, и потому не хочет звонить.

Андрей был несколько удивлён, что Зина стучится в чужой дом, но тотчас же догадался, что за этим что-то кроется. На самом деле Зина телеграфировала мужу сообщение на тюремном языке, в котором каждая буква обозначалась небольшим числом стуков. И Зина и Борис благодаря тюремному опыту умели читать по этой азбуке одинаково хорошо глазами и слухом, точно так же, как опытные телеграфисты разбирают телеграмму во время передачи ее аппаратом.

Вот что Зина сообщила Борису: «Добейтесь еще одного допроса». Она сделала это так быстро, что кончила, прежде чем ее друзья успели пройти мимо дома. Лёгкий, едва заметный кивок со стороны Бориса дал ей знать, что он понял и постарается исполнить ее поручение.

В эту минуту дверь дома отворилась, и горничная спросила Зину, что ей угодно.

Она осведомилась, дома ли полковник Иван Петрович Крутиков – первое попавшееся ей в голову имя. Узнав, что это дом прото-

попа Суханова и что никакого полковника Крутикова тут нет, Зина извинилась и ушла.

Арестанты были уже далеко.

Зина и Андрей вернулись домой в самом лучшем настроении духа. Теперь они были уверены, что отсрочка не будет иметь дурных последствий.

Глава V

Схватка

Зина и Борис обменялись письмами вечером того же дня. Зина объяснила заключённым причину отсрочки. Борис, в свою очередь, извещал друзей, что поступил согласно их указаниям; его и товарищей, наверное, потребуют к допросу в следующее заседание комиссии. Это будет в субботу, так как до того заседание не состоится.

В пятницу дело, из-за которого произошла отсрочка, благополучно сошло в Петербурге, и Андрей и Василий очень были довольны, что последовали совету Зины. Тем не менее, прощаясь с нею в этот день, Андрей предупредил ее:

– Если сегодня ночью придёт телеграмма вроде той, то вы лучше не являйтесь с нею. На этот раз мы ни за что не отложим, и вы только напрасно нас растревожите.

– Вам нечего бояться, – сказала Зина. – Такие вещи не случаются каждые два дня.

Они еще раз сели, в последний раз, на ту самую скамью, где три недели тому назад Андрей узнал о провале подкопа и где тогда же было положено основание новому плану.

Они думали, но не говорили о завтрашнем дне. Да и не о чем было говорить: всё было решено и ничего нельзя было изменить. Они сделали все, что могли, и приняли все меры предосторожности. Теперь течение событий было вне их контроля. Исход зависел от тысячи случайностей, которые предстояло встретить на месте ловко и смело; но ни предусмотреть, ни предугадать их не было возможности.

Зина посмотрела на часы.

– Мне пора идти домой, – сказала она, поднявшись.

– До свиданья, – произнёс Андрей, торопливо сжимая обе протянутые ему руки.

Они попросились просто и спокойно, как это делали каждый день. За ними могли подсматривать, и они инстинктивно избегали всего необычного в своём обращении, чтобы не давать повода к подозрениям. Слишком многое зависело от завтрашнего дня, чтобы пренебречь малейшими предосторожностями.

На следующее утро Василий с девяти часов сидел в кучерском платье у ворот своего постоянного двора и внимательно присматривался к соседнему повороту.

В половине одиннадцатого Ватажко проехал на извозчике не останавливаясь. В руке у него был белый носовой платок – условленный сигнал; он им даже слегка помахивал в воздухе для большей очевидности: Ватажко был возбуждён и слишком молод, чтобы действовать с самообладанием опытного конспиратора.

Василий бросился наверх уведомить Андрея и встретился с ним на лестнице. Увидав сигнал из окна, Андрей уже спокойно спустился во двор, вполне вооружённый для предстоявшего дела.

Его лошадь была осёдлана и доедала свой овёс. Он зауздал ее и подтянул подпруги. Василий тем временем повернул экипаж к воротам, сел на козлы и быстро уехал. Одним прыжком Андрей очутился в седле и выехал вслед за Василием.

За воротами они кивнули друг другу на прощание, едва обменявшись взглядами. Они не знали, встретятся ли еще раз когда-нибудь; но в ту минуту они были слишком поглощены своим делом, чтобы задумываться о будущем. Они поехали в разные стороны, так как должны были ждать в различных местах, прежде чем соединятся для общего действия.

В десять минут Андрей доехал уже до маленькой уединённой площади, когда-то бывшей рынком, – по соседству с ведущей в город роковой улицей. Ватажко в качестве специально приставленного к нему часового был уже там. Он только что отпустил своего извозчика и нырнул в узенький кривой переулок, соединяющий площадь с улицей. Стоя посередине переулка, он мог видеть оба его конца и сам был на виду, так что мог передавать Андрею все сигналы, получаемые с ули-

цы.

Подъехав к переулку, Андрей увидел своего часового, дававшего ему знать, что заключённые еще не вышли из тюремных ворот. Василий, которого Андрей не мог видеть, находился на своём посту на другом конце переуллка, получая сигналы от ряда часовых, расположенных по направлению к тюремной площади.

Андрей сошёл с лошади и стал водить под уздцы, как будто прогуливая ее. Оставаться неподвижно, верхом, посреди площади, значило бы привлечь к себе внимание любопытных. Он был в купеческом кафтане, под которым легко было спрятать оружие. Проходя мимо переуллка, он опять увидел Ватажко в шляпе, из чего следовало, что заключённые всё ещё в стенах тюрьмы. Но в ту же самую минуту тот снял шляпу и остановился с непокрытой головой, сметая со шляпы приставшую соломинку. Сердце сильно забилося у Андрея: друзья, стало быть, вышли из тюрьмы; они шли навстречу.

Однако он не сел на кобылу. Держа ее под уздцы, он спокойно двинулся вперёд: Андрей

дождался еще одного, самого важного сигнала.

Заключённых предполагалось снабдить короткими револьверами, которые надзиратель взялся им передать. Но так как перед самым выходом из тюрьмы арестантов тщательно обыскивают, то надзиратель предложил положить револьверы в карманы их шинелей, которые он сам должен был накинуть им на плечи, после того как все формальности будут выполнены.

Всё зависело от того, удалась ли эта хитрость. Арестованные, проходя мимо первого подчаска[36], должны были дать знать, вооружены ли они или нет. Это решало, состоится ли сегодня нападение.

Ватажко, раньше того изображавший праздношатающегося, разглядывающего картинки в окне какой-то лавки, совсем забыл свою роль. Расставив ноги, он стоял посреди переулка и с затаённым дыханием следил за движениями Василия. Когда желанный сигнал был подан, он бросился сообщить добрую весть Андрею.

Его роль как часового была кончена. Ему

незачем было дожидаться других сигналов, потому что Василий быстро двинулся вперёд, чтобы быть на месте предстоявшего нападения. Ему нужно было приехать туда раньше, чтобы конвоируемые могли его увидеть на своём посту.

Андрей, наоборот, должен был двигаться все время, так как ему необходимо было встретиться с партией в заранее определённом месте. Теперь ему еще рано было показываться на улице; приходилось прождать еще минут пять-шесть. Он лишний раз обошёл свою маленькую площадь, держа лошадь на поводу и стараясь идти обыкновенным шагом.

Ватажко шел рядом с ним по тротуару.

– Держитесь у поворота в переулок и не волнуйтесь, – повторил ему в последний раз свои инструкции Андрей. – Если ничего не произойдёт, поспешите известить Зину. Помните, где она будет дожидаться? На бульваре, третья скамейка от входа.

– Да, я хорошо помню.

Слова эти относились к тому случаю, если бы нападение пришлось отложить до возвра-

щения партии из суда. Но Андрей надеялся, что надобности в такой нежелательной отсрочке не представится.

– Теперь пора! – воскликнул он.

Он легко вскочил в седло, пока Ватажко держал лошадь под уздцы.

– Прощайте! – сказал юноша. – Успех зависит от вас.

– И от моего Росинанта, – сказал Андрей с улыбкой и потрепал лошадь по шее. Кивнув приветливо, он поехал рысью в переулок, где прежде стоял Ватажко.

В переулке он сдержал лошадь и стал присматриваться. Улица была совершенно безопасна. Но его глаза притягивались, как магнитом, к маленькой колонне, издали казавшейся неподвижной, хотя она приближалась правильным, военным шагом.

«Вот они, вот! – сказал про себя Андрей. – Что бы ни случилось, сегодняшней день не пройдёт даром».

Своими дальнотзорными глазами он вскоре мог различить троих арестованных и заметил, что Борис был в короткой куртке, без шинели. Он, по всей вероятности, не был воору-

жён. Было очень досадно. Но Левшин и Клейн одеты как следует, значит, вооружены. Пожалуй, этого хватит на всех. Очевидно, сами они так думали, иначе не дали бы сигнала, что у них есть оружие.

На левой стороне улицы Андрей увидел экипаж с Василием на козлах. Видна была только его широкая сутуловатая спина в синем кучерском кафтане и глянцевиная шляпа. Он имел вид усталого извозчика, лениво поджидавшего седока.

Ни одного настоящего извозчика не было видно на протяжении улицы. На обязанности часовых, освободившихся теперь со своих постов, было не давать останавливаться извозчикам, чтобы жандармы не могли ими воспользоваться для погони. Их нанимали и уезжали подальше, а затем все отправлялись на бульвар, к Зине, за дальнейшими приказаниями.

Андрей на лошади и его товарищи медленно сближались друг с другом, причём лошадь шла шагом. На улице было почти безлюдно, только кое-где виднелись редкие прохожие. Но весёлая жизнь текла своим чередом в это

яркое солнечное утро. Толстая баба в переднике, повязанном под мышками, толкала перед собой тележку с фруктами и сладостями, громко рекламируя свой товар. Два запачканных мальчугана с разинутыми ртами смотрели на соблазнительную тележку и никак не могли понять, отчего это взрослые, которым всё можно, так равнодушно проходят мимо. Окна домов были раскрыты. Довольные жители высывались из окон, любуясь прекрасной погодой. С одного балкона доносились громкий разговор и смех.

Андрею показалась странной и удивительной эта лёгкая беззаботность улицы, которая через несколько минут сделается ареной жестокой борьбы, смятения и кровопролития.

Нападение должно было произойти саженьх в десяти позади экипажа, чтобы оставить Василию открытый путь. В момент, когда конвоируемые выстрелят в первый раз по конвою, Андрей должен оказаться в тылу конвоя и напасть на жандармов во время их схватки с арестантами. Он регулировал поэтому свои движения таким образом, чтобы проехать мимо конвоя недалеко от экипажа.

Лёгким давлением ноги он направил послушную лошадь в пространство между конвоем и Василием. Ни он не глядел на арестованных, ни они на него, но и те и другие с тревогой следили друг за другом. Левшин был ближе к нему. Андрей физически ощущал устремлённый на него вопросительный взгляд и едва заметно кивнул в знак одобрения. Он только приветствовал их этим движением, но возбуждённый Левшин принял это, очевидно, за сигнал. В то же мгновение Андрей увидал, как он выхватил револьвер из кармана и направил его в жандарма, шедшего за ним. Раздался выстрел, послышалось громкое проклятие, и на мгновение всё скрылось в облаке дыма, так что Андрей ничего не мог видеть.

Дело началось. Повернув лошадь, Андрей вынул револьвер и выжидал, держа палец на собачке. Сквозь рассеявшийся дым он увидел, как жандарм, который не был ранен, бросился на своего противника и схватил его за горло. В следующую же секунду револьвер Андрея задымился у него в руке, и жандарм грохнулся наземь. Последовало неопишное смятение.

Возгласы жандармов, крики прохожих и вопли женщин, разбегавшихся в разные стороны, стук торопливо закрываемых окон смешались со звуками быстрых, раздававшихся наудачу выстрелов.

Видя, что действие происходит слишком близко от его экипажа, Василий двинулся вперёд, остановившись на расстоянии сажени в десять. С поводьями в одной руке, с револьвером в другой, он наблюдал за происходившим и за улицей, свирепо поворачивая головой направо и налево, сверкая своими маленькими глазами наподобие лютого зверя. Освободившись от своего врага, Левшин побежал и вскочил в экипаж благополучно. Клейн собирался последовать его примеру. Но унтер-офицер, высокий, рослый парень, командовавший тылом, успел схватить его за руку и вырвать револьвер. Андрей бросился к нему на помощь. Унтер-офицер выстрелил в него, но не попал, толкаемый во все стороны Клейном, которого он все еще не выпускал из рук. В одну минуту Андрей наскочил на него, пришпорив лошадь, и чуть не смял его под собою.

Вынужденный защищаться от лошади, унтер-офицер на мгновение выпустил Клейна, который тотчас же побежал к экипажу. Жандарм бросился вправо в надежде повернуть лошадь Андрея и нагнать беглеца, но с быстротой молнии Андрей повернул кобылу и встал между ними.

– Больно торопишься, голубчик! – крикнул он ему, прицеливаясь.

Два выстрела раздались одновременно. Андрей ранил жандарма в руку, и тот выронил револьвер, между тем как его пуля пробила лишь кафтан Андрея, не задев его, но она ударила лошадь Василия. Подскочив, лошадь помчалась во всю прыть, несмотря на все усилия кучера удержать ее. Левшин и Клейн были спасены; Борис же оставался в руках неприятеля. Но двое из конвойных уже не могли драться. Теперь остались двое против двоих. Бориса можно было увезти на крупе лошади.

«Еще одно усилие – и победа за нами!» – сказал торжествующий Андрей самому себе, приготавливаясь к новому нападению.

Борис находился в пяти сажнях от него и

энергично сопротивлялся двум жандармам, старавшимся связать его шнурками своих аксельбантов. Он было вырвался от них и, будучи невооружён, надеялся как-нибудь скрыться во время суматохи, если ему не удастся попасть в экипаж к Василию. Но они его нагнали, и теперь положение его было очень критическое.

– Держись, друг! – кричал ему Андрей. – Сейчас я – около тебя.

Он бросился на помощь к Борису. Но тут Андрей сделал серьёзный промах. Он был хороший стрелок, и ему следовало этим воспользоваться. Но, увидев, как жандарм с рыжими усами вяжет руки Борису, он забыл обо всем и, пришпорив лошадь, понесся к ним. Унтер-офицер, хотя и раненый, не потерял еще сил и подбежал на помощь к товарищам. Андрей стремительно бросился на него, почти приподняв грудью лошади его грузное тело, ударившее всею своею тяжестью рыжего жандарма. Тот упал на землю и увлёк за собою Бориса, а лошадь инстинктивно поскакала вперёд со своим седоком. Таким образом, несколько драгоценных моментов было поте-

ряно, и шансы всё больше становились против Андрея. Когда он повернул лошадь, он увидел Бориса, стоявшего неподвижно между двумя жандармами. Он не сопротивлялся более; его лицо было искажено злобой и глаза устремлены на что-то угрожающее вдали.

– Спасайся! Полиция! – закричал он голосом, которого, Андрей, казалось, в жизни не забудет.

Он оглянулся, и проклятие вырвалось из его груди. Привлечённые шумом, двое полицейских бежали по улице. Третий только что выскочил откуда-то и присоединился к ним.

Борис погиб!

Но они еще далеко, можно сделать еще одну попытку. С яростью и отчаянием в душе, со стиснутыми зубами Андрей бросился на жандармов в безумной надежде убить всех троих до прибытия полиции. Но он слишком торопился. Он стрелял почти не целясь, не подумав, что, действуя так, он может легко ранить самого Бориса. Да что за беда, если он даже будет убит! Лучше пасть от руки друга, чем быть удушенным палачом... Ни один из выстрелов не попал в цель, между тем как один

из жандармов слегка ранил его в ногу. В бешенстве он бросил пустой револьвер на землю и взялся за другой, который имел про запас.

– Беги! Они тебя поймают! – сквозь дым раздался голос Бориса, более настойчивый, чем прежде.

Двое полицейских направлялись к Андрею. Один из них успел схватить его за полу кафтана, с тем чтобы стащить с лошади. Андрей повернулся в седле и так ударил его тяжелым револьвером по голове, что тот покатился по земле. Но надежды больше не осталось – битва была проиграна. Он пришпорил свою лошадь, подобрав поводья, чтобы нельзя было за них ухватиться, и быстро ускакал. Несколько пуль вдогонку прожужжали мимо его ушей. Он слышал за собою неистовые крики жандармов.

Но горе тому, кто вздумал бы остановить его в ту минуту! К счастью, никто и не пытался. Его лошадь, которая, казалось, не менее его самого порывалась выбраться из этого места, помчала его с быстротой, делавшей честь ее преданности. Через полминуты он был уже

на другом конце проспекта, и перед ним расстилалось открытое поле. Но он туда не поехал, а свернул налево и очутился в настоящем лабиринте узеньких улочек и переулков старого рабочего квартала. Тут он поехал тише, поворачивая то направо, то налево, чтобы сбить с толку преследователей, в случае если они будут справляться, по какому направлению он поехал. Наконец он выбрал узкий тёмный проход, в котором было только два мальчика, и через него вышел на открытую дорогу. Он снова пустил лошадь во весь опор и помчался как стрела по мягкой, немощёной дороге.

У юго-восточной заставы он увидел городского, который внимательно посмотрел на него, когда он проезжал мимо.

Андрей повернул на улицу, ведущую в город, зная очень хорошо, что городской сообщит об этом в случае розыска. Пропустив несколько улиц, он опять свернул направо и выехал в открытое поле на прежнюю дорогу.

Завидев деревянные кресты старого кладбища, он сдержал лошадь. Тут был конец пути. Ехать дальше не было надобности: он на-

ходил на другом конце города, в трех верстах от места схватки. Чтобы выследить его, полиции нужно было по крайней мере часа два. Он был, в сущности, вне опасности, однако времени терять нельзя было.

Осмотревшись и убедившись, что никто его не видит, Андрей спешился и, ведя за собою лошадь, спустился в глубокий овраг старого кладбища.

Здесь он в первый раз вспомнил про свою рану. Она была ничтожной, простой царапиной и не мешала ему двигаться. Но просачивавшуюся кровь нужно было остановить, чтобы она не послужила указанием для преследователей. Он кое-как перевязал ногу. Затем открыл небольшой саквояж, находившийся за седлом. В нем было длинное, военного покроя пальто из серого холста, какие носят бедные офицеры в отставке, и военная шапка. Спрятав собственную шапку в карман и переодевшись, Андрей стал неузнаваем. Лошадь пришлось оставить на месте в качестве жалкого трофея полиции. Как существо неотвественное, она не подвергалась риску быть наказанной за участие в политическом преступ-

лении. Ему даже захотелось оставить на лошади записку в этом смысле, пока он снимал с нее уздечку и седло.

Но ему было не до шуток. Теперь, когда возбуждение, вызванное опасностью, прошло, жалкий результат их усилий поразил его.

«Какое несчастье! Какой страшный удар Зине!» – повторял он с горечью.

Он оставил кладбище и с тоской и тяжестью на сердце вернулся в город, направляясь на новую квартиру, приготовленную для него Василием.

Глава VI

Приключения Василия

Убежище, где укрылся Андрей, находилось в центре города. Недели за две перед тем Василий нанял меблированную комнату. Необходимо было, чтобы квартирная хозяйка показала, в случае если ее будут допрашивать, что ее жилец, Онисим Павлюк, как теперь назывался Василий, жил у нее за много дней до столкновения с полицией. По правде сказать, в поисках убежища Василий руководился еще одним соображением, более частного характера, – ему хотелось припрятать по возможности больше вещей, которые удобно было перевезти с постоянного двора. Если этого не сделать заблаговременно, думал он, всё пропадёт там понапрасну. Но об этих соображениях он не сообщал своим товарищам, менее расчётливым, чем он, чтобы не давать нового повода для их насмешек.

Будучи свободен по вечерам, он не ленился совершать ежедневные прогулки версты в три и ухитрялся проживать на двух кварти-

рах сразу. Как только начинало вечереть, он являлся в новое жилище с узелком под мышкой, заявляя, что только что вернулся с работы. В полночь, когда всё в доме засыпало, он уходил, повалявшись предварительно на постели, чтобы хозяйка подумала, что он проспал ночь и рано утром ушёл.

Василий уговорил и Андрея показаться туда же за несколько дней до покушения, чтобы таким образом сделать новую квартиру вполне безопасной. Он представил своего друга хозяйке как будущего квартиранта, которому он сдал полкомнаты со столом. Андрей изображал из себя писца, у которого часто бывает срочная работа на дому, — таким образом, он мог впоследствии не выходить по целым дням, не возбуждая подозрений. Ему было бы опасно показываться на улице в первые дни после их попытки. Весь город был перевернут вверх дном. Жандармы, казалось, хлопотали больше о том, чтобы схватить его, чем поймать беглецов, против которых они не чувствовали личной злобы. Самое подробное и точное описание его примет было роздано повсеместно, и сотни ищеек высматривали его

по всему городу. Кроме того, жандармам удалось открыть настоящее имя Андрея, очевидно благодаря неосторожности кого-нибудь из неопытных товарищей. Это подлило масла в огонь. У него было много старых счетов с жандармами, о чем они теперь и вспомнили.

Василий был в более выгодном положении. Хотя в инструкциях, розданных шпионам, требовалось изловить также и кучера, однако в данном случае они, собственно, не знали, кого ловить. Внимание конвойных жандармов было так поглощено Андреем, что они даже не присмотрелись к внешности его товарища. Описание примет Василия, данное ими, не согласовалось с показаниями служителей постоянного двора, где найден был экипаж, так что полиция пришла к заключению, что человек, смотревший за лошадьми в гостинице, и кучер, увозивший беглецов, были два разных человека.

Василий, во всяком случае, считал себя – теперь, как и перед тем, – в полной безопасности в Дубравнике. Он свободно расхаживал по улицам, исполняя всевозможные поручения: покупал еду и приносил газеты Андрею

и сообщал новости о друзьях, доставляемые Анной Вулич, с которой он видался через день в городском саду. Он делал всё, что мог, чтобы развлечь своего друга и рассеять тоску, очевидно снедавшую Андрея, хотя он и старался ничего не показывать.

На самом деле неделя, проведённая Андреем в его новом убежище, была одной из самых грустных в его жизни. Мысль, что двое товарищей вырваны из рук неприятеля, не утешала его. Он потерял Бориса. Левшин и Клейн были друзьями, ради которых он ни на минуту не задумался бы нанести удар и рискнуть жизнью. Если бы дело шло о них одних, он был бы вполне счастлив. Но теперь он не мог иначе смотреть на свою попытку, как на поражение. Утрата Бориса испортила всё.

Нельзя сказать, чтобы его больше всего мучила жалость к Борису. В эту минуту Андрей вовсе не думал об участи, ожидавшей его друга. Его сердце ныло от сожаления к самому себе за то, что ему не удалось отбить Бориса тогда же, и от глубокого сострадания к Зине, смешанного с чувством стыда за обманутые ожидания и за причинённые ей муки. Если

бы не несколько промахов с его стороны, все могло бы кончиться совершенно иначе. Борис был бы теперь с Зиной, а по окончании карантина и он присоединился бы к ним. Картина, представлявшаяся ему, была так привлекательна, так реальна и еще недавно так осуществима, что он с трудом удерживался, чтобы не кричать от бешенства и боли при мысли, что это нелепый сон, жестокая игра воображения.

Он ни на минуту не хотел допустить, что нужно оставить всякую мысль о спасении друга. Необходимо попытаться еще раз. Новое обвинение будет выставлено против Бориса – попытка бегства из-под стражи. Полиция будет стараться раскрыть подробности. Это повлечёт к бесконечным задержкам, которыми и нужно воспользоваться для новой попытки. Андрей составил уже два-три плана в своём воображении. Но всё это было смутно, неопределённо и скорее похоже на воздушные замки, чем на настоящие проекты. Между тем недавние происшествия мучили его. Вот зачем он глупо кивнул Левшину и тем заставил его выстрелить не вовремя, не давши

поэтому возможности Клейну быть готовым? Зачем он потерял голову, увидев Бориса, борющегося с двумя жандармами? Если бы он только слегка придержал лошадь или даже напал бы сбоку, он смял бы одного из жандармов, вместо того чтобы повалить на землю Бориса. Андрей придумывал сотни новых комбинаций, и все они оказывались лучше той, к которой он прибегнул на самом деле. Мысль, что эти комбинации тоже могли бы окончиться неудачей, не приходила ему в голову. Он видел только одну сторону дела. Успех представлялся ему таким лёгким, простым и естественным, что горькая действительность, к которой он возвращался после своих фантазий, казалась ему чем-то невероятно чудовищным.

В одиночестве временного заключения мрачное настроение Андрея всё усиливалось с каждым днём. Василия это очень огорчало. Он сделал несколько неудачных попыток развлечь его. Но, как человек робкий и нерешительный, не привыкший влиять на других, он не верил в силу своей убедительности и боялся, что вместо облегчения только растравит

раны Андрея.

Поэтому он благоразумно решил оставить его в покое. Андрей оживёт, когда вернётся к друзьям и работе. Ждать теперь недолго: пароксизм полицейской горячки уже значительно улегся. Не поймав никого, полиция действительно решила, что все участники предприятия давно скрылись из города, и скоро наступило время, когда Андрею можно было ослабить свой карантин и начать выходить из дому.

Василий, конечно, сообщил об этом своему товарищу, и он рассеянно согласился с ним, но не торопился воспользоваться благоприятными обстоятельствами.

– Сегодня иллюминация и фейерверк в городе, – добавил Василий. – Вулич хочет посмотреть и сказала, что зайдёт за тобой.

Андрей только пожал плечами и заметил, что нисколько не интересуется ни иллюминацией, ни фейерверком.

– Я лучше останусь стеречь квартиру; но почему бы тебе, Василий, не пойти? – прибавил он. – Ступайте вдвоём, и потом ты мне расскажешь, что я потерял, оставшись дома.

Василию это не понравилось.

– Я не могу пойти с Вулич, – сказал он, – потому что у меня сегодня свидание с Зиной.

И он тотчас же ушёл, хотя знал, что попадёт в назначенное место по крайней мере часом раньше, чем нужно. Тем временем должна была прийти Вулич, и он думал, что лучше оставить их одних: молодая девушка, наверно, сумеет разогнать мрачное настроение Андрея.

Доброта и скромность Василия были тут как нельзя более кстати. Во время приступов такой нравственной болезни, какой страдал Андрей, самым лучшим исцелителем является женская дружба. Мужчина никогда не обнаружит перед другим мужчиной ран своего сердца, но будет чистосердечно говорить об этом с женщиной.

После открытия, сделанного на пикнике, Андрей не искал общества Вулич, но и не избегал ее. У обоих было слишком серьезное дело, чтобы заниматься своими личными чувствами, и она бы обиделась, если бы он вел себя иначе. Они видались часто и очень подружились.

Когда девушка пришла и сообщила ему новости дня, Андрей первый же заговорил о гнетущем его горе.

– Видите, Анята, – сказал он, – как вы ошиблись, предсказывая мне успех в тот день.

Он намекал на разговор в лесу во время пикника.

– Нельзя сказать, чтобы я совсем ошиблась, – возразила она. – Как ваша рана? Василий говорит, что пустяки, а все-таки, мне кажется, вы нездоровы.

Махнув пренебрежительно рукой, Андрей уверил ее, что о ране не стоит разговаривать. Он был бы счастлив, как птица небесная, с дюжиной подобных ран, если бы дело кончилось как следует.

Он заговорил о том, что его мучило, в таком тоне, каким никогда не говорил с Василием. Он не утаил перед нею о своих поздних сожалениях и горьком самообвинении.

Горячие и энергичные протесты девушки не заставили его отказаться от своего мнения. Но ему тем не менее приятно было, что она так думает, хотя и ошибается.

– А наши беглецы всё еще укрываются в вашем доме? – спросил он.

– Нет, они уехали вчера вечером в Одессу. Город принял нормальный вид. На улицах нет ничего необычайного. Вам незачем оставаться дольше взаперти, иначе это может возбудить подозрения.

Она стала звать его на иллюминацию, и, к великой ее радости, Андрей согласился.

– Я совсем забыла передать вам следующее... – сказала Вулич, взяв его под руку, когда они очутились на улице. – Ваши петербургские товарищи пишут, что одна ваша знакомая предложена Жоржем в члены кружка. Он и спрашивает, согласны ли вы и Зина вотировать[37] за нее.

– Как ее зовут? – спросил Андрей, и лицо его внезапно покрылось яркой краской.

Он слишком хорошо знал, кто она. Была только одна девушка, которую они трое знали и которую Жорж мог бы предложить в члены.

– Таня Репина, – ответила Вулич, подозрительно взглянув на него.

– А, Репина! И Жорж ее предлагает? – про-

должал Андрей, всё более смущаясь.

Рука девушки, опиравшаяся на его руку, задрожала и потом как бы заочеченела.

– Кто эта Таня Репина? – спросила она сдавленным голосом.

– Наша приятельница, дочь адвоката Репина, – ответил Андрей, глядя прямо перед собою.

Маленькая рука нервно сжалась, и Вулич медленно отступила, как бы желая его лучше рассмотреть.

– Приятельница, вы говорите?

– Ну да, – сказал Андрей, и их глаза встретились.

Лицо Вулич потемнело. В ее глазах сверкнуло выражение неприязни, почти ненависти.

– Это неправда, вы любите ее! – почти вскричала она, выдернув свою руку.

Андрей сердито посмотрел на нее. «Какое право имеет она вмешиваться в тайны, которых я никому не раскрывал?» На минуту их взгляды скрестились, как два сверкающих меча в поединке. Но Андрей, который первый должен был нанести удар, отвернулся.

Они пошли дальше молча. Когда он снова посмотрел на нее, лицо его было уже не сердитое, а грустное.

– Что же... Да, я люблю ее... – сказал он. – Теперь вы довольны?

– А она... Она любит вас? – прошептала девушка, наклонив голову.

– Нет, она меня не любит, если вам хочется это знать.

Вулич еще ниже наклонила голову, стараясь концом зонтика снять что-то с мыска своего башмака.

– Но почему же? – спросила она выпрямляясь.

В ее голосе было такое наивное, выдававшее ее изумление, что Андрей невольно улыбнулся.

– Это навряд ли будет вам интересно, – сказал он мягким тоном. – Только знайте и помните, Анюта, – продолжал он, – что ни одной живой душе я не говорил того, что вы знаете.

– Даже она?

– Она последняя, кому бы я признался в этом... Но не будем больше касаться этой те-

мы. Ведь вы не для допроса вытащили меня из дому, а для развлечения, ну и постарайтесь исполнить свою миссию.

– Да, конечно! – воскликнула Анюта с живостью, взяв его опять под руку и улыбнувшись. – Если бы я только была в силах!.. – прибавила она, понижая голос.

– Передайте Зине, что я подаю голос за принятие, – сказал Андрей деловым тоном.

Не успели они скрыться из виду, как Василий вернулся домой. Он очень обрадовался, не застав Андрея. Прогулка на иллюминацию была его затеей, и он был уверен, что променад окажется очень полезным для Андрея – Вулич лучше других сумеет развлечь его. Василий говорил это себе с чувством внутреннего удовлетворения, не совсем лишённого зависти. Он так живо воображал удовольствие, какое он бы испытал на месте Андрея!

Под неуклюжей, грубоватой внешностью Василий хранил очень нежное сердце. Он влюблялся много-много раз, но почему-то предпочитал всегда безнадёжный, молчаливый род любви, избирая своим предметом именно тех женщин, на взаимность которых

он меньше всего мог рассчитывать. Лена привлекала его своей холодной недоступностью; в глубине души он все еще оставался ей верен. Но за последнее время он сделал открытие, что может так же безнадежно полюбить Вулич, как и Лену. Он еще не был в нее влюблён, но ему было приятно помечтать о ней, и он стал оказывать ей внимание и услуги, которых она никогда не замечала.

Теперь он предался приятным ожиданиям ее возвращения. «Она, наверное, зайдёт, – думал он, – и не откажется от чая после длинной прогулки». Сидя за столом, Василий ждал, мечтательно прислушиваясь к мягкому шуму самовара, который держал наготове для своих друзей. В эту минуту дверь у подъезда хлопнула и слышались приближающиеся к его комнате шаги. Он встал и отворил дверь. Но вместо того, чтобы увидеть тех, кого он так ждал, он очутился лицом к лицу с полицией.

«Вот тебе и на! – охнул поражённый Василий. – Должно быть, из-за моего проклятого паспорта».

Он действительно угадал.

Голова у Василия была устроена на особый лад. Если он действовал, не задумываясь ни на минуту, то обнаруживал необыкновенную находчивость и изобретательность в самых затруднительных обстоятельствах. Но когда ему хотелось быть особенно ловким, и он долго размышлял над чем-нибудь, то часто случалось, что у него заходил ум за разум и он делал самые забавные и грубые ошибки.

Именно такую оплошность он сделал, когда устраивал последнюю квартиру. Фальшивый паспорт, полученный им от товарищей в Дубравнике, не вполне удовлетворял его. Он удостоверял о праве мнимого Онисима Павлюка, окончившего курс в среднем учебном заведении, на поступление в высшее учебное заведение. Это придавало паспорту более благородный характер, а Василий совершенно основательно предпочёл играть роль ремесленника или мелкого торговца. Эти тонкие соображения заставили его подправить паспорт и улучшить при помощи маленькой подчистки. Василий очень искусно умел «лечить» паспорта, как и вообще умел делать всякие ручные работы. Он уничтожил неже-

лательное «высшее» и поставил вместо него скромное «низшее» точно таким же почерком, каким был написан весь паспорт. Операция удалась как нельзя лучше.

Когда он сообщил о своём подвиге Андрею, тот просто расхохотался. Паспорт был окончательно испорчен этой поправкой. Сущая бессмыслица, чтобы из высшей школы имели право поступать в низшую.

Василий был поражён верностью этого замечания, которое почему-то раньше не пришло ему в голову. Оставалось утешаться тем, что дело сделано и поправить его нельзя: паспорт был уже отправлен в прописку. Была, впрочем, еще одна надежда на то, что полицейские никогда не читают груды паспортов, представляемых в прописку, и ограничиваются осмотром печатей, подписей и внешнего вида.

– А если даже случайно прочтут, – сказал Андрей улыбаясь, – то примут твою поправку за опisku, потому что ни один человек в здравом уме не поместит такой вещи нарочно в фальшивом паспорте.

Случилось именно так, как предполагал

Андрей. Квартальный прочёл это странное место. Но так как документ оказался во всех других отношениях вполне удовлетворительным и имел на себе несколько прописок из других полицейских участков, то он решил, что не стоит из-за этого производить арест. Прописав паспорт, он отложил его в сторону, с тем чтобы при первой возможности отнести его лично собственнику и навести справки, а затем уже в случае надобности принять надлежащие меры.

Появление полиции поразило Василия, но не смутило его. Он охотно отвечал на вопросы квартального, выдавая себя за слесаря на полтавской железной дороге.

– Приехал в Дубравник искать работу, но думаю скоро вернуться домой, – говорил он.

С заветренным лицом, мозолистыми руками и в простой одежде Василий очень походил на простого рабочего или городского ремесленника. Он так хорошо играл свою роль деревенского парня, так мастерски подделывался к народной речи, был так наивен и робок перед начальством, что у квартального исчезло всякое сомнение относительно само-

го Василия.

Но квартирная хозяйка доложила полицейскому, что с Василием в комнате проживает другой жилец, паспорт которого еще не отдан в прописку. Описание наружности другого жильца возбудило любопытство квартального.

С простосердечием и словоохотливостью невинного человека Василий объяснил, как он совершенно случайно познакомился с этим Иваном Залупаловым – имя Андрея по паспорту – и как он сдал ему полкомнаты за столько-то.

– А паспорт потребовал у него? – осведомился квартальный.

– Как же, ваше благородие, – с живостью отвечал Василий. – Я отнял у него, чтобы он невзначай не сбежал бы не уплативши. С чужими нужно осторожно, ваше благородие.

Василий вытащил из своего голенища драгоценный документ, завёрнутый в тряпку.

– Да ты зачем сейчас в прописку не отдал? – строго спросил квартальный.

– Не успел, ваше благородие, – пробормотал он. – Извините, сделайте милость.

Квартальный ничего не сказал, но имел вид недовольный. Василий почесал затылок, потопал ногами на одном и том же месте и опустил руку в карман. Вытащив мелкую серебряную монету, он робко положил ее на угол стола перед кварталным.

– Не побрезгуйте, ваше благородие, – сказал он, низко кланяясь, – моим приношением. Оно хоть и малое, но от чистого сердца.

– Возьми назад, дурак! – сказал кварталный, отказываясь от скромной взятки.

Такое наивное проявление чувства почтительности не ухудшило отношения кварталного к Василию.

– Когда вернётся твой жилец? – спросил он.

– Не могу сказать, ваше благородие, – отвечал Василий своим обычным благодушным тоном. – Он любит-таки выпить, осмелюсь доложить об этом вашему благородию. Иной раз приходит домой очень поздно. А одну ночь и вовсе не спал дома.

– Ладно, а я все-таки подожду, – сказал кварталный, решительно усаживаясь. – А тебя как зовут?

– Онисим, ваше благородие.

– Так вот что, Онисим. Ступай вниз и скажи околоточному, чтобы пришёл сюда; и ты с ним возвращайся.

Сердце упало у Василия. Очевидно, вся его комедия была ни к чему.

Но ему ничего не оставалось, как играть свою роль до конца. Он исполнил приказание и вернулся в сопровождении околоточного.

Ничего не подозревая об опасностях, ожидавших его дома, Андрей тем временем бродил по городу вместе с Вулич. Они пошли на иллюминацию и пробыли с четверть часа в городском саду. Андрей не находил никакого удовольствия в том, что видел. Всё ему казалось возмутительно глупым в этот вечер – фейерверки, иллюминация и больше всего ребяческое веселье толпы взрослых людей, забавлявшихся такими пустяками.

Они вернулись рано. Андрей хотел проводить Вулич домой, но она не позволила. Их дом был уже «попорчен» пребыванием бежавших. Ему не следовало даже близко подходить к этому месту. Она поэтому предложила проводить Андрея.

Они остановились за несколько домов до его квартиры.

– Не зайдете ли? Еще не поздно, – уговаривал ее Андрей.

– Нет, мне нужно торопиться домой. Я обещала вернуться к десяти.

Они попрощались, и Андрей пошёл к дому.

Поднимаясь по тускло освещённой грязной лестнице, Андрей увидел Василия, стоявшего на самом верху. Он был босиком, без шапки и без сюртука. Его лицо было бледно. Он усиленно и странно жестикулировал. Насколько Андрей мог догадаться, его друг требовал, чтоб он не шевелился и молчал. Он остановился. Спустившись неслышными шагами, Василий быстро подошёл к Андрею и, приложившись к его уху, шепнул:

– У нас полиция. Уходи скорее.

– Полиция! Так уйдём вместе, – шепнул ему в ответ Андрей.

Василий энергично замотал головой в знак отказа и без дальнейших разговоров побежал наверх и исчез не в их комнате, к удивлению Андрея, а в маленьком незанятом чуланчике насупротив.

Когда серая тесёмка жилетки Василия, торчавшая наподобие короткого хвостика, скрылась за дверью, не оставляя никакой надежды на объяснение, Андрей спустился на цыпочках и вышел на улицу.

Вулич еще не успела завернуть за угол.

– Анюта! – окрикнул ее Андрей внятным, хотя и пониженным голосом, который далеко раздался среди ночной тишины.

Девушка обернулась и пошла к нему навстречу. Она подумала, что Андрей забыл сообщить ей что-нибудь важное.

– Очевидно, так решено свыше, что я должен вас проводить сегодня домой, – сказал он. – У меня полиция.

Вулич страшно перепугалась.

– Полиция! Василий арестован?

– Нет, он, несомненно, не арестован, потому что иначе они не позволили бы ему ждать на лестнице и предупредить меня.

Он рассказал об их странном свидании.

– Что меня больше всего сбивает с толку, – прибавил он, – это то, что Василий предпочёл остаться, между тем как ему так легко было уйти со мной.

– Это очень странно, – заметила Вулич.

Да и на самом деле это было странное приключение – одно из тех, которые бывают только с людьми, как Василий.

Исполнив поручение квартального и приведя врага к себе в комнату, Василий смиренно присел на кончик стула в углу. Он сохранял невинный и беззаботный вид, но страшно волновался. Время шло. Андрей мог вернуться каждую минуту, вероятно, в сопровождении Вулич.

Полицейские заговорили между собою, причем околоточный, стоя подле своего начальника, нашёптывал ему что-то на ухо. Василий очень хорошо заметил, как квартальный, а за ним и околоточный посмотрели на место за дверью, где можно бы укрыться в момент, когда войдёт Андрей.

Они, эти мерзавцы, составляли, очевидно, план атаки на Андрея спереди и сзади!

Но как помешать этому? Окна их комнаты выходили во двор, так что он не мог оттуда дать Андрею сигнал об опасности. Да и в предстоявшей свалке от него мало было бы пользы, так как он не имел при себе оружия.

Его револьвер находился в боковом кармане куртки, снятой им до прихода полиции, и теперь надеть ее он не мог, не возбудив подозрений. Василий не знал, что придумать, когда вдруг отдалённый звук ракеты подал ему хорошую мысль.

– Ваше благородие! – воскликнул он самым невинным тоном. – Можно посмотреть на иллюминацию из окошка? Вон из чуланчика всё видно.

Квартальному хотелось поговорить наедине с околоточным.

– Ступай, коли хочешь. Только ты мне понадобишься скоро.

Таким образом Василию удалось забраться в чулан, где он провёл отвратительные минуты, стоя у дверей с бьющимся сердцем и прислушиваясь к малейшему шуму внизу.

Когда ему удалось предупредить Андрея, он вернулся в чулан с чувством облегчения и радости и на этот раз вполне наслаждался хорошо заслуженным развлечением.

Василий по природе был миролюбивый, добродушный и несколько ленивый человек. Он избегал каких бы то ни было тревог и от-

носился к жизни легко, насколько это было возможно в его положении, всегда предпочитая сглаживать или осторожно обходить препятствия, вместо того чтобы идти к цели напролом.

Глава VII

Зина у себя дома

В доме Зины, где на время укрылся Андрей, сильно тревожились за Василия. Его друзья терялись в догадках. Полиция, вероятно, случайно попала на его квартиру, и он как-нибудь запутался. Но, зная его, они сперва надеялись, что он вывернется и присоединится к ним, самое позднее, на следующее утро. Между тем утро прошло, а Василий не показывался.

Они стали беспокоиться. Зина через жену знакомого надзирателя узнала имена всех арестованных за последние несколько дней, но Василия не было между ними. Вулич тем временем отправилась в город навести справки у товарищей. Она вернулась с удивительным, хотя и приятным известием, что Ватаж-

ко встретил Василия на улице. Он был свободен, так как ни жандарм, ни околоточный не сопровождали его. Но, очевидно, он попал в какую-то передрагу, так как быстро прошёл мимо и сделал Ватажко знак не разговаривать и не подходить к нему.

Первоначальные их предположения подтвердились. Василий, очевидно, запутался как-нибудь с полицией и теперь старается ее одурачить.

– Теперь нам нечего о нём беспокоиться, – сказал Андрей. – Он их, наверное, проведёт и скоро будет опять с нами.

Зина с ним согласилась.

Когда новая тревога улеглась, старые заботы и планы снова завладели ими.

Вечером, после чая, когда хлопоты по дому были кончены и все трое собрались в Зининой комнате, Андрей приступил к делу, спросив Зину, какие у нее теперь виды и намерения относительно Бориса.

Он ходил взад и вперед, заложив руки за спину, не глядя на Зину.

– Вот письмо Бориса об этом, – сказала она. – Я получила его на другой день после по-

пытки, но не передала вам тогда, потому что мне было не до того. Но я сохранила его для вас. – Она вынула из потаённого места два клочка бумаги: один – узкий и длинный, как бы срезанный край газеты, а другой – квадратный листок в несколько вершков, вырванный заглавный лист из книги. Обе бумажки были мелко исписаны карандашом.

В этом письме, написанном в ночь после поражения, Борис благодарил своих друзей, рисквавших ради него жизнью, в особенности Андрея, в таких тёплых и задушевных выражениях, что у Андрея глаза наполнились слезами. Но в настоящем положении Борис считал все дальнейшие попытки к его освобождению делом безнадёжным и, по всей вероятности, гибельным для его друзей. В заключение он просил Андрея тотчас же вернуться в Петербург, а всю организацию распустить без дальнейших отлагательств.

– Надеюсь, вы не находите его заключение обязательным для нас? – спросил Андрей, стараясь говорить хладнокровным и деловым тоном.

– Конечно, нет! – воскликнула Зина.

– Я очень рад, что вы не пришли в уныние, – продолжал он. – Настойчивость в подобных делах – самое главное. Делались неудачные попытки четыре раза сряду, а на пятый удавалось. Будем надеяться, что и нам лучше повезёт в следующий раз.

– Да. Но вот в чем Борис совершенно прав, – заметила Зина, – это то, что вы не должны больше принимать участия в новой попытке. Вы сделали всё, что было возможно. Оставаться долее здесь для вас – напрашиваться на гибель.

– То же самое можно сказать и относительно вас.

– Нет, не то же самое. Полиция меня не знает, между тем как ваше имя открыто и на вас особенно злы. Кроме того, – прибавила она, – есть соображения чисто личные, по которым я одна должна продолжать это дело.

Андрей остановился прямо против нее.

– Личные соображения? – спросил он с удивлением. – Я вас не понимаю, Зина. Или если понимаю, что вы этим хотите сказать, то я самым энергичным образом должен протестовать. Такое дело нельзя переносить на

узкую почву личных привязанностей. Мы предприняли освобождение Бориса как человека, дорогого для нашей партии, а не потому, что некоторым из нас он очень близок. Наши чувства и симпатии тут ни при чем.

– Я бы никогда не позволила рисковать кем бы то ни было ради Бориса, если бы я думала, что его освобождение – мое личное дело, – сказала Зина.

– Хорошо. В таком случае не всё ли равно, кто из нас будет вести дело? Вы противоречите себе.

– Нет, – возразила она. – Я говорила о прошлом. Теперь же всё переменялось к худшему, и в этом вся разница. Если бы Борис был мне чужой, я, вероятно, решила бы отказаться от дальнейших попыток. Но я не могу... Вот почему я одна должна взять на себя всё. – Она нахмурилась и опустила голову на стол, перед которым сидела. – Теперь вы, конечно, понимаете, – прибавила она более спокойным тоном, подымая голову, – что приходится иногда принимать в расчёт и личные мотивы.

Он сел около нее на стул и молча поднёс ее руку к своим губам.

Вырвавшееся у Зины признание только подтвердило то, что он давно уже говорил самому себе. Она просто горела на медленном огне. Постоянные ожидания, вечные думы о деле, от которого зависела жизнь Бориса, и ряд неудач – такие мучения были выше человеческих сил. Внезапное несчастье легче было бы перенести. Теперь страдания ее достигли такого предела, когда разум теряет контроль над чувствами. Если она останется в Дубравнике, то непременно выкинет что-нибудь отчаянное и погубит себя безо всякой пользы. Ее нужно увезти отсюда во что бы то ни стало.

– Послушайте, Зина, и вы тоже, Анюта. Вы должны мне помочь уговорить ее, – сказал Андрей, всё еще не отпуская руки Зины. – Вы совершенно правы, говоря, что, преследуемый по пятам полицией, я навряд ли могу быть полезен тут. Но этому помочь легко. Вот что я предлагаю: я отправлюсь завтра в Петербург и пробуду там недели две. Я начну бывать на студенческих сходках, в разных салонах и вообще постараюсь показываться всюду и наделаю как можно больше шума,

чтобы привлечь внимание полиции. Когда она убедится, что я окончательно поселился в Петербурге, я тихонько вернусь сюда. Но вы должны довериться мне всё и уехать отсюда. Нужно иногда принимать к сведению и личные соображения, как вы говорите. Ведь вы убиваете себя здесь, и этого допустить нельзя. Примите мой совет, вызванный личной дружбой к вам – если не чем-нибудь лучшим, – только не упрямитесь. Примите мое предложение, и давайте поменяемся местами! Что же вы молчите?

Зина задумалась, склонив голову. Ей больно было обижать Андрея отказом от предложения, сделанного в такой форме. Но она не могла иначе поступить.

– Нет, не могу! – сказала она.

Он встал со своего места и зашагал по комнате.

Вулич, прикорнув в углу, не решалась вмешиваться. Что она могла сказать после Андрея?

Андрей тоже молчал. Бесполезно было уговаривать Зину. Она решила погибнуть – и погибнет... Он не мог удержать ее и не в силах

был осуждать ее за упрямство. Она не могла поступить иначе при данных обстоятельствах, и побуждения ее были хорошие. Но никому не было от этого легче.

– Не женись, молодец, слушайся меня! – вырвалось у Андрея, и эти слова лучше всего выражали его чувства в ту минуту.

Поучительное замечание не относилось ни к кому лично, и меньше всего к Зине, которая не могла уже воспользоваться благим советом.

Но именно Зина и откликнулась на него. Она обрадовалась возможности переменить разговор.

Задумчиво облокотившись на стол, она чертила пальцем узоры по скатерти.

– Такова мораль, выведенная вами из басни, не правда ли?

Андрей промолчал. Зина ласкала теперь рыжего кота Ваську, который, желая присоединиться к компании, прыгнул к ней на колени. Она не спускала с Андрея вопрошающего взгляда.

– Ну да. Так оно и выходит, – сказал он, наконец.

Он старался отнестись к решению Зины с покорностью и смирением, насколько это было в его силах. Если такая хорошая женщина с такими прекрасными побуждениями решила так, а не иначе, значит, так нужно. Он не надеялся увидеть ее еще раз до отъезда, и его единственным желанием было не испортить тех немногих часов, которые им оставалось провести вместе.

Он сел около нее.

– Тем, которые ведут такую жестокую борьбу, как наша, приходится закалять сердца против нежных чувств, – сказал он задумчивым тоном.

Он был расстроен и не чувствовал охоты вступать в спор. Но на этот раз Зина перешла в наступательный образ действия. Она много думала о вопросе, вызвавшем замечание Андрея, особенно в последнее время. Ей не хотелось, чтоб Андрей расстался с нею под впечатлением, что она теперь относится отрицательно к тому, что так высоко ценила прежде.

– Почему же вам не принять в таком случае теории Нечаева[38], – сказала она с лёгкой иронией, – по которой, чем больше револю-

ционер походит на бревно, тем ближе он к совершенству? Все сильные человеческие чувства налагают на вас, некоторым образом, путы. Но скажите, какой прок от людей, неспособных на такие чувства?

– Вы смешиваете два совершенно различных рода чувств, – уклончиво ответил Андрей.

Зина собиралась возражать... Но как раз в эту минуту случилось нечто, окончательно прервавшее их разговор.

– Погодите минутку. Как будто стучат, – насторожился Андрей.

Они стали прислушиваться. Стука не было слышно, но раздался странный шум, как будто горсть мелких камешков была брошена в оконное стекло.

– Шалость какого-нибудь мальчугана! – заметила Зина.

Вулич открыла окно и, выглянув, радостно воскликнула:

– Василий! – Она бросилась вниз, чтобы впустить его.

Через минуту рослый Василий с сияющим лицом показалась в дверях. В одной руке у

него был чемодан, в другой – узелок с бельём.

Андрей и Зина поднялись ему навстречу, чтобы обнять и приветствовать его, будто он возвратился из дальнего путешествия.

– Я говорил, что он выйдет сухим из воды! – сказал Андрей и так хлопнул его по плечу, что тот зашатался. – Ну, расскажи, какие у тебя были приключения за это время?

–хлопотливая была возня! – вздохнул Василий, усаживаясь в кресло. – Я сам себе не верю, что всё кончилось.

– Вы были арестованы? – спросила Вулич.

– Хуже! – ответил Василий, махнув рукой.

– Что? Вас, может быть, пытали? – предположила с улыбкой Зина.

– Хуже этого, уверяю вас! – повторил Василий.

– Да что же наконец с тобой произошло? Рассказывай всё по порядку, – поторопил его Андрей.

Василий рассказал, как явились полицейские, как справлялись об Андрее, как он разыграл дурачка и получил позволение посмотреть на фейерверк из чуланчика.

– Отчего ты не ушёл вместе со мной? – по-

интересовался Андрей.

– Конечно, – Василий почесал затылок, – это было бы самое лучшее, если бы я мог предвидеть что случится потом. Но я думал, что полиция покинет меня. Вот я и решил остаться на время.

– Ну, что же дальше? Долго они меня дожидались? – спросил Андрей.

– До полуночи! – сказал Василий с негодованием. – Меня позвали через полчаса после того, как я тебя предупредил, и мне пришлось занимать их разговорами. И курьёзная вещь, – добавил он другим тоном. – Я сам их задерживал, подавая надежду, что ты можешь еще вернуться! – Лукавая улыбка появилась на губах у Василия, но исчезла немедленно, и лицо его сделалось опять серьёзным. – В половине первого полицейские поднялись с места. «Наконец они уберутся к черту!» – подумал я. Но не тут-то было. Перед уходом квартальный стал подучивать меня не говорить тебе, когда ты вернёшься, об их посещении, и прибавил, что придёт завтра в восемь часов утра. Это было мне совсем не с руки; но я не хотел портить паспорт бегством и

решился выжидать. Он явился. «Жилец вернулся?» – «Никак нет, ваше благородие». – «Где он может быть?» – «Не могу знать, ваше благородие!» Я был уверен, что теперь он уйдёт окончательно. Но он пристал ко мне, как пиявка. «Послушай, Онисим, – он так ласково назвал меня, – я вижу, ты парень хороший, и если будешь вести себя как следует, то получишь от меня три рубля. Оставь свои вещи тут и обойди все трактиры и кабаки по соседству: авось найдёшь своего жильца». – «Слушаю-с, ваше благородие, – ответил я. – Да только мне нужно сегодня в Полтаву ехать». – «Ничего, у тебя много еще времени. Помни, три рубля заработаешь, коли поймаешь!» И он дал мне совет: «Когда увидишь, не пугай его. Скажи, что паспорт прописан и получен обратно. Он обрадуется и пойдёт с тобой охотно. Затем, как завидишь первого городского, хватай его за шиворот и волоки. Понимаешь?» – «Понимаю, ваше благородие», – сказал я. «Сделаешь так, как я тебе приказываю?» – «Сделаю, ваше благородие!»

Рассказывая историю своего приключения, Василий снова вошёл в роль разыгран-

ной им комедии и передавал всё в лицах среди общего хохота друзей. Он нагнул голову, вытянул шею, сжал губы с выражением сосредоточенного внимания и энергично кивал в знак согласия.

– Мы вышли вместе из дому, – продолжал он, – и я начал обходить кабаки и трактиры. Мне необходимо было это сделать, потому что я не был уверен, что за мной не следит шпион. Вот тогда-то я и встретил Ватажко, но подумал: лучше не разговаривать с ним. В четыре часа дня я вернулся домой. До поезда в Полтаву оставалось полтора часа, и я уже надеялся, что настал конец моим мытарствам. Расплатился я с хозяйкой, уложил вещи и вышел на улицу, размышляя о том, как бы безопаснее добраться до вас. Но смотрю – и что же? Вижу, мой квартальный переоделся в партикулярное[39] платье и следит за мной из-за угла. Проклятый! Он всё еще не хотел оставить меня в покое. Мне ничего не оставалось делать, как ехать на вокзал, вместо того чтобы идти к вам. Я взял извозчика; следом за мной квартальный нанял другого. Мы приехали задолго до отхода поезда. Касса еще не

была открыта. Квартальный стоял у прилавка с газетами. Я прогуливался взад и вперед и глазел в окна, на двери, на потолок – на всё, одним словом, кроме квартального, которого мне не полагалось видеть. Однако я ни на минуту не терял его из виду. Я рассчитывал, что, проводив меня на вокзал, он оставит меня в покое. Но он и не думал уходить и всё время следил. Касса наконец открылась. Публика потянулась гуськом за билетами. А он всё еще тут, негодяй! Я направился к кассе, надеясь, что это его удовлетворит. Квартальный действительно ушёл со своего места, но только для того, чтобы приблизиться к кассе. Я не знал, что делать. Взять билет в Полтаву и выйти на первой станции? Но у меня всего было два рубля в кармане – меньше чем на полбилета. Спросить билет только до следующей станции, а не в Полтаву? Этого я не мог сделать, потому что квартальный услышал бы меня и, заподозрив, что я обманул его, вероятно, арестовал бы меня. Пассажиры между тем по очереди подходили за билетами, и я ближе и ближе придвигался к кассе, хотя всё еще понятия не имел, что делать и чем всё

это кончится. Наконец я очутился лицом к лицу с кассиром. Квартальный стоял у решётки за моей спиной. «Билет в Полтаву, третьего класса!» – заявил я громким решительным голосом и начал расстёгивать жилетку, чтобы вынуть деньги из-за пазухи. «Живее, вы задерживаете отъезжающих!» – поторопил меня кассир. «Сейчас-сейчас, – ответил я решительно. Вытащил крест из-за пазухи и схватился руками за голову. – Братья православные! Меня ограбили!» – закричал я дурным голосом и отскочил от кассы как сумасшедший. Толпа собралась вокруг меня, и я начал объяснять, что у меня была двадцатипятирублёвая бумажка, всё моё имущество, и привязана была она верёвочкой к кресту; но мошенник-жилец, которого я подобрал на улице, обокрал меня ночью и сбежал. И я вытирал рукавом слёзы, настоящие слёзы, которые текли из глаз во время моего печального повествования!.. – Обветренное лицо Василия осветилось на минуту добродушной улыбкой, и он продолжал: – Когда окружающие были достаточно растроганы, я вытер слёзы, схватил свои вещи и бросился вон, вскочив на

первого попавшегося извозчика.

– А квартальный? – спросила Вулич. – Он не последовал за вами?

– Нет, не последовал. Я так был огорчён потерей моих денег, что на минуту потерял его из виду. Но, отъехав немного, я оглянулся и никого за собой не увидел. Я провёл вечер, бродя из одного места в другое, чтобы убедиться, что за мной не следят. На этот раз меня оставили в покое.

– Он, должно быть, вернулся в часть, – засмеялась Зина, – и написал донесение высшему начальству о проделках революционеров над простаками, которых они заманивают в свои сети.

– Объясни, пожалуйста, – спросил Андрей, – зачем ты вернулся домой после того, как тебе поручили обход кабаков, раз ты остался один? Я этого не могу понять. Если даже за тобой шёл шпион, ты бы гораздо проще мог от него отделаться.

Василий пожал плечами, удивлённый, в свою очередь, этим вопросом.

– А вещи, оставленные дома? – возразил он.

Андрей так расхохотался, как будто это насмешило его больше, чем все приключения Василия.

– Вы должны, конечно, взглянуть на сокровища, которые наш Вася пошёл добывать из вражьих рук, – обратился он к Зине и Вулич.

И он направился к чемодану с явным намерением обнародовать его содержимое для всей компании. Но Василий схватил чемодан и решительно уселся на него. Он ни за что не позволил бы показывать свои вещи дамам.

На следующий день Андрей попрощался с друзьями и отправился обратно в Петербург с поручением от Зины достать денег на ее предприятие. Василий остался в Дубравнике. Он совершенно справедливо заключил, что благодаря своей счастливой внешности ему везде одинаково безопасно, и потому решил не оставлять Зину. В характере Василия было нечто поистине рыцарское, и эта черта проявлялась лучше всего в его обращении с женщинами. У него всегда была дама сердца, по которой он вздыхал, но, как настоящий рыцарь, он всегда был к услугам женщин, кото-

рым мог бы оказаться полезным, и никому он не был так предан, как Зине.

Глава VIII

Неожиданное осложнение

Петербург был в белоснежном одеянии, когда Андрей, только что приехавший из Дубравника, вышел с вокзала. Выпал первый снег, а это большой праздник для северянина. Крыши домов, тротуары, скамейки, б́арки[40] на соседнем канале – всё было покрыто ровной сверкающей пеленой свежего снега. Чёрные неподвижные деревья приняли фантастический вид под белым пушистым покровом, окутавшим даже тончайшие ветки. Солнце терялось в глубине густого, медленно падавшего снега, но на улице было необыкновенно светло. Белая пелена блестела мягким светом, веселя глаза и сердце после унылых осенних красок. Воздух был свежий и бодрящий, наполненный возбуждающим ароматом снега и наступающей зимы. Причудливые белые хлопья усыпали шляпы, пальто, волосы и бороды прохожих и придавали им вид ряже-

ных. Люди были веселы, лошади бежали бойко. Кое-где неслышно скользили санки, и их собственники гордились тем, что первые приветствуют красавицу-зиму.

Невольно поддавшись общему настроению, Андрей быстро шагал по Лиговке, торопясь на квартиру Лены. На этот раз он никого не предупредил о своём приезде; но он знал, что Лена живёт на Лиговском канале, недалеко от вокзала, и надеялся застать ее дома.

Она как раз выходила из ворот в меховой шапочке, весёлая и свежая, как день, когда Андрей окликнул ее по имени. В изумлении она уставилась на него, и сейчас же ее лицо осветилось приветливой улыбкой.

– Наконец-то вы вернулись! – воскликнула она. – Я боялась, что после того, что случилось в Дубравнике, вы там застрянете навсегда. Но скажите, вы серьезно вернулись?

– Да, серьезно, – ответил Андрей.

Лена выходила из дому по собственному делу, но ради Андрея согласилась сделать круг и проводить его на конспиративную квартиру. Она стала расспрашивать о попытке, которая произвела довольно сильное впе-

чатление среди революционеров. Андрей отвечал на ее расспросы без особенной охоты, но и без видимого неудовольствия. Перемена места и окружающей обстановки притупили в нём прежнюю болезненность ощущений. Теперь он мог говорить об этом деле спокойно, как о совершившемся факте, с которым нужно мириться.

– А что нового у вас? – спросил он в свою очередь.

– В нашей группе, вы хотите сказать?

– Да.

– Ничего особенного. Таня выбрана в члены. За нее было пять поручителей и ни одного голоса против. Она уже согласилась. Надеюсь, она окажется хорошим приобретением для нас.

– Я в этом уверен, – подтвердил Андрей.

– Она работала некоторое время в Нарвской части и для начинающей вела дело очень хорошо, – продолжала Лена. – Жаль, что ей придётся скоро уехать.

– Разве? – спросил Андрей, внезапно опечалившись.

– Она уезжает в Москву. Решено усилить

наш тамошний кружок: он сильно прихрамывает. Жоржу поручили съездить в Москву для пропаганды, а Таня вызвалась сопровождать его. У нее там хорошие связи, и ими можно будет воспользоваться.

– Теперь понимаю... – пробормотал Андрей, отвернувшись, чтобы скрыть смущение.

Такое известие не удивило его. Он был приготовлен к чему-нибудь в этом роде. Но острая, холодная боль, резанувшая его от слов Лены, показала, как много скрытой надежды таилось в его глупом сердце.

– Говорят, они скоро поженятся, – в своём неведении продолжала Лена. Мне говорили, что они давно влюблены друг в друга. Но я, собственно, этому не верю и ничего не замечала. Вероятнее всего, одна болтовня.

– Почему же? Жорж очень хороший человек, – сказал Андрей, стараясь быть беспристрастным.

Лена ни на минуту не подозревала, чтобы этот разговор имел специальное значение для Андрея. Будучи по природе и привычкам малонаблюдательна, она не заметила его смущения. Любовь еще не заговорила в ее соб-

ственном сердце, и вообще она вопросом о любви интересовалась менее всего. Слухи об отношениях Жоржа и Тани она передавала как самую обыкновенную новость и затем равнодушно перешла к другим новостям.

На конспиративной квартире Андрей застал нескольких друзей, в том числе Жоржа. С радостным восклицанием он бросился Андрею на шею. Он тоже разделял опасения Лены, что его друг застрянет в Дубравнике, и тем более обрадовался его возвращению.

Жорж с участием стал расспрашивать про Зину. Андрей чистосердечно рассказал всё и не скрыл от него, как рискованно было ее положение в Дубравнике. Они беседовали и душевно и непринуждённо. Но когда остальные ушли, и Андрей с Жоржем остались одни, оба почувствовали некоторую неловкость. Андрей горел нетерпением узнать что-нибудь про Таню, но не мог собраться с духом и спросить. А Жорж как нарочно даже не упоминал ее имени. Это так противоречило обыкновенной манере Жоржа кстати и некстати говорить о Тане, что Андрей заподозрил, что он умышленно так поступает. Жорж, очевидно,

разгадал его тайну и воздерживался от разговоров о Тане из деликатности. Это было очень хорошо с его стороны, и Андрей решил воспользоваться тонким намёком. Он продолжал разговор о безразличных предметах насколько мог. Наконец не выдержал и спросил: живёт ли еще Таня у отца?

– О нет, – отвечал Жорж, – это невозможно. Она доставила бы ему массу неприятностей. Она живёт теперь отдельно, в том районе, где ведёт пропаганду.

Жорж ничего не прибавил, но устремил на своего друга взгляд, полный симпатии и грусти, что сильно задело Андрея. Он отвернулся и заговорил с ним о его статье. После этого уже тщательно избегал упоминать имя Тани. Сострадательный взгляд Жоржа поднимал в нем желчь и злобу.

Андрей возобновил свою любимую работу – пропаганду между рабочими – и засел почти безвыходно на Выборгской стороне. У него появился какой-то голод на работу, и он брал на себя всё, что ни подвернётся. Даже требовательная придиричивая Лена была от

него в восторге, говоря, что он скоро наверстаёт потерянное.

В то же время прежняя нелюбовь Андрея к пропаганде среди интеллигенции перешла у него в настоящее отвращение. Он наотрез отказался ходить на какие бы то ни было студенческие сходки или собрания, кроме чисто деловых. Он даже редко виделся со своими друзьями и товарищами по делу. Зачем? Одно баловство и потеря времени! Он был в самом стойческом[41] настроении, стараясь очистить свою жизнь от всего, что не было строгим долгом.

Жорж был единственным человеком, с которым он видался: может быть, потому, что для него это была своего рода епитимья[42], ему так хотелось доказать себе, что его приступ пошлой ревности к Жоржу прошёл совершенно и что он с ним в прежних дружеских отношениях. Он твёрдо держался бы своего решения, если бы не этот несносный взгляд меланхолического сострадания, появлявшийся по временам в выразительных глазах Жоржа. Он был у него два раза в первую неделю по приезде, но тем и ограничился,

оправдываясь недосугом.

Таню он предпочёл не видеть вовсе. Он был доволен тем, что возложенное на него Зиной поручение не требовало личного свидания. С того дня как Таня сделалась членом партии, все ее деньги шли на дело, и в распоряжении ими другие товарищи, конечно, имели такой же голос, как и она. Андрей легко достал от организации половину суммы, необходимой Зине. Остальное обещал достать через месяц Репин, которого Андрей навестил через несколько дней по возвращении из Дубравника.

Он встретил Таню не ранее как через две недели на собрании кружка, к которому они оба принадлежали. Около дюжины мужчин и женщин, занимавшихся пропагандой между рабочими, сошлись, чтобы обсудить свои специальные дела. Между присутствовавшими был знаменитый Тарас Костров. Он принадлежал к числу пионеров пропагандистской деятельности в народе, но конспирационные дела давно заставили его отказаться от такой работы. Теперь он появлялся на собраниях, когда время позволяло, и сегодня он пришёл

ненадолго, собственно для того, чтобы повидаться с Шепелевым, одним из постоянных членов этого кружка, с которым ему нужно было о чем-то переговорить.

Хотя комната была полна народа, однако первым бросался в глаза Тарас Костров. Нельзя было не обратить внимания на его гордое, прекрасное лицо, отражавшее сильный ум и безграничную смелость.

Обменявшись дружеским кивком с Костровым, Андрей подошёл поздороваться с Таней, которую он увидел в самом далеком углу погруженной в чтение только что отпечатанной народной книжки.

Андрей не без некоторого опасения отправлялся на это собрание, где, он знал, ему предстояло встретить Таню. Но теперь, когда они очутились лицом к лицу, он почувствовал только тихую радость. Девушка дружески поздоровалась с ним, но скоро снова погрузилась в чтение, которым она, казалось, была сильно заинтересована. Андрей не захотел ее беспокоить. Он протянул через несколько голов руку Лене и уселся.

Еще не все были в сборе, хотя назначен-

ный час уже прошёл. В ожидании собравшиеся развлекались частными разговорами, и комната наполнилась гулом сдерживаемых голосов. Тарас и Шепелев усердно вели свой деловой разговор. Шепелев – бледнолицый молодой человек с длинными волосами и белокурой бородкой, в высоких сапогах и жилетке, застёгнутой доверху, какую обыкновенно носят мастера, – объяснял что-то своему собеседнику. Тарас слушал, рассеянно глядя перед собой. Он мог слушать речь с большим вниманием и в то же время думать о другом – он так хорошо понимал всё с полуслова. В эту минуту его беспокойные мысли были далеко: он думал о новом предложении, которое внесёт на собрании совсем иного характера, куда он должен пойти через полчаса. Он знал очень хорошо, что его предложение вызовет бурю, и уже заранее почувствовал в себе прилив доброты и мягкости. Вот почему его тёмные сверкающие глаза глядели так ласково на собеседника, и тон его случайных возражений был так кроток и мил. Тарас Костров известен был в партии как человек не только очень сильный, но отчасти и власто-

любивый. Он носил, впрочем, бархатную перчатку на своей железной руке. Манеры у него были мягкие и чарующие, и его речи в самом разгаре спора становились «слаще мёда», как выражались его противники.

Когда наконец все собрались, приступили к прениям безо всяких формальностей. Шепелев, закончивший к тому времени свой разговор с Тарасом, оглянулся кругом и, убедившись, что все налицо, приступил к делу. Безо всяких предисловий и околичностей он стал излагать, что было сделано в его районе со времени последнего собрания и что имелось в виду предпринять. Его часто прерывали вопросами и замечаниями, так что собрание походило больше на дружескую беседу, чем на формальное заседание.

Лена должна была говорить после Шепелева, но она отказалась, заметив, что ничего особенного не имеет сообщить о своей группе.

– Послушаем лучше, что нам Таня расскажет, – добавила она. – Она работает на новом месте, и, кажется, не на бесплодном.

– Покамест, должна признаться, мне нечем

похвастать, – сказала Таня.

Однако, насколько выяснилось из расспросов главным образом Тараса и Андрея, виды на будущее были недурные. Очевидно было, что при старании ее участок мог бы сделаться важным центром.

– Отчего бы не прикомандировать на время опытного пропагандиста в Нарвскую часть? – посоветовал Тарас.

Но ему нельзя было дожидаться результата своего предложения. Неумолимая стрелка часов напомнила ему, что он должен уйти. Пожав руку Шепелеву, он торопливо вышел.

– Я совершенно согласна с Тарасом, – сказала Лена. – Положим, все мы заняты, но, по-моему, кому-нибудь из нас не худо было бы оставить старое место, где пропаганда уже пустила корни, и перейти на новое. На первых порах мужчина был бы полезнее женщины.

Она посмотрела на Андрея, и он с досадой и смущением почувствовал, что краснеет под ее взглядом. Его решение не видаться с Таней иначе, как на деловых собраниях, сразу испарилось под взглядом Лены. Теперь он знал, что он, в сущности, пришёл на это собрание с

тайной надеждой: быть может, какое-нибудь случайное обстоятельство сблизит его с Та-ней.

– Шепелев может оставить своё место, – раздался чей-то голос.

Андрей почувствовал себя несчастным. Ему показалось, что его надеждам пришёл конец. Шепелев был один из лучших и наиболее опытных пропагандистов.

– Да, пусть Шепелев идёт в Нарвскую часть, – повторило несколько голосов.

Вопрос, казалось, был решён, но Лена вмешалась.

– Я думаю, – сказала она, – что Андрей гораздо больше подойдёт для этого, чем Шепелев.

Она стала приводить свои доводы, делая характеристику каждого из них с полной откровенностью и беспристрастием. Шепелева она признала хорошим лектором и спорщиком. Рабочие понимали его хорошо и легко поддавались его пропаганде. Но зато, с другой стороны, он не умел заводить новых центров, а также не умел намечать новых людей – он был недостаточно энергичен и предприим-

чив для этого. Кроме того, он трудно знакомился с народом. Андрей в обоих случаях имел преимущество перед ним.

Лена произнесла свою речь в однообразно-деловом тоне, не повышая голоса. Ее голубые глаза останавливались, пока она говорила, то на одном, то на другом кандидате, и спокойное выражение их не менялось, производила ли она похвалу или выражала порицание.

Шепелев слушал очень внимательно хладнокровную критику самого себя, опираясь локтем на спинку своего стула и теребя бороду. Он от времени до времени улыбался резкостям Лены, но, в общем, искренне любовался ее прямоотой.

– Да, я тоже думаю, что вы лучше подойдете, чем я, – обратился он к Андрею, когда Лена закончила. – Можете ли вы без затруднения оставить свою работу?

Теперь, когда то, чего он за минуту так страстно желал, зависело от одного его слова, он вдруг испугался, точно пропасть открылась под его ногами.

– Конечно, может! – сказала Лена, которая

не хуже Андрея знала его работу.

Андрей робко взглянул на Таню, стоявшую около него. Она казалась смущённой и недоумевающей от такого неожиданного предложения. Это задело Андрея за живое. Чего они оба так заботятся о нём? Он находил такое поведение и со стороны Жоржа довольно странным; но от нее он этого не ожидал. Влюблён ли он, нет ли, во всяком случае, он не тряпка и докажет им, что во всем касающемся дела он никогда не будет руководствоваться личными чувствами. И он тотчас же дал свое полное согласие на предложение.

Когда кончились рассуждения о текущих делах, он обратился деловым тоном к Тане с просьбой рассказать некоторые подробности о ее работе, которая теперь касалась их обоих.

Она объяснила кое-что, прибавив, что ее рабочие соберутся в ее квартире сегодня вечером. Самое лучшее для Андрея будет отправиться теперь же к ней и познакомиться с рабочими и самому на месте убедиться, как обстоит дело.

Андрей был свободен в этот вечер, и у него не было основания отказать от такого при-

ятного приглашения. Они тотчас же ушли, и Андрей значительно смягчился по отношению к Тане.

По дороге он спросил, как ее отец отнёсся к их разлуке и часто ли выдается она с ним теперь. Этот разговор сразу поставил их на прежнюю дружескую ногу. Андрей относился с искренним уважением к старому адвокату. Таня это знала, и ей было особенно приятно вспомнить об этом теперь. С Жоржем она почти совсем не касалась своей семейной драмы. Несмотря на свою чувствительность и деликатность, он в некоторых отношениях был дубоват; ее даже иногда злило сознание, что эта сторона ее жизни была почти непонятна ему. С Андреем было иначе, и она почувствовала облегчение, поговорив с ним о вопросе, сильно мучившем ее.

Таня жила не одна. Конспираторы имели в своём распоряжении нескольких пожилых женщин, большей частью бывших прежде в услужении в семьях революционеров. Они исполняли иногда роль квартирных хозяек, если эта обязанность не требовала особой сноровки. Мало кто из них понимал толк в

конспирациях, но на их преданность и верность можно было положиться. Одна из таких женщин, прежняя няня Зины, изображала квартирную хозяйку Тани.

Таня весело показывала Андрею своё новое жилище, не поражавшее роскошью и так мало походившее на ее помещение в отцовском доме. Квартира – самая подходящая по местоположению – была слишком велика для нее. Она состояла из пяти комнат, и из них только на три хватало Таниной мебели. Остальные две комнаты были совершенно пусты и придавали квартире унылый, нежилой вид. Но Таня утверждала, что они делают ее жилище похожим на старинный замок.

Самая большая комната, снабжённая длинным сосновым столом и простыми стульями и скамьями, служила местом собрания рабочих.

Они скоро стали собираться. Их было семь человек, но из предосторожности они разбились на две партии.

Андрей был представлен Таней как друг, намеревающийся поселиться по соседству и принять участие в общих занятиях. Рабочие

радушно приветствовали его и сразу отнеслись как к своему человеку. Но он не хотел вмешиваться в беседу на этот раз, желая приглядеться, как Таня справляется со своими новыми обязанностями.

Он приготовился быть очень снисходительным, но скоро убедился, что об этом не может быть и речи. Таня – эта нежная, светски воспитанная барышня, привыкшая к салонам, – чувствовала себя как дома среди рабочих. Без малейшего усилия, руководимая лишь горячим желанием быть понятой, она употребляла слова и выражения, наиболее доступные ее слушателям. Она вкладывала так много души в свою работу, что почти сливалась в одно со своей аудиторией.

Такое начало подавало большие надежды, хотя, конечно, дело не обходилось и без промахов. Она как будто боялась давать волю собственным порывам. Раза два Андрей уловил в ее словах тёплую, заразительную волну глубокого чувства. Но именно в ту минуту, когда ее собственное волнение передавалось слушателям, она обуздывала себя, подобно робкому наезднику, который не решается до-

вериться горячности своего благородного коня.

Немного больше опыта и практики научат ее. Во всяком случае, задатки у нее прекрасные. Если вначале Андрей старался не быть слишком требовательным, то к концу ему пришлось остерегаться другой крайности — как бы не хвалить через меру.

После чтения начались разговоры. Андрей вмешался и направил беседу так, что дал всем возможность высказаться. Ему хотелось составить себе понятие о своих новых товарищах.

Они распрощались самым дружеским образом, и рабочие взяли с Андрея слово прийти еще раз, как только он переедет в их края.

Таня попросила Андрея остаться еще час другой; ей так хотелось потолковать с ним.

Она переживала медовый месяц своей революционной деятельности. Все было для нее свежо и имело захватывающий интерес. Привычка не успела еще умерить горячности, а опыт еще не научил сдержанности. В свою работу она вносила жар прозелита[43] и женщины.

Первым ее вопросом, когда они остались одни с Андреем, было: как ему понравились ее ученики. По ее мнению, каждый из них имел в себе что-нибудь обещающее или симпатичное. Андрей не совсем разделял ее взгляд. Но он был в таком хорошем настроении в этот вечер, что готов был находить прекрасное во всем.

– Одним словом, я уверен, что через несколько месяцев у нас будет хорошая организация в этой части, – сказал он.

Таня была в восторге от такого блестящего будущего.

– Нам нужно разделить работу для большей успешности, – заметила она. Я беру на себя обучение и предварительную подготовку, а вы займитесь окончательной обработкой.

– Если уже разделение труда необходимо, – сказал Андрей, – то обработку нужно предоставить вам, а я буду подбирать вам людей. Я всегда был того мнения, что в деле пробуждения душ мы, мужчины, должны уступить место женщинам.

Таня с удивлением смотрела на него. Ей трудно было поверить, что он говорит серьез-

но.

– Но я так плохо с ними разговариваю и так мало знаю, – сказала она.

– Конечно, вам придётся много работать самой. Но уверяю вас, что учёность – не главное качество в хорошем пропагандисте. Это ничто в сравнении...

– С чем? – спросила девушка, впиваясь в него глазами.

– В сравнении с умением волновать сердца и зажигать в них ваш собственный энтузиазм. Вам, может быть, хочется знать секрет, как это делать?

– Конечно! – воскликнула Таня. – Вы не должны хранить такой секрет про себя.

– Тайна состоит в том, что нужно все это чувствовать самому.

Таня рассмеялась. Она ожидала чего-то необычайного и в то же время очень практичного. А оказалось – только это!..

– Почему же женщинам такое преимущество перед мужчинами? – спросила она. – Разве вы бессердечные, разве вы лишены энтузиазма?

– Нет. Но есть разница в степенях, и в

этом – вся суть. Я не могу не впадать в лиризм, когда думаю о наших женщинах, а это мне не к лицу. В самом деле, они слишком хороши для нашей матушки-России, по крайней мере для времени, в котором мы живём. – Он замолчал и задумался. – И вы преуспеете в выбранной вами работе, – прибавил он, серьёзно глядя на нее. – У вас все драгоценные качества, необходимые для успеха. Верьте моему слову, потому что я кое-что смыслю в этом. – Он говорил спокойным тоном, но глаза, обращённые к Тане, горели восторгом. Он был так счастлив, что имел случай поднести ей эту скромную похвалу.

Таня вспыхнула от удивления и большого удовольствия, вызванных этими словами.

– Дорого бы я дала, чтобы ваше пророчество оказалось верным! – сказала она и затем прибавила: – Когда же вы перебираетесь в нашу часть?

– Через несколько дней. Но я могу начать работу хоть с завтрашнего дня. Два часа расстояния не бог весть что.

– Очень хорошо. Значит, я буду ждать вас завтра вечером, – сказала Таня, крепко пожав

ему руку на прощание.

Андрей вернулся домой счастливым человеком. Он наслаждался воспоминаниями проведённого вечера и уверенностью, что завтра же опять увидит Таню. В новой и высшей фазе ее жизни она преобразилась в его глазах и казалась окружённой ореолом. Лучшие стороны ее души, о которых он прежде только догадывался, теперь выступили в полном блеске. Как быстро она выросла! Такие чудеса, думал он, происходят только с девушками. Он оставил ее ребёнком. Теперь она женщина, но с чистотой детской души. Он чувствовал, что любит ее сильнее, чем когда-либо, но прежние опасения окончательно исчезли. Его решение избегать Таню показалось ему совершенной нелепостью. Он не ожидал и не искал взаимности в ответ на свою любовь. Зачем же в таком случае избегать девушку, с которой у него так много общего? Они так хорошо работали вместе в этот вечер и смогут точно так же продолжать свою работу в будущем, невзирая на то, любит ли он ее или нет. Только в старых романах любовь составляет главный интерес в жизни. Он же сумеет жить

высшими идеалами.

Глава IX

За общей работой

Андрею не раз пришлось порадоваться за своё смелое решение. В продолжение целого месяца после переезда в Нарвскую часть он изведal такое счастье, что выше его могли бы стоять только восторги взаимной любви: счастье совместной работы с любимой женщиной в деле, которому оба отдавали лучшую часть своей души.

Самые ничтожные мелочи ежедневной жизни получали в его глазах новое значение и прелесть. Небольшие успехи, достигнутые в пропаганде, казались ему настоящими триумфами и наполняли все его существо глубокой радостью. И в самом деле, его работа шла успешнее обыкновенного. У него внезапно обострилось понимание людей, и он стал гораздо красноречивее. Согретый собственным чувством, он относился задушевнее к людям вообще.

Большую часть своего времени он прово-

дил вне дома. Двадцати четырёх часов в сутки ему не хватило бы на всю работу, которую он взвалил себе на плечи. Через Таниных рабочих его сношения на фабриках с их товарищами значительно расширились. Из этих новых знакомых и последователей он выбирал наиболее надёжных и приводил их на собрания. Так как одно присутствие на этих собраниях было сопряжено для рабочих с таким же риском, как если бы они участвовали в убийстве или поджоге, то новые члены кружка выбирались лишь с полного согласия и одобрения всех остальных. Андрей и Таня следовали этому благоразумному правилу, хотя Андрей вскоре приобрёл такую популярность, что, в сущности, его голос был всегда решающим. Умный и образованный человек среди полуграмотных крестьян и ремесленников является всемогущим, если только внушит к себе доверие с их стороны.

Число последователей росло очень быстро. Пришлось организовать новый центр в том же участке, так как многим собираться в одном и том же доме было рискованно. Первоначальный посев начинал пускать ростки.

Конечно, дело было все-таки небольшое: пропагандисты группировали вокруг себя только выдающихся рабочих и сносились с маленькими кружками, которым было безопаснее собираться на частных квартирах.

Но именно в таких небольших кружках и вырабатываются искренние, беззаветно преданные делу борцы. В дружеской беседе с глазу на глаз – вот когда человеческая речь глубже всего западает в душу. Их пропаганда, несмотря на ограниченную сферу, была очень плодотворна. Они не только излагали своим слушателям известное учение: они вдохновляли их теми же чувствами, какими были проникнуты сами.

Доля Тани в этом общем труде была такая же, как и ее старшего товарища и руководителя. В своём стремлении выдвинуть ее вперёд Андрей строго придерживался их программы в разделении труда. Он взял на себя заводить новые сношения, открывать новые центры и выбирать новых людей. Но на собраниях у Тани он лучшую часть работы предоставлял ей.

Благодаря постоянному поощрению со стороны Андрея Таня отделалась от того, что так

часто парализует умственную деятельность женщины, когда она работает вместе с мужчиной: чувство слабости и недоверия к самой себе исчезло в ней. И, раз освободившись от этого чувства, она быстро развивалась и делала большие успехи в пропаганде. По утрам она сидела дома, читая и усердно приготавливаясь к своей любимой работе. По вечерам, когда у нее не было своего собрания, она по приглашению ходила на чтения своих товарищей по пропаганде: они скоро оценили ее.

Успехи Тани бесконечно радовали Андрея. Его чувства к ней незаметно становились все глубже и глубже. Каждый день он находил в ней новые привлекательные черты. Ему казалось, что Таня всегда вкладывала своё собственное нечто, придававшее особую свежесть и необыкновенное изящество всему, что бы она ни делала. В свою любовь к народу она вносила столько искренности и горячности, а в ее спокойном и простом отношении к опасностям, окружавшим ее со всех сторон, и в ее равнодушии к ожидавшей ее участи было столько прекрасного и трогательного. Все это он часто видел раньше и в других девуш-

ках, но теперь оно приобрело для него новый смысл и новое очарование. Так иногда, стоя в благоговейном созерцании перед картиною великого художника, мы открываем в ней бесконечные красоты, прежде ускользавшие от нас.

По временам тайный ужас охватывал сердце Андрея: он чувствовал, что начинает любить Таню слишком глубоко. Но такие моменты случались редко и продолжались недолго. Вообще внутри его царило удивительно приятное спокойствие, заглушавшее даже его ревность.

С Жоржем он редко видался. Молодой поэт опять был очень занят, а Андрей не часто появлялся в городе. В последнее время Жорж перестал преследовать его своим меланхолическим взглядом, и благодаря этому их отношения улучшились, хотя старая дружба, конечно, не возобновилась. Оба испытывали какую-то неловкость. Андрей сваливал всю вину на Жоржа. Если он дорожит его дружбой, то пусть первый и объяснится чистосердечно. Любовь Тани к Жоржу не возбуждала зависти в Андрее. Их совместная работа установила

между ними такую прочную связь, что казалось, ничто не порвёт ее. Вкусы Тани такие же скромные и незатейливые, как у Андрея, и высшая политика, в которой вращается Жорж, вряд ли когда-нибудь увлечёт ее: выйдет ли она замуж или нет – она никогда не бросит теперешней своей работы. Что бы там ни случилось, он был уверен, что в духовной жизни Тани ему всегда достанется лучшая доля. Это сознание даже располагало его к великодушию.

Каждый раз, когда ему случалось быть наедине с Жоржем, он ожидал объяснения. Но Жорж, очевидно, избегал этого жгучего вопроса и оставлял своего друга в мучительном выжидании.

Андрей знал, что он мог бы выяснить все, поговорив с самой Таней; при их дружбе такой разговор был возможен. Но каждый раз, когда вопрос готов был сорваться с его уст, какой-то неопределённый страх удерживал его, – страх, как ему казалось, оскорбить ее своей нескромностью. Он предпочитал не думать о ее любви к Жоржу. Настоящее было так восхитительно, что не следовало его пор-

тить опасениями за будущее, и когда такого рода мысли приходили ему в голову, он просто отгонял их, как отгоняют птиц с любимого посева.

Одно его огорчало: ему мало было того времени, что он проводил в обществе Тани. Расставаться с нею хотя бы на один час ему было тяжело. Но сама работа налагала часто такое лишение, и он покорялся, стараясь потом наверстать свое время. К общему делу он, конечно, не ревновал ее.

Он был доволен и счастлив. Он твёрдо верил, что их теперешние отношения могут продолжаться бесконечно, пока одно обстоятельство не показало ему, что здание, которое он считал непоколебимым как камень, разваливалось, как карточный домик, от одного прикосновения.

Глава X

Кризис

Однажды вечером Андрей и Таня сидели одни на ее квартире. Было довольно поздно, и в доме все погрузилось уже в первый глубокий сон. Они вернулись полчаса тому назад с очень успешного собрания у одного из товарищей. Вечер был необыкновенно удачный. Таня читала очень трогательный рассказ из народной жизни. Под впечатлением этого рассказа она одушевилась и говорила необыкновенно хорошо. Теперь она вернулась домой в самом приятном настроении. Андрей, по обыкновению, провожал ее. Он тоже был в хорошем расположении духа и не мог устоять против желания зайти на полчаса под предлогом, что недурно было бы выпить чаю после таких продолжительных рассуждений.

У Тани был с собою ключ от квартиры. Ее квартирная хозяйка уже спала. Чтобы не беспокоить ее, они решили сами позаботиться о чае. С большими хлопотами и смехом им уда-

лось поставить самовар и опустошить шкаф с провизией, причём Таня осторожно вытащила ключи у хозяйки из-под изголовья: старушка всегда прятала их на ночь под подушку.

Когда всё оказалось на столе, оба вдруг сделали открытие, что они очень голодны. Они с удовольствием поужинали и весело разговаривали.

Андрей коснулся прочитанного рассказа.

– Нужно рекомендовать эту книжку нашим друзьям, – сказал он. – Сколько помню, ни одна так сильно не действовала на рабочих. Необходимо внести ее в обиходный список нашей литературы.

Таня согласилась и обещала взять книжку с собой в первый же раз, как пойдёт к Лене.

– Но, может быть, не конь, а наездник выиграл приз, – сказал с улыбкой Андрей. – Я надеюсь, что после вашего сегодняшнего успеха вы не станете более сомневаться в ваших способностях и блестящем будущем как пропагандистки среди рабочих.

– Да, я надеюсь сделать кое-что в этом направлении, – сказала Таня, счастливая, как

жаворонок, расправляющий молодые крылья при первом полёте. – Теперь я одного боюсь: привыкну обращаться с рабочими и, пожалуй, разучусь разговаривать с интеллигентами.

– Разве вы много от этого потеряете? – ласково заметил Андрей.

– Конечно, в особенности теперь! – с живостью воскликнула Таня.

– Почему? – осведомился Андрей.

Слова девушки несколько резанули его слух.

– А потому, что я хочу испытать свои силы и на этом поприще. Мне так хочется заварить кашу среди моих старых приятельниц. Жорж сказал вчера, что мы едем в Москву недели через две.

Сердце у Андрея похолодело. В сущности, Таня не сообщила ему ничего нового. Он, конечно, не забыл о предстоявшей ей поездке в Москву с Жоржем. Он не мог этого забыть, если бы даже хотел, – это была одна из зловреднейших птиц, посещавших его ниву, и спугивать ее было нелегко. Он был приготовлен к этому известию, но не ожидал, чтобы она так

радовалась перспективе расстаться с ним и с работой, к которой, он полагал, она так привязана. Больше всего его огорчил тон, в каком она говорила.

Он устремил печальный взгляд на прекрасное, счастливое лицо, тщетно стараясь найти в нем что-нибудь более соответственное его собственным чувствам.

– Вам очень хочется в Москву? – спросил он упавшим голосом.

Таня ничего не сказала в ответ. С закрытыми глазами и сияющей улыбкой на устах она только несколько раз утвердительно кивнула. Ее покрасневшее лицо как будто досказывало остальное. Она расставалась с ним без сожаления, как с чужим! Он ничего не значил для нее, между тем как она была всем для него. Она удовлетворялась его обществом за неимением лучшего. Как только он исчезнет с ее горизонта, она забудет о его существовании.

Губы Андрея побледнели.

– Я хорошо понимаю, что вас должна очень радовать поездка в Москву, – сказал он медленным, спокойным голосом, хотя внутри

у него все кипело от злобы. – Такая скука – вечно повторять одно и то же кучке простых рабочих. То ли дело одерживать победы среди интеллигенции, которая вас будет воспевать и распространять вашу славу во все концы!

Девушка была поражена таким оскорбительным обвинением. Так ли она его поняла? Но, подняв на него широко раскрытые, изумлённые глаза, она едва узнала его холодное, суровое лицо, до того всегда дружеское и ласковое.

– Неужели вы считаете меня такой легкомысленной? – проговорила она. Голос ее дрогнул. Слезы сверкнули в глазах.

При виде ее слез жгучее чувство раскаяния охватило Андрея. Он готов был броситься к ее ногам и умолять о прощении за первое огорчение, причинённое ей. Но какой-то злой дух овладел им и наполнил его слова желчью и ядом.

– Как же мне иначе к вам относиться! – продолжал он с запальчивостью. – Вы сами заявляете, что горите нетерпением бросить дело, по вашим же словам, такое вам дорогое; когда перспектива блистать в привилегиро-

ванной среде, между светскими пустомелями, кружит вам голову. Когда... – Он не мог продолжать и, схватив шляпу, выбежал не попрощавшись.

С этого вечера всё омрачилось. Они кое-как помирились на следующее утро, но примирение ничего не поправило. Самая основа их дружбы была подорвана. Андрей больше не верил в существование той нравственной связи между ними, на которую он до сих пор возлагал так много надежд.

Когда вспышка прошла, он сознался, что преувеличил, допустивши, что Таня к нему совершенно равнодушна. Он соглашался, что она, пожалуй, сохранила к нему тепловатое чувство дружбы. Но это было хуже, чем ничего. Он жаждал всего, и то малое, что ему выпало на долю, только напоминало о том, чего ему недоставало. О ревности к Жоржу не могло быть и речи. Жорж или кто другой – не все ли ему равно? Он ревновал ко всему – ко времени, к мыслям, которых она не делила с ним. Эта нового рода ревность совершенно уничтожила старое чувство, как сильная боль заставляет нас забывать про более слабую.

Очаровательная и опасная интимность их отношений сильно разожгла любовь Андрея незаметно для него самого. Теперь все прорвалось наружу, наполняя его сердце, зажигая в нем кровь. Он не мог существовать без нее, потому что в ее отсутствие он терзался мыслями о ней. Спасаться бегством теперь было поздно. Он считал часы и минуты, когда опять представится малейшая возможность снова ее увидеть. Но как только он добивался этого счастья, воспоминания его обид подымались из самых недр его души, поглощая всё хорошее и доброе в его чувствах к девушке. Самое удовольствие от ее присутствия отравлялось для него. Прежняя глубокая радость уступок и подчинения милому существу исчезла. Он чувствовал себя униженным такой зависимостью и возмущался против ее власти, способной сделать его счастливым или несчастным по произволу. Внутренняя борьба поддерживала в нем постоянное раздражение. Он сделался сварливым и придирчивым, вечно ссорился и спорил с Таней, и ему не стыдно было пользоваться своим преимуществом в диалектической ловкости, что-

бы тем сильнее мучить ее.

Таня переносила его первые нападки молча, не защищаясь: они слишком сильно ее задевали. Но скоро она изверилась в справедливости Андрея и стала возмущаться его ни на чем не основанным вспышкам. Взаимное понимание, установившееся между ними за эти несколько месяцев дружеских отношений, исчезло в несколько дней. Оставаясь один, вне мучивших его впечатлений, Андрей с ужасом сознавал, как быстро росло их отчуждение. Он старался вернуть потерянное, являясь с повинной. И тотчас же начиналось повторение старого.

Таня мучилась не менее Андрея. Раз утром, придя неожиданно, он застал ее с заплаканными глазами. Он почувствовал себя величайшим преступником и готов был покаяться во всем. Но с первых же слов Таня отнеслась к нему так недружелюбно, что они рассорились хуже, чем когда-либо.

Они катились вниз по крутой наклонной плоскости и вынуждены были докатиться до конца, не имея возможности остановиться.

Близился полный, неотвратимый разрыв.

Андрей желал, чтобы это случилось поскорее и положило бы предел невыносимому положению. Силою обстоятельств он принуждён был бы расстаться с нею, чего он не в состоянии был сделать по собственной инициативе. И все-таки он страшился удара и делал неловкие усилия отдалить грозивший момент.

Он принял наконец решение не видаться с ней вне их общих занятий. Пятницу он стически провёл у себя дома. Это был лучший день в неделе для Андрея, потому что не было никаких собраний, и он обыкновенно уходил с Таней в город, или читал, либо разговаривал с ней у нее на квартире. Теперь же он решил не бывать у нее совсем. Но ему это стоило таких усилий, что на следующий же день он пришёл гораздо раньше под предлогом, что ему заранее нужно поговорить о предстоявшем собрании.

Они обсудили дело в пять минут, и ему больше не о чем было говорить. В первый раз со времени их знакомства он затруднялся в сюжете для разговора с Таней. Он пожалел, что нарушил своё решение и явился так рано только для того, чтобы разыгрывать из себя

глупца. Он сразу пришёл в раздражительное настроение.

– Давно ли вы видались с Лизой? – спросил он, чтобы как-нибудь наполнить неприятную паузу. Он сделал это без умысла, но более неприятной темы нельзя было выдумать.

Лиза была светская барышня, кузина Тани. Андрей знал ее немного и недолго любил. Кроме того, ее имя напоминало об этой несчастной поездке в Москву. Таня по приезде туда намеревалась остановиться в доме Лизы.

– Я не видалась с нею с прошлой зимы, когда она навестила нас в Петербурге, – ответила Таня коротко и серьёзно. У Тани в руках было шитье, и она усердно работала, повернувшись в профиль к Андрею.

Снова наступило молчание – натянутое, мучительное молчание, тревожно действовавшее на нервы, как подавляющее спокойствие перед бурей.

Чтобы нарушить эту невыносимую напряжённость, Таня попробовала заговорить об их общей работе, доставлявшей им прежде такой неистощимый запас для обмена мыслей

и чувств.

Но Андрей не поддался на удочку: он не для этого пришёл. Потом, когда Таня нервозно возобновила свои попытки, он разозлился, что она заводит речь о том, что, в сущности, так мало ее занимает.

Он резко переменял разговор, повернув его на более подходящие к случаю предметы – на ее московские планы и знакомства, – и выказал глубокий, хотя и недружелюбный интерес. Таня отвечала, не подымая головы от шитья. Но ее пальцы дрожали, и иголка часто попадала вкривь и вкось. Она знала очень хорошо, что на этот раз Андрей заговорил о ее поездке с целью задеть. Но она дала себе слово не выходить из себя и не ссориться с Андреем до последней крайности. Через три дня она уезжает с Жоржем, а по возвращении поселится в другом участке, и ей не хотелось расставаться враждебно с Андреем.

Но ее хладнокровие, вместо того чтобы успокоить Андрея, довело его до крайнего раздражения и отчаяния. Оно доказывало ему, что он стал для нее так безразличен, что никакие его придирки не могут затронуть ее.

Ему ничего не оставалось, кроме жестокого удовольствия – узнать, докуда доходит ее равнодушие к нему. Он стал осмеивать ее излюбленные планы, издеваться над ее московскими друзьями и кончил тем, что сказал, что, по его наблюдениям, революционеры из аристократии только на время драпируются в демократический плащ: так или иначе, старое обличье скажется в них, и чем скорее, тем лучше.

Этого Таня не могла перенести. Она вскопчила возмущённая, негодующая.

– Послушайте, Андрей!.. – начала она голосом, дрожавшим от гнева.

Андрей тоже встал, бледный, опираясь правой рукой на стол. Злой дух, владевший им до того, исчез. Он ждал этого момента, напрашивался на него, страшился его – и вот он наступил, и Андрей готовился принять удар.

Маленькая керосиновая лампа, висевшая на стене, освещала его склонённую голову и хмурые брови. Он был мрачен и подавлен.

– Андрей, – продолжала девушка, внезапно смягчившись, – объясните, почему вы с некоторых пор так изменились ко мне? Если вы

находите во мне недостатки, почему вы не скажете чистосердечно, по-братски, как вы делали прежде? Если же не можете, то к чему нам терзать друг друга? Не лучше ли мирно расстаться и каждому идти своей дорогой?

Она не сердилась больше – ей стало грустно. Голос ее звучал мягко и ласково. Но Андрей еще более побледнел.

– Если б я только мог расстаться с вами, Таня! Лучше было бы никогда с вами не встречаться, – сказал он едва слышно.

– Почему? Разве я причинила вам... – Она остановилась. Внезапное предчувствие чего-то большого заговорило в ней.

– Разве у вас глаз нет? – почти резко произнёс Андрей. – Разве вы не понимаете, что я люблю вас до сумасшествия?

Он поднял на нее глаза и весь проникся на минуту изумлением, перешедшим в восторженную, дух захватывающую радость. Не ошибся ли он?.. Ее лицо просветлело. Она протянула к нему руки, шагнула вперед и, бросившись к нему на шею, залилась слезами счастья.

– Таня, моя дорогая! Возможно ли это? Ты

меня любишь? – спрашивал он дрожащим голосом.

Она только крепче прижималась к нему.

– Сколько горя ты мне причинил, – прошептала она.

– Прости меня. Я сам страдал невыносимо. Но теперь все это кончилось. Мы будем счастливы с тобой! – воскликнул он торжествующим голосом. – Сами боги позавидуют нам!

Он усадил ее на стул и опустился на колени перед ней, покрывая поцелуями холодные руки и зардевшееся сконфуженное лицо. Он рассказал ей подробно о поглощавшей его страсти и спросил, как это случилось, что она полюбила его. Он требовал фактов, доказательств, чтобы вполне убедиться в своем счастье, свалившемся на него с небес.

– Я думал, ты любишь Жоржа, – сказал он с улыбкой смущения и в то же время гордости.

– Жорж – лучший из людей, гораздо лучше тебя, – сказала она, сильно прижимая пальцем его лоб. – Но с того вечера, когда ты в первый раз заговорил со мною в нашем доме – помнишь? – ты овладел моим сердцем. И это чувство росло и росло... Не знаю сама почему.

Должно быть, в наказание за грехи моих праотцев! – прибавила она с улыбкой, устремив на него долгий любящий взгляд.

Звук колокольчика у входной двери призвал их к действительности. Первая партия рабочих явилась на собрание.

Таня встретила их по обыкновению, и вечер прошёл так же спокойно, как и всегда. Только она была особенно красива в этот вечер, как бы озарённая торжеством счастья. Но Андрей не мог подавить кипучих восторгов в своём сердце. Даже пример Тани не помог ему совладать с собою. Он попрощался со всеми и торопливо вышел.

На дворе стоял жестокий мороз. Зима покрывала белым саваном землю, деревья, дома. Но Андрей не чувствовал холода и ничего не замечал вокруг себя. В его сердце кипел источник жизни, разливавший румянец по щекам. Кровь быстрее бежала по его жилам, и он всё шёл, окутанный темнотой ранней северной ночи.

Это не сон, это правда, она в самом деле его любит! Ее руки покоились вот тут, вокруг его шеи, – он чувствовал еще их прикосновение.

Ее первый робкий поцелуй горел на его устах. Эта ослепляющая красота, это глубокое сердце, сокровищницы которого он один так хорошо знал, принадлежали ему всецело, ему одному и навсегда! Весь мир вокруг, люди, он сам – всё казалось ему изменившимся, обновлённым, и из глубины его потрясённой души подымался хвалебный гимн отвлечённому, безликому божеству их общего поклонения; оно теперь стало живым существом, с которым можно говорить и которое услышит его горячие обеты. Он знал, что любимая им девушка не взглянула бы даже на него, если бы не его преданность великому делу, которому они оба посвятили свою жизнь.

Его мысли обратились к Жоржу, и сердце его наполнилось раскаянием и нежностью. Как он был с ним резок, как грубо относился к его неизменной ласке и доброте! Да, он должен прямо идти к нему, объяснить все начистоту и сказать: «Брат, я грешен перед небом и тобою!»

Жорж был дома и сидел, зарывшись в свои книги и рукописи. Увидев лицо Андрея, он тотчас же догадался, зачем тот пришёл. Ка-

залось, он давно был приготовлен к этому. Жорж с первых же слов прекратил запутанное и смущённое признание Андрея и, пожав ему руку, пожелал счастья. Ни тени ревности нельзя было подметить в его больших голубых глазах, устремлённых на счастливого соперника. Андрей нисколько не удивился, но ему показалось очень странным, что Жорж принял его объяснение как нечто само собою известное.

– Я давно знал, что она любит тебя, – спокойно заметил Жорж.

– Ты знал? Каким же образом? – удивился Андрей.

– Наипростейшим образом: она сама мне об этом сказала... раз как-то... – Он остановился на минуту, как бы погружившись в воспоминания. – Вот почему, – продолжал он, – я был нем как рыба. Иначе я бы сказал.

– Сказал? Кому?

– Тебе, конечно! Кому же другому?

– Жорж, умоляю тебя, не договаривай до конца, если не желаешь окончательно подавить меня своими чрезмерными добродетелями, – попросил Андрей, стараясь под шуточ-

ным тоном скрыть свое смущение.

Жорж пожал плечами.

– Какие тут добродетели! Простая последовательность моих добрых чувств к вам обоим. Разве ты на моём месте поступил бы иначе? – спросил он, поглядывая на своего друга с напускным простосердечием.

Андрей весь вспыхнул от стыда. Он знал, что не мог бы поступить, как Жорж, и ему было неприятно сознаться в этом.

Видя, как хорошо он попал в цель, Жорж залился таким весёлым, добрым смехом, что Андрей почувствовал облегчение и тоже рассмеялся.

Затем Жорж спросил серьёзным тоном:

– Надеюсь, ты не приревнуешь ко мне за то, что я еду с Таней в Москву?

– Нет, я еще не унизился до такого рода ревности и, надеюсь, никогда не унижусь! – воскликнул Андрей улыбаясь. – Не считай меня хуже, чем я на самом деле.

Глава XI

Передышка

Таня обещала вернуться очень скоро и сдержала слово. Через две недели Андрей встречал ее на вокзале. Вскоре после того они поженились. Для этого не понадобилось, конечно, вмешательства попа или полицейского. Они просто объявили о своём браке близким друзьям.

Их новые отношения не изменили внешней стороны их жизни. Они возобновили прежнюю работу, хотя для этого им пришлось поселиться на другом конце города, так как старый участок стал для них небезопасен. В одном из переулков Кронверкского проспекта они нашли маленькую квартирку из двух комнат и кухни, в которой Таня сама стряпала.

Комнаты были малы, с низкими потолками и плохо меблированы, маленькие окна почти всегда были покрыты матовым слоем инея. Мороз был еще во всей силе, хотя чувствовалось приближение весны. В солнечный

день они могли любоваться видом безобразных серых домов через улицу. Ничего поэтического или живописного не было в этом жилище; в своей наготе оно казалось почти мрачным. И однако, оно было для них земным раем – если только позволительно так выражаться, говоря трезвым языком современного человечества.

Первые захватывающие восторги счастья скоро прошли. Они не гармонировали ни с их образом жизни, ни с тем, что творилось вокруг. Но они уступили место более спокойному и более высокому счастью – общности мыслей и чувств и той бесконечной прелести взаимного изучения, которое у влюблённых начинается только после брака.

Они были так глубоко и бесконечно счастливы, как только могли это когда-либо вообразить.

Правда, одного важного элемента для полного счастья не существовало для них. Они даже не обманывали себя иллюзиями насчёт его продолжительности. Наступила короткая передышка – и они это знали. Дамоклов меч [44] беспрерывно висел над их головами. Каж-

дый день, каждый их час мог оказаться последним. Опасности, постоянно окружающие революционера, несколько раз подходили к ним очень близко, как бы нашептывая: «Memento mori»[45] то Андрею, то Тане, то обоим вместе.

Но они не роптали. Опасности, сопровождавшие их жизненный путь, были в то же время светочами их любви. Что они больше всего ценили и любили друг в друге – была именно эта безграничная преданность родине, эта готовность каждую минуту пожертвовать всем ради нее. Они и любили друг друга беззаветной любовью, полной юного энтузиазма и веры, потому только, что находили друг в друге олицетворение высокого идеала, к которому стремились. Так как верность самим себе, своим идеалам и самой их взаимной любви налагала на них жизнь, полную опасностей, они не отступали. Пусть свершится неотвратимое: они не потупят глаз, что бы ни случилось.

У них не было болезненной жажды самоистребления; они оба были слишком полны бодрости и здоровья, и жизнь теперь пред-

ставляла для них столько прелести. Но и страха они не знали. Мрачное будущее не портило красоты настоящего. Оно придавало лишь большую цену каждому часу, каждой минуте, проведённым вместе.

Однажды утром – в начале весны – Андрей попросил Таню прочесть ему вслух какую-то статью из новой книжки журнала, взятого у Репина, у которого они провели вечер накануне. Они очень любили читать вместе и потом обсуждать прочитанное. Но сегодня Таня отказалась читать. Лицо ее подёрнулось печалью чуть ли не в первый раз за четыре месяца их совместной жизни.

– Что с тобой, родная? – озабоченно спросил Андрей. – У тебя такой серьёзный и торжественный вид.

Таня не могла в точности объяснить, что с нею. Ничего особенного, просто угнетённое состояние духа.

Она сидела у стола. Андрей расположился на полу у ее ног – его обычная поза, когда они беседовали вдвоём.

– Скажи, о чём ты думаешь, и я постараюсь догадаться, что тебя угнетает.

– Не стоит думать об этих пустяках. Я немного расстроена – вот и всё. Пройдёт само собой.

– Но я хочу знать, чем ты расстроена. Не я ли причиной? Если да, то ты напрасно огорчаешься, потому что лучшего мужа днём с огнём не найдёшь.

– Шутки в сторону, – сказала Таня, и под влиянием слов Андрея ее грустное настроение приняло определённую форму. – Теперь-то мы счастливы, – продолжала она, – но кто знает, на радость или на горе мы с тобой сошлись?

– Всякий поп, если мы позволим ему вмешаться в наши дела, скажет, что на радость и на горе, – отвечал Андрей. – Но откуда у тебя эти вопросы? Я ничего подобного еще не слышал от тебя. Уж не жалеешь ли ты, что вышла за меня замуж?

– Нет, я не о себе говорю, – сказала она, проводя рукой по густым волосам Андрея. – Но, может быть, ты когда-нибудь пожалеешь об этом. Я часто слышала, что революционеры портятся, когда женятся.

– Так вот что тебя беспокоит! Страх за мою

чистоту и беспорочность?

Но он не мог продолжать в том же тоне. Ее глубокие тёмные глаза смотрели на него с выражением трогательной грусти. Горячая волна благодарности и любви поднялась в его сердце, когда он заглянул в эти дорогие ему глаза, упиваясь их ласкающим мягким светом.

– Дорогая моя, ты сделала из меня другого, лучшего человека! Ты открыла в моей душе такие источники энтузиазма, преданности и веры в людей, каких я не подозревал за собою. Тебе ли так рассуждать после этого?

– Разве? – недоверчиво проговорила она, продолжая гладить его волосы.

– Ах, если б я мог тебе объяснить! Знаешь, когда я был мальчиком, я был очень религиозен. Потом мне часто приходилось слышать, что только религия даёт самые высокие, чистые настроения души. Но когда я с тобою и твоя рука покоится на моей голове или когда наедине я начинаю думать о тебе, я испытываю ту же сладость смирения, то же стремление к поклонению, ту же страстную потребность нравственной чистоты и самопожерт-

вованья, как и в былые времена религиозного детства. Я рад тогда сознаться в моих недостатках и слабостях, и я страстно желаю очиститься от них, чтобы без страха предстать потом перед тобою...

Таня слушала серьёзно, сперва удивлённая, потом увлеклась, поддаваясь обаянию его страстной речи. Но при последних словах она протянула руки, точно этим движением она отстраняла настоящий фимиам[46].

– Андрей, прошу тебя, не говори так со мной. Я перестану верить в твою любовь, если ты будешь меня так превозносить. Я знаю, что во мне нет ничего особенного, и хотела бы, чтобы ты оценил меня по достоинству.

Андрей со спокойной улыбкой выслушал маленькое наставление. Он осторожно взял ее за руку и поцеловал один за другим пальцы.

– Дитя! – произнёс он наконец. – Кто тебе сказал, что я тебя считаю исключительной натурой? Нет, дорогая, я уже не мальчик. Я знаю, что мы с тобой – обыкновенные смертные. Я не фантазирую на твой счёт – я люблю тебя. Но разве любят только исключительное

и необыкновенное? Какое печальное зрелище представляла бы вселенная, если бы оно было так на самом деле! Я знаю, что между нашими товарищами есть женщины, такие же хорошие и преданные делу, как ты. Но мне-то что до этого? Иногда я вижу солнце и чувствую теплоту его лучей, но преспокойно занимаюсь своим делом или отдыхаю – как придётся. Но завтра я увижу то же солнце, быть может, менее яркое и прекрасное, чем накануне, только облака вокруг него сложились в другой форме, цвета сгруппировались иначе, – и вот я стою перед ним, погруженный в созерцание, и оторвать не могу глаз. Я не знаю, да и не хочу знать, за что я тебя люблю...

– А я знаю теперь, – прервала его со смехом Таня, – и сейчас тебе объясню. У тебя очень скромные вкусы. Я уверена, что ты способен приходить в восторг от солнца, когда оно так покрыто облаками, что скорее похоже на круглое масляное пятно в бумажном фонаре... О вкусах не спорят, и я согласна быть твоим солнцем на этих условиях.

Она развеселилась и радостно улыбалась.

Но ее глаза всё еще отражали более глубокое, захватывающее чувство, вылившееся в долгом, долгом взгляде. Как он любил эти карие, глубоко прозрачной чистоты глаза с их меняющимся выражением! Как он любил этот взгляд, всегда заставлявший трепетать его сердце от счастья!

– Радость моя! – воскликнул он взволнованным голосом, поднимая своё лицо к ней. – Скажи, чем я заслужил такое счастье? Какое право имею я быть счастливым, когда вокруг так много горя и страданий? Я часто спрашиваю самого себя, что такое я сделал, чтобы заслужить твою любовь, и как отплатить за нее?

Она закрыла ему рот рукой. Ее удивительные глаза изменили своё выражение; их таинственная глубина как бы подёрнулась завесой, и дрожавшие на дне ее огоньки потухли. Они смотрели спокойно и серьёзно.

– Нельзя так безумствовать, – сказала она. – Любовь женщины – не награда. Это свободный и обоюдный дар.

Ее выговор немного отрезвил Андрея, но только на минуту.

– Ты права; ты всегда права, моя дорогая. Но тем более должен я быть тебе благодарен. Я бы воспевал тебя в песнях, как это делали старинные трубадуры, если бы только умел сочинять такие песни.

– Мой трубадур, – сказала она улыбаясь, – что бы сказали наши революционеры, если бы они услышали, что Андрей Кожухов – непреклонный, суровый Кожухов – предаётся таким излипаниям?

– Что ж, они бы только больше уверовали в меня, если знают толк в людях, – с живостью отвечал Андрей. – Поверь мне, только прирождённый трус боится, что в решительный момент его жизни любовь к женщине может парализовать его силы. Они найдут меня готовым, когда мой час пробьёт. И ты, моя ненаглядная, не правда ли, ты скажешь, как та дева-черкешенка: «Мой милый, смелее вверяйся ты року...»[47]

– Постараюсь, – ответила она с бледной улыбкой, любуясь поднятым к ней счастливым и смелым лицом Андрея.

Никогда еще он не был ей так дорог, никогда еще она так не гордилась его любовью. Но

возможность потерять его – эта возможность, которую она до сих пор допускала, не веря в нее, – теперь предстала в ее уме во всей страшной реальности.

С нервным порывом, противоречившим ее словам, она обвила руками его шею и крепко прижала к груди его голову, которая теперь была ей дороже всего на свете.

Громкий звонок, сопровождаемый двумя более слабыми, наполнил нестройными звуками их маленькую квартиру. Звонок этот означал приход друзей. Однако оба вздрогнули и посмотрели друг другу в лицо.

Андрей быстро поднялся и пошёл отворять двери.

Таня, оставшаяся на своём месте, сначала услышала радостное восклицание Андрея при виде неожиданного друга, но это приветствие замерло, как брошенный в топкое болото камень. Затем раздался быстрый подавленный шёпот нескольких голосов, сменившийся зловещим молчанием. Андрей вернулся в комнату в сопровождении Жоржа и молодого человека, ей незнакомого. Андрей был бледен. У двух других был серьёзный и грустный вид.

– Что случилось?! – воскликнула с тревогой Таня, поднимаясь к ним навстречу.

– Большая беда, – сказал Андрей. – Зина и Василий арестованы после упорного сопротивления. Оба будут приговорены к смерти через несколько недель. Вулич убита во время сопротивления.

Он опустился на стул и провёл рукой по лбу. Оба гостя тоже сели. Незнакомец очутился против Тани, и их глаза встретились.

– Ватажко, – отрекомендовался он сам. – Я только что из Дубравника с этим известием и со специальным поручением к Андрею.

– Когда это случилось? – спросила она.

– Три дня тому назад, – отвечал Ватажко. – Полиция старалась держать всё дело в тайне, но это невозможно. Завтра известие появится во всех газетах. Весь город уже говорит об этом.

Он стал излагать вполголоса подробности катастрофы. Но по мере своего рассказа он все более и более воодушевлялся и когда дошёл до описания перестрелки с полицией, то пришёл в настоящий экстаз. Действительно, самозащита была геройская.

В глухую полночь полиция старалась тайком войти в квартиру, занимаемую Зиной и Василием. Они отвинтили петли от наружных дверей и думали застать всех врасплох, в постели. Оно так бы и вышло, если бы, на счастье, Вулич не зачиталась поздно у себя в комнате. Она услышала подозрительный шум и, увидав входивших жандармов, выстрелила, когда они меньше всего этого ожидали. Несколькими выстрелами она заставила их отступить на лестницу и в продолжение двух-трех минут одна удерживала их, пока сама не упала, раненная в голову. Она была без признаков жизни, когда Василий подоспел к ней на помощь.

– Какая она оказалась львица, эта девочка! И какая прекрасная смерть! – невольно вырвалось у Андрея.

– Оставшиеся в живых, – продолжал Ватажко, – попытались пробиться с револьверами в руках, но это оказалось невозможным. Тогда они отступили во внутренние комнаты и забаррикадировались. Они сожгли все компрометирующие документы и не пускали полицию в продолжение получаса, пока не ис-

тратили всех зарядов. Затем они объявили, что сдаются.

Ватажко добавил, что, по полученным сведениям, их будут судить через несколько недель, вместе с Борисом. Зину разыскивали по его делу, и полиция очень обрадовалась, захватив ее наконец. Василия будут судить с ними за вооружённое сопротивление. Нельзя было сомневаться, что все трое будут приговорены к смертной казни.

– Но этого допустить невозможно! – воскликнул Ватажко с жаром. – Мы освободим их силой! – Он вскочил со своего места в пылу возбуждения.

То расхаживая по комнате, то останавливаясь перед одним или другим и энергично жестикулируя, он объявил, что их кружок в Дубравнике решил сделать попытку освобождения. Все без исключения революционеры горячо сочувствуют этому делу. Волонтёров можно набрать сколько угодно между интеллигенцией и среди городских рабочих. Если только держать это предприятие в большой тайне, то оно может увенчаться успехом. Во всяком случае, они решили попытаться.

– Мы решили, – заключил он, обращаясь к Андрею, – что для такого важного дела необходимо назначить атамана, и единогласно выбрали вас. Меня послали, с тем чтобы рассказать вам все подробно и спросить, согласны ли вы присоединиться к нам?

Андрей поднял голову и посмотрел на посланца, явившегося с таким серьёзным предложением.

– Хорошо ли вы взвесили ваш выбор? – спросил он. – Я еще не был атаманом ни в одном деле.

– Лучшего атамана, чем вы, мы и выдумать не могли бы! – воскликнул Ватажко.

Он объяснил причины, которые их побудили выбрать Андрея. Все члены тамошней организации знали его лично и доверяли ему вполне. Кроме того, он был очень популярен среди местных революционеров, знавших его по репутации и готовых следовать за ним скорее, чем за кем-либо другим.

– Пусть будет по-вашему, – сказал Андрей. – В таком деле я готов служить в какой угодно роли.

– Я так и говорил им, я так и говорил! – по-

второял Ватажко, с жаром потрясая Андрея за руку. – Мы все того мнения, что вам незачем ехать в Дубравник сейчас. Если полиция узнает, что вы там, она сейчас же насторожит уши. Вам лучше оставаться здесь до поры до времени. Мы будем сообщать вам все до мельчайших подробностей и советоваться с вами...

Андрей снова был оторван от спокойной работы и счастливой, безмятежной жизни, снова брошен в водоворот революционного потока.

Он съездил на короткое время в Дубравник с целью позондировать почву. Там он узнал, что Бочаров, на участие которого в предстоящем деле он рассчитывал, и сестры Дудоровы были арестованы несколько дней тому назад. Это было очень некстати. Сперва Андрей не придавал большого значения самому факту их ареста и надеялся, что их скоро выпустят. Но вскоре после его приезда Варя Воинова явилась к нему. Она пришла после свидания с некоторыми из арестованных и от них услышала вести, заставившие ее плакать от досады и негодования. Миронова, с кото-

рым Андрей и Василий встретились на пикнике сестёр Дудоровых, арестовали три месяца тому назад. С первых же дней он выкинул белый флаг. Теперь, чтобы выпутаться и выйти на свободу, этот негодяй стал признаваться во всем, что знал и о чем лишь догадывался, выдавая массу людей.

Благодаря его показаниям Бочаров и сестры Дудоровы были арестованы. Он, между прочим, подробно рассказал о злополучном пикнике в лесу, называя всех присутствовавших. Этот инцидент, незначительный сам по себе, устанавливал факт знакомства Дудоровых и Бочарова с такими деятельными революционерами, как Андрей и Василий. Всех троих собирались судить вместе с Борисом, Зиной и Василием, и их дело принимало, таким образом, очень серьёзный оборот.

Во всем остальном Андрей вынес скорее благоприятные впечатления. Обстоятельства задуманного освобождения в Дубравнике складывались гораздо лучше, чем он ожидал. Под рукой оказались превосходные боевые силы, и он составил великолепный план действия. Имелись порядочные шансы на успех,

да и на какой еще грандиозный успех! В нем проснулись инстинкты бойца. Что же до опасностей – он о них не думал и в глубине души не верил в их существование.

Он вернулся к Тане возбужденный и счастливый.

Но для нее дни безмятежного спокойствия прошли. Она знала, что Андрей прав, что оставаться позади в таком деле он не может. Но это сознание доставляло ей мало утешения. Оно не разгоняло ее тревог и опасений за него.

Часть третья

Всё для дела

Глава I

Заика

Одно из предместий богоспасаемого города Дубравника носит название «Валы» – название, которое звучит довольно странно теперь, когда ни на улицах, ни между большими огородами и запущенными садами этой местности не найдётся ни одного холмика.

По всей вероятности, название это более соответствовало действительности во времена оны, когда это место впервые было вызвано к жизни главным образом помещиками в их поисках за городскими резиденциями. Многие из домов и по сию пору сохранили еще следы своего происхождения. Обширные дворы окружены многочисленными службами для размещения десятков слуг, неизменно сопровождавших господ в их периодических переселениях в города. Конюшни, каретные сараи, бани свидетельствуют о попытке на-

ших отцов сохранить по возможности помещичий строй жизни. Самые дома – те из них, которые еще не пошли на слом для замены новыми, – большей частью деревянные, не без претензии на архитектуру. Там и сям можно видеть балконы с карнизами и балюстрадами в виде украшения, маленькие башни со спиралями, зубчатые двери и окна, указывающие на капризы фантазии у людей со своего рода артистическими наклонностями.

После освобождения крестьян эти дома от бывших помещиков перешли в руки скупщиков-купцов, так часто заступающих место дворян. Кулаки и спекулянты разных наименований недолго оставались в домах, не подходящих для деловых операций и мало для них привлекательных в других отношениях. Они жили в качестве неприятелей, овладевших городом после осады и оставшихся там лишь на время, для того только, чтобы все имеющее какую-либо ценность превратить в деньги.

Еще раз «Валы» переменяли свой вид и население. Дома, службы и пристройки снимались большей частью мещанами и рабочими.

В их глазах главной приманкой была земля, сдававшаяся при домах, – сады и огороды, в которых возделывались овощи. Дома они сдавали жильцам из господ; сами же со своими семьями теснились в пристройках и службах. Такая метаморфоза оказалась самой прочной. Собственники домов повышали цену съёмщикам, а эти последние ухитрились выжимать ренту из своих жильцов.

Город представлял рынок для сбыта овощей и давал с каждым годом увеличивавшееся число дачников, для которых слова «природа» и «свежий воздух» имели некоторое значение, так что за пользование ими они не прочь были платить по мере сил.

В начале весны в одном из таких домов сидели у открытого окна два молодых человека. Один из них, юноша лет двадцати, напряженно всматривался в темноту, старательно разглядывал каждого входившего в сферу света тусклого уличного фонаря.

Это был Ватажко. Другой был наш знакомый – Андрей, приехавший в Дубравник с неделю тому назад и поселившийся с товарищем в этом тихом квартале.

– Никого? – спросил он.

– Никого.

– Странно, – заговорил Андрей после небольшой паузы. – Суд должен был кончиться часа три тому назад. Заике давно пора бы быть здесь, Ксению повидать ведь недолго.

– Может быть, ее не пустили на суд, – предположил Ватажко.

– Ну вот еще! Кого же пускать, коли не барышню с ее положением?

– Ну так остаётся предположить, что Заика погиб от взрыва, потому что он никогда не опаздывает, – пошутил Ватажко.

– Что ж, может быть, и взаправду погиб, – согласился Андрей серьёзным тоном. – Он так неосторожно обращается со своим любезным зельем, что может быть взорван каждую минуту.

– Не побежать ли мне к нему справиться? – предложил Ватажко.

– О чём? Взорван он или нет?

– Ну вот! Видел ли он Ксению и что она ему рассказала.

– Если он взорван, то ничего не скажет, а если нет, то придёт тем временем сюда, и вы с

ним разойдётся. Лучше подождём.

Наступило молчание.

– Какая скука! – не выдержал наконец Ватажко. – Уж задам же я Заике, когда он придёт!

Он бросил последний безнадежный взгляд на пустую улицу, как вдруг с противоположного конца послышался стук приближающегося экипажа.

– А! Вот он наконец! – весело вскричал Ватажко, мигом забывая свой гнев.

Андрей тоже выглянул в окно и увидел Заику, быстро подъезжавшего на открытых дрожках.

Это был человек средних лет, геркулесовского сложения, с черной бородой почти до пояса. Дотронувшись своей длинной рукой до плеча извозчика, он приказал ему остановиться у ворот. Это было против правил, так как извозчика следовало остановить, не доезжая до дому, но Заика, очевидно, спешил.

Через минуту он входил в комнату, нагибаясь, чтобы не удариться головой о притолоку низкой двери. Ватажко успел тем временем запереть окна, спустить занавеску и за-

жечь пару свечей.

– Ну что, каковы новости? – спросил Андрей. – Рассказывайте скорее.

– Сейчас, дайте прежде раздеться. Заранее предупреждаю, что ничего особенного, – ответил вошедший, слегка заикаясь.

Вблизи его худая, слегка сгорбленная фигура вовсе не напоминала Геркулеса. Борода при свечах оказалась не черной, а русой, падающей на грудь двумя длинными космами. На худом продолговатом лице с длинным прямым носом были замечательны только серые беспокойные глаза, вспыхивавшие иногда каким-то фосфорическим блеском. Глядя на них, приходило в голову, что он, пожалуй, может видеть в темноте, как кошка.

– Видели кухню? – спросил Андрей.

– Видел.

– Так садитесь и рассказывайте все по порядку.

Заика сел и начал рассказывать. Политический процесс действительно начался перед военным судом. В первом заседании было сделано еще очень немного, но опытный человек мог уже вывести некоторое заключе-

ние относительно дальнейшего хода дела. Заика сообщил, что большинство членов суда было назначено генерал-губернатором специально для этого процесса. Это был плохой знак. Обвинительный акт, прочитанный в этом заседании, тоже не предвещал ничего хорошего. Относительно того, под какую статью подведут трех главных подсудимых – Бориса, Зину и Василия, – не могло быть никаких сомнений. Иначе стояло дело Бочарова и сестёр Дудоровых, не виновных, в сущности, ни в чем, кроме простого знакомства с конспираторами. Поэтому заключение обвинительного акта об участии всех подсудимых в общем заговоре с целью низвержения трона и всего прочего было весьма зловещим. Оно говорило о намерении обвинительной власти требовать смертной казни для всех подсудимых.

– Но разве же это возможно? Какие же у этой скотины могут быть доказательства? – прервал Ватажко рассказ гостя.

– Все тот же пикник в лесу, на котором был предатель Миронов, – отвечал Заика. – Дудоровы и Бочаров были на пикнике. От Василия

они не добились ни одного слова. Он молчит с самого ареста. Но опять же Миронов утверждает, что Василий был там вместе с Андреем и Вулич. Кроме того, дворник Дудоровых узнал карточку Вулич и показал, что она часто приходила к Дудоровым.

Заика замолчал, считая дело совершенно разъяснённым. Одни конспирировали, другие были с ними знакомы, а следовательно, все одна шайка. Русским людям слишком хорошо знаком этот обычный прокурорский приём.

– Ну, а как подсудимые? – спросил Андрей, переходя к более интересной теме.

– Ксения говорит, что они все время разговаривали между собою и на суд почти не обращали внимания. Только раз они взволновались и протестовали.

Заика передал затем, что взволновали подсудимых грязные клеветы, которые прокуратура сочла долгом взвести на подсудимых, в особенности на трёх женщин. Он не мог рассказать всего, так как сам не был на суде, а кухня многое пропустила в своём рассказе. Но и переданного было достаточно, чтобы привести в бешенство Ватажко.

– Негодяй! – вскочил он, сжимая кулаки. – Хотелось бы мне, чтобы он попался мне под бомбу!

Но ни один мускул не дрогнул на лице его старшего товарища.

– Что это вы, друг? – спросил он. – Разве вы ожидали от них чего-нибудь иного?

– Нет, но это уже слишком! – возразил Ватажко. – Мясники и те не бросают грязью в животное, которое они ведут на убой.

– На то они и мясники, а это царские опричники, – заметил Андрей. – За хорошие оклады да чины они с родной матери шкуру сдерут.

– Нет, я всё-таки не верю, что приговорят всех шестерых. Трое ведь ровно ничего не сделали! – продолжал Ватажко цепляться за последний луч надежды.

– Наивный же вы, видно, человек, – иронически заметил Заика. Серые глаза его вспыхнули и заискрились. Он устремил их на минуту на юношу и затем презрительно отвернулся. И его жена ровно ничего не сделала, но ее увезли от него и держали в тюрьме, пока она не помешалась и не зарезалась в

припадке безумия осколком разбитого стакана. – Малодушные надежды Ватажко на человеческие чувства со стороны власти возбуждали в нем негодование, умеряемое лишь презрением.

– Приговорить-то всех приговорят, в этом я не сомневаюсь, – сказал Андрей в раздумье. – Это даст возможность генерал-губернатору выказать своё милосердие, пощадивши Дудоровых, а не то и Бочарова. Может статься, что и суду позволят сделать маленькую скидку, чтобы показать независимость. Они всегда улаживают промеж себя такие комедии. Не думаю, чтобы было более трёх казней. Борис и Василий – наверно, а там или Зина, или Бочаров, – закончил Андрей не совсем твёрдым голосом. – Но что об этом загадывать! – добавил он после небольшой паузы. – Расскажите лучше, как идут ваши работы, – обратился он к Заике.

– Всё готово. Я сделал бомб на пятьдесят человек и еще две дюжины лишних. Остаётся только вставить разрывные трубки. За этим дело не станет.

Они заговорили о своём плане, и через

полчаса Заика ушёл с несколько большими предосторожностями, чем при своём появлении.

Глава II

В храме Фемиды

Суд тем временем делал своё дело. Он длился пять дней. Если бы выполнялись все формальности, предписанные военно-судебными уставами, которые не грешат, как известно, медлительностью, то суд протянулся бы по крайней мере втрое дольше. Но город был так возбуждён происходящей на его глазах судебной трагедией, что нашли нужным торопиться. Обыкновенная публика не допускалась в залу заседаний. Входные билеты были розданы с самой крайней осторожностью служащим, их жёнам и небольшому числу каких-то непроходимо благонамеренных[48] частных лиц. Для предупреждения каких бы то ни было сочувственных демонстраций на улице сильные полицейские и жандармские патрули охраняли окрестности здания суда и разгоняли всякие сборища, арестовывая упря-

мых, не уходивших по первому требованию.

Тем не менее толпы сочувствующих или просто любопытных беспрерывно образовывались вблизи суда. Стоило только какому-нибудь приличного вида господину или даме появиться из дверей здания, как их тотчас же окружала целая дюжина совершенно незнакомых им, неизвестно откуда взявшихся людей, осыпая их вопросами о том, что делается на суде. Возвращаясь домой, обладатели билетов могли быть уверены, что застанут у себя нескольких знакомых или друзей, не попавших на суд, но в большинстве случаев гораздо больше заинтересованных в его исходе, чем привилегированные счастливцы.

От мужа к жене, от приятеля к приятелю волнующие известия быстро распространялись по городу. Хотя газетные отчёты были очень кратки и часто умышленно искажены цензурой, тем не менее все, кто интересовался делом, имели о нем довольно подробные сведения. Симпатии публики были, как и всегда, на стороне слабейших. А ежедневные, ежечасные известия о поведении обеих сторон могли только усилить эти чувства. Город

находился в лихорадочном возбуждении. Волнение распространилось даже на тех, кто в обычное время совершенно не интересуется политикой. Обеспокоенный растущим сочувствием к подсудимым и опасаясь «беспорядков», генерал-губернатор частным образом приказал председателю суда и прокурору окончить дело как можно скорее. Суд заторопился, пропуская формальности, и погнал дело на почтовых. Комедия быстро приближалась к своей трагической развязке.

В городе пошёл слух, что приговор будет произнесён в четверг, на пятый день суда. Возбуждение – в особенности среди известной части публики – дошло до такого предела, что власти приняли серьёзные меры против ожидаемых беспорядков. Помещение суда заняли солдатами и полицией. Батальон пехоты и два эскадрона казаков стояли под ружьём на дворе соседнего казённого здания. Полицейские патрули были удвоены. Но толпа вокруг здания суда тем временем учетверилась. Вечером, после закрытия фабрик, к ней присоединились также рабочие. Полиция была уже не в состоянии разгонять народ, не

прибегая к оружию, что считалось пока несвоевременным.

В самой зале суда характер публики постепенно изменился. Благодаря настойчивым приставам к высокопоставленным знаковым и родственникам, а также подкупу того-другого из сторожей, в залу заседаний удалось пробраться многим из тех, против кого и были приняты все эти предосторожности. Окидывая взглядом публику, как подсудимые, так и судьи с удивлением замечали, что теперь она вовсе не была такая сплошь «благонамеренная», как в первые дни. Вперемешку с военными мундирами и бритыми чиновничьими фигурами ультраблагонамеренного типа появились более нейтральные физиономии. То тут, то там мелькали лица, не сулившие престол-отечеству уж ровно ничего хорошего.

Во втором ряду стульев жена председателя контрольной палаты – пухленькая дама, вполне благонамеренная – выставляла напоказ свои бриллианты, кружева и свою собственную миловидную головку. Она смерть как боялась «нигилистов» и пришла лишь по-

тому, что одна знакомая уверила ее, что будет ужас как занимательно. Ее сильно тревожило, однако, как бы с подсудимыми женщинами не случилось истерики: это могло отозваться на ее слабых нервах. Но рядом с чувствительной барыней сидела девушка, в которой, по смелому и серьёзному выражению лица, легко было узнать «нигилистку», несмотря на длинные волосы и голубое шёлковое платье, взятое специально для этого случая у подруги. В задних рядах сидели уже явные «нигилисты» – студенты в очках и стриженные, не по моде одетые девушки.

В одиннадцать часов вечера суд удалился для постановления приговора. Он возвратился лишь в половине третьего. Но очень немногие из публики ушли за это время из залы. Приговор должен был состояться во что бы то ни стало. Все знали, что их ожидания не будут обмануты, и чем дальше подвигалось время, тем меньше было охоты уходить. Суд мог возвратиться каждую минуту, и публика ждала и ждала. Время тянулось убийственно медленно. В переполненной людьми зале становилось нестерпимо душно, так как

все окна были заперты для предупреждения сношений с улицею. Это еще более усиливало всеобщую усталость и томление. В сероватой мгле приближающегося рассвета судебная зала принимала странный, удручающий вид. Шесть серебряных подсвечников с тускло мерцающими свечами на судейском столе придавали ей что-то погребальное. Тесно скупленная публика была молчалива. Никому не было охоты толковать теперь о вероятном исходе прений, происходивших в совещательной комнате.

Только со скамьи подсудимых доносился неумолкаемый звук тихих голосов. Там знали, что после приговора их разлучат и не позволят видеться до самой казни, и эти люди, связанные узами тесной дружбы, спешили воспользоваться немногими минутами, которые оставалось им пробыть вместе. Судя по оживлённому, быстрому говору, они были в хорошем настроении и ничуть не подавлены ожидаемым приговором. Но публика не могла видеть ни одного из них. Скамья, занятая ими, была заслонена стеной из двенадцати жандармов с саблями наголо.

За дверьми судебной залы толпа, которую усталые полицейские предоставили наконец самой себе, была гораздо шумнее и нетерпеливее, чем в зале суда. Тут собрались наиболее беспокойные элементы населения, возбуждённые к тому же победой над полицией. «Нигилистов» была здесь целая куча. Когда зеваки, утомлённые долгим ожиданием, поразбрелись, они очутились в передних рядах сплошным валом. Многие оказались знакомы. Пошли оживлённые разговоры и толки, по которым можно было сейчас же узнать, что говорившие не были еще конспираторами.

Вдруг в одном из окон суда мелькнул белый платок.

– Приговор! – крикнул голос из толпы.

Мгновенно всякий шум прекратился, и вся масса плотнее придвинулась к зданию суда с поднятыми вверх лицами.

В зале судебный пристав возвещал о начале последней сцены бесстыдного фарса. Суд шёл для объявления приговора.

Публика встала, как один человек, и ждала, затаив дыхание. Казалось, можно было

слышать усиленное биение этих многочисленных сердец, замиравших одни – от страха за судьбу дорогих людей, другие – от потрясающего драматизма минуты.

За длинным зелёным столом, освещённым шестью погребальными свечами, один за другим появились шесть членов суда. Их вид далеко не соответствовал понятию о неподкупных служителях Фемиды. Смущённые, тревожные лица говорили скорее о только что сознательно совершенной гадости, чем о выполнении сурового долга. Из двух стоявших лицом к лицу групп – судей и подсудимых – в последней было несомненно гораздо больше и спокойствия и достоинства. Они тоже встали одновременно с публикой и стояли теперь на виду у всех. Но в первую минуту очень немногие взглянули на них. Все глаза были прикованы к председателю, который с бумагой в руках готовился произнести роковые слова.

Усиленно громким голосом он начал читать какое-то вступление, казавшееся бесконечным. Но вот публика вздрогнула, точно по ней пробежала электрическая искра: произ-

несено первое имя – Бориса. За ним следует долгое, долгое бормотание, в которое никто не вслушивается, – это перечисляются его преступления. Затем краткая пауза и приговор – смерть! Хотя никто и не ожидал пощады для Бориса, тем не менее слова «смертная казнь» упали на натянутые нервы как удар молота. Вторым следовало имя Василия. Бормотание было менее утомительно, так как было короче, и опять удар молота – смерть! Нервы дрогнули, но выдержали. Очередь за Зиной, судьба которой возбуждала все больше споров и сомнений. Молчание стало, казалось, еще глубже. «Жизнь или смерть? Жизнь или смерть?» – спрашивал себя мысленно каждый во время долгого бормотания председателя. Преступления нагромождались на преступления. Грозный молот поднимался все выше и выше, затем мгновенный перерыв, и он с грохотом падает вниз – смерть! Протяжный вздох, похожий на стон, пронёсся по зале. Все, даже самые предубеждённые, с симпатией и смущением обратили взоры на эту молодую благородную женщину, так спокойно и скромно стоявшую впереди своих то-

варищей. Приговор потряс всех, но напряжённость ожидания ослабела – самое худшее уже миновало. Трое остальных подсудимых были так мало скомпрометированы или, вернее, были так невинны, что их могли приговорить разве что к пустякам.

Бормотание, следовавшее за именем Бочарова, четвёртого по списку, еще более успокаивало и убаюкивало всякие опасения публики. Это были не преступления, а какие-то вздорные мелочи. Многие вовсе перестали слушать, как вдруг голос председателя как-то подозрительно дрогнул; последовала короткая пауза, и среди всеобщего оцепенения раздался приговор – смерть!

Иzumлённое «ах!» вырвалось из всех грудей. Соседи обменивались взглядами, спрашивали глазами, не ослышались ли они.

– Премного благодарен, господа судьи! – звонко раздался по зале насмешливый голос осужденного.

Нет, они не ослышались. Но как же это? За что? Напряженное желание знать, что будет дальше, сдержало негодование публики.

Председатель не осмелился призвать осуж-

денного к порядку: он притворился, будто не слышал его восклицания, и поспешил перейти к следующему имени. Очередь была за старшей Дудоровой. На этот раз публика следила с напряженным вниманием за всеми пространными изворотами и хитросплетениями при перечислении преступлений. Читанию, казалось, не будет конца. Дело опять шло о сущем вздоре. Не может быть, чтоб за это – смертная казнь! Но публика была теперь настороже. Она слышала то же предательское многословие, ту же запутанность и неясность мотивировки, как и в предыдущем приговоре. Некоторые фразы звучали очень скверно. Сомнение перемежается с надеждой, раздражая нервы до последней степени. Молот висит в воздухе, поднимаясь, опускаясь и снова поднимаясь. Он упал наконец – смерть!

Долго сдерживаемые страсти разом прорвались наружу. Восклицания, истерический хохот женщин, крики и проклятия наполнили залу. Люди вскакивали на стулья, крича и неистово жестикулируя, точно охваченные внезапным безумием. Никогда еще стены этого здания не видели подобной сцены.

Добрая дама во втором ряду – жена председателя контрольной палаты – упала в обморок, не дождавшись истерики подсудимых женщин. Жандармский офицер, командовавший конвоем, бывавший у них в доме, бросился к ней со стаканом воды. Но ее соседка, девушка в голубом шёлковом платье, быстро загородила ему дорогу.

– Не смейте трогать ее! – закричала она в лицо офицеру, защищая рукою неподвижно лежавшую женщину.

И столько ненависти и презрения было в ее голосе, жесте и сверкающих глазах, что любезный молодой человек съёжился, как побитая собака, и исчез, а девушка достала воды с адвокатского стола и принялась ухаживать за соседкой. Она видела ее в первый раз, не знала ее имени, но предположила в ней своего человека, друга подсудимых – каким она, может быть, была в момент обморока, – и этого было достаточно, чтобы защитить ее от ненавистного прикосновения жандарма.

За судейским столом смятение было почти так же сильно, как и среди публики.

Бледный от стыда председатель делал бес-

плодные попытки унять бурю. Никто его не слушал, но он не дал приказа очистить залу. Ему хотелось, наоборот, чтобы публика осталась и выслушала конец дрожавшей в его руке бумаги. Шестая из подсудимых, младшая Дудорова, принимая во внимание ее молодость, была приговорена не к смертной казни, как требовал прокурор, а к пятнадцати годам каторги. Судьям хотелось оповестить публику о своей гражданской доблести. Но среди всеобщего шума никто не расслышал приговора. Молодой человек – тот самый, который махал платком, – отворил окно и, высунув голову, закричал толпе:

– Смертная казнь! Всем смертная казнь! – Он утверждал потом, что слышал собственными ушами шестой смертный приговор, хотя председатель, несомненно, читал другое.

В ответ послышался угрожающий рёв толпы, усиливший беспорядок в зале. Некоторые из «благонамеренных» вообразили, что толпа врывается в залу и сейчас начнёт их всех резать. В припадке панического страха они принялись кричать, спасая собственную шкуру. Полицейский офицер, охранявший здание

снаружи, вбежал в зал и бросился к председателю. С минуту они совещались, и затем полицейский выбежал в другие двери. Председатель отдал приказ двинуть войска и разогнать толпу во что бы то ни стало. Судьи исчезли во внутренние комнаты, а полиция принялась очищать залу.

Кровавое столкновение казалось неизбежным. Но его не случилось. Самые крайние элементы – организованные революционеры – не желали вооружённого столкновения, которое могло только помешать успеху их более серьёзной попытки отбить приговорённых нечаянным нападением.

Манифестация произошла сама собой и была создана, главным образом, посторонними людьми под впечатлением минуты. Это было хорошо, но не надо было заходить далеко.

Сдерживающее влияние, идущее от крайних к более умеренным, редко бывает безуспешным. Когда эскадрон казаков, за которым следовала пехота, показался в конце улицы, толпа разошлась, и все дело ограничилось криками и несколькими камнями,

брошенными в солдат.

Глава III

Борьба с препятствиями

В пятницу – через два дня после произнесения приговора – в газетах появилось известие, что генерал-губернатор заменил смертную казнь для старшей Дудоровой двенадцатью годами каторжной работы и сократил на шесть лет срок каторги для ее младшей сестры. Смягчение было значительно и возбудило самые сангвинические надежды в той многочисленной части публики, которая рада первому предлогу, чтобы отделаться от всякого неприятного ощущения.

По городу вдруг пошли слухи, что и с остальными приговорёнными поступят также милостиво. Уверяли, что генерал-губернатор за помилование и хлопочет об этом в Петербурге. Передавались даже его подлинные слова, которые одни из вестовщиков будто бы слышали от него лично, а другие – «от самых достоверных людей».

Ни Андрей, ни его товарищи не могли раз-

делять этих иллюзий. Благодаря Ксении, кухне Заики, им удалось установить постоянные сношения с неприятельским лагерем.

Они знали, что губернатор еще ничего не решил и что приписываемые ему слова были продуктом фантазии, если не сознательной ложью. Для Василия и Бориса о помиловании не могло быть и речи. Но приговор над Зиной или Бочаровым, а пожалуй, и над обоими, мог быть смягчен.

Однако ничего определённого нельзя было сказать. Все зависело от настроения петербургских властей в данный момент. При такой неизвестности работа заговора становилась подавляюще трудной. Малейшая неосторожность могла навлечь роковые последствия, так как стоило полиции открыть или даже заподозрить существование заговора, и четыре друга повиснут в воздухе в виде отместки. При таких обстоятельствах сосредоточение руководства всем в руках одного лица было очень полезно, устраняя опасность многочисленных собраний и совещаний. Но и одному человеку было трудно действовать смело и энергично ввиду громадной ответствен-

ности.

В тайну предприятия были посвящены до сих пор только семь человек, хотя для его выполнения нужно было по крайней мере всемеро больше. Меньше, чем с полсотней людей даже с динамитными бомбами нельзя было отважиться напасть на вооружённый конвой. Охотников предполагалось завербовать за день или за два до момента действия. Это было лучшим средством сохранить тайну предприятия, требовавшего стольких участников. Семь человек, составлявших ядро заговора, были набраны из местных революционеров с хорошими связями среди городских кружков. Каждый из них, в свою очередь, намечал пять – десять человек, надёжных и смелых, которым можно было предложить участвовать в деле. Затем Андрей уж должен был дать знак к созыву этого отряда. План этот соединял быстроту с осторожностью. Но вскоре оказалось, что нужно было пожертвовать той или другой.

Суббота и воскресенье не принесли ничего нового. В понедельник по городу распространился слух, что уголовные под присмотром

конвоя копают ямы на Пушкарском поле, где должны были стоять виселицы. Но для скольких приготавливались они? Для одного? Но работы велись в слишком больших размерах. Для двух, для трех или для всех четырёх? Город снова взволновался, на этот раз самыми мрачными слухами. Те самые люди, которые три дня тому назад говорили с полной уверенностью о помиловании, разносили теперь совершенно противоположные известия.

Андрей знал, что последние слухи так же произвольны, как и предыдущие. Генерал-губернатор не говорил ни с кем об этом деле. Но самая отсрочка решения была очень подозрительна. Казни политических преступников производились иногда почти тайком, через несколько часов после утверждения приговора, во избежание волнения публики. Что, если генерал-губернатор думает и теперь поступить таким образом? Между опасностью опоздать с приготовлениями и риском скомпрометировать дело преждевременной оглаской выбирать было страшно трудно.

Андрей решил держаться своего первого плана и ждать до конца. Через Ксению он мог

узнать о конфирмации[49] через два часа после того, как бумага выйдет из губернаторского кабинета. Таким образом, даже в самом худшем случае все-таки у него останется от семи до восьми свободных часов. Такого срока было мало для организации пятидесяти человек, но на тридцать или сорок можно было, наверное, рассчитывать. Лучше было рискнуть действовать с меньшим числом людей, чем возбудить подозрение полиции. Впрочем, можно было рассчитывать, что губернатор пожелает соблюсти приличие и не станет чересчур торопиться.

Последние дни Андрей вовсе не выходил из комнаты, так как ожидаемая весть могла прийти каждую минуту.

В ночь с понедельника на вторник он спал лёгким тревожным сном напряженного ожидания, как вдруг слабый стук в стекло заставил его вскочить на ноги.

Он отворил окно и увидел в тени стены фигуру женщины слишком небольшого роста для Ксении, которую он ожидал.

– Кто тут? – спросил он шёпотом.

– Я, горничная Ксении Дмитриевны. Они

сами не могли прийти и прислали это письмо, – слышался снизу такой же тихий голос.

– Давайте сюда! – сказал Андрей, протягивая руку.

– Я вас не знаю, – отвечала девушка, отступая назад. – Мне приказано передать письмо Александру Ильичу в собственные руки.

Андрей обернулся, чтобы разбудить Ватажку, но тот уже подошёл к окну. Он кивнул девушке, которая улыбнулась ему в ответ как знакомому. Белая бумага мелькнула в полутьме, переходя из одних рук в другие, и девушка вдруг бросилась бежать, охваченная внезапным страхом, не давши сказать ей спасибо.

Маленький ночник горел в углу комнаты. В тревожное время, когда полиция могла ежеминутно явиться, Андрей всегда оставлял на ночь огонь в комнате. С драгоценной и страшной бумажкой в руке он сел на пол и, перегнувшись к ночнику, прочёл при его свете следующие набросанные карандашом слова: «Приговор утверждён губернатором всем четырёх. Казнь в следующую среду, в десять

часов утра, на Пушкарском поле». Внизу стояла буква К., то есть Ксения.

С минуту Андрей продолжал сидеть на полу, собираясь с мыслями. Известие поразило его сильнее, чем он хотел бы сознаться. Относительно Бориса и Василия у него и раньше не было никаких надежд. Но Зина, Бочаров, — Бочаров в особенности!

Людям добросердечным обыкновенно всего сильнее жаль невинных жертв русского самодержавия, и они в этом совершенно правы. Сами революционеры, оценивающие по-своему «виновность» и «невинность» в этого рода делах, также всего сильнее жалеют своих «невинных» товарищей, так как они действительно самые несчастные. Ничего не сделавши, они не могли заранее привыкнуть к мысли о своей судьбе, и они умирают с сожалением, быть может, с горьким упрёком самим себе за прошлое безделье и излишнюю осторожность. Таково было положение Бочарова, которого Андрей успел оценить и полюбить во время суда, где этот остроумный юноша вел себя блистательно. Можно сказать, что во все эти тяжкие дни судьба Бочарова его боль-

ше всего мучила. А теперь его казнят, и Зину тоже...

– Прочтите вслух! – воскликнул Ватажко.

Андрей подал ему записку. Он не в силах был читать ее громко и решительно не слышал крика негодования, вырвавшегося у его товарища. Зверское решение приводило его в то состояние, когда негодование цивилизованного человека переходит в необузданное бешенство дикаря. Слепая, нерассуждающая жажда мести, отплаты страданиями за страдания – вот что переполняло в эту минуту его душу. Бледный, со стиснутыми зубами, он метался взад и вперед по своей маленькой комнате, как зверь в клетке.

Ватажко, сидя на постели с письмом в руке, следил за ним глазами.

– Ну, не дадим же и мы пощады! – сказал наконец Андрей, овладевая собою. – Идите, сзывайте наших. Я пойду на конспиративную квартиру... Когда обойдёте всех, – прибавил он, – идите к Заике и скажите ему, чтобы бомбы и всё прочее было готово к вечеру. Часов в шесть вы придёте с тележкой и всё свезёте – знаете куда.

– Да, знаю, – отвечал Ватажко.

– Так до свидания. Надо идти.

Было около четырёх часов утра, когда Андрей вышел на улицу. Впереди было еще целых тридцать часов, и за это время можно было все устроить без всякой торопливости, но он хотел собрать своих раньше, чем распространится по городу известие об утверждении приговора.

Скорым шагом он в полчаса дошёл до конспиративной квартиры и вошёл в неё, отперев дверь запасным ключом. Все спали, и никто не слышал его прихода. Оповещённые Ватажко товарищи не могли собраться раньше как через час.

В ожидании их Андрей разложил перед собою план города и определил на нем путь, которым должны были вести приговорённых. При его практическом знании местности ему нетрудно было выбрать лучший пункт для нападения. Он остановился на короткой улице, находившейся между двумя поворотами пути, недалеко от площади. Правда, благодаря близости к месту казни улица могла оказаться занятой народом, но это неудобство

вознаграждалось чрезвычайно удобным путём для отступления – сперва через ряд узких улиц, в которых погоня могла быть легко задержана бомбами, а дальше через городской сад, спускавшийся к реке. Войдя в сад, можно было затворить за собою высокие железные ворота и запереть их двумя или тремя принесёнными с собою большими замками. Для большей задержки можно было также приладить у ворот несколько штук усердно рекомендуемых Заикой переносных торпед его собственного изобретения. Затем оставалось только спуститься по саду к пристани, где их будет ждать давно припасённая лодка. В нее предполагалось посадить освобождённых и раненых, если таковые окажутся. Остальные заговорщики должны были выйти через дальний конец сада и затем пробраться задками на Пушкарское поле, где они могли спокойно замешаться в ожидающую казни толпу.

Товарищи Андрея начали сходиться с разных сторон. В четверть шестого все семеро были в сборе и начали военный совет. Он был непродолжителен.

– Слышали? – спрашивал Андрей каждого

из входивших.

– Слышал, – отвечал тот.

Андрей в немногих словах изложил им свой план, который был одобрен без всяких прений. Ему сообщили, в свою очередь, время и место трех собраний, на которые предполагалось созвать вновь завербованных заговорщиков. Еще раньше было решено созвать вместо одного многолюдного собрания несколько маленьких. Андрей обещал побывать на каждом, хотя бы на короткое время.

Всё было кончено в полчаса, и семеро заговорщиков разошлись в разные стороны.

Тем временем известие, поднявшее на ноги заговорщиков, было набрано, отпечатано и преподнесено в виде утреннего приветствия мирным жителям Дубравника.

У немногих читателей не дрогнуло сердце при известии о предстоящей завтра казни четырёх человек и в том числе женщины. Русские люди непривычны к подобным расправам. Что же касается до образованной части публики, то в ней эта весть возбуждала лишь жалость, негодование или бешенство, смотря по темпераменту и отношению к осужден-

НЫМ.

Люди, намеченные как возможные участники в освобождении, были, конечно, не из равнодушных. Большинство из них ничего не знало, получивши приглашение явиться на собрание для обсуждения какого-то важного общественного дела. Но, прочтя о предстоящей казни, все догадались, в чем дело. Когда им сообщили, что все уже готово, рассказали в общих чертах план освобождения и назвали имя предводителя, все были охвачены энтузиазмом и единодушно и радостно присоединились к предприятию. Андрей появлялся на всех трех собраниях. Со своей всегдашней решительностью и хладнокровием и сдержанным бешенством сегодняшнего дня он был именно таким предводителем, какого было нужно.

Когда он вернулся с последнего собрания на конспиративную квартиру, там его ожидал очень приятный сюрприз. В его комнате сидел Давид, только что приехавший из-за границы. Узнавши где-то на противоположном конце Европы о том, что творилось в Дубравнике, Давид тотчас же помчался домой и

поспел как раз вовремя.

– Я теперь под твоей командой, – сказал он Андрею. – Надеюсь, ты дашь мне работу.

– Дам, брат, дам сколько угодно! – весело отвечал Андрей.

Его настроение улучшилось с утра. Соприкосновение с новыми товарищами придало ему бодрости. Он был так же доволен своими ребятами, как и они им.

– А ведь дело наше, ей-ей, выгорит! – сказал он Давиду. – С нашими бомбочками да с пятьюдесятью ребятами, молодец к молодцу, мы такого натворим, что небу жарко станет. В семь часов у нас будет последний военный совет. Увидишь сам, что это за народ.

В назначенный час люди начали собираться один по одному. Некоторых Давид знал, другим он был представлен в качестве нового товарища.

Собрание было гораздо оживлённее и шумнее утреннего. Дело организации, существовавшее тогда лишь в области возможного, теперь было выполнено, и выполнено как нельзя лучше. Все это чувствовали и были полны надежд. Что же до опасности, на кото-

рую они шли, – дело было такое хорошее, что никто об этом и не думал.

Все вопросы вершились очень проворно. Споров и дебатов не было: время было слишком дорого. Многие, однако, делали различные предложения и подавали советы, которые Андрей принимал либо отвергал без разговоров, ставя свое окончательное решение. Общий план был очень прост. Завтра, с семи часов утра, Андрей с десятью товарищами займёт выбранное для действия место. Остальные сорок человек будут рассыпаны в разных пунктах поблизости, так как толпиться всем вместе на пустой улице было бы опасно. Затем, по мере того как начнёт сходиться народ, Андрей соберёт и своих. Если улица будет занята сплошной толпой, заговорщики станут двумя полувзводиками по обеим сторонам улицы, друг против друга, чтобы не быть смятыми и разрозненными, когда при первом взрыве народ шарахнется и бросится бежать.

Если же, наоборот, улица будет слабо наполнена, заговорщики должны будут стоять врассыпную. В таком случае Андрей со своим

десятком составит авангард, который задержит на минуту процессию и даст время остальным сбежаться со всех сторон. Всё это, впрочем, как и многое другое, могло быть окончательно решено лишь на месте действия.

– Теперь, – сказал Андрей, посмотрев на часы, – пора идти за оружием.

Было половина восьмого. Ватажко должен был перевезти бомбы из квартиры Заики. Их предполагалось выдать на эту ночь семерым вожакам для хранения в безопасном месте. Раздать их людям решено было на другой день утром, перед началом действия, в видах осторожности. Полиция могла накануне казни произвести на всякий случай несколько ночных обысков и, наткнувшись на такие опасные вещи, догадалась бы, в чем дело. Более обыкновенное оружие, вроде револьверов, могло быть роздано немедленно.

Совещание кончилось, и присутствующие собирались разойтись, чтобы встретиться завтра на поле битвы.

Из школьных воспоминаний Андрей знал, что перед битвой классические военачальни-

ки говорят речи. Но он не был речист, да и смешно было бы с его стороны воодушевлять таких людей.

– Итак, до завтра! – сказал он вместо речи.

Некоторые уже направлялись к дверям, когда Давид подозвал Андрея и обратил его внимание на подозрительного человека, вертевшегося около дома.

– Я уже минут десять наблюдаю за ним, – сказал Давид. – Он всё посматривает на наши окна, хотя и пытается не подать виду.

Андрей взглянул на улицу.

– Ничего, это мой приятель! – поспешил он успокоить присутствующих.

Незнакомец был полицейский писарь, сообщавший ему за небольшое вознаграждение все доходившие до него интересные сведения.

– Да не подходите вы к окнам, – остановил он любопытных. – Приятель мой не храброго десятка и – чуть что – сбежит.

Все отошли от окон, и Андрей, выйдя на улицу, в течение нескольких минут тихо говорил с полицейским.

Когда он вернулся, его лицо было далеко

не спокойно, хотя выражало скорее злость, чем смущение.

– Полиция уже что-то провела, – заговорил он сердитым тоном. – Кто-то разболтал! Это просто срам!

– Что? Что такое? Невозможно! Уверены ли вы в том, что говорите? – запротестовали в один голос все присутствующие.

– Совершенно уверен. Полицейский рассказал мне, что незадолго до закрытия присутствия вбежал частный пристав и тотчас прошёл к полицеймейстеру. Через пять минут оба поспешно вышли и поехали к губернатору. Они были очень взволнованы и продолжали говорить, проходя через канцелярию. Он уверяет, что ясно слышал слова «динамитные бомбы». Ни выдумать, ни во сне их увидеть он не мог, так как, конечно, ничего не знает о нашем деле... Ну, что вы на это скажете?

Все были ошеломлены. Факт был налицо, положительный, несомненный и тем не менее совершенно невероятный. Революционеры не всегда осторожны. Тот или другой из вновь завербованных мог проболтаться сест-

ре, невесте, близкому приятелю. Это было в пределах возможного. Поэтому-то и было решено привлечь большинство лишь в последний момент. Но подобным путём тайна не могла распространиться далеко. Только измена, прямой донос могли привести к такому быстрому открытию.

Одна и та же оскорбительная, унижительная мысль читалась на лице присутствующих.

Торопливо все семь голов собираются в тесный кружок. Торопливым шёпотом задаются и отвечаются вопросы, слишком обидные, чтобы произнести их вслух, особенно при посторонних, какими были теперь Андрей и Давид.

– Нет, невозможно! Они вербовали только верных, надёжных людей! – решительно заявляли все семеро, обращаясь к Андрею. – Полиция ждёт какой-нибудь попытки и, вероятно, испугалась какого-нибудь вздора. Ошибка, наверное, разъяснится, и она сама успокоится. До настоящего заговора она ни в коем случае не могла добраться. Дело всё кончится пуляками.

Громкий звонок, сопровождаемый сильным стуком в дверь, избавил Андрея от необходимости отвечать. Он только иронически кивнул на дверь и вынул из кобуры свой большой пятиствольный револьвер.

Все поняли знак и тоже схватились за оружие в твёрдой решимости дорого продать свои жизни.

Прислонившись к стене, с револьвером в правой руке, Андрей левой медленно отодвинул засов.

Но вместо выстрела оставшиеся в комнате услышали в прихожей сердитое восклицание Андрея:

– Что за черт?! Не могли вы постучать как следует?

– Я очень спешил, – оправдывался Ватажко, так как это был он.

– Ну что бомбы? Доставлены, конечно? – спросил Андрей смягчаясь.

– Нет, – сказал Ватажко, – нельзя было взять бомбы...

– Как? Вы их до сих пор еще не взяли? Что же вы всё это время делали?! – снова вспылил Андрей.

Они вышли тем временем из прихожей и стояли среди комнаты. Все глаза были тревожно устремлены на них.

– Страшное несчастье! – быстро заговорил Ватажко. – Заика ранен, может быть, уже умер теперь. Сегодня около полудня в его квартире произошёл взрыв. Когда мы подошли к дому с тележкой, мы увидели, что в том этаже, где он жил, все стекла перебиты, в нескольких даже рамы взломаны – это было, должно быть, что-то ужасное!..

– А бомбы? Как же с бомбами? – перебил Андрей. – Входили вы в дом?

– Нет, не входили. Мы увидели, как туда вошёл полицейский надзиратель. На дворе суетились городовые. Полиции, очевидно, уже дали знать, и дом был занят. Скверно, убийственно скверно!

– Что же вы сделали? – спросил Андрей упавшим голосом. – Узнали вы что-нибудь окончательно?

– Да. Мы прошли мимо дома. Я оставил тележку товарищу, а сам обошёл вокруг и задом вернулся к дому со стороны реки. Дочь садовника работала в огороде; я с ней загово-

рил, и она рассказала, что в доме был взрыв, что Заика лежит без чувств и что в его квартире полиция. Я попросил ее никому обо мне не говорить и спрятался за кусты у забора. Мне в щёлку видны были ворота и часть двора. Там стояли две тюремные кареты; я видел, как вынесли на носилках Заику и положили в одну из них, а в другую выносили и укладывали разные вещи: ящики, потом какие-то склянки, а потом и бомбы, одну за другой, с большой осторожностью. Я не стал больше смотреть и поспешил к вам, чтобы рассказать... Больше мне нечего было ждать.

Да, больше нечего было ждать, не на что было надеяться! Андрей видел это ясно. Будь только у него бомбы, он не посмотрел бы ни на что и пошёл бы завтра разбивать конвой, хотя враги и были предупреждены. Но теперь всему конец, все потеряно! Через четырнадцать часов Зина, Борис, Бочаров и Василий будут повешены. Ни для кого из них нет спасения. А они так надеялись, они так были уверены, что их путь к эшафоту будет путём к свободе... Лучше бы и не начинать ничего, чем возбудить в них такие надежды и так же-

стоко обмануть в последнюю минуту.

Ни у кого не было охоты прерывать молчание. Это была одна из тех минут, когда каждый доволен, что не он предводитель и не на нем лежит обязанность указать выход из безвыходного положения.

– Что же нам теперь делать? – спросил Давид, высказывая вслух общее чувство.

Подняв свою опущенную голову, Андрей увидел, что все глаза устремлены на него с тем же вопросом.

Это очень удивило его.

– Что нам теперь делать! – воскликнул он. – Да разве вы не видите, что единственное, что мы можем сделать теперь для наших друзей, – это известить их поскорее, что всякая надежда потеряна, чтобы дать им хоть сколько-нибудь приготовиться к завтрашнему дню.

Что-то похожее на болезненный стон протеста пронеслось по комнате. Совет был слишком неожидан, слишком странен, в особенности от Андрея. Большинство присутствующих не пришло еще ни к какому определённому заключению, вполне полагаясь на

своего вожака. Безнадёжное решение, успевшее созреть в уме Андрея в эти несколько минут, было неожиданностью для его товарищей.

Раздались возражения, которые становились все громче и громче. Говорили, что попытка должна быть сделана, хотя и без бомб. Их пятьдесят человек, готовых биться до последней капли крови. До завтра можно собрать еще по крайней мере столько же. В оружии тоже недостатка не будет. Зачем бросать дело?

Самым горячим сторонником борьбы во что бы то ни стало был Ватажко. С резкостью, свойственной в подобных случаях молодым людям, он настаивал, что отступление было бы позором для революционеров и преступлением перед товарищами. К удивлению Андрея, Давид склонялся на ту же сторону. Но он уже принял решение, и оно было бесповоротно. Что могла сделать горсть людей с револьверами и кинжалами против сомкнутого строя штыков и ружей, особенно теперь, когда власти предупреждены? Ничего из попытки не выйдет, кроме бесплодной бойни. Она

даже не одушевит никого как пример, а, напротив, вызовет всеобщее уныние.

– Ну так сидите себе дома! – вскричал Ватажко, теряя всякое самообладание. – Мы пойдём одни, а уж не станем смотреть сложа руки, как будут вешать женщину.

В эту минуту Андрей был не способен обидеться или говорить о партийной дисциплине.

– Друг мой, – сказал он, кладя руку на плечо юноши, – зачем вы хотите омрачить последние минуты наших дорогих друзей? Мы не можем спасти ни одного из них; нас всех только перебьют перед их глазами. Зачем же нам прибавлять этот ужас к их и без того тяжёлому испытанию?

Ватажко повесил голову и замолчал. Никто не возражал больше. Собрание уныло разошлось расстраивать все, что было ими сделано, а Андрей поспешил исполнить последний долг по отношению к приговорённым: сообщить им о случившемся, чтоб они не питали ложных надежд.

Такие люди, как они, должны встретить смерть лицом к лицу, а не быть схваченными

ею сзади, точно в какой-то недостойной игре.

Он отнёс своё письмо тюремному сторожу, через которого шла переписка. Впоследствии он узнал, что оно в тот же вечер дошло по назначению. Зина даже ответила на него от имени всех товарищей. Это предсмертное письмо ее вовсе не было печально, а напротив, бодро и светло. Но когда Андрей читал его, сердце его рвалось на части, и он, этот человек с железными нервами, рыдал, как ребёнок, потому что, будучи задержано при передаче, оно попало к нему лишь через два дня, когда все уже было кончено и рука, писавшая эти трогательные строки, была холодна и неподвижна, а продиктовавшее их сердце застыло навек.

Глава IV

Поучительное зрелище

Андрей проснулся разом, точно кто толкнул его в бок. В комнате чуть брезжил свет. На соседней колокольне раздался равномерный бой. Он взглянул на свои часы, лежавшие вместе с кинжалом и револьвером на стуле подле его изголовья: они показывали пять. Тут он понял, в чем дело. Накануне, еще в самом пылу приготовления к предстоящему дню, он сказал себе, что надо будет встать в пять часов, чтобы успеть все сделать: он обладал способностью просыпаться в заранее назначенный час. Вечером он ни разу не вспомнил об этом и теперь проснулся механически, хотя спешить ему было уже не к чему. Накануне он вернулся домой поздно, до крайности утомлённый неблагоприятными усилиями предупредить возможность какой-нибудь безумной попытки со стороны горячих голов. Но краткий сон не освежил его. Он и во сне не терял смутного ощущения действительности и проснулся с полным сознанием того, что

несёт с собою наступающий день.

Ватажко спал в той же комнате здоровым сном двадцатилетнего возраста. Андрей подумал было разбудить его перед уходом, но удержался. Лицо юноши имело во сне такое спокойное и довольное выражение, что ему жалко стало возвращать его раньше времени к мучительной действительности.

Андрей оделся, заставил себя съесть кусок хлеба и тихонько вышел на улицу.

Солнце уже встало, хотя его не видно было за жидкими серыми облаками, заволакивавшими все небо, предвещаая дождь. Город еще спал, и ставни были повсюду закрыты. Тележки мусорщиков, возы дров да ночные извозчики, возвращающиеся по домам, одни нарушали тишину пустынных улиц. Кое-где дворники подметали тротуары перед домами. Прохожих было мало, да и те шли по большей части скорым деловым шагом. Но время от времени Андрею попадались люди, в которых по медленной, утомлённой походке, лихорадочным глазам и по убитому выражению лица ему нетрудно было узнать товарищей по страданию друзей или знакомых приговорён-

ных, или, вернее, просто сочувствующих, которых эта ночь мучений выгнала, как и его, из домов на улицу. Иные выглядели до того изнурёнными, что, очевидно, шатались всю ночь, стараясь победить физической усталостью невыносимую душевную боль.

Без единой мысли в голове, без всякого определённого чувства, кроме тупой грызущей тоски, Андрей шёл, куда несли его ноги, пока не очутился совершенно неожиданно на слишком хорошо знакомом месте. Он остановился и осмотрелся. По обеим сторонам улицы стояли ряды высоких белых домов. Налево открывался узкий, идущий под гору переулок, в конце которого виднелся угол другой улицы. Дальше лежал городской сад. Это было место, выбранное для нападения. Андрей и сам не знал, зачем он попал сюда. Вчера он приходил на это место, полный надежд, чтобы присмотреться заранее ко всем подробностям местности.

Всего несколько часов прошло с тех пор, но все, что готовилось тогда, казалось ему теперь каким-то смутным, далёким сном. И однако, это не был сон, а настоящее, заправское

дело, которое могло увенчаться блистательным успехом.

Он сел на тумбу, думая свою безнадежную думу. С какими чувствами он был бы здесь в этот самый час, не случись этого злополучного взрыва! Что могло быть причиной этого ужасного несчастья? Случай или неосторожность? Вероятно, неосторожность. Бедный Зайка так привык к своему динамиту, что обращался с ним как с простым тестом. А тут, во время горячей работы, он, вероятно, и совсем распустился. Но Андрей не мог строго судить его в эту минуту. Он сам был слишком несчастлив, чтобы чувствовать к нему что-нибудь, кроме жалости. Бедняга! Хорошо, если он умер. А то какая адская мука сознавать себя невольной причиной такой страшной катастрофы! Но, может, он жив, на свое несчастье, и его подлечивают, чтобы повесить через месяц. Жертвы! Жертвы без конца! Не успевают эти мерзавцы покончить одних, как уж готова другая смена, – без конца, без конца. И это все, что есть лучшего и благороднейшего...

В эту минуту на некотором расстоянии по-

явилась пара этих самых «мерзавцев», о которых он думал. Один был полицейский офицер, другой нижний чин, оба – мелкие, ничтожные представители своей породы. Но что за дело? Они той же породы, и ему стоит только захотеть, чтобы спровадить их куда следует. По мере того как они приближались, дикая, бессмысленная жажда мести разгоралась в нем сильнее и сильнее. Все горячие речи и необузданные предложения юных революционеров вроде Ватажко, еще вчера так энергично отвергнутые, казалось, перешли в его собственный ум, и теперь он внутренне повторял их тем же тоном, в тех же выражениях, в каких слышал накануне. Кобура его револьвера сама подвинулась вперед. Ручка кинжала соблазнительно защекотала его ладонь. Без всякого участия сознательной воли отлично скомбинированный план двойного нападения сам собою вырос в его голове. К счастью, рассудок еще не совсем оставил Андрея. Он вскочил с тумбы и, не поворачивая головы, быстро удалился, боясь, что поддастся безумному искушению, если полицейские окажутся слишком близко от него.

Нет, он чересчур понадеялся на свои нервы. Если вид этих двух ничтожеств до такой степени взволновал его, что же будет при виде казни? Он, наверное, выдаст себя так или иначе. Лучше не ходить, чем рисковать этим. Да и к чему? У него еще будет случай увидеть очень близко и во всех подробностях по меньшей мере одну казнь, а именно – свою собственную, когда придёт его черед. Но ни на один день не сократит он добровольно того срока, который судьба уделила ему для борьбы.

Он решил ходить, и ходить безостановочно, пока не минует время казни, а тогда вернуться на конспиративную квартиру.

Он свернул в сеть узких улиц и переулков и направился к центру города наперерез. Но чем дальше он шёл, тем труднее и труднее становилось пробираться сквозь толпу народа, двигавшуюся в противоположном направлении. Улицы были положительно запружены. Сотни и тысячи людей шли, ехали, бежали к одному и тому же пункту, спеша занять лучшие места.

Думали ли они о предстоявшем зрелище?

Кому они сочувствовали? Убиваемым или убийцам? Ничего нельзя было угадать по деревянным лицам, прекрасно сохранявшим тайные мысли и чувства, если таковые имелись.

Деревянные лица, поддёвки, пальто, пиджаки, кафтаны и чуйки[50] – синие, серые, черные, – женские перья, шляпки, шляпы и картузы становились всё гуще и гуще. Их компактная масса совершенно преградила, наконец, дорогу, и продрасться вперёд можно было, лишь усиленно работая локтями. Но к чему? Разве есть какая-нибудь цель впереди? Андрей перестал бороться. Его лицо тоже сделалось деревянным, и он отдался людскому потоку, машинально подвигаясь в том направлении, куда шла толпа. Сперва они двигались довольно быстро, но затем все медленнее и медленнее. Сколько времени продолжалось это шествие, Андрей не мог сказать. Он знал только, что они шли очень долго. Время от времени, когда одна толпа сталкивалась с другою толпою, выходявшею из какого-нибудь переулка, происходила остановка. В эти минуты говор стиснутой людской массы яс-

нее доходил до слуха, и Андрей слышал речи, такие же деревянные, как и лица. Слова раздражали его слух своею плоскостью, но он не мог бы припомнить ни одной слышанной фразы, если бы от этого зависела его жизнь.

Затем произошла долгая остановка, точно несколько людских потоков столкнулись в узком проходе. Потом толпа быстро ринулась вперёд, раздавшись в стороны; Андрей очутился на свободе на открытой площади и вдруг задрожал с головы до ног.

Высоко перед ним на светлом небе вырисовывались четыре чёрные виселицы – угловатые, неподвижные, ужасные! Он инстинктивно взглянул на своих соседей справа и слева: крайняя грусть, как и радость, ищут сочувствия. Все глаза были прикованы к тем же чёрным угловатым предметам, и на деревянных лицах появилось выражение страха. Но толпа всё валила вперёд, и Андрей с ней.

Четыре чёрные виселицы стояли на чёрном, огороженном чёрными перилами помосте и с чёрными ступенями в середине, по которым взойдут приговорённые. Андрею видны были с его места концы верёвок, и блоки,

и кольца, и тихо-тихо качались верёвки, и казались они такими тяжёлыми, точно желали оторваться и упасть на землю.

По чёрному помосту ходила взад и вперёд коренастая развесёлая фигура с русой бородой, в поддёвке, красной рубахе и с шапкой набекрень. У подножия чёрных ступеней виднелась группа людей в военных мундирах, синих и черных, с серьёзными лицами, и между ними несколько всадников. Всё это вместе – чёрный помост со столбами и группа серьёзных фигур – было обвито со всех сторон, как кольцом, стеной пехоты с блестящими ружьями и примкнутыми штыками. Твёрдой и холодной как камень казалась эта стена из людей и железа, сквозь которую могла пробиться только смерть. На некотором расстоянии от первой живой стены была вторая – из конных людей. Они находились так близко от зрителей, что Андрей мог видеть их лица, и трудно было решить, кто смотрит равнодушнее – лошади или люди, сидевшие на них. За лошадьми опять узкий интервал, а затем цепь полицейских, сдерживавших толпу.

Новые людские потоки все приливали и

приливали, запружая всю площадь. Разместившись, толпа уставлялась в терпеливом ожидании на черную платформу. Их общее пугало – смерть – должна была явиться там воочию, страшная, но для них безвредная, и начать свою адскую пляску, на которую они будут смотреть, цепenea и замирая от ужаса и любопытства, как смотрит обезьяна в глаза змеи.

Не для этого отвратительного зрелища пришёл сюда Андрей. Ему хотелось взглянуть в последний раз в лица своих друзей, быть может, обменяться с ними прощальным взглядом. Здесь, на площади, через головы двойного ряда солдат это было невозможно.

Выбравшись из толпы, он прошёл перед шеренгой конных жандармов, стороживших публику сзади, и свернул в улицу, по которой должны были везти приговорённых. Здесь два ряда полицейских держали середину мостовой совершенно свободной, но тротуары были так переполнены, что яблоку некуда было упасть. Андрей сделал крюк переулками и снова вышел на ту же улицу, подальше от площади, где не было уже такой давки.

Он выбрал себе место и осмотрелся. Кругом был все простой серый люд, оттиснутый сюда публикой почище. Очевидно, люди пришли спозаранку и ждали, вероятно, уже очень давно, так как успели перезнакомиться и даже, по-видимому, забыть, зачем пришли. Андрей начал прислушиваться. Очень немногие говорили о чем-нибудь имеющем отношение к казни. Впереди его старуха бранила молодую девушку за то, что та забыла перед уходом поставить щи в печь, за что ей не миновать трёпки, когда мужики придут обедать. Долговязый парень, с узкими плечами и длинной шеей, вплотную охваченной воротом розовой рубашки, луцил семечки, весь поглощённый, по-видимому, старанием выплёвывать шелуху как можно дальше на середину улицы. Краснощёкая бабёнка с ребёнком на руках протолкалась за предписанную публике линию. Молодой полицейский поспешил восстановить нарушенный порядок, отпустив при этом несколько вольных замечаний насчёт того, как хлопотно будет бабе наживать нового ребёнка, если лошади задавят того, который у нее на руках. Баба бойко

отшучивалась, а публика добродушно хохотала. Но сзади Андрей расслышал голоса, продолжавшие какой-то спор, очевидно, политического характера.

– Ну вот выдумал – на царя! Говорят тебе, господа на господ пошли. А то – на царя! Да кто на него руку-то подымет? Ведь его ни пуля, ничто не берет.

Андрей повернул голову. Говоривший был человек средних лет, в синей чуйке, по-видимому, мелкий лавочник. Его собеседник, на вид не то дьячок, не то пономарь, что-то ответил, но так тихо, что ничего нельзя было слышать.

Направо от Андрея деревенский мужик в сером кафтане с худым загорелым лицом и жидкой седой, выпяченной вперёд бородкой разговаривал с другим мужиком тоже о политике, хотя об этом не сразу можно было догадаться.

– Так вот они четверых-то тогда и захватили, тех самых, что нынче казнить будут. А пятый, что был у них за атамана, как увидел, что дело плохо, обернулся рыжим котом и шмыг в трубу. Так его и не поймали. Да толь-

ко на третий день приходит это начальство, чтоб дом семью печатями печатать, а рыжий-то кот – шасть в дверь. Тут его сейчас цап-царап – и к архиерею. Теперь владыко, сказывают, по святым книгам его отчитывает, чтоб он опять человеческий образ принял.

– Ну! – воскликнул удивлённый слушатель.

– Верно говорю. Сказывают, было в ведомостях.

Андрей вспомнил, что газетчики действительно заработали немало пяточков сообщениями о рыжей Зининой кошке, которую нашли мяукающей от голода в опустелой квартире, спустя несколько дней после ареста. Из всех подробностей катастрофы этот факт, по видимому, всего сильнее поразил народное воображение и дал повод к созданию нелепой легенды.

Вдруг по толпе пробежал какой-то шум, и вся она всколыхнулась, как лесная заросль при приближении бури.

– Едут, едут! – пронёсся шёпот тысячи голосов.

Все разговоры мгновенно прекратились на

полуслове. Среди мёртвого молчания вдали послышался бой барабана.

Вестовой проскакал по направлению к месту казни. Рысью проехал отряд казаков, гарцуя на своих горячих лошадях. Толпа провожала их взглядом, но никто не обернулся за ними вслед. Все глаза были обращены в одну сторону, с одним и тем же выражением страха и ожидания. Наконец то, для чего собрались и чего с таким напряжением ждали эти тысячи людей, показалось вдали, и нервная дрожь пробежала по многоголовой толпе, составлявшей в эту минуту одно тело.

На бледном фоне неба Андрей увидел волнующуюся линию черных киверов и лес пик, а сквозь них туманные очертания, напоминающие человеческие головы и плечи. Все это – туманные очертания, и щетина пик, и черная волнистая линия под ними – казалось частью какого-то огромного чудовища, подвигавшегося вперёд тихо-тихо, как черепаха.

Вот процессия подошла ближе, и уже можно разглядеть ее лучше. Андрей видел теперь колесницу, лошадей, кучера, даже лицо кучера; но как он ни напрягал зрение, он не мог

разглядеть лиц четырёх человеческих фигур, возвышавшихся над поездом. Наконец он понял почему.

Осужденные были обращены к нему спиной, сидя на высокой скамье с плечами, привязанными к спинке широкими черными ремнями. На всех было надето что-то серое, неуклюжее, бесформенное, точно они были завёрнуты в одеяла. Но вот фигуры еще приблизились, все такие же бесформенные и одинаковые, но Андрей различал теперь цвет их волос и узнал по каштановым волосам Василия, по темно-русым – Бориса и по более светлым – Бочарова. Но он все еще не мог признать Зины в фигуре, сидевшей по правую сторону Бориса. С развеваемыми ветром кудрями на непокрытой голове она казалась мальчиком.

«Ее остригли, чтобы удобнее было повесить», – догадался он наконец.

Над головами осужденных пролетела какая-то птица, бесцветно окрашенная бесцветным колоритом серого неба: не то голубь, не то ворон, не то кобчик. Она, казалось, заглянула в эти четыре обращённые к ней лица и

увидела с высоты четыре столба с переклади-
нами, ожидавшие их там, на черном помо-
сте, и, точно охваченная паническим стра-
хом, она понеслась прочь, как только могли
нести ее сильные крылья. О, как он позавидо-
вал этому счастливому созданию, которое
могло улететь далеко-далеко от грешной, за-
литой кровью земли! Будь у него даже кры-
лья, он не мог бы теперь двинуться с места.

Дрожа как в лихорадке, со страшно бью-
щимся сердцем, он стоял, не смея моргнуть,
чтобы не пропустить того мгновения, когда
он сможет обменяться взглядом с осужденны-
ми. И в то же время он боялся этого мгнове-
ния, предчувствуя, что с ним связано что-то
ужасное. Он убежал бы, если бы его ноги не
были пригвождены к земле, как глаза его бы-
ли прикованы к этим четырём высоко подни-
мавшимся фигурам.

Борис повернулся на скамье, подвинув сво-
ими сильными плечами связывавшие его
ремни, и обратился лицом влево. Андрей ви-
дел его в профиль и по движению губ дога-
дался, что тот говорит что-то толпе. Борис
несколько раз уже пытался это делать в про-

должение пути. Но бой барабанов стал так оглушительен, что нельзя было разобрать ни одного слова. Борис оставил напрасные усилия и гневно откинулся назад. Еще несколько поворотов колёс, и Андрей увидел их всех прямо в лицо. Они сидели в ряд, опираясь на одну и ту же доску.

Лицо Бориса дышало гневом бойца, пере-силенного числом, скованного, но не покрившегося до конца. Василий тихо разговари-вал с Бочаровым, сидевшим с краю. Он гово-рил, очевидно, что-то ободряющее, так как на губах юноши показалась слабая улыбка. На этом возвышении черты лица Василия утра-тили свойственный им оттенок грубости. Без-гранично спокойный, серьёзный и муже-ственный, он казался теперь Андрею совсем не тем человеком, которого он прежде знал.

Но со всяких подмостков над толпой царит женщина. Все эти тысячи глаз, казалось, смотрели на одно лицо, видели одну фигуру – ту, что сидела по правую руку Бориса. Пре-красная, как только может быть прекрасна женщина, с головой, окружённой как бы ореолом светлых развевающихся волос, она

обводила добрым, жалостливым взглядом теснившуюся у ее ног толпу, у которой в эту минуту было к ней одно чувство. Она кого-то искала там глазами. В своём прощальном письме, еще не полученном Андреем в это время, она писала, что все они были бы рады, если бы кто-нибудь из друзей стал на видном месте на пути к эшафоту, чтобы они могли увидеть друг друга. Она ожидала, что придёт именно Андрей, и наконец нашла его в толпе. Он стоял совсем близко внизу с поднятой к ней головой. Их глаза встретились.

Ни тогда, ни после Андрей не мог понять, как это случилось, но только в эту минуту все изменилось в нем, точно в этом добром, жалостливом взгляде были какие-то чары. Тревога и страх, негодование, жалость, месть – все было забыто, все потонуло в каком-то великом, невыразимом чувстве, охватившем все его существо. Это было нечто большее, чем энтузиазм, большее, чем готовность на всякие жертвы. Это была положительная жажда мученичества, внезапно пробудившаяся в нем. Он всегда порицал это чувство в других и считал себя самого совершенно к

нему неспособным, но теперь оно переполнило его душу и сердце, трепетало в каждой фибре его существа. Быть там, среди них, на этой черной, позорной колеснице, с плечами, привязанными к деревянной доске, подобно этой женщине, склоняющей над толпою свое лучезарное лицо, — это была не казнь, не жертва, а выполнение страстного желания, осуществление мечты о высочайшем счастье! Забывши место, толпу, опасность, все, повинаясь лишь неодолимому порыву, он сделал шаг вперед, протянув к ней обе руки. Если он не крикнул громко что-нибудь, что бесповоротно погубило бы его, то только потому, что голос отказался повиноваться ему. А может быть, его слова были заглушены барабанным боем, так же точно, как его движение затерялось в общей толкотне толпы. С обеих сторон улицы народ ринулся вперед, присоединившись к громадной толпе, шедшей следом за процессией.

Когда туман, застлавший на минуту глаза Андрея, рассеялся, он увидел, что невдалеке от него происходит какая-то свалка. Двое полицейских, подхватив какого-то человека под

руки – как дьякона, когда вводят архиерея в церковь, – тащили его, очевидно, в участок. К своему крайнему удивлению, Андрей узнал в арестованном того самого мужика, который рассказывал о рыжем коте и отчитывании. По-своему взволнованный видом осужденных, он встал посреди улицы на колени и, положив земной поклон вслед им, принялся читать за них какие-то молитвы.

Процессия и толпа удалились. Андрей не захотел за ними следовать. К чему? Разве не передали они ему свой последний, великий завет? Что могли они сказать ему еще? Поставив, пока колесница и толпа скрылись за углом, оставя улицу почти пустую, он тихо удалился. Перед ним лежало безлюдное предместье. Он быстро пересёк его и продолжал идти вперёд, не замечая, что оставил мостовую и идёт уже по большой дороге, окаймлённой полями и огородами. Он был очень задумчив, но уже не ошеломлён, как поутру, так как теперь он мог уже рассуждать логически. Думы его были невесёлые, но уже по другим причинам, чем утром, и характер их был не тот.

Мелкий кустарник пересёк дорогу длин-

ной полосой. Впереди показалась обнажённая роща, сквозь ветви которой мелькало серое небо. По очертанию ближайших деревьев можно было узнать дуб. Андрей повернул голову и, окинув взглядом местность, тотчас узнал, что это была та самая роща, где шесть месяцев тому назад сестры Дудоровы устроили свой пикник. Теперь его бесцельное шатание получило смысл: ему захотелось взглянуть на старое место, как человеку, вернувшемуся после многих лет на родину, хочется взглянуть на кладбище, где лежит прах его родных и близких.

Он нашёл знакомую прогалинку. Вот дерево, под которым пела Вулич. Вот место, где горел костёр. Вот тут сидели Бочаров и Дудоровы, а там стоял Василий с черпаком в руке. Сколько было надежд, сил, энергии – и что из всего этого вышло!

Кругом было уныло и мертво. Как крышка гроба, давили серые свинцовые тучи. Самые деревья с торчащими вверх корявыми, узловатыми ветвями казались черными исполинами, в немом мучении простирающими свои искалеченные руки к безответному

небу. Но вдруг солнечный луч скользнул между облаков, и все разом преобразилось. Свежие почки, предвестницы обновлённой жизни, дотоле незаметные, кучками показались на ветках. Ярким изумрудом засияла свежая трава на лужайке и на огромном поле у подножия холма; заблестели белые домики предместья. Вся природа весело улыбнулась в ответ на улыбку весеннего неба.

«Уж на какой ты радости разыгралось?» – грустным вопросом мелькнуло в голове Андрея. Но вдруг сердце его болезненно сжалось и забилося, как подстреленная птица, и что-то жгучее подступило ему к горлу: он вдруг почувствовал, не как догадку, а как несомненную, непоколебимую уверенность, что теперь, в эту самую минуту, всё кончилось там, на чёрном помосте... Закрыв лицо руками, он опустился на кочку. Но он тотчас же снова вскочил на ноги. Нет! Такое горе – священный залог. Его должно хранить и беречь целиком в самой глубине души, до конца дней, а не расточать в жалких и бесплодных изливаниях.

Он быстро, почти бегом, направился обрат-

но в город. Лицом к лицу с равнодушными, быть может, враждебными людьми он сумеет сдержать в себе все: он это знал.

Город понемногу принимал свой повседневный вид. Застывшая на минуту жизнь спешила войти в обычную колею. Предместье было еще пусто, так как отхлынувший поток людей еще не успел до него достигнуть. Но дальше начал попадаться народ, а там все больше и больше. Толпа упиалась вполне и лихорадочной дрожью ожидания, и замиранием ужаса, и тем оцепенелым недоумением и грустью, которые наступают после подобных зрелищ. Все это было оставлено позади. Теперь народ двигался проворно и разговаривал громко, как солдаты после долгого учения, где им пришлось поневоле молчать.

Представление кончилось, и зрители расходились по домам. Скольким из них это зрелище заронило в душу мысль или чувство, которого они не забудут всю жизнь? А сколько таких, которые вынесли из него только лучший аппетит к ожидающему их обеду?

На конспиративной квартире собралось, не сговорившись, человек восемь. Среди них

бросалось в глаза полное отсутствие женщин. Многие из мужчин тоже пришли только к вечеру. Между присутствующими Андрей увидел, к своему удивлению, и Жоржа, которого предполагал за тридевять земель, в Петербурге.

Дело в том, что петербургский кружок узнал раньше самого Андрея о взрыве в квартире Заики, так как об этом тотчас же дано было знать по телеграфу центральной петербургской полиции, а оттуда известие немедленно достигло секретными путями до революционеров. Вместе с тем они узнали, что пребывание Андрея в Дубравнике уже не тайна для полиции и что туда посылают несколько знающих его в лицо шпионов. Таня, испуганная всем этим, убедила Жоржа ехать немедленно в Дубравник и опередить таким образом отправляемых шпионов.

Но Жорж не спешил сообщить Андрею о причине своего приезда, и Андрей не спешил его расспрашивать. Они наскоро пожали друг другу руки, и Жорж молча подвинулся на диване, давая место Андрею. Тот сел, и оба стали слушать.

Всеобщее внимание приковал человек средних лет, с гладко выбритым лицом, по прозвищу «Дядя». В качестве чиновника на государственной службе он имел право доступа на самый черный помост, и он воспользовался этим правом, чтобы приговорённые увидели хоть одно дружеское лицо среди своих врагов. Он видел всю процедуру казни и теперь рассказывал о ней ровным, глухим голосом, просто, без всяких отступлений или комментариев.

Два человека стояли около него. Остальные сидели, кто на стуле, кто на подоконнике или на диване, застывши в различных позах, не шевелясь, не смотря друг на друга. Все слушали. Никто не предлагал вопросов, никто не делал замечаний.

Когда рассказ стал приближаться к роковому концу, Андрей почувствовал, что Жоржа начинает подёргивать нервная дрожь. Он крепко сжал его за локоть и потянул книзу, чтоб он не разнервничался и не помешал слушать. Жорж сдержал себя и выслушал до конца ужасные, жестокие подробности. Но тут его нервы не выдержали. С ним сделалась ис-

терика.

– Перестань, баба! – злобно вскричал Андрей, вскочив со своего места и тряся его за плечо. – Кровью, а не слезами отвечают на такие вещи!

Великая и страшная мысль зародилась в эту минуту в его душе. Но он не высказал ее. Ему нужно было много и много раз передумать ее про себя, прежде чем высказать вслух. Есть слова, которые преступно бросать на ветер и позорно брать назад, раз они высказаны.

Жорж успокоился через несколько времени, и они присоединились к кружку толковавших между собою товарищей. Все только и говорили, что о необходимости скорой мести. Генерал-губернатор, прокурор, жандармский полковник выставлялись «кандидатами», на головы которых должен был пасть удар.

Один Андрей молчал. «Всё это было бы недурно, – думал он, – но стоит ли игра свеч? Какая польза в этих ничтожных нападениях на ничтожных людишек, которые все, от мала до велика, не больше как пешки, без соб-

ственной воли и власти? Сколько бы их ни перебили, гнусное здание деспотизма от этого не пошатнётся. На каждый удар правительство всегда может ответить десятью, и революция выродится в мелкую борьбу между полицией и конспираторами. Если уж бить, так надо целить выше, – в того, кто является краеугольным камнем, главою всей системы».

Он равнодушно слушал горячие речи товарищей, потерявшие для него всякий интерес, и скоро ушёл, взяв Жоржа под руку.

Долго бродили они, так как им о многом хотелось переговорить. Жорж рассказал Андрею причину своего приезда и настаивал, чтобы он в ту же ночь ехал в Петербург. Таким образом он избегнет расставленных сетей. Андрей тотчас же согласился. Ничто более не удерживало его в Дубравнике.

Жорж успел оправиться от нервного потрясения, вызванного рассказом о казни. Из них двоих он был теперь наиболее бодрым.

– Нам нечего падать духом от неудач, – говорил он. – Наша победа зависит от нашей способности переносить одну неудачу за другою.

– Может быть, – задумчиво отвечал Андрей, – но в таком случае мы должны метить так, чтобы самая наша неудача была победою.

– Что ты этим хочешь сказать? – спросил Жорж, уловив что-то особенное в лице Андрея.

– Узнаешь потом, – уклончиво ответил Андрей, не желая пока высказываться.

Глава V

Прощальное письмо

По возвращении Андрей и Жорж застали Ватажко, дожидавшегося их с большим нетерпением. Давид был тут же – такой истомлённый и убитый, каким Андрей еще никогда его не видал.

– Как жаль, что вы раньше не пришли! – обратился к ним Ватажко. – Приходил Дядя и хотел вас видеть, Андрей.

– Зачем?

– Вам письмо от Зины, и ему нужно было повидать вас.

– Письмо от Зины?! – воскликнул Андрей. –

Где оно? У вас?!

– Нет, он не мог его получить, не повидавши вас. Затем он и приходил. Надзиратель ждал вас в трактире в условленный час. Но вы не пришли.

Правда, Андрей счёл за лишнее явиться на свидание теперь...

– В таком случае я сейчас же отправлюсь к нему на дом, – сказал Андрей, желая поправить свою ошибку.

– Слишком поздно, – возразил Ватажко. – Вы едва ли поймаете ваш поезд в Петербург.

– Чёрт с ним, с поездом! Если сегодня не удастся, я завтра повидаю надзирателя.

Им, однако, удалось уговорить Андрея не ходить к нему на дом, а назначить свидание на завтра, в трактире, что было безопаснее.

На следующее утро Ватажко отправился к надзирателю, чтобы уговориться относительно свидания, но он оказался на дежурстве в тюрьме и мог вернуться домой только поздно ночью. Ватажко явился ни с чем.

– Он, конечно, не взял с собою письма Зины в тюрьму. Не у жены ли оно? – спросил Андрей.

– Я то же думал, – отвечал Ватажко. – Но жена говорит, что ей неизвестно, куда он прячет такие письма.

Всё это было до крайности неприятно и означало, что Андрею придется по крайней мере прожить еще лишний день в Дубравнике, чего он никак не мог бы себе позволить из-за шпионов.

– Ну, так я пойду к нему в тюрьму, – заявил Андрей и тем вызвал всеобщее оцепенение.

– В тюрьму! В своём ли вы уме? – вскричал Ватажко.

– Почему же нет? Сегодня дают свидания политическим, и я пойду с Варей, которая видается с Дудоровыми.

– Тебя узнают и тут же арестуют, – сказал Жорж.

– Ну вот еще! Кому придёт в голову искать меня в приёмной тюремного здания? Это только кажется страшно. Впрочем, – прибавил Андрей спокойным тоном, – я пошёл бы, если бы даже была опасность. Я должен прочесть это письмо раньше, чем выеду отсюда.

Послание от погибших друзей имело для него, кроме задушевного смысла, еще другое,

более важное значение. Он был убеждён, что именно в нём, в этом письме, найдёт ответ на обуревавшие его сомнения и тревогу, и решил во что бы то ни стало раздобыть его.

Давид молчал. Он был очень взволнован и колебался – ему не меньше Андрея хотелось знать содержание письма Зины. Но вместе с Жоржем он стал отговаривать Андрея от слишком рискованного шага. Он предложил остаться в Дубравнике еще дня два-три и привезти письмо в Петербург.

Но Андрея трудно было урезонить. За последние дни он жил в атмосфере смерти и всевозможных ужасов, и ощущение опасности в нём окончательно притупилось.

– Нечего толковать! – сказал он с нетерпением. – Я пойду один и вернусь к поезду. Встретимся на вокзале.

Не дождавшись возражений, Андрей вышел и быстрыми шагами направился к Варе.

Свидания с политическими происходили между двумя и четырьмя часами пополудни. В половине второго Андрей, с провизией и книгами в руках, направлялся к мрачному квадратному зданию, с которым у него связы-

валось так много воспоминаний. Варя Воинова шла рядом с ним. Она хорошо знала процедуру тюремных свиданий и охотно согласилась на просьбу Андрея. Ей даже показалась забавной эта затея. Но при виде тюрьмы с ее массивными железными воротами и вооружёнными часовыми ей овладело чувство страха и раскаяния: «Что, если его там арестуют?»

– Послушайте, Кожухов, – сказала она. – Отдайте мне провизию и книги и ступайте домой. Меня страх берет, что эта шутка окончится скверно.

Андрей поднял опущенную голову и встретился, как бы со сна.

– Чему быть, того не миновать, – сказал он рассеянно.

На самом деле он совсем не думал о том, что с ним может случиться, и даже хорошенько не расслышал слов Вари. Его давило мучительное сознание, что два дня тому назад четверо погибших друзей выехали из этих самых ворот и последовали на виселицу.

Часовой впустил их и, когда они переступили высокий порог, с шумом задвинул засо-

вы и запер ворота. Андрей очутился в пасти льва. На минуту он почувствовал изумление и беспомощность человека, внезапно брошенного в тюрьму. Он смотрел и прислушивался. Раздавался сдавленный шум голосов в царившем кругом полумраке. Слабый свет проникал из щелей железных ворот, находившихся по обоим концам проезда, в котором они стояли. Тюрьма была четырёхугольной формы и заключала внутри небольшой двор. Ведущий ко двору проезд под сводом служил в то же время приёмной для приходивших на свидания.

Когда глаза Андрея привыкли к темноте, он различил группу мужчин, женщин и детей, скучившихся около железных решёток по обеим сторонам узкого проезда. Посетители к уголовным составляли большинство. Но в углу, направо от входа, можно было заметить несколько человек, мужчин и женщин, принадлежавших по внешнему обличью к привилегированным классам. Обилие цветов и книг в руках у большинства из них резко отличало их от остальной публики. Они явились на свидание с политическими.

Варя направилась к ним, а Андрей следовал за нею на некотором расстоянии. Обычная обстановка и знакомые лица вернули ей самоуверенность и бодрость. Она забыла и думать об опасности в этом месте, где чувствовала себя совершенно как дома. Она поздоровалась со всеми и обменялась новостями и вопросами. Бледнолицая дама с мальчиком лет десяти задержала ее дольше других. В руках у нее был большой букет цветов.

– Какие чудные цветы! – воскликнула Варя. – Дайте мне немного для моих заключённых. Я сегодня не захватила с собой. – И, овладев букетом, она без церемонии разделила его пополам. Из своей половины она передала часть стоявшему около нее седому господину. – Вот для вашей дочери, – сказала она. – Цветы больше всего радуют заключённых. – Затем она обратилась к старухе крестьянке в простом деревенском платье, с тёмным ситцевым платком на голове. – Много ли еще у вашего сына денег? – спросила она.

– Два рубля, матушка, – отвечала старуха.

– Этого не хватит на месяц, – заметила Варя. – Я принесу еще два в следующее воскресенье.

нъе.

Она вынула из кармана толстую потёртую записную книжку и сделала в ней отметку. В качестве революционной сестры милосердия она заведовала денежным фондом для заключённых и заботилась о том, чтобы все они, богатые и бедные, получали свою долю денег, книг, белья и всего остального.

– Кто эта барыня с ребёнком? – спросил Андрей.

– Жена Палицына, мирового судьи, – сказала Варя. – Его отправляют в Сибирь на каторгу. Она следует за ним. Горько ей приходится, потому что она вынуждена оставить мальчика у родственников.

Варя рассказала ему и об остальных посетителях. Старый господин – местный купец – пришёл попрощаться с младшей дочерью, которую вслед за двумя старшими ссылают в Восточную Сибирь. Старуха крестьянка навещает сына, одного из лучших пропагандистов-самоучек из рабочих. Другие принадлежали к разным классам и состояниям и были связаны лишь общим горем.

Звяканье цепей и засовов у внутренних во-

рот прервало их разговоры. Ворота открылись настежь, обдавая на минуту светом мрачный проезд. Затем въехал тюремный фургон с партией уголовных, выходявших на свободу.

Внутренние ворота тотчас же заперли; вслед за ними открылись наружные; фургон исчез, и все снова погрузилось в темноту.

Все дожидались молча. По временам у дверей, ведущих к тюремной конторе, появлялся сторож и выкликал имена тех, к кому пришли на свидание.

– Долго еще нам ждать? – спросил Андрей Варю.

– Нет, недолго. У фальшивомонетчиков свидания уже кончились; теперь идут воры и грабители, а за ними по списку наша очередь, – прибавила она с улыбкой.

Наружные ворота хлопнули еще раз, впус-тив старика в потёртой чиновничьей шинели. Он беспокойно оглядывался кругом, щуря свои маленькие глаза и стараясь отдышаться. Очевидно, он торопился, чтобы не опоздать. Когда он снял шляпу, чтобы вытереть платком лоб и лысину, лицо его показалось Ан-

дрею как будто знакомым.

– А, вот и Михаил Евграфович! Наконец! – сказала Варя, указывая на тучного полицейского офицера, показавшегося в дверях конторы.

– Посетители к политическим! – выкрикнул он.

Варя быстро поднялась на ступеньки, ведущие к конторе, и тотчас же подошла к полицейскому, которого довольно хорошо знала.

– Михаил Евграфович, – обратилась она к нему, – я привела с собой брата Дудоровых. Он приехал нарочно из Москвы и уезжает завтра. Он не успел получить разрешение, а между тем...

Полицейский бросил испытующий взгляд на предполагаемого брата, который приблизился и вежливо поклонился.

– Запишите имя в конторе, – повернулся он к Варе. – Только это в последний раз. Вы знаете правила.

Старый лысый господин тем временем подошёл к разговаривавшим.

Услыхав имя Дудоровых, он вздрогнул и с большим изумлением посмотрел на молодого

человека, заявлявшего себя братом осужденных девушек. Он произнёс многозначительно «ГМ», но пока молчал.

– Позвольте, сударь, – обратился он наконец к офицеру довольно спокойно. – Я тоже прошу свидания с сёстрами Дудоровыми. Я Тимофей Дудоров, их дядя.

– Не могу разрешить, – резко ответил офицер. – Уже и без того двое пришли к ним на свидание.

– Но у меня специальное разрешение, и они мои племянницы. Раз вы допускаете посторонних, – сказал он, бросая подозрительный взгляд на Андрея.

– Невозможно. Приходите в другой раз, – продолжал офицер, не слушая его.

Отдав громким голосом какое-то распоряжение одному из служащих, он удалился в контору. Но старик не хотел угомониться. Он был вне себя за выказанное ему непочтение.

– Это неслыханно! Я пожалуюсь тюремному смотрителю! – гремел он, направляясь в контору.

Варя вся похолодела. Она предвидела катастрофу. Бросившись к беспокойному старику,

она схватила его за руку.

– Что вы делаете! – шепнула она ему, отводя его в сторону. – Он жених Маши, и они любят друг друга до безумия. Они собираются повенчаться, как только выяснится ее положение. Вы их погубите вашими жалобами. Успокойтесь, ради бога: я всё улажу.

– А, понимаю! – сказал он, смягчившись. – Вам бы следовало меня предупредить.

Варя отправилась в контору для объяснений, а старик подошёл приветствовать своего будущего родственника.

– Я знаю вашу тайну, молодой человек, и со своей стороны желаю вам всякого благополучия и счастья, – начал он, но вдруг остановился.

Андрей поднял на него недоумевающий взгляд, и тут они узнали друг друга. Дядя Дудоровых оказался тем самым попутчиком, с которым Андрей возвращался из-за границы в Петербург.

– Мы, кажется, где-то встречались с вами, – произнёс он упавшим голосом.

И раздражение и снисходительность исчезли в нём сразу. Он вспомнил свои ради-

кальные речи в вагоне, и теперь страх охватил его и парализовал все его способности.

– Может быть, – заметил осторожно Андрей, – но я никак не могу припомнить, при каких обстоятельствах.

Старик сразу почувствовал дружеское расположение к Андрею и счёл лишним освежать в его памяти их разговор.

– Я, конечно, не стану препятствовать вашему свиданию с Машей, – сказал он. – Вы передадите ей от меня привет. Нам, старикам, нужно уступать место молодым.

Со свойственной ему болтливостью он разговорился о своих племянницах, расхваливая обеих, особенно Машу, объясняя, как он был поражён известием об их участии в конспирациях.

– Это эпидемия, сударь мой, чистая эпидемия! – повторял он.

Между тем Варя вернулась с приятными вестями. Все удалось к лучшему. Дяде дадут свидание с младшей племянницей, а Варя и Андрей повидают Машу.

Дудоров попал в первую партию посетителей и был вызван через несколько минут.

Четверть часа спустя он вернулся, очевидно весьма довольный собою. Проходя мимо Андрея, он с таинственным видом шепнул ему:

– Я поручил передать Маше о вас. Ей будет приятно знать заранее.

Потянулась новая вереница посетителей к политическим – отцы, матери, дети, жены. С цветами и узелками в руках, возбуждённые перспективою свидания, они торопливо следовали друг за другом, оживлённые каким-то лучом надежды.

Назад они возвращались без цветов и с потухшими взглядами. Казалось, бездна, в которую они окунулись на минуту, лишила их и цветов, и света. Некоторые из них были так глубоко потрясены, что едва сдерживали свое волнение. Как тени, подвигались они под темным сводом к выходу. Эта картина подействовала подавляющим образом на Андрея. Нервы его, обыкновенно не особенно чувствительные, были сильно потрясены за последние дни. Он читал на лицах этих посетителей историю неведанных миру страданий и слез, и ему казалось, что за два часа, проведённых им в тюремной приёмной, он

насмотрелся на такую бездну горя, какой не видал раньше за всю свою жизнь.

Наконец вызвали к Марии Дудоровой.

– Идём! – сказала Варя.

Быстрыми шагами прошли они через какие-то тёмные коридоры, где сталкивались с шедшими им навстречу тенями, лиц которых они не могли разглядеть. Их ввели в очень высокую светлую комнату, скорее похожую на коридор. Вдоль ее, по обеим сторонам, находилось как бы два громадных шкафа с железными решётками вместо стёкол. При ближайшем рассмотрении можно было заметить, что эти решётки – двойные. За первой решёткой была поставлена другая на расстоянии двух или трех аршин от первой. В промежутке между ними ходил стражник. В самой комнате сидели два сонных сторожа; на их обязанности лежало наблюдать за посетителями.

– Где же заключённые? – спросил Андрей.

– Их сейчас приведут. Сперва необходимо заполучить нас, – отвечала Варя.

Старший сторож заявил, что всё принесённое для заключённых должно быть передано

дежурному.

Андрей взял у Вари вещи и направился к форточке, за которой стоял дежурный – знакомый Андрею надзиратель. Андрей пропустил вперёд других посетителей и затем уже впихнул свой довольно большой узел.

– Сёстрам Дудоровым! – сказал он громким голосом и сейчас же прибавил шёпотом: – Мне необходимо письмо сегодня. Где оно?

Дежурный, казалось, ничего не расслышал. Он медленно разворачивал и рассматривал содержимое узла.

– В задней комнате, под старым ящиком, – отвечал он, не подымая глаз с жареной курицы, которую разрезал на четыре части, чтобы убедиться, не спрятано ли в ней чего-нибудь.

Варя уже разговаривала с Машей Дудоровой, видневшейся из-за второй решётки. Лицо ее изображало светлое пятно под густой железной вуалью.

– Так вот кто мой жених! – засмеялась она, увидев подходившего Андрея. – Я никак не могла догадаться со слов Кати.

– Как же вы поживаете и сестра ваша? – спросил Андрей.

Маша сообщила, что они обе совершенно здоровы и что их скоро отправят в Сибирь. Она даже назвала ему прииск, где их водворят.

У Андрея оказалось там несколько товарищей, и он попросил передать им привет.

Они беседовали вполголоса, чтобы их не было слышно извне. В сущности, им нечего было опасаться, так как их знакомый надзиратель притворялся, будто ничего не слышит.

Девушка обещала исполнить поручение и, в свою очередь, из-за решётки посылала ему горячий привет и выражала надежду, что он еще долго будет на свободе и многое успеет сделать.

– Постараюсь! – с чувством отвечал он.

Отрывки этого разговора долетели до Машиного соседа с левой стороны. Она обменялась с ним двумя-тремя словами шёпотом.

– Мой сосед Палицын желает с вами познакомиться, Андрей, – сказала ему Маша.

Стоявший за решёткой известный революционер и бывший мировой судья Палицын был человек лет сорока, невысокого роста, с энергичным лицом, квадратным подбородком.

ком и такой же головой. Андрей мог бы легко догадаться об этом раньше по жене и сыну, стоявшим против его клетки.

Он был рад познакомиться с Палицыным и выразил сожаление, что они не могут встретиться по эту сторону решётки.

– Почём знать? Может быть, еще встретимся на свободе, – весело отвечал он, вскидывая головой. – Высоки тюремные стены, а ястреб и того выше парит. Ну, да вот мой сынок скоро заместит меня, – прибавил он, указывая на мальчика, который весь вспыхнул.

Их разговор был неожиданно прерван раздавшимся на всю комнату громким восклицанием: «Андрей, Андрей!»

Задремавшие сторожа встрепенулись. Все повернулись в сторону, откуда шёл оклик. Андрей смотрел с удивлением и любопытством, Варя – с нескрываемым ужасом.

Один из заключённых с противоположной стороны энергично манил рукой. Андрей прошёл через комнату и приблизился к решётке.

– Митя! Возможно ли? Ты здесь? – Он узнал старого друга и товарища по университету, с которым меньше всего ожидал встречи в та-

ком месте.

Сторож вмешался.

– Пожалуйста на ваше место, – сказал он резко. – Запрещено разговаривать с заключёнными без разрешения.

– Очень хорошо, – вежливо отвечал Андрей, не торопясь, однако, уходить.

– Третий год! По подозрению! – выкрикивал между тем молодой человек. – Чахотка. Доктор говорит, одна восьмая лёгких осталась! – продолжал он торжествующим голосом, как будто ему доставляло громадное удовольствие делиться с Андреем такими необыкновенными новостями.

Неудержимый кашель прервал его речь. Подали сигнал о прекращении свидания, и заключённых стали уводить. Посетители тоже начали расходиться. Варя и Андрей замыкали шествие.

Между тем в проезде под воротами происходила какая-то суматоха.

– Что случилось? – спросила встревоженная Варя.

– Привезли нового политического, – сообщила ей Палицына.

В самом деле, два жандарма распоряжались в подворотне: один отворял ворота, другой удерживал теснившуюся публику.

Общество тюремных сторожей было совершенно безопасно для Андрея, потому что никто, кроме знакомого надзирателя, не знал его в лицо. С жандармами же дело обстояло иначе; ему следовало избегать их по многим причинам. Но почему-то ему показалось, что именно теперь, после свидания, он вне всякой опасности. Желание узнать, кого привезли – быть может, знакомого, близкого товарища, – заставило его забыть всякую осторожность.

Он протолкался вперёд и, склонившись к решётке, стал дожидаться при входе, в двух шагах от ворот. Он ждал не напрасно. Когда въехала тюремная карета, он увидел через решетчатую дверцу измождённое, страшно бледное лицо Заики. Продержав его три дня в больнице, власти нашли, что он достаточно оправился, и перевели его в тюрьму.

Поражённый таким ужасным открытием, Андрей не заметил, как сам в эту минуту сделался предметом внимательного созерцания

со стороны рыжего жандарма, следовавшего за каретой. Он так заинтересовался Андреем, что, протолкавшись вперёд, пошёл доложить по начальству.

Через минуту он вернулся с другим жандармом, постарше чином. Но Андрея и след простыл. Не дождавшись Вари, он шмыгнул из ворот и быстро зашагал по направлению к квартире надзирателя, где хранилось драгоценное письмо. Ему было слишком тяжело, и он предпочёл уйти один.

Часовой, привлечённый въезжавшей каретой, не заметил выходявшего Андрея, и на все расспросы с полной уверенностью отвечал, что никто не выходил из ворот за последние пять минут.

Глава VI

Великое решение

Жоржу, мало привыкшему к революционной практике, пришлось провести несколько часов в мучительном ожидании. Страх за Андрея овладел им, и он поминутно обращался к Ватажко с тайной надеждой найти у него успокоение, но юноша своими ответами только хуже усиливал его волнение.

– Нет, мы не должны были отпускать его, – говорил Жорж с чувством позднего раскаяния.

– Авось сойдет, – спокойно заметил Ватажко. – Андрей побывал и не в таких передрягах.

Юноша приобрёл уже некоторую опытность и привык довольно хладнокровно относиться к опасности.

– Положим, – возразил Жорж, – а все-таки так легко бывает провалиться на пустяках.

С этим Ватажко охотно согласился и начал приводить в подтверждение самые поразительные примеры из своего собственного опыта и из жизни товарищей.

Нельзя сказать, чтобы он был подходящим собеседником в эту минуту.

Жорж чувствовал себя обиженным и очень несчастным. Он не мог простить себе, что не настоял на своем, и горько упрекал себя в излишней податливости – он всегда так делал в подобных случаях. Он охотно преувеличивал свое влияние на Андрея и именно теперь был уверен, что если бы проявил немного больше энергии, то мог бы настоять на том, чтобы письмо было предоставлено Давиду, и отговорить Андрея от его отчаянного похождения.

Велика же была его радость, когда Андрей явился минута в минуту к назначенному сроку.

Петербургский поезд уходил в половине десятого. Нужно было торопиться.

– Идём, – сказал Андрей. – Вещи, конечно, уложены?

Но вещи, конечно, не были уложены. Погруженный в думы о том, что могло случиться и чего можно было бы избежать, Жорж забыл обо всем остальном. К счастью, сборы были недолгие. У них было ровно столько ве-

щей, сколько нужно было, чтобы сойти за обыкновенных путешественников, и, наскоро уложившись, они отправились на вокзал.

Из-за Андрея пришлось принять чрезвычайные предосторожности. Ватажко с вещами поехал вперёд на извозчике. Он должен был купить билеты, занять места в вагоне и только за несколько минут до отхода поезда встретить Андрея и Жоржа недалеко от станции. Толкаться на людях в ожидании поезда было бы небезопасно.

Оба друга последовали на другом извозчике минут десять спустя и сошли у перекрёстка около вокзала. Ватажко подошёл к ним раньше, чем они ожидали. Билетов он не стал покупать, так как убедился, что Андрею невозможно даже показаться. Выслеживание уже началось. Рыжий жандарм, очевидно, узнал Андрея, и ему устроили западню на вокзале, наполнив его полицейскими. Два парня в штатском платье – вероятно, шпионы, знавшие Андрея в лицо, – стояли у входа и нагло заглядывали всем в глаза. Они, несомненно, узнали бы Андрея, и по их знаку его бы тут же арестовали.

Оставив вещи в приёмной, Ватажко поторопился к друзьям и предложил им выбрать-ся из города другим путём, а именно: доехать до следующей станции на лошадях, а оттуда взять билеты в Петербург. Давид выедет к ним навстречу и предупредит в случае опасности.

– Но почему же вы не купили билета Жоржу? Ему, надеюсь, нечего опасаться. Зачем же ему оставаться тут? – заметил Андрей.

Ватажко не подумал об этом, но время еще не ушло, и Жорж мог бы поймать поезд.

Однако он решительно этому воспротивился.

– Решено было, что мы едем вдвоём, – заявил он, – и я не вижу причины, почему и мне не взять билета со второй станции.

Теперь он твёрдо решил не уступать, как бы в отместку за свою прежнюю податливость.

Андрей, впрочем, не противился.

– Хорошо, – сказал он, – едем вместе.

Он был рассеян, удручён и мало обращал внимания на то, что делалось вокруг. Тюрма и Зинино письмо глубоко взволновали его и

еще более усилили то хаотическое настроение, в котором он находился. Думы овладели им, и он еще не находил выхода из своих сомнений.

Они пошли втроём, причём Ватажко объяснял им, как достать лошадей и вообще устроить все к лучшему.

– Если вы, – прибавил он, – ничего не имеете против пешего хождения, то ничего безопаснее нельзя придумать. Всего каких-нибудь двадцать пять вёрст.

Такая мысль понравилась им, особенно Жоржу.

– А как же быть с нашим платьем? – спросил он. – Господам не полагается путешествовать пешком, а доставать крестьянскую одежду возьмёт еще день.

– Я постараюсь достать платье сегодня же, – сказал Ватажко. – Попробую у братьев Шигаевых – они мои приятели, плотники.

Новый план был очень хорош, так как давал возможность двинуться в путь рано утром. Ватажко побежал к своим плотникам.

Он вернулся очень поздно с большим узлом к себе на квартиру, где Андрей и Жорж

приютились на ночь. Все уладилось как нельзя лучше.

В узле оказалось крестьянское платье на двоих и еще два холщовых мешка с разными предметами, какими обыкновенно запасаются странствующие плотники. Кроме того – что было всего важнее, – братья Шигаевы снабдили Андрея и Жоржа своими паспортами.

Андрей поручил Ватажко поблагодарить плотников за их услугу и обещал вернуть паспорта сейчас же по приезде в Петербург.

– Торопиться не к чему, – заметил Ватажко. – Паспорт старшего брата, Филиппа, можете держать сколько угодно. Кстати, приметы сходятся с вашими, да к тому же Филипп не побоится неприятностей с полицией из-за вас. Он вас очень полюбил.

– Как так? Не будучи даже знаком со мною? Оно выходит совсем романтично, – сказал Андрей с улыбкой.

– Нет, он знает вас и даже разговаривал с вами. Он был один из пятидесяти. Помните, как на одном из наших собраний один молодой рабочий, черноволосый, заявил, что ему револьвер не нужен, что он явится с топором

за поясом: оно сподручнее. Он и есть Филипп Шигаев.

– Да? Так я хорошо его помню. Только забыл его имя. Однако нам долго разговаривать не полагается, – спохватился Андрей с внезапной резкостью. – Давайте ляжем спать. Завтра надо рано вставать.

Он боялся, чтобы начатый разговор не перешёл на последние ужасные события. Ему необходимо было отдохнуть физически и нравственно, а между тем связанные с таким разговором мучительные воспоминания окончательно лишили бы его сна.

«До завтра!» – сказал он самому себе, закрывая глаза с твёрдым намерением уснуть.

У него было смутное предчувствие, что завтра всё выяснится, всё решится. Это его слегка успокоило и помогло прогнать нахлынувшие мысли.

Он спал как убитый. Но зато проснулся раньше других. Вместе с первыми проблесками сознания в нём заговорило твёрдое убеждение, что ему сегодня предстоит выполнить важное дело, оставленное им недоконченным накануне. Он тотчас же вспомнил, о чем

он думал перед сном, вспомнил посещение тюрьмы – и все то, что случилось вчера, все, что он пережил за эти дни, сразу всплыло перед ним.

«Сколько жертв! Зина погибла; Борис, Василий и Бочаров – тоже. Обе Дудоровы и много, много других похоронены заживо. Его самого арестуют не сегодня-завтра. И казнят. И кому какая польза от всех этих жертв?»

В его воображении всплыла картина толпы, возвращавшейся с места казни, и его обдало холодом. Но он прогнал от себя это видение.

Нет, не к тому привели его революционная практика и собственные размышления. Эти жертвы погибли не даром. Они – застрельщики, поднявшие дикого зверя с его логовища и поплатившиеся за то своей жизнью. Оставшиеся в живых товарищи должны теперь продолжать их дело.

Мысль, неопределённо бродившая в его душе со времени рассказа Дяди, теперь носилась над ним, как ястреб, описывающий круги над своей добычей, и в форме неумолимого вопроса требовала немедленного и оконча-

тельного ответа.

Полуодетый, он потихоньку двигался взад и вперед по комнате босиком, чтобы не разбудить Жоржа.

В его голове ясно формулировалась одна мысль: борьба с наёмными слугами деспотизма сделала свое дело. Теперь нужно напасть на самого царя, и он, Андрей, должен взять на себя это дело.

«А Таня?» – зазвенел внутри его какой-то голос.

Сердце его оборвалось на минуту, но ничем не ответило на мучительный призыв. Оно получило удар, но, как резиновый мяч, отдало его назад, не залившись кровью. Ввиду бесконечных, неизмеримых страданий России что значит их личное горе? Таня для него не только жена, она – друг, она – товарищ в великой борьбе. Она одобрит его решение и мужественно вынесет свою долю страданий.

Личные соображения не смущали его. Его волновала принципиальная сторона дела. Следует ли начинать эту борьбу или нет?

Андрей знал, что, каково бы ни было его

личное мнение, окончательное решение будет зависеть от исполнительного комитета. Но он знал также, что есть случаи, когда внесённое предложение составляет половину дела, а есть дела, в которых половина так же важна, как и целое.

Серьёзность замысла и сопряжённая с ним ответственность заставили бы задуматься самого легкомысленного и недобросовестного человека, а Андрей не был ни тем, ни другим.

В его теперешнем настроении ответ напрашивался сам собою. Горечь неудачи, жажда мщения, тяжёлые испытания последних роковых дней, все то, что на время было задавлено в глубине души, теперь клокотало в его сердце, грозное и готовое каждую минуту прорваться наружу. Но он не давал воли своей страсти. Ему хотелось обсудить дело по существу, без всякого отношения к самому себе.

Нравственное право и справедливость замышляемого не подлежали для него никакому сомнению. Но своевременно ли, полезно ли было для освобождения страны вступить теперь на этот путь? Снова и снова обсуждал он этот вопрос, взвешивал его со всех сторон

по возможности спокойно и хладнокровно, с внутренним трепетом человека, который ступает на зыбкий мост, переброшенный через пропасть, и с дрожью в душе обдумывает каждый шаг, как бы не оборваться.

И на каждое сомнение он находил один ответ: да, да! Конечно, да! Попытка будет и своевременна и полезна. Пусть комитет обсудит; но он обязан внести свое предложение.

Почему, однако, из всех революционеров именно он должен взять на себя этот акт возмездия и самопожертвования?

Но этого вопроса он уже не мог обсуждать беспристрастно, как геометрическую задачу.

То нечто, клокотавшее в его душе, рванулось теперь наружу, не дожидаясь отпора, и охватило огнём всё его существо. Оно разом уничтожило все его колебания, заглушило любовь, личные привязанности, чувство жалости, подобно тому, как прорвавшийся поток лавы уничтожает дома, ограды, весёлые рощи – всё, что попадает ему на пути. Андрей круто остановился посреди комнаты. Лицо и глаза его горели мрачным и восторженным пламенем. Он вскинул вверх обе руки

тем же самым движением, каким приветствовал Зину, когда она шла на казнь.

Решение – окончательное, бесповоротное – было принято. Теперь о нём можно было заговорить.

Он разбудил Жоржа и сообщил ему, с каким намерением едет в Петербург. Жорж не пришёл в восторг от такой новости. Он казался скорее огорчённым более из-за Тани, чем из-за Андрея, хотя не решался коснуться такого щекотливого предмета. В принципе он, однако, ничего не имел против соображений Андрея: на первых порах и этого было довольно.

Они подняли Ватажко, спавшего в соседней комнате, и стали собираться в дорогу. По всем соображениям, надо было выйти из города часов около восьми, когда крестьяне возвращаются домой с базара.

В мешках, присланных плотниками, оказалось по куску хлеба с солью, мерка, кое-какие инструменты и два хороших топора с короткими ручками. Андрей и Жорж засунули их за пояс: они дополняли костюм и в случае нужды могли пригодиться для самозащиты.

Одно в путешественниках не гармонировало с их настоящим званием – их обувь. У Ватажко нашлись высокие охотничьи сапоги в пору Жоржу. Андрей же вынужден был отправляться в барских сапогах. Но на такую мелочь они решили не обращать внимания и, попрощавшись с Ватажко, быстро вышли, закинув мешки за спину.

Когда они стали подходить к заставе, им тотчас бросились в глаза два городских, стоявших около нее в ленивой, выжидающей позе. Со времени уничтожения откупа живые столбы порядка и закона были уничтожены; два деревянных столба, выкрашенные в казённые пёстрые краски, одни олицетворяли собою начальство. Присутствие же двух полицейских, несомненно, обозначало что-то необычайное.

Их предположения вполне оправдались, когда они подошли поближе. Баба с пустой корзиной, в которой теперь помещался ребёнок, прошла заставу почти незамеченная, но двое пожилых мужчин – крестьянин и мещанин – были внимательно осмотрены с головы до ног полицейскими. Их, впрочем, оставили

в покое, так как одному из них было лет пятьдесят, а другому – под сорок. С молодым же рабочим, следовавшим за ними, произошла почти драка. Его о чем-то спрашивали, и он, по видимому, отвечал довольно резко, так как один из полицейских – коротконожка с физиономией бульдога – бросился на него с поднятыми кулаками. Молодой парень отразил удар и убежал вперёд, выкрикивая что-то в насмешку.

Нетрудно было нашим путешественникам догадаться, зачем поставлены эти два стража.

– Надо приготовиться! – воскликнул Жорж, закипая воинственной отвагой.

– Вовсе нет, – возразил Андрей. – За этим дело не станет. Предоставь всё мне. Увидишь, всё сойдёт благополучно.

Но внутренне он уже раскаивался, что взял с собой Жоржа. К чему было подвергать его опасностям, которые в конце концов могут оказаться серьёзными!

Они очутились у самой заставы. Оба полицейских впились в них глазами особенно в Андрея – со смешанным выражением наглости и нерешительности.

– Стой! – крикнул коротконогий городской, преградив им дорогу.

Они остановились.

– Кто такие и куда идёте? – спросил он.

– Плотники, домой ворочаемся, – спокойно отвечал Андрей.

– Имя? Адрес? Какой губернии? Сколько времени проживали в городе? – сыпал полицейский.

Андрей отвечал не колеблясь. Он хорошо изучил свой паспорт.

– Почему не поехал по чугунке? Теперь все ездят.

– Чай, дороги вольные, – огрызнулся Андрей, подумав, что не мешает иной раз дать отпор.

– Ладно! Разговаривай, да с опаской. Паспорт при тебе?

– Паспорт, вот он.

– Покажи, что у тебя в мешке-то?

– Чего показывать? Ничего вашего там нет, – сказал Андрей обиженным тоном. – Только время зря терять с вами.

– Делай, что приказывают, да смотри в оба! – строго заметил ему городской.

Андрей пожал плечами и раскрыл мешок с полузадетой и полунасмешливой миной. Осмотрев всё содержимое, полицейский сам почувствовал, что напрасно теряет время и своё и чужое.

– А ты? – обратился он к Жоржу более мирным голосом.

– Семён Шигаев. Тоже домой иду.

– Братья? – поинтересовался полицейский.

– Да, братаны, – объяснил Жорж, сообразив, как мало сходства у него с Андреем.

Тем временем у ворот скопился народ, ждавший своей очереди.

– Ступайте! – сказал полицейский, беспомощно махнув рукой.

Андрей перебросил свой мешок через плечо и двинулся, радуясь, что инцидент кончился. Но тут другой полицейский – худой, со злым, покрытым оспой лицом, до сих пор не принимавший участия в происходившем, – наклонился к своему сангвинику-товарищу, старшему чином, и стал ему что-то нашёптывать, указывая на злополучные сапоги Андрея.

– Стой! – крикнул он Андрею. – Тебя в уча-

сток свести нужно.

Жорж тоже остановился. Он не сомневался, что теперь всё погибло.

– Зачем в участок? – отвечал Андрей. – Я не пьян, и паспорт мой как следует быть.

– Уж там рассудят! Наше дело останавливать вашего брата.

– По какой же причине?..

– Это уже нам знать!

Дело принимало нехороший оборот. Справиться с такими двумя балбесами было бы легко, но бежать и скрыться среди бела дня представляло большие затруднения.

Быстро обозревая местность и обдумывая, как поступить в случае крайности, Андрей между тем громко протестовал против такого обращения с человеком при паспорте и хватал своими хорошими местами и хозяевами, которые дадут ему самые лучшие рекомендации.

– Семён, – обратился он к Жоржу в пылу справедливого негодования, – ступай-ка да попроси управляющего господина Архипова, чтобы пришёл сейчас сюда. Близёхонько, – объяснял он полицейским, называя одну из

соседних улиц.

Ему хотелось услать Жоржа. Один он чувствовал бы себя гораздо лучше, и во всяком случае его положение было бы не хуже.

Полицейские, казалось, ничего не имели против этого, так как в их инструкциях подобный казус не предвиделся. Но Жорж не двигался с места. Он понял манёвр Андрея, естественный и совершенно основательный с «деловой» точки зрения, но он не мог уйти, оставив Андрея одного в беде.

– Нет, лучше не ходить, – сказал он. – Ефим Гаврилыч с норовом. Он рассердится, коли его из-за пустяков тревожить.

Андрею невозможно было настаивать.

– Ведите нас в участок, коли так, да скорее. Потому нам некогда.

Прежде чем предпринять что-нибудь, необходимо было оставить это место, потому что у ворот скопилось уже довольно много прохожих и зевак.

– Дождись дозора, – коротко ответил полицейский. – Нам из-за вас службу бросать не приходится.

– Ладно!

Они отошли и, усевшись неподалёку на земле, закурили трубки.

Разочарованные в своих ожиданиях любопытные разошлись. Даже полицейские перестали обращать на них внимание. Но дозор мог прийти с минуты на минуту, и нельзя было терять драгоценного времени.

Жорж шепнул своему другу, выпуская клуб дыма:

– Сунь негодяю десятирублёвку.

Андрей кивнул. Он и сам стал подумывать о подкупе. Выбрав минуту, когда никого не было около, он сказал:

– Сколько возьмёте, чтобы отпустить нас с богом?

– А сколько дашь? – был стремительный ответ.

– Вот сколько, – отвечал Андрей, показывая кучку медяков.

Предложить большую взятку при таких обстоятельствах значило бы возбудить подозрение и погубить всё.

– Мало! Нас двое. Давай рубль.

– Вишь ты! Да у меня таких шальных денег в заводе нет. Берите гривенник. Я бы и этого

не дал, да недосуг мне ждать.

Однако у него не хватило хладнокровия торговаться дольше. Он увеличил взятку, и оба очутились на свободе.

В первой же деревушке они наняли телегу и к обеду добрались до станции. Давид был уже там и известил их, что все в порядке и что шпионов не видеть. На этот раз Андрей настоял, чтобы приятная компания разбилась. Они купили себе каждый отдельно билеты и заняли места в разных вагонах, уговорившись на промежуточных станциях не признавать друг друга, а встретиться, только достигнув места назначения.

Глава VII

У себя дома

Таня сидела у себя в комнате в самом угнетённом настроении после трех дней мучительной нравственной пытки, когда Давид явился с известием, что Андрей приехал в Петербург здоров и невредим и часа через два будет дома. Он сделал это по поручению Андрея, который не мог прямо явиться к Тане из-за процедуры переодевания.

К удивлению Давида, Таня не обнаружила никакой радости. Она бросила на него удивлённый, испытующий взгляд, как будто он привёз самые неприятные вести, которым она ни за что не хочет верить.

– Кто вам сказал? – спросила она недоверчиво.

– Да никто. Мы с ним вместе приехали из Дубравника. Уверяю вас, то был ваш Андрей – настоящий, живой, а не его призрак, – возразил Давид улыбаясь.

Тут только Таня как будто очнулась от оцепенения и дала волю радости и ликованиям.

Она была уверена, что Андрей погиб. Положительных фактов у нее не было, но она уже приготовилась к своему несчастью и старалась не поддаваться обманчивым надеждам, чтобы известие об его аресте не подкосило ее окончательно.

Таня, конечно, не ждала от него писем из Дубравника. Но она взяла с него слово, что он аккуратно каждый день будет посылать ей какую-нибудь газету, причём адрес на обложке будет написан его рукой, и она будет знать по крайней мере, что он не арестован.

Андрей добросовестно исполнял своё обещание. Ежедневно в одиннадцать часов Таня получала номер «Листка» – самой реакционной и, значит, самой благонамеренной газеты, выходившей в Дубравнике. Этот «Листок» доставлял ей одной больше радости, чем всем подписчикам, вместе взятым. Получение газеты сделалось для нее главным событием дня. Она волновалась к приходу почтальона и впадала в отчаяние, если драгоценная газета запаздывала и приходила не утром, а после обеда.

Но за последние три дня она не получала

ее вовсе. Катастрофа в доме Заики, погубившая все планы и надежды, казнь друзей и все, что следовало затем, до такой степени потрясли Андрея, что он прекратил свою немую переписку. К тому же он каждый день, почти ежечасно, собирался ехать в Петербург и вследствие этого не придавал большого значения такому ничтожному, как ему тогда казалось, упущению. Людям, находящимся в огне, трудно себе представить то мучительное непрерывное беспокойство, которое испытывают далекие друзья, пребывающие в сравнительной безопасности. Кроме того, Андрей знал, что Жорж писал Тане и, значит, известил ее, что они оба живы.

Жорж действительно писал. Но его письмо далеко не успокоило ее. Оно было написано второпях, и Жорж не имел времени прибегнуть к шифру или химическим чернилам. Ему нужно было распространиться о многом: и о том, что задерживало Андрея, и об общем положении дел, и о надеждах на скорое возвращение. Он излагал это в очень туманных выражениях, с такими оговорками и околичностями, с таким обилием намёков и аллего-

рий, что в результате получилось послание, ясное как божий день самому Жоржу, но совершенно непонятное для Тани. Она не могла в нем разобраться и не знала, какую фразу нужно понимать в прямом, какую в переносном смысле. Долго она ломала голову над загадочным письмом, но в конце концов все-таки не поняла из него: задержан ли Андрей делами, которые он думает скоро покончить, или же он попался, но друзья его сильно надеются, что все сойдёт благополучно. Насколько надежды друзей основательны, об этом ей предстояло догадываться самой.

От самого Андрея между тем – ничего. Весь день она в лихорадке прождала газету, которая объяснила бы ей смысл письма Жоржа. Но «Листок» не пришёл ни в тот день, ни на другое утро, ни на следующий день. Газеты тем временем были полны сенсационных известий из Дубравника. Андрей сделался любимым героем репортёров. Сообщали, что он арестован то в одном, то в другом доме, то на улице, то на вокзале. Краткое описание примет часто совпадало с наружностью Андрея. Подробно и с большим драматическим эффек-

том описывалась сцена ареста. Одна газета сообщала из достоверных источников, что арестованный наконец сознался, кто он; другая – что его личность удостоверена подавляющими уликами; третья – что он уже отправлен под строгим конвоем в Петербург.

Количество таких арестов доказывало только, с каким неистовством охотились за Андреем. Не могли же его арестовать в нескольких местах одновременно. С другой стороны, возможно ли, чтобы он, будучи на свободе, не дал бы ей как-нибудь знать о себе? Каждая новая телеграмма в газетах казалась ей более знаменательной, чем предыдущая, и уже несомненно верной, несмотря на то, что все предыдущие телеграммы оказывались уткой. Чтение газет превратилось для нее в настоящую пытку. И все-таки она читала с жадностью все, что могла достать. Газеты ворохами валялись по комнате, превратившейся в какую-то контору редакции.

Три дня, проведенные в такой тревоге, отразились на ней, как серьезная болезнь. Она побледнела и похудела, глаза горели лихорадочным блеском. По ночам ее беспокойный

сон прерывался страшными кошмарами.

– Он просто чудом выбрался из этого ада! – воскликнула она, когда Давид рассказал ей о последнем приключении Андрея.

– Правда, они охотились за ним по пятам! – ответил Давид. – Теперь на вас лежит священная обязанность удержать его от участия в подобных делах по крайней мере месяцев на шесть. Он слишком много рисковал. А главное, не отпускайте его из Петербурга ни под каким предлогом.

– Постараюсь, – сказала Таня с улыбкой. – Но боюсь, что и здесь ему далеко не безопасно.

– Во всяком случае, безопаснее, чем в другом месте, – отвечал Давид.

– Кстати, – встревожилась она, – где вы их оставили? Не на вокзале, надеюсь?

Давид объяснил ей, что распрощался с Жоржем и Андреем, перед тем как они взобрались на конку, которая почти доведет их до конспиративной квартиры.

– До конспиративной квартиры? – протянула Таня разочарованным голосом. – Он там надолго застрянет, я в этом уверена.

– Нет, нет, Жорж останется вместо него и сообщит все сведения товарищам. Андрей обещал, что не пробудет ни минуты дольше, чем необходимо.

– Он обещал? – переспросила Таня, и лицо ее просветлело.

За такое обещание она моментально простила ему все перенесённые муки.

– Как мило было с вашей стороны прийти ко мне с такой вестью! – сказала она Давиду.

В ее сердце фраза эта звучала несколько иначе: «Как мило было с его стороны поручить Давиду известить меня!»

Уходя, Давид попросил ее передать Андрею какое-то поручение. Она кивнула головой в знак согласия, но, как только Давид исчез, забыла решительно обо всем – и об нем, и об его поручении – и, спрятавшись за занавеску, впилаь в окно, из которого можно было видеть улицу во всю ее длину.

Мысль, что Таня, вероятно, беспокоится о нем, впервые сверкнула в голове Андрея, когда он подъезжал к Петербургу. Но он не подозревал, что она пережила за эти дни. Когда он просил Давида предупредить ее, он просто

имел в виду задержать ее дома на случай, если бы она собиралась куда-нибудь.

Но как только он нанял извозчика, лихорадка ожидания охватила его и росла по мере того, как он приближался к хорошо знакомой ему улице. Они быстро проехали центральные части города, и колеса катились уже по мягкому ровному дереву длинного моста. Как великолепно сверкала река в этот прекрасный весенний день! Черный пароход, быстрый и стройный, нёсся по реке и нырнул под мост, согнув предварительно вдвое свою высокую черную трубу, которая затем мгновенно выпрямилась по другую сторону моста, как бы по собственному желанию. Большая деревянная баржа двигалась в том же направлении, и молодой красивый парень в красной рубашке с расстёгнутым воротом толкал ее длинным шестом, между тем как его товарищ на руле лениво напевал что-то.

Колеса громко затрещали и с шумом покатались по неровной каменной мостовой. Теперь уже недалеко. Вот и полукруглый Кронверкский проспект. Каждый дом, каждая лавка, каждое дерево, казалось, приветствовали

его как старого знакомого в этом тихом, мирном уголке, где он провёл самые счастливые месяцы своей жизни. Радужные воспоминания этих дней ворвались ему в душу и прогнали мрачные образы и тяжёлые впечатления того ада, из которого он только что выбрался. Он хотел верить, и ему верилось в ту минуту, что его возвращение на старое место, к Тане, означает также возврат к их старому счастью, к их скромной общей работе, доставлявшей им так много радостей.

Когда он увидел в окне неподвижную фигуру Тани, ее улыбку и сияющие глаза, когда он взбежал по лестнице и схватил ее в свои объятия, все его планы и соображения, царь и конспирация – все исчезло в высшем счастье взаимной любви.

– Дорогой мой! – шептала она. – Я думала, что больше не увижу тебя!

– И напрасно ты так думала, – отвечал он с улыбкой. – Ведь я сказал, что вернусь жив и невредим, и вот я опять с тобою!

Да, вот он, ее герой, любимый, бесстрашный, вырвавшийся из тысячи опасностей, которым подвергался ради их общего великого

дела. Она с трудом верила, что он снова с ней; надолго ли – об этом она не хотела спрашивать.

Он сидел в кресле, и она у него на коленях.

– Расскажи, как тебе жилось без меня? – спрашивал Андрей. – Дитя мое, ты так похудела и так бледна. Здорова ли ты?

– Я была не совсем здорова, но это пустяки. Об этом теперь не стоит говорить.

Она слегка коснулась своих тревог и со смехом рассказала про хитроумное письмо Жоржа, допускавшее такое широкое толкование.

Но из ее слов Андрей догадался, что одно время она считала его погибшим, и сразу понял все остальное.

– Прости меня, родная. Только теперь я вижу, как я виноват перед тобою!.. – воскликнул он.

– Ничего! – прервала она его. – Это может случиться со всяким. Мало ли что, – приходится иногда уезжать из города, скрываться где попало, и, наконец, у тебя и времени не было подумать о таких мелочах. Было глупо с моей стороны тревожиться из-за пустяков. В

следующий раз я буду терпеливее... – Но при одной мысли о вновь предстоящих бессонных ночах, ужасных кошмарах и бесконечном ожидании ее стоицизм рушился. – Нет, не хочу! – вскрикнула она, ухватившись за него. – Мы больше не будем расставаться. Зачем? Я всегда могу быть тебе полезной. Ведь ты не считаешь меня трусихой?

Положив руки к нему на плечи, она отодвинулась, улыбаясь, чтобы он мог посмотреть ей прямо в лицо.

– Нет, я не считаю тебя трусихой, – отвечал Андрей, целуя ее.

– Не опасности страшат меня, – продолжала она. – Разве я думала о них, когда ты тут был со мною? Но неизвестность... Я никогда не сумею передать, что я выстрадала с тех пор, как ты уехал. Я только и жила ожиданием твоих газет. Глаза проглядела. Но и получивши их, я не находила утешения, потому что говорила себе: кто знает, его могли арестовать через час после того, как он отправил мне газету... А дни и ночи, когда не было вестей! Чего я только не пережила! Чего только мне не представлялось! Ах, нехорошо, что я

об этом говорю. Я знаю, ведь ты недолго усидишь на месте. Но только дай мне слово, что, какое бы ни предстояло дело, даже если оно будет серьёзнее последнего, я приму в нем участие и стану делить с тобою опасности. Согласен?

Заключительные слова она произнесла свойственным ей очаровательным тоном, в котором слышалась и нежность, и в то же время как бы вызов Андрея отказать ей в ее просьбе!

Андрей ничего не сказал в ответ, в смущении глядя на ее прелестное доверчивое лицо. Она своим вопросом сама рассеяла волшебные чары счастья, отуманившие его голову. Он вспомнил последнее утро, проведенное в Дубравнике на квартире Ватажко, и великий обет, взятый им на себя в тот день... Он обреченный человек! Обыкновенные человеческие радости, и счастье, и любовь не для него. В деле, на которое он пойдет, не может быть товарища, и впереди ничего не предвидится, кроме могилы.

Открыться ей теперь же – вот все, что он может сделать в ответ на ее просьбу. Но он

молчал. Закалённый в суровой школе конспираторов, он, однако, колебался теперь и весь затрепетал, когда настал момент вонзить нож в сердце горячо любимой жертвы.

– Андрей, голубчик, в чем дело? Отчего ты так странно смотришь? Ты не согласен? Ты боишься, что я постоянным страхом за тебя буду тебе мешать? Но ты ошибаешься. Ведь я не полюбила бы тебя, если бы ты не был тем... тем, что ты есть! Когда мне рассказывали об опасностях, которым ты так бесстрашно подвергался, то я хоть и трепетала за тебя, но вместе с тем была счастлива и гордилась тобой! «Так похоже на моего Андрея!» – думала я. Нет, я не буду тебя удерживать.

– Я в этом не сомневаюсь, родная моя! – сказал Андрей, целуя ей руки.

– Но отчего же ты так смутился? Может быть, ты меня уже не так любишь и тебе не всегда хочется быть со мной?

– Не так люблю?! Что ты говоришь?! – вскричал Андрей.

Она улыбнулась, потом весело рассмеялась.

– Можешь, пожалуй, оставить при себе

свои специальные возражения. Только знай наперёд: когда будешь собираться в новую экспедицию, ты от меня не отделаешься. Покамест не будем об этом разговаривать. Расскажи лучше обо всем, до мельчайших подробностей, что было в Дубравнике. Не скрывай ничего, я хочу знать все, что тебе пришлось испытать.

Ей показалось, что напоминание о Дубравнике вызвало внезапную грусть в Андрее. Она знала, что коснулась тяжёлых событий, но ей хотелось ему доказать, что у нее крепкие нервы.

Андрей же обрадовался, что роковое личное объяснение таким образом откладывалось. Да и к чему торопиться? Почему не дать себе отсрочки, не оттянуть если не на несколько дней, то хоть до завтра? Никто не упрекнёт его за эту последнюю минуту мирного счастья.

Он рассказал ей про Дубравник, не доставив ей, однако, случая показать крепость своих нервов. Имея в запасе страшный для нее удар, он теперь употреблял все усилия, чтобы не причинить ей страданий изображением

того, что уже свершилось.

Он едва коснулся казни, заметив, что об этом она, конечно, прочла в газетах, и распространился главным образом о собственных приключениях, казавшихся особенно забавными теперь, когда опасность миновала.

Таня обратилась вся в слух. Но ухо ее не было обмануто развязностью его рассказа. Когда Андрей кончил, радуясь, что ему удалось ее развлечь, она прижалась к нему и пристально стала всматриваться в его глаза.

– Андрей, ты что-то скрываешь от меня, – произнесла она с расстановкой, – что-то очень важное и очень тяжёлое для тебя. Скажи, в чем дело! Я хочу взять на себя часть твоих страданий. Поверь, тебе лучше станет, когда ты выскажешься.

Но в этом Андрей вовсе не был уверен, хотя притворяться перед Таней ему было уже не под силу.

Помолчав немного, он наконец собрался с духом.

– Таня! – заговорил он. – Ты угадала. Я решил идти на царя.

Сперва она его не поняла.

– Разве ты и прежде этого не делал? – спросила она.

Она подумала, что слова Андрея относятся к вопросу о борьбе с деспотизмом на политической почве – вопросу, так волновавшему тогда революционные кружки.

Он разъяснил ее недоразумение в нескольких словах ясно и точно, не оставляя места ни сомнениям, ни надеждам.

Теперь удар попал ей прямо в сердце. Таня переменялась в лице. Рот ее конвульсивно сжался, как будто у нее захватило дыхание от внезапного падения с высоты.

– О боже! – вырвался из ее груди мучительный стон. Она схватилась за сердце, но тотчас же беспомощно опустила руки на колени.

Сухими, горячими глазами перебегала она от одного предмета к другому, останавливаясь на них с удивлением и бесцельным выражением. «Так вот она, награда за все муки ожидания!» – казалось, говорил ее одичалый взгляд и весь ее съёжившийся облик.

Андрей подошёл и взял ее за руку. Но Таня была безучастна и даже не посмотрела на него.

– Таня, – наклонившись над нею, заговорил он, – можешь выслушать меня? Мне хочется убедить тебя... объяснить, как и почему я пришёл к такому решению.

Его голос пробудил ее. Она быстро повернулась к нему и нервно вцепилась пальцами в его руку.

– Да, да! Говори. Я спокойна, я слушаю. Я хочу знать твои доводы, – торопливо отчеканивала она.

Надежда мелькнула в ее голове. Если можно обсуждать, то дело, значит, еще не окончательно решено.

Андрей рассказал ей, как и почему пришёл он к своему решению. На этот раз он не щадил ее в своём описании возмутительных подробностей казни и не менее возмутительных подробностей суда. Ему хотелось возбудить в ней то же чувство негодования, какое он сам испытал при виде этих ужасов.

Но он потерпел полное фиаско. Таня оставалась холодной, равнодушной. То, что минуло тому назад пронзило бы ей сердце, теперь отскакивало от нее, как стрела от кольчуги.

«Но всё это ведь кончилось, и непоправи-

мо. Какую же оно имеет связь с твоим решением?» – казалось, вопрошали ее глаза и неподвижное лицо.

Она заняла позицию не слушателя, а бойца, отстаивающего то, что ему дороже всего на свете. А он боролся за верность своему идеалу – за то, что ему было дороже жизни, дороже счастья.

– К тому же я убедился, – продолжал Андрей, как бы отвечая на немые возражения Тани, – что эти ужасы представляют лишь слабый отблеск того, что происходит у нас не с десятками, а с тысячами и миллионами людей, и что конца не будет этим страданиям, покуда мы не подорвём, не опозорим, не уничтожим силу, которая создаёт их.

Он говорил много и сильно в том же духе, согретый огнём глубокого убеждения. Он надеялся убедить ее и разжечь в ее сердце пламя, пожиравшее его. Ему удалось только слегка подействовать на ее ум.

– Хорошо. Но почему же именно ты должен взять на себя это дело? – спросила она все тем же тоном упрямого недоумения.

– А почему же не я, дорогая Таня? Я сам

пришел к такому решению – я же должен его выполнить. Если завтра кто-нибудь другой явится с тем же предложением, я охотно уступлю ему место. Я не принадлежу к честолюбцам, предпочитающим славную смерть скромной гибели, выпадающей на долю большинству из нас. Но не каждый день делаются такие предложения, и не всякому можно доверить их выполнение. Меня, конечно, выберут скорее, чем другого.

«Выберут! Выберут! Выберут! – как молотом ударяло по голове Тани. – Стоит ему заговорить, и всё будет кончено!»

Картина радостей, изведанных ею в этих самых стенах до поездки Андрея в ужасный Дубравник, пронеслась в ее памяти, точно райское видение. Она не могла добровольно отказаться от счастья, когда оно снова было так близко. Вся ее молодая природа возмущалась против такой жертвы. Она должна отговорить его от этого решения и таким образом спасти и его, и себя.

Таня употребила над собою чрезвычайное усилие, чтобы привести в порядок свои мысли, прежде чем сделать новую попытку: в го-

лове у нее всё перепуталось. Но она надеялась на его доброту, на то, что он не воспользуется ее замешательством и постарается взглянуть на дело с ее точки зрения. Она была уверена, что, в сущности, правда на ее стороне. Таня взяла его за руку и с мольбой посмотрела ему в глаза.

– Андрей, обдумай хорошенько, – сказала она. – Не довольно ли убийств и кровопролития? Чего, кроме еще больших ужасов, мы добьёмся? Виселицы и опять виселицы! И конца им не будет! Я много думала об этом за последнее время, и сердце мое исстрадалось при виде беспощадного избиения всего, что есть лучшего и благородного у нас. Не лучше ли вернуться к другим средствам – к пропаганде в народе, а на высшую политику махнуть рукой? Я плохо выражаю мысли, но ты понимаешь, что я хочу сказать...

– Да, я понимаю, – сказал Андрей и затем вдруг спросил: – Не можешь ли ты мне сказать, когда именно ты обо всем этом думала? Не в прошлую ли среду?

– Не припомню. Зачем ты это спрашиваешь?

– Простое любопытство, – отвечал Андрей. – В тот самый день при виде возвращавшейся с казни равнодушной толпы я задавал себе те же вопросы, и много горьких мыслей передумал я. Наша миссия очень тяжелая, но мы должны выполнить ее до конца. Что бы выиграла Россия, если бы мы не отплачивали ударом за удар, а продолжали обучение и пропаганду в деревушках и закоулках, как советуется Лена? Правда, нас бы не вешали. Но что тут хорошего? Нас бы арестовывали и ссылали в Сибирь или оставляли бы гнить в тюрьмах по-прежнему. Мы не оказались бы в лучшем положении, чем теперь, и ни одного лишнего дня, ни одного лишнего часа нам не дали бы посвятить народному делу. Нет, нам не дадут свободы в награду за примерное поведение. Мы должны бороться за нее всяким оружием. Если при этом нам придется страдать – тем лучше! Наши страдания будут новым оружием в наших руках. Пусть нас вешают, пусть нас расстреливают, пусть нас убивают в одиночных камерах! Чем больше нас будут мучить, тем больше будет расти число наших последователей. Я хотел бы, чтобы меня

рвали на части, жгли на медленном огне на лобном месте! – закончил он полушёпотом, впиваясь в нее сверкающими глазами.

Таня с ужасом почувствовала, что почва уходит из-под ее ног. Она не знала, что сказать, что делать. А уступить было слишком ужасно.

– Подожди минутку... Андрей, дорогой! – вскричала она, схватив его за руку, как будто он собирался тотчас же ее покинуть. – Одну минуту. Мне нужно тебе сказать что-то... что-то очень важное. Только я забыла, что именно. Всё это так мучительно, что у меня голова пошла кругом... Дай мне подумать...

Она стояла возле него с опущенными глазами и с поникшей головой.

– Я буду ждать сколько хочешь, родная, – сказал Андрей, целуя ее похолодевший лоб. – Оставим этот разговор сегодня.

Она отрицательно покачала головой. Нет, она найдёт, она сейчас же вспомнит, что ей хотелось ему сказать.

– Крестьянство, верующее в царя... нет, не то!.. Та часть общества, которая остаётся теперь нейтральной... Не то, опять не то!

Вдруг она задрожала всем телом, и самые губы ее побледнели. Она нашла свой великий аргумент, который был ей оплотом, и увидела, как он был слаб и в то же время как ужасен!

– Что будет со мною, когда они убьют тебя! – вырвалось у нее, и, закрыв глаза рукою, она откинула голову назад.

– Бедное дитя мое, моя голубка! – воскликнул Андрей, сжимая ее в своих объятиях. – Я знаю, как тяжёл твой крест, я знаю, что остающимся в живых хуже приходится, чем тем, которые идут на гибель. Но, поверь, и мне не легко. Жизнь мне дорога, особенно с того дня, как ты меня полюбила. Горько бросать ее, расставаться с тобою и идти на казнь, между тем как я мог бы быть так счастлив! Я дорого бы дал, чтобы чаша сия миновала нас. Но она не минует. Удар должен быть нанесён. Отказаться от нападения из-за любви к тебе? Да я чувствовал бы себя трусом, лжецом, изменником нашему делу, нашей родине. Лучше утопиться в первой попавшейся грязной луже, чем жить с таким укором совести. Как мог бы я это вынести и что случилось бы с нашей любо-

вью? Прости, дорогая, за боль, которую я причиняю тебе. Но подумай только, что значат все наши страдания, если нам удастся хоть на один день ускорить конец всем ужасам, окружающим нас?

Андрей говорил упавшим голосом, переходившим часто в шёпот. Он утомился в неестественной борьбе и не мог продолжать ее долее. Теперь он просил мира, пощады, и простые слова его смягчили сердце Тани и произвели в ней перемену, когда он меньше всего ожидал ее.

В любовь женщины, когда она действительно любит, как бы романтично и экзальтированно ни было это чувство, всегда входит элемент жалости и материнской заботливости. Именно эту струну в Тане задел Андрей своим утомлённым, обрывавшимся голосом. Он не убедил ее: вернее, Таня хорошенько не знала, убедил он ее или нет, потому что она забыла все его доводы. Но она сдалась. Она так глубоко его жалела, что не в силах была отягчать его участь своим сопротивлением.

Лицо ее смягчилось. Глаза снова засияли любовью и нежностью, пока она дрожащей

рукой ласкала его голову, лежавшую на ее коленях. Она успокаивала его кроткими, умиротворяющими речами, а мысленно награждала самыми нежными, ласкающими именами.

Будущее представлялось ей мрачною бездною. Угадать, что последует за покушением, было ей так же трудно, как узнать, что ждёт ее за гробом. Но зато она ясно видела, что ей следует делать теперь. Она была ему женой, сестрой, товарищем, и она должна по мере сил своих поддерживать его в его тяжёлом испытании. Она решилась облегчить его участь, взяв на свои молодые плечи часть его бремени.

Теперь она была гораздо спокойнее, и в ее грустных больших глазах не видно было слез. Но внутренне сердце ее обливалось кровью – не за себя уже. Скорбь о нем заслонила ее собственные муки.

Глава VIII

Два поколения

Андрей внёс своё предложение. Оно было принято.

Обширная и сложная машина заговора была пущена в ход и уже значительно подвинулась в своей таинственной работе.

Однажды вечером, недели две спустя после его возвращения в Петербург, Андрей переходил Тучков мост, направляясь к Дворцовой площади. Он все еще проживал на старой квартире, но кое-какие симптомы указывали, что она уже не совсем безопасна и что, следовательно, пора переезжать. По этой же причине Андрей теперь сделал большой крик, хотя мог бы значительно сократить себе дорогу, спустившись к Гагаринскому перевозу.

Он шел к Репину и принимал все меры предосторожности, чтобы не привести за собою шпионов, которые могли вертеться около его дома. Репин просил его прийти по важному делу. Андрея не удивило такое приглашение, и он сообразил, что оно, вероятно, каса-

ется «дела» вообще или его лично. Ему не раз приходилось вести с Репиным деловые разговоры.

Репин приготовился к посещению Андрея и ждал его в своем кабинете, предварительно распорядившись никого не принимать. Лицо его было озабоченно и встревожено, когда, усевшись за стол, освещённый двумя свечами в кованных медных подсвечниках, он рассеянно стал перебирать бумаги. Он хотел сделать Андрею одно предложение, которое горячо принимал к сердцу, и у него были веские основания, чтобы не откладывать дела в долгий ящик.

Когда революционеры затевают какое-нибудь серьёзное дело, то обыкновенно даже не принимающие участия в конспирациях догадываются, что готовится что-то. Волнение и смутное предчувствие опасности охватывают всех и каждого. Со стороны конспираторов в такое время замечается необыкновенная осторожность по отношению к полиции. Они с особенной заботливостью предупреждают сочувствующих и всякого рода случайных пособников, советуя быть наготове ввиду

неожиданного обыска. Они вывозят компрометирующие бумаги и подпольную литературу из квартир, где в другое время они валялись почти на виду. Случается, что наиболее впечатлительные из конспираторов принимают даже удручённый вид, когда именно следовало бы представляться спокойными и весёлыми. Вот почему, даже когда тайна предстоящего акта сохранена самым тщательным образом, те, которые умеют читать знамения времени, часто предвидят, что что-то должно случиться.

Репин принадлежал к тому большому и разнообразному классу сочувствующих, среди которых вращаются революционеры. Со жгучим вниманием следил он за зловещими признаками и многозначительными симптомами и был почти уверен, что Россия – накануне нового революционного взрыва. Он давно не видал никого из активных революционеров, но встретился с Таней несколько дней тому назад в доме одного из своих друзей. Им не удалось поговорить наедине, но ее расстроенный и сосредоточенный вид более чем подтвердил его мрачные опасения. Тревоги под-

польной жизни, очевидно, усилились, потому что никогда еще не видал он ее в таком состоянии. Он знал, что ему не удастся вырвать ее из этой жизни, но ему пришло в голову хотя на время укрыть ее и Андрея от огня. Он решил попытаться.

После дочери больше всего приходился ему по сердцу его необыкновенный зять. Если бы ему довелось выбирать мужа Тане, то он, конечно, искал бы его не в рядах конспираторов. Но раз сама Таня присоединилась к революционной партии, Репину пришлось помириться с ее выбором, и в конце концов он искренне полюбил своего зятя. Если бы Андрей принадлежал к менее крайней фракции революционной партии, то Репин был бы вполне доволен выбором своей дочери. Они были в очень хороших отношениях, и Андрей навещал старика, насколько то позволяли осторожность и его собственная усиленная работа. Репин знал о многом, что касалось самого Андрея, который был с ним очень откровенен – поскольку откровенность возможна между конспиратором и его надёжным другом. Таня держала себя с отцом несколько

сдержаннее.

Приключения Андрея в Дубравнике и опасность его положения не были тайной для Репина. Он поэтому рассудил, что теперь как раз пора Андрею на время сойти со сцены. Вот почему он думал, что его предложение будет принято и им и Таней.

Он радушно приветствовал Андрея, которого не видал со дня его возвращения, и осведомился о Тане.

Андрей ответил, что Таня совершенно здорова.

– Нам так же трудно заболеть, как саламандре схватить насморк, – прибавил он. – В нашем подпольном мире стоит такая высокая температура, что, пожалуй, никакие микробы не выдержат.

Он улыбнулся, но только губами. Глаза его смотрели серьёзно.

– Вам, пожалуй, жарче всех приходится? Мне сообщали, что полиции достался большой нагоняй специально из-за вас и что она теперь жаждет отместки. Полицеймейстер сказал, что перевернёт весь город вверх дном, а раздобудет вас – живым или мёртвым.

– Это легче сказать, чем сделать, – заметил спокойно Андрей. – Они не раз так же хвастали и в других случаях.

– Однако начать хоть бы с того, что им известно, что вы в Петербурге, чего вы, вероятно, не ожидали. Они могут сделать еще шаг вперед. Лучше не играть с огнём. Не думаете ли вы, что вам следовало бы поуняться и съездить на время за границу? Собственно, об этом я и хотел с вами поговорить...

Андрей отрицательно покачал головой.

– Не торопитесь с отказом! – воскликнул Репин. – Дайте мне сказать свое... Вы ничего не потеряете, отдохнув несколько месяцев. А для Тани поездка была бы особенно благотворна. Она может позаняться, почитать на свободе. Надеюсь, вы не станете отрицать, что знание полезно и для вашей братии, революционеров.

– Нет, не стану.

– Видите, значит, в моем предложении есть кое-какой смысл. Она наберется знаний для будущего, вы сотрёте с себя кое-что из прошлого, и оба вернётесь в более спокойное время. Чем позже, тем лучше, если меня по-

слушаетесь. Если вас останавливают денежные соображения, то об этом не думайте. Я обязуюсь посылать вам сколько нужно. Что вы скажете на это?

Андрей думал не о плане целиком, как полагал Репин, потому что его лично он не мог касаться, но у него мелькнула мысль, что Таня недурно было бы уехать... Впрочем, нет! И для нее не может быть речи об отъезде. Она ни за что не согласится уехать из России, именно теперь, даже на короткое время.

– Вы очень добры, – сказал он, – но мне невозможно воспользоваться вашим предложением, и я сомневаюсь, примет ли его Таня. Но вот что вы можете сделать для нас. Скажите, когда вы думаете перебраться на дачу?

– Через месяц. Может быть, немного раньше. Но что вам до этого или ей?

– Было бы недурно, – сказал Андрей, – если б вы уехали пораньше и взяли Таню с собою месяца на три или на четыре.

Зная, как Таня любит своего отца, он думал, что ей, может быть, легче будет пережить это время в его обществе. Она уже заранее согласилась, чтобы доставить удоволь-

ствие Андрею: сама же она не видела в этом никакого облегчения.

Репин возразил, что всегда рад Тане и что она может оставаться у него сколько угодно. Укрыть ее на целых четыре месяца – дело хорошее. Но такое решение – жалкий компромисс. Он продолжал настаивать на их поездке за границу, указывая на все преимущества такого плана перед укрывательством одного из них – именно того, который наименее подвергался риску.

– Нет, – сказал Андрей решительным тоном. – Я не могу теперь оставить Петербург ни под каким предлогом. Бесполезно дольше спорить. Оставим этот разговор.

Лицо Репина потемнело. Этот тон, это упрямство и притом желание укрыть Таню на время ясно указывали, что готовится что-то громадное и что Андрей будет одним из главных участников.

– Опять какое-нибудь адское предприятие? – спросил он тихо.

– Да, нечто в этом роде, – уклончиво ответил Андрей.

С минуту оба помолчали.

– А все-таки я думаю, что вам не к чему так торопиться ломать себе шею. Вы достаточно рисковали жизнью за последнее время. Как раз теперь недурно бы отдохнуть, – произнёс наконец Репин.

– Невозможно, – возразил Андрей. – Солдатам не полагается уходить со службы во время войны из-за того, что они раньше подвергались многим опасностям.

– Да, но от времени до времени их увольняют в отпуск, если уже продолжать ваше сравнение.

– Иногда да, иногда и нет, и вот мы теперь именно в таком положении, когда отпуск невозможен, – ответил Андрей.

Такая несокрушимая энергия и мужество, собственно говоря, и располагали Репина в пользу революционеров вообще и Андрея в особенности. Сам он был так пропитан скептицизмом и видел вокруг себя так много трусости и эгоизма, что не мог не восхищаться цельностью их натур. Не будучи в состоянии разделять их энтузиазма к делу, он чувствовал к ним горячую личную симпатию.

Но теперь, когда его проект окончательно

разрушался, раздражение взяло у него верх над всем остальным. Он рассердился на Андрея за его, как он подумал, нелепое упрямство.

– И это ваше последнее слово? – спросил он.

– Да. Не будем больше говорить об этом.

– Положим, я знаю по опыту, какой вы неговорчивый народ. У вас положительная страсть к самоистреблению, и вы будете идти напролом до тех пор, пока у вас останется хоть капля крови. Фанатиков аргументами не проберёшь. Они неизлечимы.

– И ты, Брут, туда же? – воскликнул Андрей с горькой усмешкой. – Я думал, что вы нас лучше знаете. Фанатики, вы говорите! Я сомневаюсь, существует ли такая порода во плоти и крови. Я, по крайней мере, не встречался с ними на своём веку, а опыта, и еще какого разнообразного, у меня, кажется, достаточно. Нет, мы не фанатики, если уже допустить, что есть какой-нибудь смысл в этом слове. Мы благоразумные, деловые люди, и жить хотим, уверяю вас, и вполне способны оценить все радости жизни, если только при

этом не приходится подавлять в самом себе наше лучшее я.

– Да, – протянул Репин. – Но ваше лучшее я требует так много для своего удовлетворения. И если вы не можете этого получить, вы приходите в неистовство, как дети, которые требуют луны.

Он продолжал в том же духе. Рассердившись на Андрея, он дал волю накопившейся досаде и с особенным ожесточением напал на революционеров.

Он говорил о бесплодности их усилий, о безрассудности вызовов правительству, усиливающих деспотизм, против которого они направлены, о том, что революционеры делают совершенно невыносимой жизнь всей образованной России, которая, утверждал Репин, тоже имеет право на существование.

Вначале Андрей защищался полусуто. Он привык к нападкам Репина, но предмет разговора был слишком близок, чтобы не волновать его, и последнее обвинение его взорвало.

– Я знаю, – сказал он, – что ваша образованная, либеральная Россия очень заботится о своём праве на существование, а также и о

своём комфорте. Было бы гораздо лучше для страны, если бы она поменьше об этом заботилась.

– Так вы бы хотели, чтобы мы все вышли на улицу и начали бросать бомбы во всех проходящих полицейских? – спросил иронически Репин.

– Что за бессмыслица? – горячился Андрей. – Вам нет надобности бросать бомбы – боритесь своим собственным оружием. Но боритесь же, если вы люди! Будем бороться сообща. Тогда мы будем достаточно сильны, чтобы дать конечную битву самодержавию и низвергнуть его. Но пока вы ползаете и хныкаете, вы не имеете права упрекать нас за то, что мы не лижем бьющей нас руки. Если в своём слепом бешенстве правительство распространяет и на вас преследования, вы можете разодрать свои одежды и посыпать головы пеплом, но помните, что вам достанется по заслугам. Нечего жаловаться, – это недостойно и совершенно бесполезно: хотя бы вы охрипли от проклятий, упрёков и просьб, мы не обратим на них никакого внимания.

– Кто говорит об упрёках? – сказал Репин,

нетерпеливо махнув рукой. – Лично вы, может быть, и правы, теряя рассудок вследствие исключительных преследований. Но это могло бы служить оправданием для отдельного преступника перед судом присяжных, а не для политической партии перед общественным мнением. Если вы хотите служить своей стране, вы должны уметь сдерживать свои страстные порывы, когда они не могут привести ни к чему, кроме поражений и бедствий.

– Поражений и бедствий! – воскликнул Андрей. – Уверены ли вы в этом? От копеечной свечи Москва сгорела, а мы бросили в сердце матушки-России целую головню. Никто не может предвидеть будущего или быть ответственным за то, что в нем скрывается. Мы делаем что можем в настоящем; мы показали пример мужественного восстания, которое никогда не пропадёт для порабощённой страны. Скажу даже, что мы возвратили русским самоуважение, спасли честь русского имени, которое перестало быть синонимом раба.

– Тем, что показали отсутствие в русских способности к чему бы то ни было, кроме мелких нападений на отдельные личности?

Этим, что ли?

– А кто виноват? – отпарировал Андрей, раздражённый тоном Репина. – Никак не мы, а либеральная Россия, которая держится в стороне от борьбы за свободу, тогда как мы, ваши собственные дети, боремся и погибаем тысячами.

Андрей не относил своих слов лично к Репину, который, скорее, составлял исключение. Но по той или другой причине Репин живо почувствовал упрёк. Он молчал несколько времени. Когда он снова заговорил, его голос и тон совершенно изменились.

– Допустим, что это так, – сказал он. – Мы, так называемое общество, все трусы. Но так как вам нас не переделать, вы должны признать это за факт русской жизни. Тем более для вас нет причин биться головой об стену.

– Наше положение не так еще безнадежно, – отвечал смягчившийся Андрей. – Мы рассчитываем не на одно общество и надеемся, что оно тоже исправится со временем, когда в него вольётся новая кровь. Недаром какой-то великий философ сказал, что чем выше вы цените людей, тем меньше вы рискуе-

те ошибиться в своих ожиданиях.

На это Репин заметил, что, насколько он знаком с философами, никто из них не говорил ничего подобного, а один даже выразился в совершенно противоположном смысле.

– В таком случае им следовало это сказать, – ответил Андрей. – А если они не сказали, то они все медного гроша не стоят. – Он взял шляпу и стал натягивать перчатки. – Прощайте, Григорий Александрович, – сказал он. – Не знаю, когда свидимся еще раз.

Он ничего не мог прибавить из опасения выдать свою тайну.

Они попрощались сердечно, как и встретились, и Репин повторил Андрею, что его дом и связи всегда к его услугам, как только ему что-нибудь понадобится.

Андрей только кивнул, как бы давая знать, что понимает и благодарен. Но на лице у него промелькнуло странное выражение, смысл которого Репин разгадал только впоследствии.

Глава IX

Сон Андрея

Андрей пошёл не прямо домой. Ему нужно было зайти на конспиративную квартиру, где его ожидали не совсем приятные вести. Сообщения Репина оказались совершенно верны. Полиция решила начать настоящую облаву на Андрея, и ей удалось узнать, что он скрывается где-то по другую сторону Невы. Это было очень досадно. Товарищи посоветовали ему не возвращаться домой и только дать знать Тане. Было бы очень обидно попасться в руки полиции именно теперь. Андрей понимал это очень хорошо, но Тане нельзя было оставить квартиру внезапно в его отсутствие. Это показалось бы подозрительным. Он предпочёл сейчас же вернуться домой, с тем чтобы завтра рано утром переехать обоим. Близкой опасности еще не было, а от нескольких шпионов всегда можно отделаться.

Он взял извозчика к Гагаринскому перевозу, чтобы не заставлял ждать Таню. Было по-

ловина одиннадцатого, когда он добрался до набережной. Прохожих оказалось мало в такой час. Андрей взял лодку, и ему нетрудно было убедиться, что он достиг другого берега широкой реки раньше, чем кто-либо стал переправляться вслед за ним.

На другом берегу ему пришлось потратить больше времени, чем следовало, чтобы подойти к дому с той стороны, где его не могли караулить. Из-за этого вышла задержка, и так как он обыкновенно был очень аккуратен, то Таня уже начала тревожиться. Когда он пришёл наконец, она ему так обрадовалась, точно его возвращение означало для нее что-нибудь существенное и реальное.

– Зачем звал тебя отец? – спросила Таня.

Андрей сообщил ей о предупреждении отца и друзей на конспиративной квартире, вследствие чего следовало немедленно переезжать. Они тотчас же принялись за укладку вещей и на следующее утро с успехом совершили двойную операцию исчезновения из числа живых и возрождения, подобно фениксу из пепла, в другом месте.

Их новое убежище было безопасно, на-

сколько этого можно было добиться целым рядом мельчайших предосторожностей. Однако Андрею и тут нельзя было долго оставаться. Полиция ничего не подозревала о готовившемся покушении на царя, но охота, предпринятая на Андрея из-за его прежних провинностей, не унималась. Это было очень скверно. Множество шпионов знало его в лицо. Он рисковал быть узнанным и арестованным на улице, лишь только выйдет из дому. С другой стороны, оставаться безвыходно в квартире было тоже неосторожно, потому что тотчас же возбудило бы подозрения.

Конспиративная квартира была самым лучшим местом для такого драгоценного конспираторам человека, как Андрей. Его в ней и водворили. Там он был вне опасности со стороны полиции и мог сидеть дома по целым дням и неделям, никем не замеченный.

Такой переезд означал, однако, немедленную разлуку с Таней, и она ею страшно огорчилась, так как заговор далеко еще не был готов и перед ними оставалось еще несколько дней или, может быть, даже недель. Последние дни с Андреем были ее сокровищем, кото-

рым она тем более дорожила, чем меньше его оставалось в запасе. Андрей, наоборот, скорее радовался такой перемене.

Таня с буквальной точностью выполняла обет, наложенный ею на себя в то утро, когда он открыл ей свою тайну. Ее бодрость и самоотвержение не покидали ее в продолжение тяжёлого испытания. Но она была так молода, так непривычна к страданиям, и Андрей ясно видел, чего стоит ей этот немой героизм. Вид ее терзал ему душу, и он думал, что им обоим будет легче расстаться.

Он поэтому охотно принял приглашение перебраться на конспиративную квартиру на остальные две или три недели. Суровая, закалённая атмосфера этого места была самая подходящая для него. Тут всё было поглощено «делами». В качестве постоянного обитателя Андрею поручили некоторые обязанности, и он почувствовал себя на поле битвы, кипевшей кругом неустанно, непрерывно. Он находился в самом центре, куда стекались сведения со всех концов России, из тюремных казематов, из крепостей, из сибирских рудников и из снежных тундр: каждая почта прино-

сила десятками истории разбитых жизней, сумасшествий, самоубийств, смертей в разных видах, семейных трагедий и жертв.

Мало было утешительного во всем этом, но оно по крайней мере сводило его собственную трагедию к ее истинным размерам. Подобные картины, беспрерывно проходившие перед его глазами, не давали ему сосредоточиться на своём собственном и Танином горе, как он это делал прежде, когда оставался с Таней вдвоём. Нервы его окрепли, он стал гораздо спокойнее. Он часто думал о Тане, но не с такой болью, как прежде. Он даже уверил себя, что и ей стало легче.

Однажды во время пребывания Андрея на конспиративной квартире там происходило деловое собрание, на котором и он и Таня присутствовали. Обсуждались обыкновенные текущие дела. Специальное дело Андрея было в руках особой группы, собиравшейся в другом месте.

Таня принимала участие в собрании, как и все остальные, выслушивая прения с наружным спокойствием и подавая свой голос, когда нужно было. Увидев ее такой спокойной и

сдержанной, Андрей обрадовался, но не удивился. Он находил ее поведение вполне разумным с точки зрения конспиратора.

Когда собрание кончилось, все стали понемногу расходиться. Таня осталась. Она хотела провести вечер с Андреем. В квартире было много комнат, и им нетрудно было уединиться в одной из них. Но в соседней комнате раздавались голоса и смех, ясно слышные сквозь запертую дверь. Они чувствовали себя неловко, и разговор не клеился. Они заговорили об общих делах, по поводу только что кончившегося собрания, как будто ничего особенного не ждало их лично в близком будущем. Иногда приходилось придумывать сюжет для разговора, чтобы не сидеть молча, точно они были чужие друг другу. Не прошло и получаса, как это сделалось до того нестерпимым Тане, что она поднялась и, задыхаясь, сказала, что ей нужно тотчас же уходить.

Андрей не удерживал ее.

– Скоро будет? – спросила она перед самым уходом.

– Да, – сказал Андрей.

– Когда? – переспросила она едва слышно,

опуская глаза.

– Через неделю, – ответил Андрей.

Если бы не было темно в комнате, он заметил бы, как ее лицо изменилось при этих словах. Она не думала, что так скоро! Но она не проронила ни слова, ничем не обнаружила, что она почувствовала, и продолжала стоять в дверях с шляпой на голове. Потом она приблизилась к нему, глаза ее сверкнули в темноте, и, схватив его за руку, произнесла страстным, взволнованным шёпотом:

– Я должна тебя увидеть перед... Не как сегодня, не здесь, но там, у нас... Приходи. Я не могу расстаться с тобою так...

Он обещал прийти, и она убежала, не сказав ни слова.

Андрей остался один, взволнованный и встревоженный. Ее горячий шёпот, ее горящие глаза сразу выбили его из колеи и пробудили в нем жажду жизни, любви, счастья, которую, он думал, ему удалось подавить... Он непременно повидает ее еще раз! Он не может не попрощаться с нею – теперь менее, чем когда-либо. Но ему хотелось бы скорее пережить это свидание или, еще лучше, чтобы

акт его самоуничтожения совершился бы завтра, а не через неделю.

Он не был рождён мучеником, – он слишком хорошо это знал; тем менее был он способен причинить страдания даже немой твари. Но страшная необходимость, над которой он был не властен, заставляла его теперь топтать свои собственные чувства и свою жизнь приносить в жертву.

Жорж тоже оставался на конспиративной квартире после собрания, намереваясь там переночевать. Когда, час спустя после ухода Тани, он вошёл со свечой в комнату Андрея, чтобы звать его ужинать, то застал его лежащим в раздумье на кушетке, с закинутыми за голову руками.

Ночью Андрею привиделся странный сон – вероятно, вскоре после того, как он лёг спать, а лёг он очень поздно. Он помнил, как мысли его становились все легче и легче, улетая вверх, как птицы, взвивавшиеся все выше и выше, пока он перестал их ясно различать. Он смутно еще улавливал их очертания в желтоватом тумане, носившемся над его головой. Затем они вовсе исчезли, и он уже не

видел ничего, кроме широкого обширного свода жёлтого неба над бесконечной песчаной равниной, по которой он шёл. Ему тотчас же припомнилось, как неприятно человеку лежать, когда его мысли расстроены, и он сказал самому себе, что очень рад, что может спать прогуливаясь. Люди говорят, что это невозможно, но они, несомненно, ошибаются. Он сознавал очень хорошо, что спит и в то же время ходит.

Кругом виднелся лишь серый песок с разбросанными там и сям скалами и камнями, придававшими картине еще более печальный и дикий вид. Темные и низкие облака быстро неслись по небу, хотя не было ветра. Нигде не было видно признаков жизни; однако дорога, тянувшаяся по печальной пустыне, была покрыта многочисленными людскими следами. Андрей удивился, почему это он оказался один на такой торной дороге. Но вдруг он почувствовал, что он не один, что он окружён толпой товарищей. Большинство было ему незнакомо, и их лица представлялись в бледных, неясных очертаниях, какими люди обыкновенно кажутся, если смотреть на них с

платформы. Но он тотчас же различил между ними Бориса, Василия, а также Бочарова. Лица Бочарова нельзя было видеть, потому что он был окутан саваном с длинными рукавами, связанными на спине, и с опущенным капюшоном. Но Андрей знал, что это был он. Другие же двое были в обыкновенной одежде и строго на него смотрели.

«Наконец-то мы свиделись, дружище, – сказал Борис. – Небось ты не ожидал такой встречи?» – И он иронически усмехнулся.

«Он знает всё», – подумал смущенный Андрей.

«Нет, я не рассчитывал увидеть тебя, – отвечал он громко, – потому что я считал вас всех умершими».

«Да, мы умерли, – сказал Борис. – Только пришли к тебе в гости, и Зина шлёт тебе письмо. Узнаешь Бочарова? Он нарядился для шутки в саван. Но его узнать нетрудно».

С этими словами он поднял капюшон савана, и Андрей увидел под ним свое собственное, страшно искажённое лицо. Кровь застыла в нем, и сердце замолкло от невыразимого ужаса. Но пока он глядел на это лицо, оно пре-

вратилось опять в лицо Бочарова, который сказал ему, весело подмигивая одним глазом: «Я пошутил!»

Андрей хотел заметить, что это не остроумная шутка, но не осмелился, потому что был напуган всеми ими и помнил, что восставшие мертвецы мстительный народ. Он ограничился тем, что спросил Бориса: «Куда мы идем?» – «К молочным рекам с кисельными берегами, по ту сторону холма, – отвечал Борис. – Если ты сомневаешься, то вот этот старикашка объяснит тебе, как туда добратся, не нарушая законов Российской империи».

Андрей увидел старика Репина, которого он, к своему удивлению, до того не замечал, одетого в черную мантию и кастановую шляпу с широкими полями, какую носят факельщики на похоронных процессиях. Под мышкой у него было нечто вроде портфеля. Он шёл прямо, впереди всех, не поворачивая головы, как человек, указывающий дорогу. Но в следующую минуту Андрей убедился, что это вовсе не Репин, а царь Александр Второй собственной персоной.

В ту же минуту он вспомнил, что ввиду такого удобного случая он обязан убить его, сейчас же, хотя и не в назначенный срок.

«Заслуга останется за мной, а риска никакого», – шепнул ему коварный голос.

Но у него не хватало мужества и рука не слушалась. Он пробовал еще и еще, со страшными усилиями, но рука не двигалась с места. Он страдал невыносимо. Потом он сообразил, что ведь это сон и, следовательно, никакого значения не имеет, убьёт ли он теперь царя или нет, потому что все равно придётся опять это сделать, когда он проснётся. Он успокоился и, подойдя к царю, сказал шёпотом, так, чтобы другие его не расслышали: «Вы погибли, если вас узнают. Зачем вы, будучи в живых, явились сюда?» – «Я? – отвечал тот тоже шёпотом. – А зачем вы сами сюда пришли?»

«Он прав, – подумал Андрей. – Но нам нужно замедлить шаги, чтобы дать тем опередить нас».

Не успела эта мысль сформулироваться в его голове, как вдруг вся толпа бросилась на него с поднятыми руками, со скрежетом зу-

бов и с воплями: «Предатель!»

А царь, оказавшийся Тарасом Костровым, схватил его за плечо...

Андрей вскрикнул и проснулся.

В сером полумраке раннего утра Жорж склонился над ним и, с беспокойством всматриваясь ему в лицо, толкал его в плечо.

– Что случилось? Что вам от меня нужно? – бормотал Андрей, все еще под влиянием своего сна.

– Тебе было очень скверно. Ты стонал, скрежетал зубами и кричал во сне. Я подумал, что лучше всего тебя разбудить.

– Мне приснился отвратительный сон, – сказал Андрей, придя в себя. – Я видел Бориса и Василия, и они обзывали меня предателем. Но хуже всего то, что я этого заслуживал.

– Вот это самое слово ты и выкрикивал, когда я стал тебя будить! – воскликнул Жорж.

– В самом деле? Ну, так оно еще не так обидно, – заметил Андрей и рассказал ему про свой сон.

Глава X

Прощание

Приготовления были почти кончены, и роковой день приближался. Заговорщики собирались ежедневно. С Андреем, как с главным деятелем в предстоящей драме, надо было советоваться обо всем. Но он только раз пришёл на собрание и почти все время промолчал, весь погруженный в свои думы, а затем он больше не показывался. Ему тяжело было выслушивать и обсуждать всевозможные мелочи и соображения, и он решил, что не стоит из-за этого показываться на улице и рисковать собою.

Он знал очень хорошо, что сделает все от него зависящее, чтобы покушение удалось. Удар деспотизму будет тем сильнее, если царь будет убит или по крайней мере ранен. Оно было важно для партии. Для революционеров покушение составляло самое главное, его же неизбежный арест и казнь уходили на задний план. Но в его собственном мозгу вопрос ставился совершенно иначе. Для него са-

мым существенным было то, что он должен умереть. Покушение было делом второстепенным, о котором он будет думать, когда очутится на месте. А покамест он не мог заставить себя интересоваться им. Он думал о своем: он готовился умереть. Остальное как будто его не касалось.

Странная вещь случилась с ним на другой день после собрания, на котором он виделся с Таней. Вычищая и приготавливая револьвер, которым он собирался стрелять в царя, Андрей сломал пружину. Отдавать его в починку было некогда, тем более что подоспел какой-то праздник. Тогда один из товарищей предложил ему свой револьвер, аттестуя его необыкновенно метким, и Андрей согласился на обмен, доверившись на слово; он ни разу не попробовал своего нового оружия в тире или в поле. Прежде он никогда бы не сделал такой оплошности. Но теперь все его умственные и нравственные силы были так поглощены предстоявшею личною развязкой, что он слишком мало обращал внимания на все остальное.

С приближением рокового момента этот

эгоизм самопожертвования становился всепоглощающим и все более и более повелительным. Отвращение к смерти так сильно коренится в каждом человеке, что лишь немногие могут преодолеть его даже в моменты самого сильного нравственного возбуждения; но никто не в силах жить долгое время в таком напряжении. Чтобы бороться хладнокровно против такого могучего инстинкта, чтобы подавлять его дни за днями в самых разнообразных настроениях и против всех искушений, необходимо, чтобы огонь энтузиазма поддерживался железною силою разума.

Андрей, трезвый по натуре и сравнительно не легко воспламенявшийся, инстинктивно избегал всего, что могло бы раздвоить или ослабить его энергию и помешало бы ему держать себя в руках. Он предвидел, чего ему будет стоить расставание с Таней, и одно время хотел даже дать ей знать, что вовсе не придёт. Лучше было бы для обоих, если бы они избегли прощального свидания. Он не сомневался, что она поймёт его и простит. Но в последнюю минуту он не выдержал. Он живо представил себе, как сам будет раскаиваться

потом, когда уже не будет возможности увидеть ее. Она просила его прийти! К чему же эти колебания? Да, он должен, он хочет увидеть еще раз ее лицо, услышать еще раз ее голос. Они оба знали очень хорошо, что неизбежного не миновать. Они не будут напрасно терзать друг друга. Со своей стороны он решил перенести свидание как можно спокойнее.

Это решение, вероятно, было причиной некоторой сдержанности и неподвижного выражения лица, с каким он через три дня явился к Тане.

Было утро.

Особенность ее нового жилища состояла в том, что Андрей мог навещать ее либо утром, либо вечером, когда смеркнется. Он выбрал утро.

Таня бросилась к нему навстречу, но остановилась, поражённая и испуганная каменным выражением его лица, которого она прежде никогда не замечала. Но что до того! Она бросилась к нему на шею, ласкала его, заглядывала с любовью в его глаза, решившись рассеять нависшее над ним черное облако.

– Отчего ты не пришёл вчера и третьего дня? – сказала она с нежностью. – Я ждала тебя. Ты бы мог хоть раз отложить предосторожность в сторону для меня... – не могла она удержаться от лёгкого упрёка.

Но она поспешила ослабить его действие улыбкой. Слова эти вырвались неволью. Ей было так обидно, что Андрей, как ей казалось, небрежно отнёсся к ее последней просьбе.

Андрей покачал головой и сказал, что не избыток осторожности помешал ему.

Он огорчился, что Таня таким мотивом объясняла его поведение. Но к чему доказывать, разъяснять? Зачем говорить ей о своей внутренней борьбе!

– Твоё дело? – догадалась Таня.

Он молча кивнул.

Тут она поняла, что всё близится к концу и что это уже, наверно, их последнее свидание. Она опустила голову. Но ее короткий вопрос был для Андрея толчком, от которого вагон сам катится по рельсам. Он заговорил о покушении.

– Всё решено наконец, и всё устроено как нельзя лучше, – сказал он. – Успех обеспечен.

Он продолжал в том же роде, как будто это было самым приятным сюжетом для их беседы. Он пустился в описание мельчайших подробностей плана, объясняя ей, как он постарается прорваться сквозь цепь шпионов, окружающих царя со всех сторон во время его утренней прогулки вокруг дворца; как он будет держаться в стороне до последней минуты и к каким уловкам прибегнет, чтобы его не арестовали раньше появления царя.

Таня отодвинулась немного и смотрела на него широко раскрытыми глазами. Она не слушала его, она только наблюдала за ним с удивлением. Чем дальше Андрей распространялся, тем сильнее росло ее изумление. Зачем он рассказывает ей все это? Казалось, и ему самому это неинтересно, потому что говорил он сухо и монотонно. Лицо его хранило то же каменное выражение, которым она так была поражена, когда он вошёл, только оно еще резче обозначилось. Она не узнавала своего Андрея. Этот человек был чужим для нее.

«Они его там подменили!» – мысленно говорила она себе, между тем как его рассказ неприятно резал ее слух. Ни слова любви,

симпатии, ни ласкового взгляда! И это – в их последнее свидание, перед тем, как расстаться навсегда, после той любви, какую они жили!.. «Да-да, они его подменили! Это не мой Андрей... Мой был другим человеком...» – повторяла она, кусая засохшие губы и глотая слезы, чтобы окончательно не потерять самообладания. Его рассказ и объяснения раздражали ее. Наконец она не выдержала.

– Да ну его, вашего царя, со всеми вашими хитростями и вашими часовыми! – воскликнула она в негодовании.

– Таня! – произнёс он с огорчением.

В своём отчаянии она схватилась за голову. Ужасно было так обращаться с ним в такую минуту.

– Прости меня! – промолвила она и, схватив его руку, припала к ней головой. – Я сама не знаю, что говорю.

Она оставалась всё в том же положении, склонясь над его стулом. Волосы упали ей на лицо, ее губы были раскрыты, она тяжело дышала.

Андрей думал, что она плачет, и сердце его разрывалось на части. Но как мог он ее уте-

шить? Что мог он ей сказать, что не было бы бледно и мелко, что не вышло бы профанацией ее великого горя? Он с нежностью гладил ее по голове и старался привести в порядок ее волосы.

Когда она подняла голову, он увидел, что она не плакала. Глаза ее были сухи и горели лихорадочным огнём. Она пристально посмотрела на него и отвернула голову, ломая руки.

Она знала, что он сейчас уйдёт и что, умри она тут же, на месте, от разрыва сердца или разбей себе голову об стену, все равно ничем его не удержишь; не удержишь его даже на оставшиеся три дня, которые он мог бы ей подарить! В камне оказалось бы больше сострадания, чем в нем. Он только почувствовал бы к ней презрение за ее слабость, если б она обмолвилась хоть одним словом об этом! Зачем же он и вовсе пришёл?

Андрей встал.

– Прощай, моя дорогая! – прошептал он, протягивая к ней руки.

Она вздрогнула, как будто услышала нечто совершенно неожиданное.

– Нет, нет, погоди! – воскликнула она с испугом. – Погоди! – повторила она громче, умоляющим голосом.

Он притянул ее к себе и сжал ее в своих объятиях.

– Прощай! – повторил он. – Пора... Таня, моя голубка, моя родная, – вырвалось из самых недр его души. – Как бы мы могли быть счастливы с тобою!

Она посмотрела ему в глаза и узнала наконец своего Андрея, любимого, которого она так обидела в своих мыслях! Она вернула его себе, чтобы еще мучительнее почувствовать, что сейчас же и бесповоротно его потеряет.

Она почти лишилась сознания от боли. Неужели это правда?.. Это невозможно... Любить, как они любили друг друга, и вдруг отпустить его прямо на смерть... Но жить без него она не может. Он – ее жизнь, он – свет ее души. Не ее вина, что он стал для нее всем на свете...

– Послушай, Андрей! – вскричала она. – Ты мой! Ты сам мне это говорил, и я не пущу тебя. Не пущу! Слышишь?

Слова ее представлялись ее расстроенному

уму вполне логичными, неопровержимыми.

Но тотчас вслед за тем пальцы, вцепившиеся в его руку, разжались. Она наклонила голову и опустилась в кресло, бледная, истомлённая, с закрытыми глазами, и махнула ему рукой, чтоб он уходил.

Было на свете нечто более великое, для которого они дали обет пожертвовать всем: жизнью, сердцем, помыслами, счастьем.

Она отдавала его и только просила, чтобы он ушёл поскорее и чтобы она не видела, как он выйдет.

Но теперь ему было труднее расстаться с нею, чем если бы она ухватила за него руками. Он упал к ее ногам, целовал ей руки, лицо, глаза в припадке дикого, страстного порыва.

– Уходи! Не могу выносить долее... Мне лучше теперь. Уходи скорее!

Он через силу оторвался от нее и побежал, точно все фурии гнались за ним вслед. Глаза его затуманились, и он с трудом видел перед собою; голова его шла кругом, улица кружилась перед ним.

Таня не слыхала, как он вышел. Но звук

хлопнувшей входной двери долетел до нее. Как человек, оглушённый ударом в голову, приходит в себя от прикосновения раскалённого железа, так Таня встрепенулась при этом звуке и рванулась к окну в надежде еще раз увидеть Андрея.

Но он уже скрылся за воротами. Ушёл, ушёл навсегда! Он был жив еще, но для нее он погиб, и все, казалось, рухнуло для нее в этой страшной, неестественной, непостижимой потере. Она не могла долее бороться со своим горем. Победённая, она закрыла лицо руками, упала на кушетку и залилась горячими неудержимыми слезами. Ей казалось, что она жизнь свою выплачет слезами. Она бы не поверила, что у нее такой запас слез. Они лились между пальцами, обливая ей руки, покрывая мокрыми пятнами подушку, между тем как все ее тело дрожало и грудь разрывалась от конвульсивных, безумных рыданий. Ее любовь, ее молодость, ее жизнь – все было разбито и погружено в черную пустоту, обрушившуюся на нее.

Дело! Россия! Они не существовали для нее в эту минуту. Она думала только о себе, о сво-

ём несчастью – бесконечном, безмерном, которое будет длиться до последнего ее издыхания...

Оставим ее с ее горем. Ее припадок отчаяния пройдет – не сегодня и не завтра, но со временем – и сделает из нее другую женщину. Она не была бы так подавлена, если бы ей пришлось пройти через это испытание несколькими годами позже.

Но ей выпало на долю начать с самого тяжёлого.

Глава XI

Последняя прогулка по городу

Великий день настал. С самого рассвета Андрей уже не спал, а только дремал, просыпаясь каждые четверть часа из боязни опоздать.

Полоса яркого света, врывавшаяся в прорезу шторы, играла на стене против кушетки, предвещая великолепную погоду. По его расчётам, ему следовало встать, когда светлая полоса достигнет угла комода. Но он предпочёл подняться раньше.

Он снял постельные принадлежности с кожаной кушетки, служившей ему вместо кровати за время его пребывания в конспиративной квартире, аккуратно сложил их и спрятал в жёлтый комод, стоявший у стены.

– Сегодня я буду ночевать в крепости, если меня не убьют на месте, – сказал он самому себе.

Слова эти он произнёс самым простым, обыкновенным голосом, как будто речь шла о погоде.

Задвинув ящик комода, он поднял обе шторы на окнах.

Он был в это утро в каком-то особенном настроении, столь же далеко от унылой покорности, как и от экзальтированности и вообще от какой бы то ни было страстности. Он впал в равнодушно-холодное состояние души человека, покончившего все счёты с жизнью, которому нечего более ждать впереди, нечего бояться и нечем поделиться с другими. Правда, ему предстояло еще совершить свой подвиг. Но так много препятствий уже удалось преодолеть на пути, что то небольшое, что оставалось сделать, казалось ему до такой

степени несомненным и неизбежным, что он считал его почти совершившимся.

Будучи еще в живых и в полном обладании нравственных и физических сил, он в то же время испытывал странное, но совершенно реальное ощущение, что он уже умер и смотрит на себя, на всех близких и на весь мир с ровным, несколько сострадательным спокойствием постороннего наблюдателя.

Вся его жизнь ясно представилась ему в мельчайших подробностях, каждая из них в соответственной перспективе. Он подумал о Тане, о друзьях, оставляемых за собою, о партии, о России, но с таким спокойным, бесстрастным чувством, как будто все связывавшее его с жизнью отошло на громадное расстояние. Теперь в нем не было и следа тех горячих, волнующих порывов, какими душа его была полна в Дубравнике, и он радовался этому. Он знал, что когда все кончится для него и когда без страха и злобы он завершит дело своей жизни и станет наконец лицом к лицу с великой торжественностью смерти, то снова переживёт те прекрасные, возвышающие дух чувства и они поддержат его в последнем

испытании. Но покуда он подавлял в себе горячие порывы, как только они загорались. Ему необходимо было сохранить все свое хладнокровие и самообладание. Холодная, несокрушимая воля, выкованная железной необходимостью, больше всего нужна была ему в данную минуту.

Он был одет и совершенно готов, когда дверь тихонько отворилась и вошёл Ватажко. Он приехал в Петербург по делам партии и, между прочим, принял на себя небольшую функцию в предстоящем деле. Как временный посетитель, Ватажко тоже поселился в конспиративной квартире и спал в соседней комнате. Он давно был уже на ногах и ждал часа, когда нужно будет разбудить Андрея, на случай если бы он проспал.

– Вы уже встали! – воскликнул он вместо приветствия.

Ватажко имел серьёзный вид, но в то же время казался смущённым. Ему очень хотелось провести лишние полчаса в обществе Андрея, но он боялся, что ему, может быть, неприятно его присутствие.

Андрей, не произнося ни слова, дружески

кивнул ему головой. Он почти не замечал впившегося в него глазами молодого человека. Ватажко представлялся ему какой-то тенью.

– Один из ваших часовых, – нерешительно заговорил Ватажко, – спрашивает, можно ли ему прийти проститься с вами теперь, так как это не удастся, когда вы оба будете на месте действия. Он говорит, что знаком с вами, и надеется, что не потревожит вас.

– Нисколько. Я очень рад с ним повидаться, – отвечал Андрей из чувства товарищества, хотя лично он оставался так безучастен, что даже не спросил, как зовут часового. Лишь после некоторой паузы он заметил свою оплошность и спросил, кто он такой.

– Зацепин, – отвечал Ватажко. – Вы с ним познакомились, когда он уезжал за границу, а вы возвращались в Россию.

– Ах, да! – сказал Андрей.

Он вспомнил переправу через границу, немецкую гостиницу, шумные споры; но как далеко все это отошло теперь!

Зацепин явился немного спустя. Сначала он вел себя сдержанно под впечатлением

необыкновенных обстоятельств их встречи. Но к нему скоро вернулась его обычная жизнь, громкая речь и жестикуляция старого вояки. В наружности и обхождении Андрея не было ничего внушающего сдержанность и торжественность, он только имел более задумчивый и рассеянный вид, чем обыкновенно.

Они вспомнили про свою встречу на границе, заговорили про Вулич, Давида и даже Острогорского. Зацепин вернулся в отечество три месяца тому назад через южную границу. Так как большую часть времени он провел в Одессе, то Андрей стал расспрашивать его про тамошних революционеров – Левшина, Клейна и других. Что ему было до них теперь? И он мысленно улыбался своему собственному любопытству. Но он испытывал какое-то странное удовольствие от совершенно бесполезных ему сведений: оно походило на бросание камней в глубокую пропасть, откуда не отдаются назад даже звуки падения.

Они говорили обо всем, но ни разу не коснулись дела, на которое им всем нужно было двинуться через несколько минут. Неминуе-

мость чего-то необыкновенного проявлялась лишь некоторыми остановками и перерывами в разговоре. За чаем Зацепин рассказал Ватажко, как дворник принял его за полицейское начальство из-за его военной выправки и повелительного голоса. Оба рассмеялись. Андрей слабо улыбнулся. Он выпил чаю и съел кусочек черного хлеба «по принципу», памятуя связь между духом и телом.

По поводу зацепинской истории Ватажко, в свою очередь, стал несвязно рассказывать как раз нечто подобное, случившееся с ним.

– Пора! – прервал его Андрей на полуслове, взглянув на часы.

Они тотчас же замолкли и с серьёзными лицами поднялись со своих мест. Они попрощались скоро и просто. Им всем было не до слов. Оба товарища расцеловались с Андреем.

– Желаю тебе успеха, брат! – сказал Зацепин, обращаясь к нему на ты в первый и в последний раз.

Ватажко с Зацепиным вышли на чёрную лестницу, по которой они могли спуститься незамеченными. Андрей оставался еще дома, так как ему нужно было прождать еще минут

двадцать. По условленному плану ему предстояло явиться последним на поле действия, чтобы по возможности не подвергаться риску: его могли бы заметить и постыдно схватить, прежде чем он успеет что-нибудь сделать.

Оставшись один, Андрей почувствовал себя легче, чем на глазах у товарищей. Его не огорчало, что никто больше не являлся с ним прощаться. Но он все еще не в состоянии был сосредоточиться. Несвязные обрывки мыслей и беспорядочные воспоминания кружились в его голове с такой лихорадочной быстротой, что у него окончательно пропала способность считать время. Каждые две минуты он смотрел на часы, вполне убеждённый, что ему уже пора двигаться, и каждый раз приходил в изумление, что время так медленно идёт. Если бы не движение секундной стрелки, он бы подумал, что его часы остановились.

Когда стрелка достигла наконец назначенного предела, он надел шляпу и вышел на улицу из дома, на свою последнюю прогулку по городу. Ему еще раз придётся прогуляться по улицам. Но не пешком, а на колеснице.

Он быстро повернул за угол Екатерининской площади, где находилась конспиративная квартира, чтобы как можно скорее отрезать всякое сообщение с домом, в котором он жил. Потом он замедлил шаги и пошёл обыкновенной походкой, разглядывая широкую полосу неба, простиравшуюся вдоль улицы над его головой.

Вечно спокойное, бессмертное солнце ярко светило на своём пути к зениту, разливая потоки благодатного света на хлопотливый, деловой город, на плодоносную землю и на глупых, драчливых людей. Неизменное, непорочное, оно смотрело как любящее, широко раскрытое око, удивляясь неспособности своих любимых детей сделать лучшее употребление из теплоты, радости и жизни, проливаемых им.

Тонкие белые облака, похожие на расчесанную шерсть, плыли в глубине лазурного свода. Воздух был неподвижен и прозрачен. Выпал один из немногих прекрасных весенних дней, так скупо уделяемых природой северной столице и которыми так дорожат ее обитатели. Андрею тоже было приятно созер-

цание чудного ясного неба: он знал теперь, что прогулка царя не будет отложена из-за дурной погоды.

Для него это обстоятельство имело большое значение, так как за несколько дней конспираторы были извещены, что в предполагаемых передвижениях двора произошла неожиданная перемена. Царь собирался в свое летнее путешествие раньше обыкновенного и мог выехать из города через два или три дня. В данном случае подобный день был чистой находка.

Расстояние до Дворцовой площади, на которой должно было совершиться нападение на царя, было довольно значительное. Но Андрей предпочёл пройти его пешком, так как это давало ему больше независимости от разных случайностей. Он легко мог рассчитать свои шаги так, чтобы не прийти ни одной минутой раньше, ни одной минутой позже. Кроме того, как пешеход он меньше обратил бы на себя внимания при приближении к месту царской прогулки, которое обыкновенно охранялось множеством шпионов.

Андрей прошёл Лафонскую улицу, Преоб-

раженский плац и конец Таврической улицы частью вместе с людским потоком прохожих, частью против него. Равнодушно воспринимал он впечатления от лиц – молодых, старых, весёлых, угрюмых; лошадей, карет, лавок, полицейских – и все моментально забывал, как только проходил мимо, стараясь лишь идти известным размеренным шагом. Таким образом он достиг угла Таврического сада, где случайная встреча с двумя совершенно незнакомыми ему лицами окончательно нарушила его душевное равновесие и внесла целую бурю в его сердце, которое, казалось ему, было застраховано от подобных тревожений.

Эти чужие ему люди, так некстати попавшие навстречу, были молодая девушка и юноша из учащейся молодёжи – по всему судя, влюблённые. Они вышли из Греческой улицы и, беседуя, шли рука об руку вдоль решётки Таврического сада. Они улыбались и с любовью смотрели друг другу в глаза. Молодой человек тихим голосом говорил девушке, очевидно, что-то очень нежное, судя по ее сияющему лицу. Они шли медленно, почти

нехотя, под бременем счастья, не обращая внимания ни на что окружающее.

Но Андрей не мог оторвать глаз от этой девушки: она была так поразительно похожа на его Таню. Ростом она была немного выше, и нижняя часть ее лица была несколько тяжелее, но цвет лица и особенно посадка головы, продолговатые брови, напоминавшие расправленные крылья птицы, и нечто такое, что придаёт индивидуальность лицу и всей фигуре, были Танины. Она была даже одета в темно-синее – любимый цвет Тани.

Андрей дорого бы дал, чтобы заглянуть ей в глаза! Он был уверен, что они будут точь-в-точь те глаза, которых ему не суждено больше увидеть. Но лицо девушки было обращено к нему в профиль, и она ни разу не взглянула в его сторону. Она тем не менее очаровала его и растопила его сердце, пробудив в нем чувства и воспоминания, которые, думал он, заснули в нем вечным сном. Суровое настроение человека, идущего навстречу роковой судьбе, не устояло против этого видения. Его застывшее сердце снова забило горячей человеческой любовью, когда он мысленно по-

сылал вслед милой девушке пожелания счастья в жизни и избавления от ударов, которые выпали на долю ее сестре.

Девушка шла, улыбаясь и краснея и вовсе не подозревая, какие ощущения она вызвала в незнакомом, мимо которого она промелькнула. Оба повернули за угол и исчезли. Но Андрей не так скоро совладал с собою. Ледяная кора, которую ему удалось благодаря усилиям воли покрыть все свои чувства, взломалась, и целое море горечи и озлобления вырвалось наружу. Он не в силах был одолеть его и снова заковать его льдом. Образ Тани стоял перед ним уже не в виде далёкой тени, но полный тепла и жизни, страданий, любви и красоты – так же близко и так же реально, как и та девушка, которая только что прошла мимо него.

Что с нею, бедною, теперь? Что будет с нею сегодня ночью, когда то, на что он идёт, станет совершившимся фактом? Как перенесёт она удар, когда он погибнет? Мысли одна другой печальнее овладели им, и он чувствовал себя беззащитным.

Зачем они полюбили друг друга? Зачем

они встретились?.. Поплатиться так жестоко за несколько месяцев счастья!..

Картины прошлого одна за другой вырастали в его воображении во всей своей прелестьи, во всей своей мучительности. Их любовь, это лицо, эти глаза, горящие, казалось, бесконечным счастьем... А потом – то же лицо, искажённое мукой последнего свидания!

Андрей механически шёл своей настоящей дорогой, но мысли его были далеко. Поглощённый ими, он не заметил, что пешеходы, которых он до того опережал своим скорым, хотя и неторопливым шагом, теперь обгоняли его. Бессознательно он замедлил ход. Он миновал Таврический сад, прошёл длинную Кировскую и часть Литейной, и только у Пантелеймоновской церкви у него мелькнула мысль, что он как будто идёт медленнее, чем следует. Он посмотрел на часы, и кровь застыла в его жилах, сердце перестало биться на секунду от ужасного открытия: он опоздал! Оставалось всего три минуты, а ему еще предстояло пройти с версту! Царь может назначить выезд на завтра, и тогда он уже не выйдет на прогулку!

Любовь, жалость, мечты, печали – все было сразу отброшено и исчезло во мгновение ока, как стая воробьёв исчезает с хлебного поля, когда в них кинут камнем. Весь бледный, Андрей бросился вперёд, толкаемый и мучимый ужасной мыслью, что он все погубил своей глупой сентиментальностью. Он предпочёл бы бежать, но это обратило бы на него внимание полиции. Вперёд, вперёд! Он продолжал идти, но зашагал с такой быстротой, что опережал извозчиков, проезжавших по мостовой. Он пронёсся стрелой по Пантелеймоновской улице, через мост, мимо Летнего сада, не чувствуя ни малейшей усталости. Страх, казалось, удвоил его силы. Но это была только иллюзия: ужас, терзавший его и заставивший усиленно биться его сердце, на короткое время поднял было его силы, но вместе с тем он подкашивал их. Когда Андрей проходил Марсово поле, то почувствовал, что у него захватывает дух. Но – вперёд, вперёд! Он может еще поспеть, царь иногда опаздывает на несколько минут. И он снова ринулся, удваивая усилия, чтобы идти тем же скорым шагом...

Он задыхался. В груди у него кололо, как будто она была пронизана сотней игл. Каждые несколько шагов стоили ему все больших и больших усилий.

Физическое ощущение, испытываемое им в этом бешеном беге, сразу напомнило ему другой случай из его юных дней, когда он мчался, преследуемый по пятам, через леса и болота и лошадь пала под ним, а его спасение зависело от того, достигнет ли он города раньше своих преследователей. Но и тогда, в погоне за свободой и жизнью, он наполовину не так стремился достичь своей цели, как теперь, в бешеной погоне за смертью. Но ему некогда было заниматься сравнениями и контрастами. Вперёд, вперёд! Он быстро перешёл Марсово поле, насколько позволяли ему падавшие силы. Он не смотрел уже более на часы, чтобы не терять ни секунды драгоценного времени, но он слишком хорошо знал, что он опоздал. И все-таки он мчался с нечеловеческой энергией. Вперёд, вперёд! Всего оставалось пройти еще две улицы. Но уже земля уплывала под ним и ноги его дрожали. Ему оставалось одно: либо замедлить шаги, либо

грохнутья оземь и быть подобранным полицией как пьяный. Да и какой смысл имело бы ворваться в цепь шпионов, напоминая собою человека, только что сбежавшего из сумасшедшего дома?

Он пошёл медленнее. Когда он свернул в узкий переулок около дворца, где Ватажко поджидал его, он имел уже сдержанный и приличный вид, хотя в душе его были смерть и отчаяние. Он не сомневался долее, что все дело пропало из-за него: он прочёл это на расстроенном лице своего часового.

– Что? Опоздал? – спросил он дрожащим голосом, заранее предвидя ответ.

– Нет, но я этого опасался, – сказал Ватажко. – Царь делает сегодня более длинную прогулку по случаю хорошей погоды.

Андрей вздохнул с облегчением. Слова Ватажко привели его в себя и почти уничтожили усталость, вызванную скорее нравственным напряжением, чем физическим.

– Ничего такого не случилось, что вас задержало? – справился Ватажко.

– Ничего решительно, – сказал Андрей. – Я буду ждать здесь, на скамье, – прибавил он,

указывая на каменное сиденье возле тротуара. – Ступайте и пустите в ход часовых.

Оставшись один, Андрей поднял правую руку. Он хотел убедиться в ее твёрдости. Не совсем! Пальцы немного дрожали. Он подождал немного и несколько минут спустя поднял ее снова. Он убедился теперь, что рука больше не дрожит.

Он был совершенно готов и спокойно ждал.

Еще несколько минут прошло, и он увидел высокую фигуру Зацепина, медленно направлявшегося к нему. Андрей поднялся ему навстречу. Зацепин должен был сообщить окончательный сигнал к действию.

Лицо Зацепина было торжественно и даже печально. Когда они очутились совсем близко друг к другу, он устремил на Андрея многозначительный и в то же время почтительный взгляд, сделав головою утвердительный кивок, похожий на поклон.

– Говорите! – произнёс Андрей.

Он понял, что сообщение было благоприятное, но в такую серьёзную минуту ему захотелось услышать что-нибудь еще более утвер-

дительное.

– Царь вышел на свою обычную прогулку, – прошептал Зацепин.

Андрей кивнул головой и двинулся вперёд, сделав едва заметное движение рукой Зацепину, чтоб он проходил.

Теперь настал его черед!

Он находился еще на расстоянии трёхсот шагов от Дворцовой площади, когда попал в самый рой царских шпионов и охранителей. Некоторые из них стояли неподвижно на своих местах, другие следили за всеми улицами, ведущими к месту царской прогулки, чтобы не пускать туда посторонних, и заарестовывали всех мало-мальски подозрительных прохожих – мужчин и женщин. Один из охранителей, седовласый почтенный господин, которого Андрей никогда бы не принял за шпиона, подошел к нему.

– Потрудитесь, – сказал он вежливым, но решительным голосом, – пройти другой дорогой.

– Почему это? – спросил Андрей, подвигаясь, однако, на несколько шагов вперёд.

– Здесь строго воспрещается проходить ко-

му бы то ни было, – продолжал пожилой господин, идя с ним рядом. – Вернитесь тотчас же, если не хотите нарваться на неприятности.

Андрей пожал плечами.

– Но я ничего не вижу в улице, что мешало бы людям идти по ней, – сказал он, напуская на себя удивлённый вид и всё более подвигаясь вперёд.

Почтенный господин сделал знак рукой, и два молодца в штатском платье, стоявшие шагах в тридцати, бросились к Андрею, очевидно, с намерением задержать его. Положение Андрея становилось критическим. Он остановился, намереваясь вступить в препирательство со шпионами и надеясь выиграть еще несколько минут.

Но конспираторы хорошо рассчитали свои движения. В этот самый момент царская собака показалась в конце улицы, и шпионы мгновенно исчезли. Царь должен был проходить через минуту, и к этому времени дорога должна была быть свободной.

Андрей шёл медленно и беспрепятственно достиг угла улицы.

Царь появился в эту минуту в нескольких шагах позади памятника Александра I, стоящего против дворца.

Из окна одного дома, выходящего на площадь, два молодых человека в сильном волнении следили за происходившим. Жорж был один из них. Он видел столкновение Андрея с тремя шпионами и уже считал дело пропавшим. Но вот показался всероссийский самодержец, заворачивавший за угол памятника, и навстречу ему двигался Андрей, спокойный, непоколебимый, как судьба. Завидев незнакомца, царь вздрогнул, но все-таки продолжал идти вперед.

С замиранием сердца Жорж следил, как шаг за шагом уменьшалось расстояние между ними до тех пор, пока ему не показалось, что их разделяло всего несколько шагов... И все-таки ничего еще не произошло, и они продолжали сходитьсь... Чего же он ждет? Что бы это могло значить? Но Жорж ошибался: расстояние, казавшееся в перспективе таким ничтожным, на деле было еще шагов двадцать.

Тут, по установленным правилам, Андрей должен был снять шляпу и оставаться с обна-

жённой головой, пока его государь и повелитель будет проходить. Но вместо того чтобы выполнить этот акт верноподданничества, Андрей опустил руку в карман, выхватил револьвер, прицелился и выстрелил в царя.

Пуля попала в стену дома, саженьях в двадцати позади царя, почти под самый карниз. Андрей дал промах; револьвер сильно отдавал, и им нужно было целиться в ноги, чтобы пуля не перелетела через голову. Андрей открыл это слишком поздно. Секунду он стоял, ошеломлённый неудачей, опустивши руки. Но в следующий же момент он бросился вперёд, с бледным лицом и сдвинутыми бровями, давая выстрел за выстрелом. Царь, тоже бледный, подобрал полы своей шинели и пустился бежать из всех сил. Но он не потерял присутствия духа. Вместо того чтобы бежать прямо, он делал зигзаги и таким образом не давал своему преследователю возможности целиться. Одна только пуля пронизала капюшон его шинели, остальные же пролетели мимо.

Меньше чем в минуту Андрей израсходовал все свои шесть зарядов. Между тем куча

шпионов, которых прежде не было видно, стала сбегаться со всех сторон и все увеличивалась. Жорж видел, как они, разъярённые, окружили Андрея. Сперва они все держались поодаль, боясь приблизиться к нему. Но, видя, что он безоружен и не оказывает никаких признаков сопротивления, они сразу набросились на него. Жорж только слышал их яростные крики и возгласы; закрыв лицо руками, он ничего больше не видел.

Андрея, полуживого, увезли в тюрьму. Но он оправился понемногу и в своё время был предан суду, приговорён к смерти и казнён.

Он погиб. Но дело, за которое он умер, не погибло. Оно идёт вперёд от поражения к поражению и дойдёт до конечной победы, которая в этом печальном мире может быть достигнута только страданиями и самопожертвованием немногих избранных.

Примечания

1

Зондировать – здесь в значении исследовать, разведывать.

[^^^]

«Роберт» – опера «Роберт-дьявол» крупнейшего оперного композитора XIX века Джакомо Мейербера (1791–1864).

[^^^]

3

Сибарит – человек, изнеженный роскошью.

[^^^]

4

Жан-Жак Руссо (1712–1778) – французский писатель и мыслитель эпохи Просвещения, родившийся в Женеве; его литературные произведения имели большое значение для подготовки и развития Французской революции конца XVIII столетия. Проповедовал «возврат к природе» и призывал к установлению полного социального равенства.

[^^^]

5

В настоящее время слово «гой», вошедшее во многие языки (в частности, в русский и английский), обозначает нееврея. Словарное значение этого слова в русском языке – «иноверец у иудеев». В зависимости от контекста, интонации и даже от языка, на котором это слово употребляется, оно может иметь или не иметь обидный оттенок.

[^^^]

6

Ребе – титул учителя в иудейской начальной школе хедере. Уважительное обращение к раввину.

[^^^]

Сотский – в царской России крестьянин, назначавшийся в помощь сельской полиции.

[^^^]

8

Сангвиник – человек энергичный, кипучий, увлекающийся.

[^^^]

«Земля и Воля» – подпольная политическая организация, основанная в 1861 году, объединившая народнические группы и просуществовавшая до 1864 года.

[^^^]

Космополитизм – идеология мирового гражданства, ставящая интересы всего человечества в целом выше интересов отдельной нации или государства и рассматривающая человека как свободного индивида в рамках Земли.

[^^^]

Саркастический – злобно-насмешливый, язвительный.

[^^^]

12

Что и требовалось доказать! (*лат.*)

[^^^]

Эклектизм – способ построения философской системы путём сочетания различных собраний, заимствованных из других философских систем.

[^^^]

Экспансивность – чрезмерная откровенность, излишняя общительность, несдержанность в проявлении своих чувств.

[^^^]

Разговор наедине (*фр.*).

[^^^]

Нигилистический костюм – здесь: небрежная одежда.

[^^^]

Мирмидоны (мирмидоняне) – мифическое древнегреческое племя, отличавшееся на войне смелостью и отвагой. Здесь: насмешливое прозвище царских жандармов и полицейских, воевавших с населением своей страны.

[^^^]

Филистер – презрительное название людей с узким, обывательским кругозором.

[^^^]

Панегирик – чрезмерное восхваление.

[^^^]

Стойцизм – твёрдость, стойкость в жизненных несчастьях и испытаниях.

[^^^]

Доктринёрство – слепое и педантическое следование какой-либо определённой доктрине.

[^^^]

Конфиденциальный – доверительный, секретный, не подлежащий разглашению.

[^^^]

Пóртерная – пивная.

[^^^]

«Пандект» – сборник древнеримских юридических, правовых постановлений. Здесь: прозвище Репина, отражающее его профессию адвоката.

[^^^]

Дилемма – необходимость выбора между двумя нежелательными возможностями.

[^^^]

Чесуча – плотная шёлковая ткань.

[^^^]

Пароксизм – припадок. Здесь: обострение чувства, высшая степень.

[^^^]

Казовая – показная.

[^^^]

Отблеск солнечного заката в Альпах (нем.).

[^^^]

Фат – пошлый, пустой, самовлюблённый человек.

[^^^]

Конфуз (от *фр.* reprimande).

[^^^]

Леон Мишель Гамбетта (1838–1882) – французский политический деятель. Отто фон Бисмарк (1815–1898) – государственный деятель и дипломат Германии, крайний реакционер. Вёл жесточайшую борьбу с социалистами.

[^^^]

Волостной – от слова «волость» (административная единица, объединявшая несколько деревень или сел); народники занимали должности волостных писарей ради пропаганды среди крестьян.

[^^^]

Петров день – день святых апостолов Петра и Павла в народном календаре славян, приходящийся на 29 июня (12 июля).

[^^^]

Росинант – имя, данное Дон Кихотом (в одноименном романе Сервантеса) своему коню.

[^^^]

Помощник часового в карауле.

[^^^]

Вотировать – голосовать на собрании.

[^^^]

Нечаев С. Г. (1847–1882) – революционер 70-х годов. По теории Нечаева, для совершения революции достаточно нескольких заговорщиков, могущих увлечь за собой народные массы, хотя бы и бессознательные.

[^^^]

Партикулярное платье – штатская одежда, не имеющая знаков различия.

[^^^]

Ба́рка – плоскодонное, беспалубное судно для перевозки товаров. Их строили на гвоздях из полуобработанного лесоматериала на один сезон.

[^^^]

Стойкий – равнодушный к жизненным благам и удобствам, твердый, мужественный.

[^^^]

Епитимья – вид церковного наказания для мирян в христианской Церкви.

[^^^]

Прозелит – новообращённый.

[^^^]

Дамоклов меч – нависшая, постоянно угрожающая опасность Выражение взято из древнегреческой легенды об остром мече, подвешенном на тонком волоске над головой Дамокла.

[^^^]

Помни о смерти (*лат.*).

[^^^]

Фимиам – благовоение, здесь в смысле восхваления.

[^^^]

М. Ю. Лермонтов. Беглец.

[^^^]

Благонамеренный – невраждебный царскому строю, расположенный к нему, придерживающийся официального образа мыслей.

[^^^]

Конфирмация – здесь: утверждение приговора.

[^^^]

Длинный, до колен, суконный кафтан.

[^^^]